

МИР
ЛИТЕРАТУРНЫХ
ГЕРОЕВ

издательский дом «деич»

**Коллекция
«Фантастика»**

Карел Чапек

Фабрика Абсолюта

Война
с саламандрами

Москва
Издательский дом «Дейч»
2008

Идея проекта — Марк Дейч и Ксения Дейч
Арт-директор — Артемий Лебедев
Дизайнер — Сергей Федоров
Метранпаж — Рустам Габбасов

© Издательский дом «Дейч», 2008
© Студия Артемия Лебедева, оформление, 2008

Об авторе

Карел Чапек (1890—1938) вошел в литературу автором оригинальных рассказов, фельетонов, иронических миниатюр и статей об изобразительном искусстве, которые составили впоследствии сборники «Сияющие глубины» (1916) и «Сад Краконоша» (1918).

Карел был веселым, остроумным молодым человеком, обладающим великолепным чувством юмора, незаурядным умом и способностями к рисованию. Однако Первая мировая война и неожиданно нагрянувшая болезнь позвоночника сильно изменили характер и мировоззрение Карела. Из юного мечтателя и анархиста он превратился в прагматика и скептика. Что, впрочем, парадоксальным образом положительно отразилось на его литературном таланте.

Мировое признание Чапек сыскал своими пьесами «R.U.R.» (1920), «Средство Макропулоса» (1922), «Белая болезнь» (1937). Наряду с этим писатель создал несколько прекрасных романов: «Фабрика Абсолюта» (1922), «Кракатит» (1922), «Война с саламандрами» (1936).

Стоит упомянуть, что именно Карел Чапек обогатил международный лексикон словом «робот».

Фабрика Абсолюта

Роман-фельетон

Перевод В. Мартемьяновой

Предисловие

Это предисловие я думал, собственно, написать уже к первому изданию, но не сделал этого, с одной стороны, по причине страшной лени, не помню, чем вызванной, с другой — покоряясь судьбе; честно говоря, предисловием, на мой взгляд, делу не поможешь. Когда книга вышла, я начитался разных вполне заслуженных упреков в ее адрес: дескать, с Бальзаковыми «Поисками Абсолюта» ее не сравнить; завершается она пошлым поглощением ливерных колбасок, а главное — это вообще никакой не роман.

Последний довод сразил меня прямо-таки наповал. Каюсь, это действительно совсем не роман. В свое оправдание мне бы теперь хотелось только объяснить, при каких обстоятельствах эта книжка не стала романом.

Однажды весной, в четыре часа дня я дописал «R.U.R.», с облегчением отбросил перо и отправился погулять на Невобизек. Сначала я чувствовал себя легко и свободно, свалив с плеч тяжкий груз каторжного труда, но потом у меня возникло ощущение пустоты, я понял, что мне невыносимо скучно. И спросил себя — поскольку день все равно испорчен, — не лучше ли пойти домой и написать для газеты фельетон. Подобные решения обычно принимаешь, не имея ни малейшего представления, о чем, собственно, будешь писать;

в таких случаях какое-то время расхаживаешь по кабинету, насвистывая какой-нибудь приевшийся мотивчик, от которого невозможно избавиться, или ловишь мух; потом тебе припоминается что-то, и ты садишься за стол. Вот и мне в тот день пришла в голову какая-то давняя идея, я разрезал бумагу на четвертушки и принялся писать фельетон.

Исписав две четвертушки, я сообразил, что для одного фельетона материала слишком много; его хватило бы на шесть фельетонов, и я прервал писание буквально на середине предложения, начертанного на третьей четвертушке.

Месяца два спустя я изнывал в деревне от дождей и одиночества; у меня не оставалось другого выхода, как обзавестись бумагой и закончить наброски шести фельетонов. Затянувшаяся непогода и увлекательный материал повинны в том, что я настроил двенадцать глав и сделал заготовки для шести следующих. Потом я послал отдельные двенадцать глав в газету, с просьбой опубликовать по одной в «Понедельнике», и поклялся, что тем временем досочиню конец. Пути жизни неисповедимы; одиннадцать глав уже появились в печати, а у меня не было написано дальше ни строчки; я забыл, что это должно пойти в печать, а главное — у меня выпало из памяти, что я напридумывал раньше. Типография настаивала, чтобы быстрее выслал окончание, и тогда я, словно девушка в сказке, швырнул на дорогу еще одну главу, чтобы они хоть на несколько дней оставили меня в покое.

Преследуемый типографией, я строчил одну главу за другой; я пробовал обставить заказчика, но он не отставал ни на шаг. Я петлял, словно загнанный заяц; кидался в разные стороны, только бы выиграть время и кое-как поправить то, что напортил во время этой гонки. Судите сами, как долго я держался; такая жизнь продолжалась еще восемнадцать глав, пока я не выбросил белого флага: конец. Неужто и впрямь у этой книжки нет сквозного действия? Разве не захватывает

дух эпическое повествование о том, как автор, гонимый эраниями, укрывается в горной хижине и в недрах редакции, на Святой Килде, в Градце Кралове, на тихоокеанском атолле, У Семи Халуп, в трактире у Дамогорских, чтобы именно там, скрестив руки на груди и бросая в лицо своим противникам последние аргументы, объявить о безоговорочной капитуляции? Затаив дыхание, вы следите за тем, как до последнего мгновения он верит, что, несмотря на немилосердную гонку, приближается к цели и, в свою очередь, сам преследует некую цель; и если на тридцатой главе силы оставляют автора, то продолжает жить его вера, что в этом извилистом пути был-таки единый цельный смысл. Это и есть именно тот истинный смысл и сквозное действие романа, который на самом деле вообще никакой не роман, а некая цепь фельетонов; это уточнение я и подписываю нынче на титуле нового издания.

Октябрь 1926
Карел Чапек

Глава 1

Объявление

В первый день нового, 1943 года пан Г.Х. Бонди, президент заводов МЕАС, как всегда, просматривал газеты; несколько неучтиво обойдя сообщения с театра военных действий и миновав очередной правительственный кризис, он на всех парусах понесся по газетному простору («Народная газета» давно уже впятеро увеличила свой формат и вполне могла служить парусом даже в заморских плаваниях), устремляясь к «Экономической рубрике».

«Угольный кризис, — отметил пан Бонди, — истощение угленосных пластов. Остравский бассейн надолго прекратил работу. Черт побери, это катастрофа. Придется возить уголь из Верхней Силезии — вот и подсчитайте, как вздорожает наша продукция; где уж тут выдержать конкуренцию! Ума не приложу, как быть; если еще и Германия повысит тарифы — придется прикрыть лавочку. Акции Промбанка тоже катятся вниз. И потом — наши масштабы, о господи! Нелепые, ничтожные, мизерные масштабы! И этот окаянный кризис!»

Пан Г.Х. Бонди, председатель правления заводов МЕАС, призадумался. Что-то раздражало его, мешая рассуждать спокойно. Он снова перелистал отложенные было газетные листы, пока на последней странице не наткнулся на странное словечко «тение», собственно, даже «ение», потому что на

букве «т» газета была перегнута пополам. Именно эта незаконченность необычайно уязвляла пана Бонди, не давая ему покоя. «Скорее всего это „приобретение“, — предположил пан Бонди не слишком уверенно, — или „падение“. А может, „изобретение“. Акции на азот тоже упали. Страшный застой. Жалкие, до смешного жалкие у нас масштабы. Да нет, чепуха, никому не придет в голову помещать в газете объявления об изобретении... Скорее всего речь идет о пропаже. Ну да, там, наверно, так и стоит „пропала“, ну, разумеется...»

Несколько обескураженный пан Г. Х. Бонди снова развернул газету, чтобы положить конец недоразумению, но странное сочетание совершенно потерялось в пестром калейдоскопе объявлений. Он пробежал глазами столбец за столбцом, а слово пряталось с досадным упорством. Пан Бонди принялся исследовать газету снизу и даже с правой стороны — противное «тение» как сквозь землю провалилось.

Г. Х. Бонди не сдавался. Он снова сложил газету, и — глядь! — ненавистное «ение» появилось само собой; тут пан Бонди не выдержал, прижал его пальцем, поспешно развернул страницу и... тихо чертыхнулся про себя. Под рукой чернело самое заурядное, самое неприметное объявление:

Срочно
— по сугубо личным мотивам —
продается
весьма выгодное для любой фабрики изобретение.

Обращаться к инж. Р. Мареку. Бржевнов, 1651.

«Стоило волноваться, — посетовал пан Г. Х. Бонди, — из-за каких-то патентованных подтяжек! Мелкие жулики, шуты гороховые помещают глупейшие объявления, а я трачу на них целых пять минут!

Нет, я положительно схожу с ума. Мизерные масштабы! Никакого простора для деятельности, никакого размаха!»

Президент Бонди поудобнее устроился в качалке, чтобы с комфортом прочувствовать всю пагубность узкого поля деятельности. Правда, МЕАС — это десять заводов, тридцать четыре тысячи рабочих. МЕАС — ведущее предприятие по производству металлических изделий, а по производству котлов МЕАС просто вне конкуренции. Колосники МЕАС на уровне мировых стандартов. Но за двадцать лет неустанного труда — господи боже! — в других-то условиях удалось бы добиться кое-чего и побольше...

Г. Х. Бонди вдруг подскочил в своем кресле. «Инженер Марек, инженер Марек! Погоди-ка, не тот ли это Марек, по прозвищу Рыжий, Рудольф, Руда Марек, дружище Руда из Политехнического? Да, да, да, в объявлении так и сказано: «инж. Р. Марек». Руда, крокодил ты этакий, возможно ли?! Ах, шалопаи, до чего докатился! Предлагать «весьма выгодное изобретение» — ха-ха-ха! — «по личным мотивам», знаем мы эти «личные мотивы» — денег нет, да? И ты задумал поймать жар-птицу на какой-то грязный, засаленный патент? Ну да, ты ведь вечно носился с идеей перевернуть мир. Ах, глупышка, что случилось теперь с нашими великими идеями! Куда девалась великодушная и легкомысленная наша молодость!»

Президент Бонди снова откинулся в кресле. «Похоже, что это и в самом деле Руда Марек, — размышлял он. — А Марек — это голова! Немножко прожектер, но было в нем кое-что. Были идеи. А впрочем, совсем никудышный человек. Проще говоря, сумасброд. Странно, как это из него профессор не получился? Почти два десятка лет *пролетело*, бог знает чем он занимался все это время; видно, дошел до ручки; скорее всего свихнулся окончательно; живет, бедняга, где-то в Бржевнове и пробавляется... изобретениями. Да, незавидная судьба!»

Пан Бонди попытался представить нищету «дошедшего

до ручки» изобретателя. И ему удалось вообразить взлохмаченную голову и заросшую щетиной физиономию, грязные картонные стены — словно в кино. Мебели — никакой; в углу матрац, на столе убогое сооружение из катушек, гвоздей и обгоревших спичек; мутное окошко выходит на задворки. И в обстановке этой беспросветной нужды появляется гость, облаченный в богатую шубу. «Я хотел бы познакомиться с вашим изобретением». Полуслепой изобретатель не узнает давнишнего приятеля; покорно опускает он нечесаную голову, соображая, куда бы усадить гостя, и — о милосердный боже! — окоченевшими от холода, скрюченными, трясущимися пальцами пытается привести в движение свою жалкую машинку, какой-то невообразимый перпетуум-мобиле, и в смущении лепечет, что это *могло бы* работать, *навверняка* могло бы, если бы... если бы... если бы он в состоянии был купить... приобрести... Гость в роскошной шубе обводит взглядом жалкую чердачную каморку и вдруг молча вынимает из кармана кожаный кошелек и кладет на стол тысячу, вторую («*Да хватит уж!*» — *перепугался сам пан Бонди*)... третью. («*Между прочим, довольно бы и тысячи*», — *одергивает пана Бонди какой-то внутренний голос.*) «Это — на дальнейшие ваши работы, пан Марек, нет, нет, вы совершенно ничем не обязаны. Ах да, мое имя! Ну, это пустяки. Считайте меня вашим другом».

Президент Бонди остался очень доволен и даже тронут нарисованной картиной. «Пошлю-ка я к Мареку своего секретаря, — решил он, — сейчас или завтра прямо с утра. А чем же мне заняться сегодня? Нынче праздник, в контору идти не надо; собственно, я свободен. Ах, вот что значит узкое поле деятельности! Целый день не к чему приложить руки! А что, если я сам нынче...»

Г. Х. Бонди поколебался. Это смахивало на авантюру — поехать и собственными глазами убедиться, до чего докатил-

ся этот бржевовский сумасшедший. «В конце концов мы же были *такими друзьями!* Все-таки наше общее прошлое дает мне какие-то права?! Поеду!» — решил пан Бонди. И поехал.

В поисках убогого домишки под номером 1651 пану Бонди пришлось исколесить весь Бржевов, так что в конце концов это несколько ему наскучило, и председатель правления заводов МЕАС обратился в полицейское отделение.

— Марек, Марек... — Инспектор порылся, в памяти. — Скорее всего это будет инженер Рудольф Марек, Марек и К°, электроламповый завод, Миксова улица, 1651.

Электроламповый завод! Президент Бонди был разочарован, да, да, президент был слегка удручен. Выходит, Руда Марек не ютится на чердаке. Руда Марек — заводчик и по «личным мотивам» продает какое-то изобретение! Это уже пахнет конкуренцией, старина, или я не Бонди!

— Не знаете ли вы, как у него дела? — словно невзначай осведомился он у полицейского, уже садясь в машину.

— О, превосходно! — послышалось в ответ. — Прекрасный завод! Знаменитая фирма, — добавил инспектор с подбающим почтением. — Инженер Марек — богатый человек, — пояснил он затем, — и страшно ученый. Ставит опыт за опытом.

— Миксова улица! — приказал пан Бонди шоферу.

— Третья направо! — крикнул инспектор вслед отъезжавшей машине.

И вот пан Бонди у жилого флигеля вполне приличного завода. «О, да тут чистенько, газончики, по стенам — дикий виноград... Гм, — удивился про себя пан Бонди, нажимая кнопку звонка. — Этого недотепу Марека всегда отличало этакое человеколюбие и жажда преобразований».

В этот момент на лестнице появляется сам Марек, Руда Марек; он очень худ и серьезен, можно сказать — вдохновенен; и у Бонди странно щемит сердце — правда, Рудольф уже не

так молод, как прежде, но и заросшего щетиной сумасброда-изобретателя, каким рисовало его воображение пана Бонди, он ничуть не напоминает. Просто его трудно узнать. Пан Бонди не успел еще оправиться от изумления, а инженер Марек уже подал ему руку и тихо произнес:

— Ну вот ты и здесь, Бонди. Я ждал тебя.

Глава 2

Карбюратор

— Я ждал тебя, — повторил Марек, усадив гостя в кожаное мягкое кресло.

Ни за что на свете Бонди не признался бы, как мечтал увидеть «дошедшего до ручки» ученого-изобретателя.

— Ну вот видишь, — несколько преувеличенно порадовался он, — бывает ведь в жизни! Как раз сегодня утром мне пришло в голову, что мы с тобой не видались уже двадцать лет! Двадцать лет, Рудольф, представь себе, двадцать лет!

— Гм, — буркнул Марек, — так, значит, ты хочешь купить мое изобретение?

— Купить? — растерянно протянул Г. Х. Бонди. — Я, право, не знаю... Я, собственно, об этом еще не думал. Мне захотелось тебя повидать и...

— Не ломайся, пожалуйста, — перебил его Марек. — Я ведь знал, что ты придешь. За изобретением, конечно. Оно *как раз для тебя*, на нем можно заработать. — Марек махнул рукой, откашлялся и начал снова, сдержанно и размеренно: — Изобретение, которое я продемонстрирую вам, знаменует собой более значительный переворот в технике, чем паровая машина Уатта. Если коротко определить значение этого открытия, то речь идет, в сущности, *о предельном использовании атомной энергии...*

Бонди незаметно зевнул.

— Скажи, пожалуйста, чем ты занимался все эти двадцать лет?

Марек несколько удивленно взглянул на старинного приятеля.

— Современная наука утверждает, что материя, то есть атомы, состоит из бесчисленных квантов, собственно, атом — это скопление электронов, мельчайших электрических частиц.

— Очень увлекательно, — перебил инженера президент Бонди. — Видишь ли, я всегда был слаб в физике. А ты плохо выглядишь, Марек. И что, собственно, толкнуло тебя заняться этой игруш... гм, этим заводиком?

— Что? Да так, случайность. То есть я изобрел новый способ применения металлических волосков в лампах накаливания. В общем, пустяки, я придумал это между делом. А последние двадцать лет я разрабатываю проблему полного сгорания материи. Ответь мне, Бонди, что в наше время составляет главнейшую проблему современной техники?

— Торговля, — изрек президент. — А ты женат?

— Вдовец, — ответил Марек и в возбуждении принялся расхаживать по комнате. — Никакая не торговля, понимаешь? Сгорание! Предельное использование тепловой энергии, которая заключена в материи. Представь, сжигая уголь, мы получаем лишь стотысячную долю того, что могли бы получить! Понимаешь?

— Да, да, уголь страшно дорог, — глубокомысленно подтвердил пан Бонди.

Марек сел.

— Если ты пришел не ради моего карбюратора — убирайся прочь, — возмущенно прорычал он.

— Продолжай, — предложил исполненный миролюбия пан Бонди.

Марек обхватил голову руками.

— Я убил на это двадцать лет, — глухо вырвалось у него, — и теперь продаю первому встречному! Это мечта всей моей жизни. Величайшее изобретение! Seriously, Бонди, это великая вещь!

— Наверное. Особенно по нашим жалким масштабам, — поддакнул Бонди.

— Нет, вообще великая. Представь: теперь для тебя открывается возможность использовать энергию атома, всю, без остатка!

— Ага, — произнес президент, — значит, будем топить атомами. Ну а почему бы и нет? У тебя тут прелестно, Руда, скромненько и мило. А сколько душ занято на производстве?

Марек не отозвался.

— Видишь ли, — задумчиво произнес он, — можно сказать: «использование энергии атома», или «сгорание материи», или «разрушение материи» — это не имеет никакого значения.

— По мне, лучше всего «сгорание», — откликнулся пан Бонди, — «сгорание» как-то интимнее.

— Да, но в данном случае наиболее точным был бы термин «расщепление материи». То есть нужно расщепить атом на электроны и запрячь их в работу, понятно?

— Великолепно, — уверил президент. — Вот именно: запрячь бы их в работу!

— Возьмем, к примеру, двух лошадей, обе изо всей силы тянут канат в противоположных направлениях. Что это, потвоему?

— По-видимому, какой-то забавный спорт, — предположил пан президент.

— Нет, не спорт, а состояние покоя. Лошади натягивают канат, но не трогаются с места. И если ты перерубишь веревку...

— Они рухнут на землю! — восторженно вскричал Г. Х. Бонди.

— Нет, они разбегутся в разные стороны; они уподобятся освобожденной энергии. Видишь ли, материя — это такая же вот упряжка. Оборви связь, которая держит на цепи электроны, и они...

— Разбегутся в разные стороны!

— Да, они разбегутся, но мы можем изловить их и запрячь снова, понимаешь? Ну, представь себе такую картину: положим, мы с тобой растопили печь углем. Получили какое-то количество тепла и, кроме того, пепел, угарный газ и сажу. Материя здесь не исчезла, понятно?

— Само собой. Не желаешь ли сигару?

— Не желаю. Но оставшаяся материя обладает еще несметными запасами неизрасходованной атомной энергии. И если бы нам удалось использовать всю атомную энергию вообще, то мы использовали бы и все атомы до конца. Короче: *только в случае полного сгорания материя исчезнет.*

— Ах так, вот теперь я понял.

— Это все равно, как если бы мы плохо смололи зерно: сняли бы тонкую шелуху, а остальное развеяли по ветру, как пепел. А при *тщательном* помоле от зерна ничего, или почти ничего, не остается, не правда ли? Вот и при полном сгорании — от материи тоже не остается ничего или почти ничего. Она перемалывается вся без остатка. Используется до предела. Обращается в изначальное ничто. Видишь ли, материя поглощает массу энергии только для того, чтобы существовать; отними у нее бытие, заставь ее не существовать, и освободится несметное количество энергии. Вот оно как, Бонди.

— Гм... Не так уж плохо.

— Пфлюгер, например, считает, что килограмм угля содержит двадцать три биллиона калорий. Я думаю, Пфлюгер — преувеличивает.

— Ну разумеется!

— После теоретических подсчетов я пришел к выводу, что их там около семи миллиардов. Это означает, что при полном сгорании угля на одном его килограмме средняя по мощности фабрика может работать несколько сот часов!

— Черт возьми! — воскликнул Бонди, вскакивая.

— Точного расчета времени я тебе не представлю. У себя на фабрике я вот уже шесть недель жгу полкилограмма угля при нагрузке в тридцать килограммометров, и представь, дружище, он все вертится... вертится... вертится, — бледнея, прошептал инженер Марек.

Президент Бонди в растерянности поглаживал свой подбородок, гладкий и круглый, как попка младенца.

— Послушай, Марек, — нерешительно произнес он, — ты наверняка... того... несколько... переутомился.

Марек устало отмахнулся:

— Пустяки. Если бы ты хоть немного разбирался в физике, я бы растолковал тебе принцип работы моего карбюратора¹. Видишь ли, это еще одна, совершенно новая глава высшей физики. Впрочем, ты сам убедишься, спустившись вниз, в подвал. Я засыпал в машину полкилограмма угля, закрутил ее и приказал опечатать при свидетелях, чтоб никто не смог прибавить горючего. Тебе стоит взглянуть на это, право, стоит.

¹ Название, данное инженером Марекком своему атомному котлу, разумеется, совершенно не соответствует его назначению, и это прискорбный результат того, что техники не знают латыни; более правильно это изобретение было бы назвать: Комбутатор, Atom1kettle, Carbowatt, Disgregator, Motor M., Bondymover, Hyler-gon, Molekularstoffzersetzungs-krafterad, E. W. и прочее, то есть принять любое другое название из предлагавшихся позднее; прижилось, разумеется, самое неудачное. (Примеч. автора.)

Конечно, ты все равно ничего не поймешь, но спуститься — спустись! Спускайся, тебе говорят!

— А разве ты сам не пойдешь? — удивился Бонди.

— Нет, ступай один. И слушай, Бонди, не задерживайся там слишком долго...

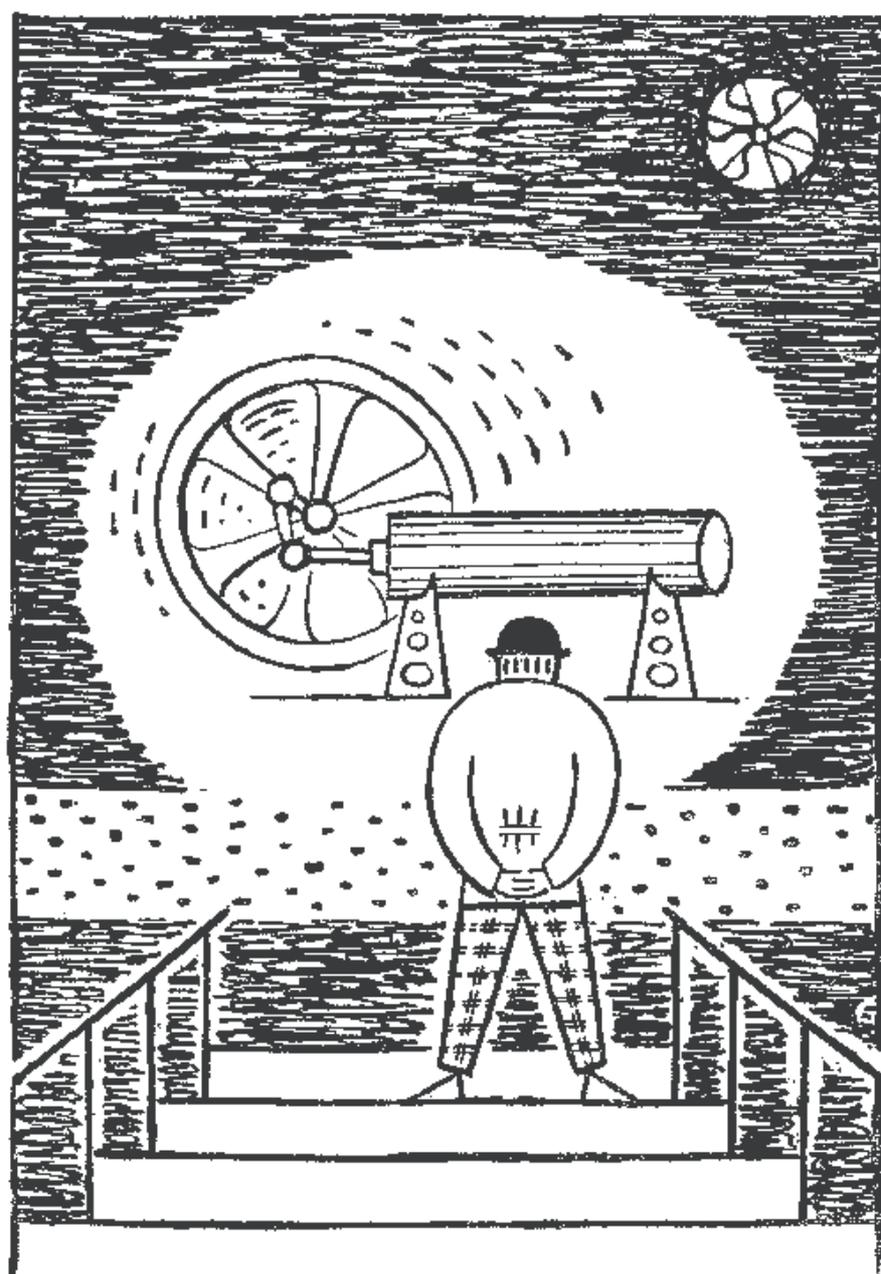
— А что? — Бонди заподозрил неладное.

— Да так. Представь себе, что долго там быть... скажем... вредно для здоровья. Зажги электричество, выключатель тут же, у двери. Шум в подвале — это не от машины. Она работает бесшумно, без перебоев, без запаха. Шумит там этот, как его... вентилятор. Ну, ну, ступай, я подожду здесь. Потом мне расскажешь...

* * *

Президент Бонди спускается вниз, тихо радуясь, что на некоторое время избавился от этого помешанного (а что Марек помешанный — в этом все-таки нет никакого сомнения!). Бонди несколько озабочен тем, как бы убраться отсюда подобру-поздорову, и побыстрее. Заметим, что двери, ведущие в подвал, огромной толщины, окованы железом, совсем как у банковских сейфов. Прекрасно, зажжем свет. Выключатель рядом, около двери. Посреди бетонного, со сводчатым потолком, чистого, как монастырская келья, подвального помещения на бетонных козлах лежит огромный медный цилиндр. Он закрыт со всех сторон, лишь наверху — решеточка, опечатанная пломбами. Внутри машины темно и тихо. Из цилиндра, равномерно скользя, выдвигается поршень, медленно вращающий тяжелое маховое колесо. Вот и все. Лишь вентилятор в подвальном окне шумит не умолкая.

То ли от вентилятора тянет сквозняком, то ли еще что, но чело пана Бонди овеваает легкий ветерок; ощущение такое, будто от восторга у него дыбом поднимаются волосы, а тело

уносит в бесконечный простор — и вот ты уже летишь, не чувствуя собственного веса. Охваченный неизъяснимым блаженством, Г. Х. Бонди опускается на колени, ему хочется громко кричать и петь от умиления и счастья, ему чудится шум необъятных и бесчисленных крыл. Но тут кто-то больно хватает его за руку и тащит вверх — вон из подвала. Это инженер Марек, на голове у него капюшон или скафандр водолаза. Марек волочит Бонди вверх по лестнице. В передней Марек снимает металлический капюшон и утирает струящийся по лбу пот.

— Еще мгновение — и было бы поздно, — выдыхает он в страшном волнении.

Глава 3

Пантеизм

Президенту Бонди представляется, будто все это сон, Марек с материнской заботливостью усаживает его в кресло и в мгновение ока извлекает откуда-то коньяк.

— На, выпей немедленно, — бормочет он, трясущейся рукой поднося Бонди коньячную рюмку. — Тебе *тоже* несладко пришлось, а?

— Напротив, — вяло выговаривает президент: язык с трудом повинуется ему. — Это было так прекрасно, дружище! Я будто парил в поднебесье или что-то в этом роде...

— Да, да, — подхватил Марек, — именно это я и хотел сказать. Ты словно паришь в поднебесье или *возносишься* куда-то, а?

— *Чрезвычайно* приятное ощущение, — повторил пан Бонди. — По-моему, это и есть экстаз. Как будто там нечто... нечто...

— Нечто божественное? — неуверенно подсказал Марек.

— Может быть. Нет, не может, а наверняка, дружище. Я отродясь не бывал в церкви, Руда, но в подвале было как в церкви. Что это я там творил, скажи на милость?

— Молитвы, — с горечью признался Марек и снова принялся расхаживать взад-вперед по комнате.

Президент Бонди в недоумении провел рукою по лысине.

— Гм, странно. Да брось, неужто я молился? Слушай, а что там... гм... что там, в этом склепе, так действует на человека!

— Карбюратор, — проворчал Марек, кусая губы. Лицо его в эту минуту еще больше осунулось и посерело.

— Черт возьми, — удивился Бонди, — как же это он, а?

Инженер молча пожал плечами; опустив голову, он продолжал мерить шагами комнату.

Г. Х. Бонди следил за ним взглядом, не в силах скрыть младенческого удивления. «Марек спятил, — сказал он себе, — но, черт возьми, что это в его подвале действительно находит на человека? Такое мучительное, сладкое блаженство, такая неколебимая уверенность, такой восторг и такая всепоглощающая покорность Богу...»

Пан Бонди поднялся и снова наполнил рюмку коньяком.

— Марек, — обратился он к инженеру, — я знаю, что это такое.

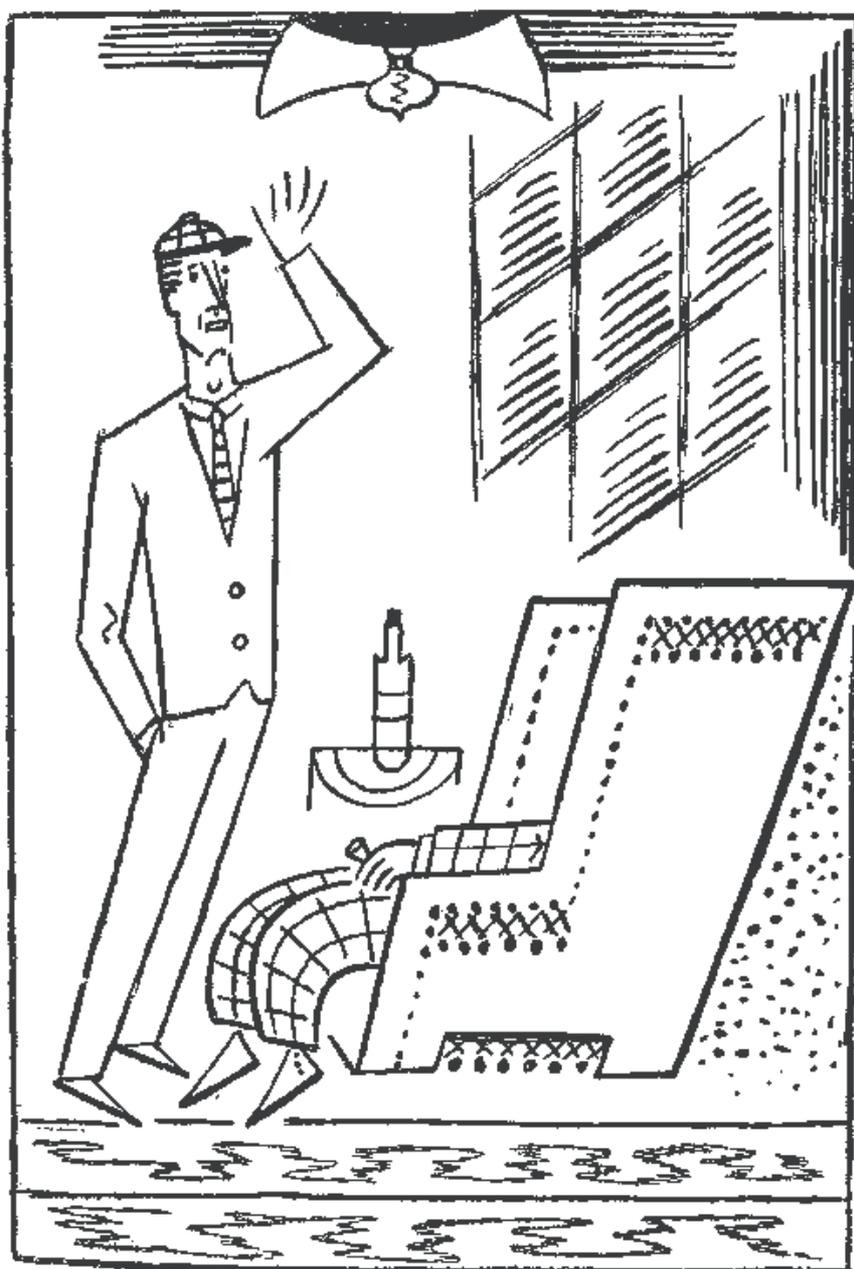
— Что ты знаешь? — выпалил Марек и замер.

— Что там, в том склепе. Это странное душевное состояние. Скорее всего, это какая-нибудь отравка, а?

— Разумеется, отравка! — нервно расхохотался Марек.

— Я сразу догадался, — похвастался повеселевший Бонди. — Значит, этот твой аппарат выделяет что-то... ну, вроде как озон, правильно? Или, вернее, какой-то отравляющий, ядовитый газ. Стоит человеку подышать, и он... того... малость... не в себе под воздействием отравления, не так ли? Бесспорно, дружище, это не что иное, как отравляющий газ; каким-то образом он выделяется при сгорании угля в этом... в этом самом... твоём карбюраторе. То ли светильный, то ли веселящий газ, или фосген, словом, нечто вроде... Поэтому ты и установил там вентилятор. И поэтому сам спускаешься в подземелье только в противогазе, разве я не прав? У тебя там черт-те что скапливается, Марек!

— Если бы это был газ! — взорвался Марек, потрясая в воздухе кулаками. — Видишь ли, Бонди, *из-за этого* я вынужден продать свой карбюратор. Иначе я просто не вынесу, не

вынесу! — выкрикивал он чуть ли не со слезами на глазах. — Я не предполагал, что мой карбюратор начнет вытворять *такое*, такое... немыслимое... непотребство. Ты вообрази, *такие* коленца он выкидывает у меня с самого начала! И кто бы ни приблизился — все это чувствуют. Ты еще ничего не знаешь, Бонди, а мой дворник испытал это на собственной шкуре.

— Бедняга, — воскликнул пораженный пан президент, — неужели скончался?!

— Нет, он *обратился!* — в отчаянии вскричал Марек. — Я признаюсь тебе, Бонди: у моего изобретения, у моего карбюратора, есть один чудовищный недостаток. Но ты купишь его или возьмешь даром, несмотря ни на что; ты возьмешь его, Бонди, даже если из него посыплются черти. Тебе, Бонди, это безразлично, лишь бы сплошным потоком текли миллиарды. И они потекут в твои карманы, любезный. Мой карбюратор — эпохальное изобретение, но я уже не хочу иметь с ним ничего общего. У тебя не такая чуткая совесть, ты слышишь, Бонди? Миллиарды потекут к тебе, тысячи тысяч миллиардов, но на твоей совести будет и страшное зло. Решайся!

— Нет уж, меня ты в это дело не впутывай, — запротестовал Бонди. — Если карбюратор вырабатывает отравляющие газы, власти запретят его использование и всему придет конец. Ты ведь знаешь, с нашими ничтожными масштабами... Вот в Америке...

— Какие там отравляющие газы, — вырвалось у Марек, — он вырабатывает нечто *в тысячи раз более страшное*. Запомни, Бонди, что я сейчас тебе скажу: это выше человеческого понимания, но мошенничества здесь ни на йоту. Так вот, в моем карбюраторе *на самом деле* материя сгорает дотла, от нее даже пепла не остается; другими словами, мой карбюратор *на самом деле* расщепляет, испепеляет, разлагает материю на электроны; он истребляет, перемальвает ее, не знаю уж, как еще сказать, словом — он использует ее полностью. Ты и по-

нятия не имеешь, как велика энергия, заключенная в атомах. Имея в запасе полцентнера угля, ты сможешь объехать на корабле вокруг света, залить электричеством Прагу, привести в движение Ристон¹ — все, что пожелаешь; чтоб отопить целую квартиру и приготовить пищу для большой семьи, тебе хватит уголька величиною с орешек; в конце концов обойдемся даже без угля — просто добудем тепло из первого подвернувшегося под руку булыжника или из кома глины, обнаруженного возле дома. Любое количество материи скрывает в себе больше энергии, чем огромный паровой котел, остается только ее выжать! Только суметь сжечь ее без остатка! И я научился это делать, Бонди; мой карбюратор сжигает ее; согласишься, Бонди, ради такого грандиозного успеха стоило трудиться двадцать лет!

— Видишь ли, Руда, — осторожно начал пан президент, — это поразительно, но я почему-то верю тебе. Честное слово, верю. Видишь ли, когда я стоял перед этим твоим карбюратором, я чувствовал: тут скрыто нечто великое, прямо потрясающее. Я бессилён побороть в себе это чувство — и я тебе верю. Там, внизу, в этом склепе, ты скрываешь некую тайну. Тайну, которая перевернет весь мир.

— Ах, Бонди, — в смятении прошептал Марек, — вот в том-то и загвоздка. Погоди, я тебе растолкую. Ты когда-нибудь читал Спинозу?

— Нет, никогда.

— Я тоже прежде никогда не читал, а теперь, видишь, начинаю интересоваться такими вещами. В философии я ни шиша не смыслю, для инженера это лес темный, но что-то все-таки в ней есть. Ты ведь веришь в Бога?

¹ *Ристон* — металлургические заводы в городе Либени (Чехословакия).

— Я? Как тебе сказать, — задумался Бонди. — Я, право, не знаю. Бог скорее всего есть, но где-то на другой планете. У нас — нет! Куда там! Такие штучки, видно, не для нашего века. Да что бы он здесь делал, скажи на милость?!

— Я в Бога не верю, — твердо признался Марек. — *Не хочу* в него верить. Я всегда был атеистом. Я верю в материю, прогресс — и ни во что больше. Я человек науки, Бонди, а наука не может допустить существования Бога.

— Для торговли, — заявил пан Бонди, — абсолютно безразлично, есть Бог или нету. Хочет быть, пусть себе будет, пожалуйста. Мы друг другу не помешаем.

— Но с точки зрения науки, — строго возразил инженер, — это абсолютно исключено. Или он, или наука. Я не утверждаю, что Бога нет; я утверждаю только, что он *не должен быть* или по крайней мере *не смеет, не должен проявляться*. И я убежден, что наука постепенно, шаг за шагом, вытеснит Бога или хотя бы ограничит его влияние; я убежден, что в этом высочайшее ее назначение.

— Возможно, — невозмутимо промолвил пан президент, — излагай дальше.

— А теперь представь себе, Бонди, что... или нет, погоди, сперва я задам тебе вопрос: ты знаешь, что такое пантеизм? Это ученье о том, что во всем сущем проявляется единый Бог, или Абсолют, — как тебе угодно. В человеке, в камне, в траве, в воде — повсюду. И знаешь, чему учит Спиноза? Что материальность — это лишь проявление или одна из сторон божественной субстанции, в то время как другая ее сторона — дух. А известно ли тебе, что утверждает Фехнер¹?

— Что-то не слышал, — признался президент.

¹ *Фехнер* Густав (1801—1887) — немецкий философ-идеалист, основатель психофизики и экспериментальной психологии.

— Фехнер учит, что все, все без исключения обладает душой, что Бог одушевляет все сущее. А Лейбница ты читал? По Лейбницу, материя состоит из частиц души, из монад, которые суть субстанция Бога. Что ты на это скажешь?

— Не знаю, что и сказать, — растерялся Г. Х. Бонди, — я в этом не разбираюсь.

— Вот и я тоже не разбираюсь; очень уж все это туманно. Но вообрази на мгновенье, что в любой частице материи в самом деле разлит Бог, что он как бы замурован в ней. И стоит тебе разбить частицу вдребезги, как он вырвется наружу, словно дух из волшебной бутылки. Словно его спустят с привязи. И он выделится из материи, как светильный газ из угля. Спалишь один атом — и вот тебе: подвал полон Абсолюта. Просто диву даешься — так стремительно он распространяется.

— Постой, — прервал Марек пан Бонди, — повтори еще раз, но не спеша.

— Представь себе, — повторил Марек, — что любая материя содержит Абсолют в плену, назовем ее, к примеру, связанной, инертной энергией, или, еще проще, скажем, что Бог вездесущ — он в любой материи и в любой ее частице. Так вот, представь себе, что ты *начисто* уничтожаешь какую-то часть материи, уничтожаешь, на первый взгляд, совершенно без остатка, но поскольку любая материя — это, собственно, материя плюс Абсолют, тебе удастся уничтожить *только* материю, а неистребимая часть ее, химически чистый, освобожденный, деятельный Абсолют остается. Остается неразложимый химически, нематериальный резидиум, у которого нет ни линий спектра, ни атомного веса, ни химической валентности, ни подчинения закону Мариотта, — словом, никаких, ни малейших свойств материи. И остаток этот есть чистый Бог. Химическое «ничто», обладающее колоссальной силой воздействия. Поскольку это «ничто» эфемерно, на него не

распространяются законы материи. Уж из одного этого вытекает, что химическое «ничто» проявляется сверхъестественно, в виде чуда. Вывод этот напрашивается из простого предположения, что Бог присутствует в материи. Ты способен убедить себя, что он, *допустим*, разлит в ней?

— Безусловно, — ответил Бонди. — Ну и что?

— Прекрасно, — заключил Марек и встал. — Так он на самом деле содержится в ней.

Глава 4

Божественный подвал

Президент Бонди, задумавшись, посасывал свою сигару.

— А как ты это установил?

— Испытал на себе, — бросил Марек, снова принявшись расхаживать по комнате. — Мой карбюратор, используя материю до предела, вырабатывает побочный продукт, и продукт этот — чистый, ничем не связанный Абсолют. Бог в химически чистом виде. Я бы выразился так: карбюратор, с одной стороны, извергает механическую энергию, а с другой — Бога. Совершенно так же, как когда мы разлагаем воду на кислород и водород, только в несравненно больших масштабах.

— Гм, — хмыкнул пан Бонди. — А что дальше?

— На мой взгляд, — осторожно продолжал Марек, — некоторые *исключительные* личности способны разложить материальную и божественную субстанцию сами в себе, то есть, видишь ли, как бы выделить или выжать Абсолют из своей собственной материи. Христос, чудотворцы, факиры, медиумы, пророки делают это посредством некоей психической силы. Мой карбюратор вырабатывает Бога чистейшим машинным способом. Это нечто вроде фабрики, фабрики Абсолюта.

— Факты! — потребовал Г. Х. Бонди. — Держись фактов.

— Вот тебе факты; я сконструировал свой Perfect Carburetor¹ сперва чисто теоретически; потом сделал небольшую модель, но она не действовала. Только четвертая модель оказалась удачной. Она была точно такого же размера, но работала превосходно. Возясь с этой маленькой машинкой, я ощущал какое-то странное воздействие на психику, необыкновенную приподнятость и восторг, охватывавший меня. Тогда я полагал, что это просто радость творчества или, возможно, следствие переутомления. Но именно в то время я впервые обрел дар прорицателя и начал творить чудеса.

— Как, как ты сказал?! — воскликнул президент Бонди.

— Обрел дар прорицателя и начал творить чудеса, — угрюмо подтвердил Марек. — Минутами на меня находило озаренье. Я, например, мог предвидеть, что произойдет в будущем. И твой приход я предвидел тоже. Однажды, работая на токарном станке, я сорвал себе ноготь, и вдруг он вырос у меня на глазах. По-видимому, я сам желал этого, однако от этого как-то не по себе делается и — страшно. Или — ты только подумай! — я передвигался по воздуху. Видишь ли, ученые называют это левитацией. Я никогда не верил подобным глупостям. Представь себе, как я перепугался.

— Еще бы, — серьезно согласился Бонди, — это, должно быть, очень неприятно.

— Ужасно. Я думал, это нервы, самовнушение, что ли. А потом установил в подвале последний большой карбюратор и привел его в действие. Как я тебе говорил, он работает уже шесть недель днем и ночью. Тут-то я и постиг все размеры бедствия. За один день работы подвал был набит Абсолютом до отказа, так что Бог стал распознаться по всему дому. Ви-

¹ Совершенный карбюратор (англ.).

дишь ли, чистый Абсолют проникает через любые тела, через твердые, правда, несколько медленнее. В воздухе он распространяется со скоростью света. Когда я спустился вниз, со мною приключилось что-то вроде приступа. Я орал не своим голосом. Не знаю, откуда у меня взялись силы, но я убежал оттуда. Наверху я стал размышлять об этом. Первой моей мыслью было, что это какой-то новый возбуждающий газ, образующийся в процессе полного сгорания. Поэтому я приказал укрепить снаружи вентилятор. При этом на двоих монтеров снизошла благодать, им были видения; третий оказался менее восприимчив, возможно потому, что он был алкоголиком и обладал каким-то иммунитетом. Пока я верил, что это всего лишь газ, я провел в подвале целый ряд опытов; любопытно, что в присутствии Абсолюта любой источник света испускает лучистую энергию гораздо интенсивнее. И если бы Абсолют можно было удержать в стеклянном шаре, я изыскал бы способ использовать его в лампочках; но Абсолют улетучивается из любого сосуда, как бы плотно закрыт он ни был; потом я решил, что это, возможно, какое-нибудь неизвестное ультраизлучение, но опыты не обнаруживали даже признаков электричества. На самых чувствительных фотопластинках не оставалось ни малейших его следов. Третьего дня нам пришлось поместить в санаторий дворника и его жену, они жили как раз над подвалом.

— Что с ними? — спросил пан Бонди.

— Обратились. Прониклись религиозным духом. Он читал проповеди и творил чудеса. А жена сделалась прорицательницей. До тех пор дворник ни в чем предосудительном не был замечен — воплощенная солидность, монист и вольнодумец, человек приличный в высшей степени. И представь себе — ни с того ни с сего начал исцелять людей просто прикосновением. Разумеется, на него тут же донесли; окружной врач, мой приятель, был страшно взволнован; я приказал поместить

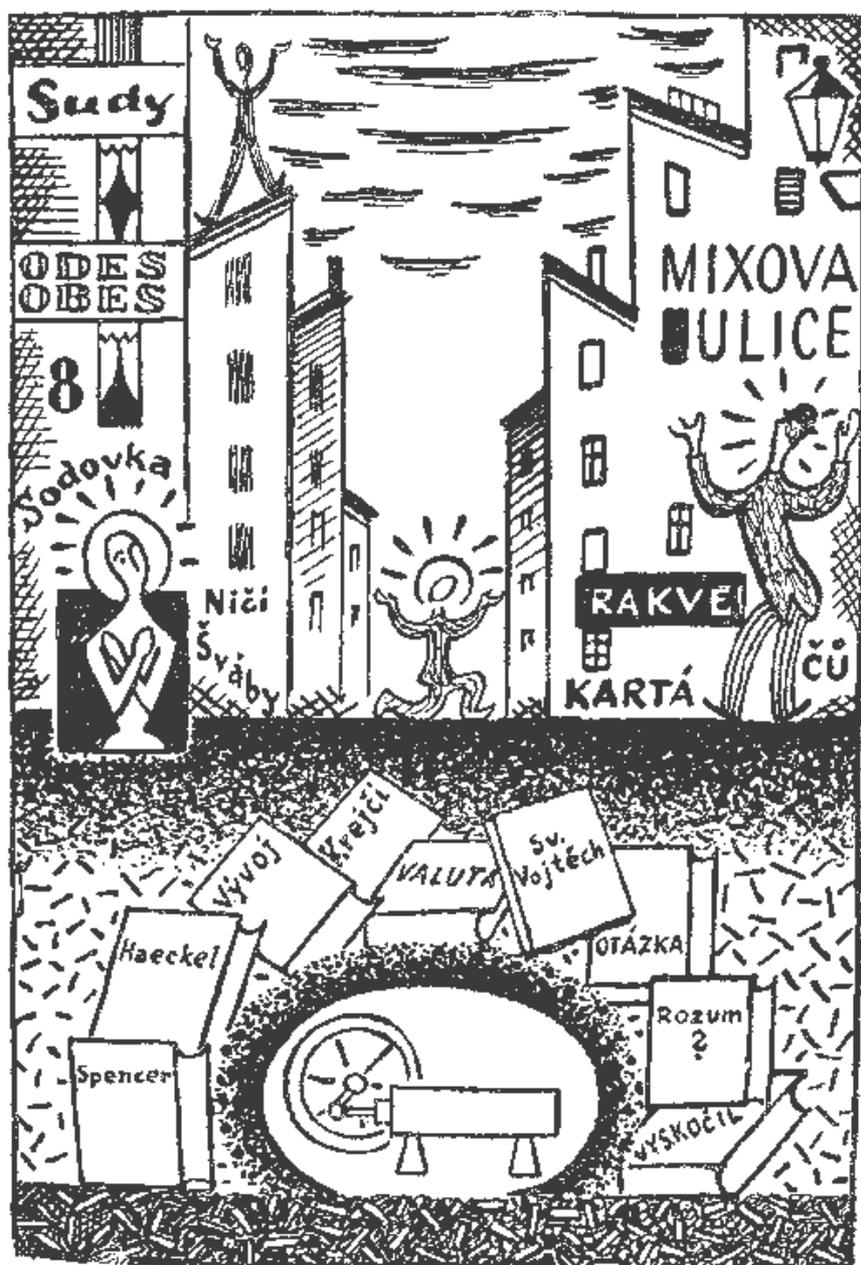
дворника в санаторий, от греха подальше; говорят, ему уже лучше, он поправился, утратил дар чародея и мага. Теперь я хочу отправить его в деревню до окончательного выздоровления. Потом я сам стал чудотворцем и обрел дар провидения. Помимо всего прочего, моему внутреннему взору рисовались бесконечные болотистые заросли гигантского хвоща, населенные какими-то странными животными; причина этого, очевидно, в том, что я жег в карбюраторе уголь из Верхней Силезии, то есть один из самых древних. Должно быть, именно в нем заклят каменноугольный Бог.

— Марек, это ужасно, — содрогнулся президент Бонди.

— Ужасно, — сокрушенно отозвался Марек. — Мало-помалу я пришел к мысли, что это не газ, а Абсолют. Со мной творилось что-то небывалое. Я читал чужие мысли, я излучал свет, мне приходилось превозмогать себя, чтоб не стать на колени и не начать проповедовать веру в Бога. Я хотел было засыпать карбюратор песком, но вдруг неведомая сила подняла меня на воздух. Машину нельзя остановить ничем. Я уже не ночую дома. И на фабрике среди рабочих тяжелые случаи осенения благодатью. Ума не приложу, как быть, Бонди. Да, да, я перепробовал всевозможные материалы, чтобы изолировать Абсолют от внешней среды, запер его в подвале. Пепел, песок, металлические стены не в состоянии помешать его распространению. Я попробовал было обложить подвал сочинениями профессора Крейчи¹, Спенсером, Геккелем, всякими там позитивистами². И что же ты думаешь? Абсолют спокойно проникает даже через такие вещи! Газеты, священные книги,

¹ *Крейчи* Франтишек (1858—1934) — профессор философии и психологии, один из значительных представителей чешских позитивистов.

² *Позитивисты* — последователи позитивизма, идеалистического направления в буржуазной философии XIX века (Конт, Спенсер).

«Святой Войтех», патриотические песенники, общеобразовательные лекции, произведения К. М. Вискочила¹, важнейшие политические брошюры, стенограммы заседаний парламента — для Абсолюта нет ничего непреодолимого. Я просто в отчаянии. Абсолют невозможно ни запереть, ни откатать. Это зло, вырвавшееся на свободу.

— Ну и что? — спросил пан Бонди. — Неужели это такое уж зло? Даже если все так, как ты говоришь, такое ли уж это большое несчастье?

— Бонди, у моего карбюратора великое будущее, он перевернет весь мир, экономическое и социальное его устройство; он неизмеримо удешевит производство; он уничтожит нищету и голод; когда-нибудь он уберезет нашу планету от вечной мерзлоты. Но, с другой стороны, он выплюнет в мир Бога, свой побочный продукт. Клянусь тебе, Бонди, этого не следует недооценивать; мы не привыкли считаться с *реальным* Богом, нам неизвестно, что может натворить одно его присутствие, скажем, в области культуры, нравственности и так далее. Ведь на карту поставлена судьба мира и цивилизации.

— погоди, Марек, — задумчиво предположил Бонди. — А нельзя ли его как-нибудь заговорить? Не найдется ли на него заклятья? Ты не обращался к священникам?

— К каким священникам?

— Да к каким-нибудь. Дело тут, понятно, не в вероисповедании. Просто-напросто должны же они найти на него управу!

— Вздор, — взорвался Марек. — Попов еще здесь не хватало. Чтоб они мне тут святое место для паломников и богомолок открыли. Это у меня, с моими-то взглядами.

¹ *Вискочил* Квидо Мария (р. в 1881) — автор многочисленных рассказов и сентиментальных романов.

— Ну ладно, — решил пан Бонди, — тогда я их сам позову. Никогда ведь не знаешь... но повредить это не повредит... В конце концов я лично ничего не имею против Бога. Лишь бы он не мешал работе. А ты пробовал договориться с ним по хорошему?

— Нет, нет, — запротестовал инженер Марек.

— Вот то-то и оно, — сухо заметил Г.Х. Бонди, — может, с ним удалось бы подписать какой-нибудь контракт? Совершенно деловой, во всех пунктах обговоренный контракт, вроде: «Обязуемся вырабатывать вас незаметно, без перебоев, в объеме, определенном договором; вы, со своей стороны, обязуетесь отказаться от проявлений божественной сущности в таком-то и в таком-то радиусе от места производства». Пойдет он на это, как ты думаешь, а?

— Не знаю, — протянул Марек, потеряв интерес к дальнейшему разговору. — Кажется, он находит удовольствие в том, чтобы и впредь существовать независимо от материи. А может... в своих интересах... он и пойдет на переговоры. Но ты меня в это не впутывай.

— Прекрасно, — согласился пан президент, — я пошлю своего нотариуса. Исключительно тактичный и ловкий человек. Кроме того, гм... он мог бы, пожалуй, предложить ему целый костел. Ведь фабричный подвал и вообще заводские окрестности для Бога, мягко говоря... гм-гм... мягко говоря, несколько неудобны. Мы могли бы испытать его вкус. Ты не пытался сделать этого?

— Нет, по мне лучше всего затопить подвал водой.

— Спокойнее, спокойнее, Марек. Это изобретение я у тебя, пожалуй, куплю. Ты, конечно, понимаешь, что я... гм-гм... пошлю еще сюда своих инженеров... Все еще надо как следует изучить, обследовать. А вдруг это на самом деле всего лишь отравляющий газ? А ежели это действительно Господь Бог, так ведь главное, чтобы сам карбюратор работал.

Марек встал.

— Значит, ты берешь на себя смелость поставить карбюратор на одном из заводов МЕАС?

— Я беру на себя смелость, — ответил президент Бонди, тоже вставая, — организовать массовое производство карбюраторов. Карбюраторы для поездов и пароходов, карбюраторы для центрального отопления, для бытовых нужд и учреждений, для фабрик и школ. Не пройдет и десяти лет, как мир будут отапливать только карбюраторы. Я предлагаю тебе три процента от общего дохода. В ближайший год это составит, пожалуй, лишь несколько миллионов. А пока подыщи себе другую квартиру, чтобы я мог послать сюда своих людей. Завтра утром я приведу священника. Постарайся избежать встречи с ним, Руда. И вообще я не желал бы больше тебя здесь видеть. Ты слишком резок, Руда, а я не хочу с первых шагов испортить отношения с Абсолютом.

— Бонди, — прошептал Марек в ужасе, — предупреждаю тебя в последний раз: ты выпустишь Бога в мир.

— В таком случае, — прозвучал полный достоинства ответ, — этим он будет обязан лично мне. И я надеюсь, что по отношению ко мне он не окажется неблагодарным.

Глава 5

Его преосвященство

Недели две спустя инженер Марек заглянул в кабинет президента Бонди.

— Как дела? — спросил пан Бонди, поднимая голову от каких-то бумаг.

— Все в порядке, — ответил Марек. — Я передал твоим инженерам подробные чертежи карбюратора. Этот лысый, как его...

— Кролмус...

— Да, инженер Кролмус замечательно упростил мой атомный мотор, превращающий энергию электронов в движение. Толковый парень этот твой Кролмус. Ну а у тебя что новенького?

Президент Г. Х. Бонди молча продолжал писать.

— Строим, — бросил он коротко, — фабрику карбюраторов. Заняты семь тысяч каменщиков.

— Где?

— На Высочанах. Акционерный капитал повысили на полтора миллиарда крон. В газеты проникло кое-что о нашем новом изобретении. Познакомься, — прибавил он и обрушил на колени Марек полцентнера чешских и иностранных газет, после чего углубился в какие-то бумаги.

— Я уже две недели там... не... — горько пожаловался Марек.

— Что?

— Я уже две недели не появлялся на своем заводе в Брже-
нове. Я... боюсь... я... не решаюсь... Что там?

— М-м-м, как тебе сказать...

— А... мой карбюратор? — подавляя тревогу, спросил
Марек.

— Работает безостановочно.

— А как... то... другое... тот... побочный?

Президент вздохнул и отложил перо:

— Тебе известно, что мы вынуждены были закрыть Мик-
сову улицу?

— Почему?

— Народ ходил туда молиться. Толпами. Полиция взялась
было разгонять, и на месте происшествия осталось около семи
убитых. Они позволяли себя молотить палками, как бараны.

— Этого надо было ожидать, надо было ожидать, — в от-
чаянье бормотал Марек.

— Мы обнесли улицу колючей проволокой, — продолжал
Бонди. — Выселили жителей из близлежащих домов — по-
нимаешь, один за другим тяжелейшие приступы религиозной
горячки. Теперь там работает комиссия министерства здраво-
охранения и просвещения.

— Я думаю, — с явным облегчением вздохнул Марек, —
что власти запретят карбюратор.

— О нет! — возразил Г. Х. Бонди. — Клерикалы что есть
мочи восстают против него, зато партии прогресса и левые им
назло его отстаивают. Собственно, никто понятия не имеет,
в чем тут дело. Видно, ты совсем не следишь за газетами, мой
милый. Ведь пока все вылилось в абсолютно неуместную по-
лемику с церковью. А на сей раз она не так уж далека от исти-
ны. Этот окаянный преосвященный поставил в известность
кардинала-архиепископа.

— Какой еще преосвященный?

— Да какой-то Линда, разумный, впрочем, человек. Видишь ли, я отвез его туда, чтоб он, как специалист, поглубже познакомился с этим чудотворным Абсолютом. Он обследовал машину три дня кряду, не вылезая из подвала, и...

— Обратился? — ахнул Марек.

— Куда там! Он или так натренировался, общаясь с Господом Богом, или сам твердокаменный атеист, похуже, чем ты, не знаю; только три дня спустя приходит он ко мне и заявляет, что с точки зрения *католической религии* о Боге тут не может быть и речи, что церковь, дескать, начисто отвергает и запрещает пантеистическую гипотезу как ересь; одним словом, это не тот легальный Бог, которого *признает святая церковь*, а посему он, как епископ, *обязан* объявить Абсолют мошенничеством, заблуждением, ересью. Весьма, весьма разумно рассуждал этот преосвященный.

— Значит, он не ощутил никаких сверхъестественных явлений?

— Нет, все было: благодать, виденья, экстаз, все, все как положено. Он не отрицает, что эти факты имеют место.

— Тогда как же он их объясняет, скажи, пожалуйста?

— Никак. Он толковал, что церковь ничего не объясняет, она либо благословляет, либо предает анафеме. Одним словом, он решительно против того, чтоб компрометировать церковь каким-то новоявленным, неискушенным Богом. Во всяком случае, я его так понял. Тебе уже известно, что я приобрел Белогорский костел?

— Зачем?

— Это недалеко от Бржевнова. Триста тысяч отдал, мой милый. Потом на словах и в письменной форме предложил Абсолюту переселиться из подвала в это роскошное помещение. Вполне приличный костел, в стиле барокко; помимо всего прочего, я заранее оговорил, что согласен произвести некоторые необходимые переделки. И ты представляешь, по-

завчера, в двух шагах от костела, в доме номер 457, с одним водопроводчиком приключился дивный экстаз, а в костеле ничего, ровным счетом, никаких чудес!

Один случай экстатического состояния зарегистрирован в Воковицах, два — и того дальше, в самих Коширжах; на Петршинском беспроводном телеграфе повальное увлечение религией вспыхнуло как эпидемия. Радист, телеграфисты, служащие тамошней станции, ни с того ни с сего разослали по всему свету какие-то странные депеши, кажется, новые евангелические догмы: дескать, Бог грядет в мир, дабы искупить наши грехи, и так далее, в том же духе. Срам-то какой, подумать стыдно! Левые газеты поносят министерство связи на чем свет стоит, от него только клочья летят: вопят, будто «клерикализм выпускает когти», глупости всякие, одним словом. И никому невдомек, что это как-то связано с карбюратором. Марек, — Бонди вдруг перешел на шепот, — я тебе кое в чем признаюсь, только это секрет: неделю назад *это* снизошло на нашего министра обороны.

— На кого? — вскрикнул Марек.

— Тише! На министра обороны. Он отдыхал на своей вилле в Дейвицах, и на него неожиданно-негаданно снизошла благодать. Утром министр созвал пражский гарнизон и обратился к нему с речью о вечном мире, призывал к мученичеству. Разумеется, после этого ему пришлось распрощаться с военной карьерой. Газеты сообщали, что министр внезапно заболел. Вот оно как, голубчик.

— И в Дейвицах тоже, — простонал инженер. — Ведь это катастрофа, Бонди. Но с какой скоростью он распространяется!

— Уму непостижимо, — поддакнул президент. — Тут человек один перевозил пианино из зараженной Миксовой улицы куда-то на Панкрац; а через двадцать четыре часа весь панкрацкий дом был охвачен приступом милосердия...

Президент не договорил, так как вошедший слуга доложил, что преосвященный епископ Линда просит пана Бонди принять его. Марек поспешил было откланяться, но Бонди насильно усадил его в кресло.

— Сиди и помалкивай; он бесподобен, этот епископ.

В этот момент преосвященный епископ Линда показался в дверях; это был веселый, небольшого роста господин с золотыми очками на носу и маленьким ртом, губы он благообразно складывал изящной гузкой. Бонди представил его преосвященству инженера Марека как владельца злосчастного Бржевновского подвала. Епископ довольно потирал руки, в то время как взбешенный инженер бормотал что-то о редком удовольствии, хотя весь его хмурый вид свидетельствовал об обратном. Преосвященный епископ сложил ротик гузкой и с живостью повернулся к пану Бонди.

— Пан президент, — бойко начал он без излишних церемоний. — Я пришел к вам по весьма деликатному вопросу. Весьма деликатному, — повторил он мягко, со вкусом облизываясь. — Мы обсуждали ваше... гм-гм... дело в консистории. Его святейшество, наш архипастырь, склонен обойтись с неприятным событием как можно мягче. Вы понимаете, речь идет об этом непристойном происшествии с чудесами. Pardon, я не желал бы оскорбить чувства господина владельца...

— Пожалуйста, не утруждайте себя, продолжайте, — сурово перебил его Марек.

— Короче, речь идет об этом скандале. Его святейшество заявил, что, с точки зрения разума и веры, нет ничего более прискорбного, чем сие безбожное и прямо-таки кощунственное поношение законов природы...

— Позвольте, — вмешался Марек, исполненный духа противоречия, — естественные законы вы уж предоставьте нам, сделайте одолжение. Мы ведь не беремся судить о церковных догматах.

— Зablуждаетесь, брат мой, — ласково попенял Мареку преподобный отец. — Зablуждаетесь. Наука без наших догматов — лишь горсть сомнений. Прискорбнее, однако, то, что ваш Абсолют противоречит законам церкви. Противоречит учению о святости, не щадит церковных традиций. Грубо нарушает учение о Святой Троице. Не признает апостольской иерархии. Не поддается и экзорцизму¹ церкви. И так далее. Короче, он держит себя таким образом, что мы вынуждены со всей суровостью его отринуть.

— Ну, ну, — миролюбиво заметил президент Бонди, — пока что он ведет себя весьма... пристойно.

Преосвященный епископ предостерегающе поднял палец.

— Пока, но мы не знаем, как он проявит себя в будущем. Послушайте, пан президент, — вдруг доверительно заговорил он, — вы опасаетесь неприятностей. Мы тоже. Вы, как деловой человек, не прочь ликвидировать Абсолют, не вызывая лишнего шума. Мы, наместники и слуги Божьи, также. Мы не можем попустительствовать возникновению какого-либо нового Бога или даже нового вероученья.

— Слава тебе, Господи, — с облегчением вздохнул пан Бонди, — я был уверен, что мы с вами договоримся.

— Прелестно! — воскликнул святой отец, счастливо поблескивая стеклышками очков. — Уговор дороже денег. Высокопочтимая консистория, защищая интересы святой церкви, может позволить себе взять под свое высокое покровительство этот ваш... гм-гм... этот ваш Абсолют; святая церковь попыталась бы привести его в соответствие с католическим вероученьем, а дом под номером 1651 в Бржевнове провозгласить святым местом.

¹ *Экзорцизм* — заклинание или изгнание злого духа, дьявола. (*греч.*).

— Ого! — Марек в волнении вскочил со стула.

— Да, да, — повелительным тоном продолжал преосвященный епископ, — святым, разумеется, при соблюдении определенных условий. Во-первых, производство Абсолюта в вышеозначенном доме должно быть сведено до минимума, там можно будет вырабатывать лишь ослабленный, мало вирулентный, разреженный Абсолют, который проявлял бы себя не столь напористо, а лишь спорадически, примерно так же, как в Лурде¹. В противном случае мы ни за что не ручаемся.

— Хорошо, — согласился пан Бонди, — а во-вторых?

— А во-вторых, — подхватил епископ, — Абсолют должен вырабатываться из угля, добытого в Малых Сватоневицах². Как вы изволите знать, Малые Сватоневице — место паломничества к пречистой деве Марии, и, надо надеяться, с помощью тамошнего угля нам удастся в Бржевнове в доме 1651 основать очаг культа пречистой девы.

— Ладно, — одобрил Бонди, — что еще?

— В-третьих, вы обязуетесь нигде и никогда больше Абсолют не вырабатывать.

— Позвольте, — вскричал президент Бонди, — а наши карбюраторы?!

— Они никогда не будут введены в эксплуатацию, за исключением бржевновского, который станет собственностью святой церкви и будет работать на ее благо и процветание.

— Нелепость! — пан Бонди перешел к обороне. — Кар-

¹ Лурд — город во Франции, место паломничества католиков к источнику «святой» воды.

² Малые Сватоневице — шахтерский поселок неподалеку от города Упице. В Малых Сватоневицах родился Карел Чапек; некогда Малые Сватоневице были местом паломничества к святому источнику девы Марии.

бюраторы выпускаются *будут*. В течение трех недель будет смонтирован первый десяток машин. В ближайшее полугодие — тысяча двести. За год — десять тысяч. На наших заводах уже налажено их производство.

— А я вам говорю, — тихо и сладко пропел преосвященный, — что в течение года не вступит в строй ни один карбюратор.

— Но почему?

— Потому, что ни верующим, ни атеистам не нужен *подлинный и деятельный Бог*. Не нужен, господа. Это исключено.

— А я вам говорю, — горячо вмешался в разговор Марек, — *карбюраторы будут работать*. Отныне я за это; я за это — именно потому, что вы против; наперекор вам, ваше преосвященство; наперекор всем суевериям; наперекор Риму. И я возвещаю, — инженер Марек набрал в легкие воздуха и воскликнул в безмерном упоении: — Да здравствует Perfect Carburator.

— Ну, увидим, — с глубоким вздохом произнес отец Линда. — Господам представится возможность убедиться в том, что высокочтимая консистория не бросает слов на ветер. Не пройдет и года, как вы сами остановите производство Абсолюта. Но ущерб, ущерб, который он нанесет до тех пор! Господа, не думайте, бога ради, будто церковь своей волей вводит или упраздняет Бога, церковь лишь ограничивает и направляет его действия. А вы, господа безбожники, позвольте ему разлиться, как талой воде. Но челн святого Петра переждет и этот потоп; подобно ковчегу Ноеву, он вынесет наводнение Абсолюта, однако цивилизация, — возвысил свой голос епископ, — тяжело поплатится за это!

Глава 6

МЕАС

— Господа, — заявил президент Г.Х.Бонди на заседании правления концерна МЕАС, созванном двадцатого февраля, — могу вам сообщить, что одно из зданий нового заводского комплекса на Высочанах было вчера введено в эксплуатацию. В ближайшие дни начнется серийное производство карбюраторов, для начала по восемнадцать штук в день. В апреле мы планируем выпуск шестидесяти пяти штук ежедневно. В конце июля — двести. Мы проложили пятнадцать километров железнодорожного полотна, главным образом в целях наилучшего обеспечения заводов углем. Сейчас монтируются двенадцать паровых котлов. Начато строительство нового рабочего квартала.

— Двенадцать паровых котлов? — небрежно переспросил доктор Губка, глава оппозиции.

— Да, пока что двенадцать, — подтвердил президент Бонди.

— Это очень странно, — заметил доктор Губка.

— Производство растет, господа, — пояснил пан Бонди. — Что тут особенного — двенадцать котлов для такого огромного комплекса?

— Разумеется! Правильно! — раздался голоса.

Доктор Губка иронически усмехнулся.

— А для чего пятнадцатикилометровый железнодорожный путь?

— Для наилучшего обеспечения заводов топливом, для подвозки сырья. Мы считаем, что, работая на полную мощность, мы будем расходовать по восемь вагонов угля в день. Не могу понять, какой резон господину доктору Губке возражать против транспортировки угля?

— Я возражаю потому, — крикнул в ответ доктор Губка, вскакивая, — что вся эта затея крайне подозрительна! Да, господа, чрезвычайно подозрительна. Пан президент Бонди вынудил нас соорудить карбюраторную фабрику. «Карбюратор, — уверял он, — единственный двигатель будущего». «Карбюратор, — утверждал он со всей определенностью, — может развить мощность в тысячи лошадиных сил на одном ведре угля». А теперь президент толкует о каких-то двенадцати паровых котлах и о целых вагонах топлива. Объясните мне, господа, отчего теперь уже недостаточно ведра угля для того, чтобы привести в действие наши фабрики? Для чего мы монтируем паровые котлы вместо атомных двигателей? И если вся эта затея с карбюратором не пустое надувательство, то я никак не пойму, почему пан президент не перевел нашу новую фабрику на карбюраторные двигатели? Этого не понимаю не только я, этого никто не понимает. Отчего же, господа, пан президент не доверяет своим карбюраторам настолько, чтоб установить их на наших собственных заводах? Это весьма неудачная реклама для наших карбюраторов, господа, если сам производитель не может или не желает их использовать! Убедительно прошу уважаемое собрание обратиться к пану Бонди за разъяснением. Я лично уже составил собственное мнение на сей счет. Я кончил, господа.

Доктор Губка решительно сел, победоносно высморкавшись.

Члены правления смущенно молчали; обвинение доктора

Губки было слишком недвусмысленно. Президент Бонди не поднимал глаз от своих бумаг; ни один мускул не дрогнул на его лице.

— М-да, — миролюбиво начал старый Розенталь, нарушая молчание, — но ведь пан президент сам все объяснит. Ну, разумеется, все объяснится, господа. Я думаю... м-м-да... конечно, все уладится в лучшем виде. Господин доктор Губка, безусловно, кое в чем... м-м-да... принимая во внимание, да, принимая во внимание его соображения... само собой...

Президент Бонди поднял, наконец, глаза.

— Господа, — тихо проговорил он, — я предложил вам положительные отзывы наших инженеров о карбюраторе. И в действительности все обстоит так, как было доложено специалистами, — именно так, а не иначе. Карбюратор не надувательство. В испытательных целях мы сконструировали десять таких моторов. Все работают безупречно. Вот доказательства: карбюратор номер один приводит в движение нагнетательный насос на Сазаве; машина работает бесперебойно вот уже две недели. Номер два — землечерпалка на Верхней Влтаве работает отлично. Номер три — в экспериментальной лаборатории Брненского политехнического института. Номер четыре — поврежден при транспортировке. Номер пять — освещает Градец Кралове. Все это карбюраторы десятикилограммового типа... Номер шесть — на мельнице в Сланом. Номер семь — установлен для центрального отопления блока домов в Новом Месте. Владелец блока — присутствующий здесь заводчик Махат. Прошу, пан Махат!

При этом возгласе пожилой господин вздрогнул, словно очнувшись от сна.

— А?

— Я спрашиваю, как функционирует ваше новое центральное отопление?

— Что такое? Отопление?

— В вашем новом блоке, — спокойно подсказал пану Махату президент Бонди.

— В каком блоке?

— В ваших новых домах...

— В моих домах? Но у меня нет никаких домов...

— Но, но, но, — вмешался господин Розенталь. — Вы же строили в прошлом году новые дома.

— Я? — удивился Махат. — Да, да, вы правы, строил, только я, знаете ли, эти дома теперь раздарил. Видите ли, я их раздал.

Президент Бонди повнимательнее взгляделся в члена правления заводов МЕАС пана Махата.

— Кому вы раздали их, Махат?

Щеки Махата слегка порозовели.

— Ну, бедным людям, знаете ли. Я поселил там бедных людей. Я... я, то есть я пришел к такому убеждению и... словом, бедным людям... вы меня поняли?

Пан Бонди, не спуская с Махата глаз, допрашивал его с пристрастием судебного следователя.

— Отчего вы так поступили, пан Махат?

— Я... я как-то не мог поступить иначе, — смутился Махат. — Меня вдруг осенило. И мы все должны сделаться святыми, не так ли?

Президент нервно барабанил пальцами по столу.

— А ваши родственники, семья?

Махат широко расплылся в довольной улыбке.

— О, мы все заодно, понимаете? Эти бедные люди такие трогательные! Среди них есть и увечные — моя дочь ухаживает за ними, знаете ли. Мы все так переменились!

Г. Х. Бонди прикрыл глаза. Дочь Махата, Элен, белокурая Элен, наследница семидесяти миллионов, прислуживает увечным! Элен, которая могла, должна была, почти уже стала госпожой Бонди! Бонди кусал губы; вот тебе и на, ничего не скажешь!

— Пан Махат, — сдавленным голосом проговорил он, — я хотел только узнать, как у вас работает новый карбюратор.

— Ах, превосходно! Во всех домах так прекрасно, так тепло! Словно там топят бесконечной любовью! Слушайте! — вдохновенно продолжал Махат. — Кто бы туда ни ступил — сразу делается иным человеком. Там будто в раю. Мы словно переселились на небо — все до единого. Ах, придите к нам, люди добрые!

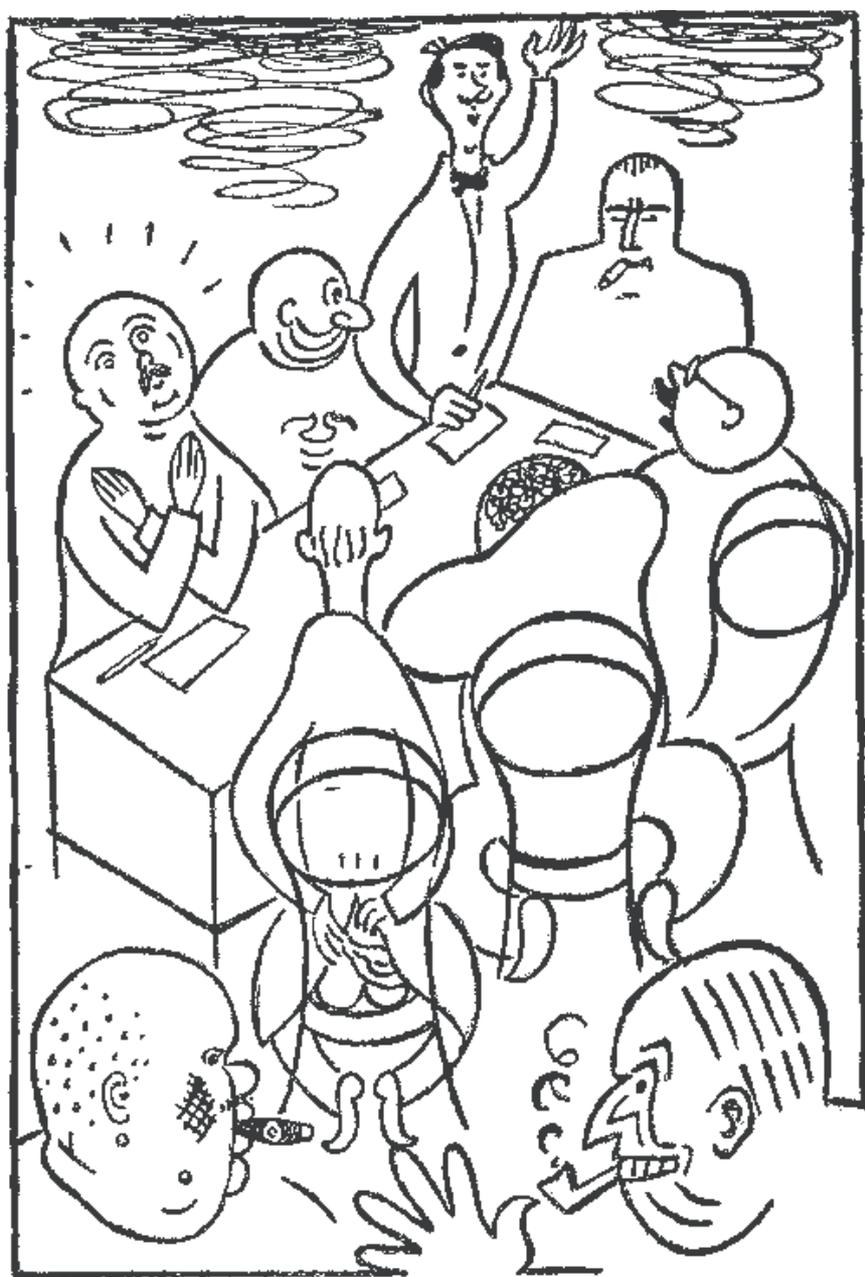
— Теперь вы убедились, господа, — стараясь казаться невозмутимым, обратился к присутствующим президент Бонди, — что карбюраторы работают превосходно, как я вам и обещал. Я прошу вас отказаться от дальнейших расспросов.

— Мы желаем знать только одно, — воскликнул охваченный боевым задором доктор Губка, — отчего в таком случае мы сами не строим новых фабрик с карбюраторным двигателем? Почему мы должны расходовать дорогой уголь, коли другим поставляем атомную энергию? Намерен ли президент Бонди раскрыть нам свои карты?

— Не намерен, — отрезал Бонди, — у нас будут топить углем. В силу причин, мне известных, на нашем производстве карбюраторный двигатель использован не будет. И довольно, господа! Я расцениваю ваше согласие как проявление доверия.

— Если бы вы все, — промолвил пан Махат, — испытали, сколь прекрасно состояние святости! От души советую вам, господа: раздайте все, что имеете. Станьте неимущими и святыми! Бегите мамоны и поклоняйтесь Богу единому, неделимому.

— Ну, ну, ну, — усмирил пана Махата господин Розенталь. — Пан Махат, вы такой милый, такой достойный человек... Пан Бонди, вы знаете, как я доверяю вам, и знаете что? Пошлите мне один карбюратор для моего центрального отопления! Я испробую эту штуку, господа, почему бы нет, а? Какие тут могут быть разговоры? Договорились, пан Бонди?

— Все мы братья во Христе, — не умолкал сияющий Махат. — Передадим фабрики неимущим, господа! Вношу предложение переименовать МЕАС в общину «Смиранных сердец». Мы будем тем семенем, из которого произрастет древо веры, согласны? Наступит царство Божье на земле...

— Прошу слова! — вскричал доктор Губка.

— Ну, по рукам, пан Бонди? — добивался своего старый Розенталь. — Вы же видите, я всецело на вашей стороне. Значит, вы одолжите мне один карбюратор, пан Бонди!

— Ибо сам Бог грядет на землю, — страстно возвещал Махат. — Вы слышите заповедь его: станьте как святые и неимущие; откройте сердца ваши вечному; будьте совершенны в любви своей. Знаете, господа...

— Прошу слова! — хрипел доктор Губка.

— Тихо! — перекрывая гвалт, крикнул президент Бонди; бледный, с горящим взором, он вырос над ними, расправив могучие плечи шестипудового мужчины. — Господа, если вам не нравится фабрика карбюраторов, я беру ее под собственный единоличный контроль. Я оплачу вам все затраты — все, до последнего геллера. Я организую свое собственное предприятие, господа. Мое почтенье!

— Но я протестую, — взвизгнул доктор Губка. — Мы все протестуем! Мы не продадим производство карбюраторов! Такой редкий товар, господа! Мы никому не позволим одурачить нас, господа. Отказаться от такого прибыльного дела — нет уж, извините!

Президент Бонди позвонил в колокольчик.

— Друзья мои, — угрюмо вымолвил он, — на сегодня довольно споров. Мне кажется, коллега Махат... несколько... гм-гм... того... нездоров. Что же касается карбюраторов, то я вам гарантирую сто пятьдесят процентов дивидендов. Предлагаю прекратить прения.

Доктор Губка потребовал слова.

— Предлагаю, господа, чтобы каждый член правления получил по одному карбюратору — на пробу, так сказать.

Президент Бонди обвел взглядом присутствующих: в лице его что-то дрогнуло, он хотел было возразить, но только пожал плечами и процедил сквозь зубы:

— Согласен.

Глава 7

Go on¹

— Как наши дела в Лондоне?

— Акции МЕАС — вчера тысяча четыреста семьдесят, позавчера семьсот двадцать.

— Прекрасно.

— Инженер Марек утвержден почетным членом семидесяти научных обществ. Наверняка получит Нобелевскую премию.

— Прекрасно.

— Колоссальное количество заказов из Германии. Свыше пяти тысяч карбюраторов.

— Гм...

— Из Японии — девятьсот заказов.

— Посмотрим!

— В Чехии интерес незначительный. Всего три предложения.

— Гм, этого следовало ожидать. Не те масштабы, знаете ли!

— Россия просит двести штук разом.

— Прекрасно. Итого?

¹ Продолжайте! (англ.).

— Тринадцать тысяч заказов.

— Прекрасно. Как продвигается строительство?

— Цех атомных автомобилей подводят под крышу. Секция атомных самолетов приступит к работе до конца следующей недели. Закладывается фундамент завода атомных локомотивов. Один цех корабельных реакторов уже действует.

— Минуту. Внедрите в обиход следующие названия: автомобиль, атом-мотор, атомовоз, понимаете? Как у Кролмуса дела с атомными орудиями?

— Кролмус уже конструирует модель в Пльзене. Наша атомная повозка наездила на брюссельском автодроме тридцать тысяч километров; скорость — двести семьдесят километров в час. На полкилограммовые атом-моторы за последние два дня нами получено семьдесят тысяч заявок.

— Вы только что утверждали, что в итоге у нас тринадцать тысяч заявок.

— Тринадцать тысяч заявок на устойчивые атомные котлы. Восемь тысяч — на тепловые карбюраторы для центральных отопительных систем. Около десяти тысяч — на автомобили. Шестьсот двадцать — на атомолеты. Атомолет нашей марки «А7» проделал беспосадочный полет Прага—Мельбурн в Австралии; состояние пассажиров и экипажа нормальное; вот депеша.

Президент Бонди гордо выпрямился.

— Однако, милейший, все идет превосходно!

— На сельскохозяйственные машины — пять тысяч заявок. На микромоторы — двадцать две тысячи заявок. На атомнасосы — сто пятьдесят заявок. На атомпрессы — три; атомпечей высоких температур запрошено двенадцать. Атомных радиотелеграфных станций — семьдесят пять; атомовозов — сто десять, преимущественно для России. Мы открыли сорок восемь агентств в различных столицах мира. Американский

Steel Trust¹, берлинская AEG², итальянский Фиат, Маннесман³, Крезо⁴ и шведские сталелитейные заводы предлагают объединиться. Концерн Круппа приобретает наши акции, не смотря на высокие цены.

— Как дела с выпуском новых акций?

— Условия приобретения пересматривались тридцать пять раз. Печать пророчит двести процентов супердивидендов. Кстати, газеты ни о чем другом не пишут; социальная политика, спорт, достижения науки и техники — все сведено к одному карбюратору. Какой-то немецкий корреспондент переслал нам семь тонн вырезок; француз — четыре центнера; англичанин — целый вагон. Специальная научная литература по данному вопросу, издание которой планируется в этом году, потребует приблизительно шестидесяти тонн бумаги. Англо-японская война прекращена вследствие падения общественного интереса к ней. В одной только Англии осталось без работы девятьсот тысяч шахтеров. В бельгийском угольном бассейне вспыхнуло восстание — что-то около четырех тысяч убитых; больше половины мировых шахт законсервированы. Пенсильванские предприниматели уничтожили запасы нефти на складах. Пожар еще продолжается.

— Пожар продолжается, — мечтательно повторил президент Бонди. — Пожар продолжается. Мы победили, о господи!

¹ *Steel Trust* — объединение металлургических предприятий. (англ.).

² *AEG* — *Allgemeine Elektrizitäts Gesellschaft* — Всеобщее объединение электриков в Берлине.

³ *Маннесман* — металлургический концерн, специализировавшийся на производстве бесшовных труб; название получил по имени братьев М. и Р. Маннесман — немецких инженеров изобретателей.

⁴ *Крезо* — французские заводы.

— Президент Угольной компании покончил жизнь самоубийством. На бирже — чистое безумие. В Берлине нынче с утра наши акции стоят выше восьми тысяч. Совет министров заседает непрерывно; министры намерены объявить чрезвычайное положение. Это не открытие, не изобретение, пан президент, — это революция.

Президент Бонди и генеральный директор МЕАС молча посмотрели друг на друга. Ни один из них не был поэтом, но в эту минуту души их пели и ликовали.

Генеральный директор придвинул свой стул поближе к Бонди и произнес вполголоса:

— Пан президент, Розенталь лишился рассудка.

— Розенталь? — опешил Г. Х. Бонди.

Директор подтвердил печальную новость.

— Стал ортодоксом, носитя с талмудистской мистикой и каббалой. Десять миллионов пожертвовал сионистам. А недавно в пух и прах рассорился с доктором Губкой. Вы слышали, Губка перешел в общину «Чешских братьев»¹?

— И Губка!

— Да. По-моему, члены нашего правления заразились от коллеги Махата. Вы не присутствовали на последнем заседании, пан президент. Но это было невыносимо — они до самого утра вели религиозный диспут. Губка настаивал, чтобы мы передали заводы в руки рабочих. К счастью, уважаемые господа забыли поставить вопрос на голосование. Все были словно помешанные.

Президент Бонди грыз ногти.

— Что же нам теперь с ними делать, господин директор?

¹ «Чешские братья» — члены чешской религиозной секты, которая образовалась в XV веке и была разгромлена после Белогорской битвы (1620).

— Гм, тут ничего не поделаешь. Психоз, характерный для нашего времени. Даже в печати намекают на это. Но пока что тема карбюраторов вытеснила эту проблему. Невиданная вспышка религиозного фанатизма. Очевидно, какой-то вирус действует на психику или что-то вроде того. На днях я встретил доктора Губку, он проповедовал, обращаясь к толпе людей, собравшейся перед Живнобанком, что-то насчет озарения души и приуготовления к пришествию Бога. Срам, да и только. Под конец он даже творил чудеса. И Форст — туда же. Розенталь свихнулся окончательно. Миллер, Гомола и Колатор заявили о добровольном отречении от своих миллионов. Отныне нам не собрать членов правления. Это сумасшедший дом, пан президент. Придется все забрать в свои руки.

— Но это ужасно, господин директор, — вздохнул Г. Х. Бонди.

— Согласен. А вы слышали о Цукробанке? Там Дух Божий вселился во всех служащих разом. Они раскрыли сейфы и раздавали деньги всем, без разбора, кто бы ни заглянул. А в центральном банковском зале банкноты жгли на костре тюками. Я бы назвал это «коммунизмом религиозных фанатиков».

— В Цукробанке, гм... А у них нет карбюратора?

— Есть. Карбюратор центрального отопления. Цукробанк одним из первых приобрел нашу новинку. Теперь полиция распорядилась закрыть это учреждение. Вы знаете, даже уполномоченные и директора не убереглись.

— Я запрещаю продавать карбюраторы банкам, господин директор!

— Почему?

— Запрещаю — и все. Пусть обогреваются углем.

— Теперь, пожалуй, поздновато. Все банки переходят на новую систему отопления. Уже ведутся работы по установке карбюраторов в парламенте и во всех министерствах. Гигантский карбюратор на Штванице предназначен для освещения

Праги. Это пятидесятикилограммовый колосс, его мотор не имеет себе равных. Послезавтра в 18 часов объявлен торжественный пуск в присутствии главы государства, бургомистра, пражского магистрата и представителей МЕАС. Вы должны принять участие в этом торжестве. Именно вы, пан Бонди!

— Сохрани бог! — переполошился президент. — Нет, нет, сохрани бог! Не пойду.

— Но это ваш долг, пан президент. Нельзя же послать туда Розенталя или Губку, у них ведь буйное помешательство. Еще нагородят там всякого вздору. Это дело нашей чести. Бургомистр готовит торжественную речь, где воздаст должное нашему предприятию. Ждут представителей зарубежных держав и корреспондентов различных мировых агентств. Готовится невиданное торжество. Как только на улицах зажгутся фонари, зазвонят фанфары и трубы, зазвучат хоры Кржижковского, певческого общества «Глагол», Дедрасбора¹, хор учителей, вспыхнет фейерверк, в честь нашего концерна прогремит сто один залп. Пражский Град озарится огнями; не знаю, что там еще выдумают. Нет, вы непременно должны присутствовать, пан президент.

Г. Х. Бонди устало поднялся. «Боже мой, Боже, и ты это терпишь, — шептал он, — да минует нас, Господи... чаша сия...»

— Так вы придете?! — неумолимо настаивал генеральный директор.

— Отчего ты оставил меня своей милостью, о Господи Владыко!

¹ *Дедрасбор* — чешский ансамбль хоровой декламации.

Глава 8

На землечерпалке

Землечерпалка МЕ-28 недвижно возвышалась над Штеховицами, и силуэт ее четко выделялся на фоне вечернего неба. Неутомимый ковш уже давно прекратил подачу холодного песка со влтавского дна; вечер был сырой и безветренный, благоухающий запахами свежескошенного сена и ароматами леса.

Северо-запад еще пылал нежным оранжевым светом. То тут, то там, колебля отражение небес в зеркальной глади, божественно просияет речная волна, сверкнет, прошепестит тихонько и разольется в мерцании вод.

Со стороны Штеховиц к землечерпалке, упорно преодолевая быстрое течение, приближался челн — на спокойной, переливающейся светлыми красками реке он казался черным, как водяной жук.

— Это к нам, — спокойно заметил матрос Кузенда, восседавший на корме землечерпалки.

— Их там двое, — помолчав, отозвался механик Брых.

— Я знаю, кто это, — догадался пан Кузенда.

— Штеховицкие влюбленные, — подсказал пан Брых.

— Пойду сварю им кофе, — решил пан Кузенда и опустил-ся вниз.

— Эге-ге, ребята! — крикнул пан Брых пловцам. — Левее,

левее берите! Ну-ка, давай мне руку, барышня, так! И хоп — наверх!

— Я с Пепиком, — заговорила девушка, ступив на палубу, — мы... мы хотели...

— Добрый вечер, — поздоровался молодой рабочий, выбравшись из челна следом за своей милой. — А где пан Кузенда?

— Пан Кузенда готовит кофе, — объяснил механик. — Присядьте. Гляньте, еще кто-то плывет. Это вы, пекарь?

— Это я, — раздалось в ответ. — Добрый вечер, пан Брых. Я привез к вам почтаря и лесничего.

— А ну, валяйте наверх, братья, — пригласил пан Брых. — Как пан Кузенда сварит кофе, так и начнем. А кто еще будет?

— Я, — послышалось у борта. — Я, то есть пан Гудец, хотел бы послушать вас.

— Приветствую вас, пан Гудец, — сказал механик, обращаясь к кому-то внизу. — Подымайтесь наверх, тут есть лесенка. Погодите, я подам руку, пан Гудец, вы ведь у нас впервые.

— Пан Брых, — крикнули с берега, — пошлите лодочку за нами, ладно? Нам тоже к вам хочется.

— Съездите за ними, кто там внизу, — попросил пан Брых, — пусть все слышат глас Божий. Рассаживайтесь, любезные братья и сестры. С тех пор как мы топим карбюратором, у нас тут чистота. Сейчас брат Кузенда подаст кофе, и начнем. Приветствую вас, молодые люди. Поднимайтесь на палубу. — Тут пан Брых встал у люка, откуда в трюм землечерпалки вела лесенка. — Алло, Кузенда, на палубе десять человек.

— Хорошо, — донесся из чрева землечерпалки глухой густой бас. — Несу.

— Так, рассаживайтесь, пожалуйста, — усердно приглашал гостей пан Брых, — у нас только кофе, пан Гудец: надеюсь, это вас не обидит?

— Нет, нет, нисколько, — уверил хозяина пан Гудец, — я лишь хотел посмотреть на ваше... ваши... ваше... заседание.

— Наше богослужение, — смиренно поправил гостя пан Брых, — так, значит, вы знаете, что все мы братья. Должен вам сообщить, пан Гудец: я был алкоголик, а брат Кузенда — политический деятель; и на нас снизошла благодать. А эти вот братья и сестры, — он показал на сидящих вокруг, — каждый вечер приезжают к нам, чтобы помолиться о такой же благодати. Вот пекарь страдал удушьем, а Кузенда его исцелил. Расскажите нам, брат пекарь, как это произошло.

— Брат Кузенда возложил руки на мою грудь, — тихо и проникновенно произнес пекарь, — и вдруг у меня в грудях разлилась этакая сладость. Видать, что-то у меня там лопнуло, и я вздохнул легко, словно вознесся на небеса.

— Постойте, пекарь, — поправил рассказчика Брых, — брат Кузенда не возлагал руки вам на грудь. Он и сам не ведал, что творит чудо. Он только махнул на вас рукой — так вот, и вы сказали, что вам полегчало. Вот как дело происходило.

— Мы тоже были при этом, — заговорила девушка из Штеховиц. — И у пана пекаря еще такое сиянье разлилось вокруг головы! А потом пан Кузенда излечил меня от чахотки, правда, Пепик?

— Чистая правда, пан Гудец, — подтвердил влюбленный Пепик. — Но куда большее чудо приключилось со мной. Я ведь дурной человек, пан Гудец; я уже в кутузке сидел, знаете, за воровство, ну и еще кое за какие дела. Пан Брых мог бы вам такое порассказать!...

— Пустяки, — отмахнулся Брых. — Обошли вас Божьей милостью, и все тут. Но здесь, на этом самом месте, дивные дела творятся, пан Гудец. Однако вы и сами, поди, в этом убедитесь. Уж так-то хорошо брат Кузенда говорит об этом, потому как раньше он ходил на разные собрания. Смотрите, вот он идет уже.

Все повернулись в сторону люка, который вел в машинное отделение. В отверстии показалась бородатая физиономия растерянного и несколько напряженно улыбавшегося человека, словно его толкали в спину, а он делал вид, будто в этом нет ничего особенного. Кузенда высунулся из люка по пояс — обеими руками он придерживал большой жестяной поднос, уставленный глиняными горшочками и банками из-под консервов; неуверенно улыбаясь, он плавно поднимался вверх. Стопы ног пана Кузенды уже были на уровне палубы, а он со своими горшочками улетал все выше и выше. Поднявшись на полметра над отверстием, он остановился, как-то странно подгребая ногами в воздухе, и непроизвольно повис, явно пытаясь коснуться пола. Пану Гудецу казалось, что это ему снится.

— Что с вами, пан Кузенда? — в испуге прохрипел он.

— Ничего, ничего, — замялся Кузенда и оттолкнулся в воздухе, а пану Гудецу припомнилось, что в детстве над его колыбелькой висела картинка с изображением вознесения Христа и что Иисус с апостолами точь-в-точь так же вот застыли в воздухе, перебирая ногами, но выражение их лиц было не столь сокрушенным.

Тут Кузенда внезапно подался вперед и поплыл, поплыл по вечернему небу, словно уносимый легким зephyром; время от времени он поднимал ногу, как будто намеревался сделать шаг в воздухе или кое-что еще; он заметно опасался за свои горшочки.

— Примите у меня кофе, пожалуйста, — внезапно попросил он.

Механик Брых поднял руки и принял железный поднос с горшочками.

Тут Кузенда свесил ноги, скрестил на груди руки и неподвижно замер в воздухе, склонив голову набок.

— Привет вам, братья, — обратился он к присутствующим.

щим. — Пусть вас не смущает, что я летаю; это всего лишь знамение. Этот горшочек с цветами для вас, барышня.

Механик Брых разносил горшочки и консервные баночки. Никто не отваживался нарушить тишину; попавшие на палубу впервые с любопытством глазели на вознесение Кузенды. Видавшие виды гости не спеша отхлебывали кофе, а в промежутках между глотками как будто творили молитву.

— Попили уже? — некоторое время спустя раздался голос Кузенды, и недавний политический деятель широко раскрыл белесые, восторженно сияющие глаза. — Тогда я начну.

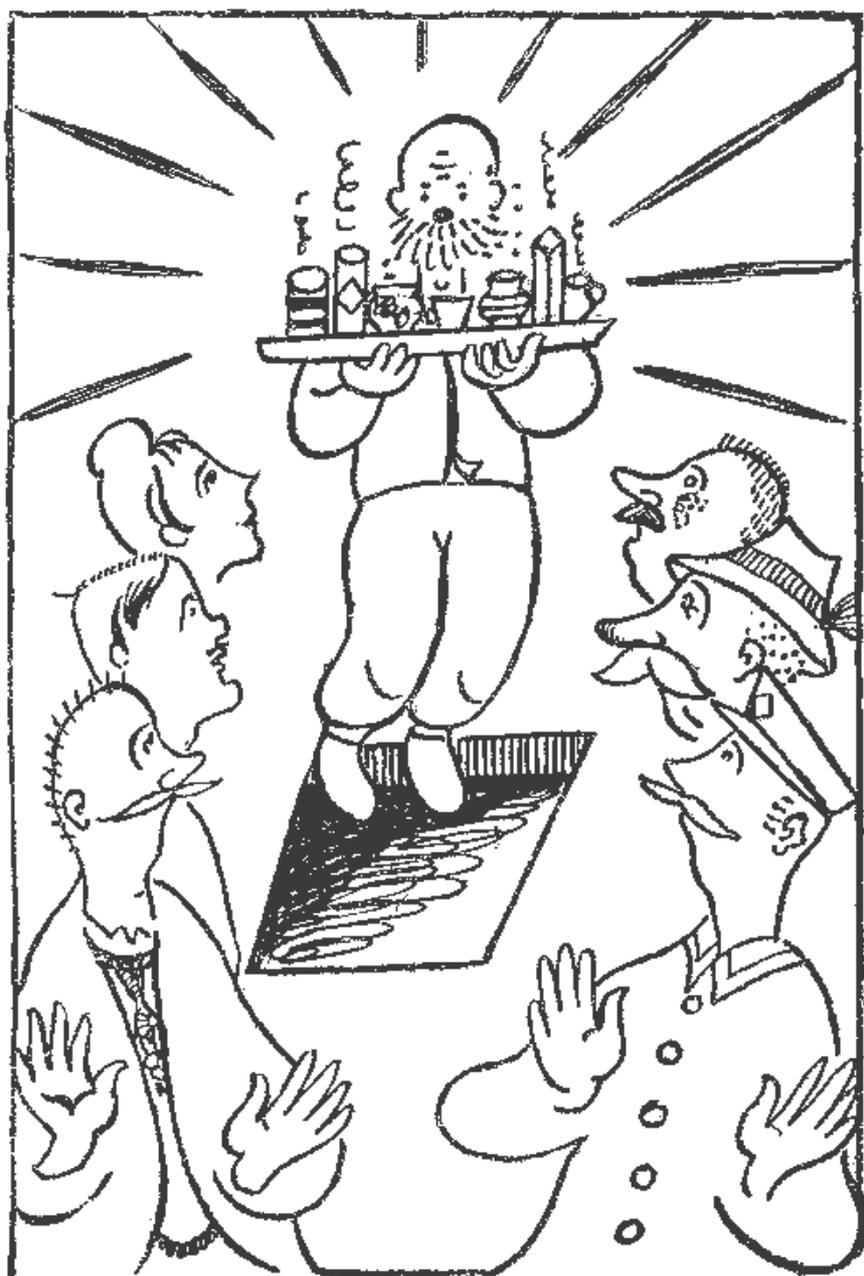
Он откашлялся, подумал немного и начал:

— Во имя Отца! Братья и сестры, мы собрались здесь, на землечерпалке, где нам Господь являет знамение милости своей. Я не стану отсылать прочь неверующих и пересмешников, как это делали спириты. Пан Гудец явился к нам неверующим, а пан лесничий рассчитывал повеселиться всласть. Приветствую обоих. Однако вам следует знать, братья, что благодаря явленной мне милости Господней я вижу всех насквозь. Ах, лесничий, лесничий, ведь вы зелье хлещете почем зря, и гоните неимущих из лесу, и сквернословите, когда в том нет никакой нужды. Не делайте этого впредь. А вы, пан Гудец, вы отъявленный мошенник, вы ведь лучше меня знаете, что я имею в виду, к тому же вы не в меру вспыльчивы, резки. Но вера исправит вас и спасет.

На палубе воцарилась глубокая тишина. Пан Гудец тупо уставился в землю. Лесничий всхлипывал и трясушимися руками шарил у себя в карманах.

— Вижу, вижу, пан лесничий, — нежно пропел парящий в воздухе Кузенда, — вам закурить хочется. Пожалуйста, не стесняйтесь. Здесь вы как дома.

— Рыбки, — прошептала девушка и показала на зеркальную водяную гладь. — Посмотри, Пепик, карпы тоже пришли послушать.

— Это не карпы, — проговорил озаренный милостью Божьей Кузенда, — это лини или окуни. А вы, пан Гудец, перестаньте терзаться из-за своих грехов. Взгляните на меня; я ничем не интересовался, кроме политики. И я вам скажу, что это тоже грех. А вы, лесничий, утрите слезы, не так уже все непоправимо. Кому однажды открылась истина Господня, тот видит людей насквозь. Вы ведь тоже, пан Брых, можете теперь читать в душе у каждого.

— Могу, — кивнул пан Брых, — вот пан почтмейстер думает, не поможете ли вы его доченьке? У нее золотуха, не так ли, почтмейстер? Приведите ее к нам, и пан Кузенда ей поможет.

— Вот говорят: суеверие, — заметил Кузенда. — Братя, ежели бы мне раньше кто-нибудь стал рассказывать про чудеса да про Бога, я бы поднял того на смех. Настолько я был испорчен. А как попали мы сюда, на землечерпалку, к этой новой машине, что работает без угля, так всякая грязная работа у нас прекратилась. Да, пан Гудец, это первое чудо, которое явилось нам здесь; этот калбурат все делает сам, словно человек. И землечерпалка плывет сама по себе, куда ей надобно, а поглядите, как крепко она сейчас стоит. Посмотрите, пан Гудец, якоря уже наверху, она стоит себе без якорей, а когда нужно черпать песок, плывет опять, сама начинает работу и сама определяет, когда ее кончить. Нам, то есть Брыху и мне, даже пальцем пошевелить — и то незачем. И пусть мне теперь кто-нибудь скажет, что это не чудо. Взяли мы на заметку такое дело — правда, Брых? — и стали раздумывать, пока не разобрались. Это Божеская землечерпалка, храм железный, а мы — всего лишь слуги Господни. И ежели раньше-то Господь Бог являлся в источниках или, как у древних греков, в дубах, а порой и в женщине, то отчего бы ему не объявиться теперь в землечерпалке? А чего, в самом деле, брезговать машиной? Машина — она порой чище монашки, а у Брыха все блестит,

как в серванте. Ну это так, к слову пришлось. И потом учтите, Бог вовсе не бесконечен, как утверждают католики. Он действует в радиусе шестисот метров, на краях он приметно слабеет. Сильнее всего он здесь, на землечерпалке. Здесь он способен творить чудеса, а на берегу — там его хватает только на озарение и обращение людей в свою веру; в Штеховицах, например, при благоприятном ветре он оказывает себя только таким священным благовоньем. Как-то вертелись тут гребцы из Молнии и из Чешского яхт-клуба, так на них снизошла благодать. Вот какая сила у него здесь. А что Богу от нас надобно, может почувствовать только эта... душа, — вещал Кузенда, выразительно тыча пальцем себя в грудь. — Я знаю, он не выносит политики, денег, умствований, гордыни и высокомерия. Ведомо мне, что он обожает людей и животных, радуется вашему приходу и одобряет благие поступки. Он демократ до мозга костей, братия. Нас, то есть меня и Брыха, жжет каждый геллер, пока мы не истратим его на кофе для всех. Однажды в воскресенье здесь собралось сотни две молящихся, на обоих берегах сидели, и знаете, кофе у нас оказалось столько, что хватило на всех. А какой был кофе, братья! Но это лишь отдельные явления. А самое великое чудо — это его влияние на наши души. Это так неопишимо прекрасно, что дрожь пробирает. Иногда прямо чувствуешь, будто умираешь от любви и счастья, словно сливаешься вот с этой водой, зверюшками, с глиной и камнем, или как будто тебя сжимают в каких-то гигантских объятьях — нет, никто не в состоянии выразить этого ощущения. Все вокруг звенит и поет, постигаешь язык всего сущего — воды, ветра; видишь, как все взаимосвязано между собой и с тобою самим, и все вокруг делается яснее, отчетливее, чем даже печатный текст в книге. Порой это как приступ, так что пена на губах выступает; иной раз он оказывает действие помаленьку и пронизывает все ваше существо до последней жилочки. Братья и сестры, да не убоимся мы

никого на свете. К нам теперь подплывают двое полицейских, дабы распустить наше собрание, поскольку о нем вроде как не заявлено в полицию. Но вы сидите в мире и спокойствии и доверьтесь землечерпальному Богу.

Стемнело, но палуба землечерпалки и лица собравшихся людей светились нежным сиянием.

По бортам судна прогремели и стихли весла гребцов.

— Алло, — окликнул чей-то мужской голос, — нет ли там пана Кузенды?

— Здесь, — пропел голосом херувимским пан Кузенда. — Поднимайтесь наверх, братья полицейские. Мне уже известно, что на нас донес штеховицкий трактирщик.

Двое полицейских ступили на палубу.

— Который из вас Кузенда? — спросил главный.

— Это я, извиняюсь, — отозвался Кузенда, возносясь несколько выше. — Сделайте милость, господин полицейский, поднимитесь ко мне.

Тут полицейские плавно вознеслись вверх и по воздуху приблизились к пану Кузенде. Ноги их отчаянно искали опоры, руки хватали податливый воздух; слышно было их лихорадочное, учащенное дыхание.

— Не пугайтесь, братья полицейские, — величественно изрек Кузенда, — и молитесь со мною вместе: «Отче наш, иже воплотился в этот ковчег».

— Отче наш, иже воплотился в этот ковчег, — хрипло повторил разводящий.

— Отче наш, иже воплотился в этот ковчег, — заголосил пан Гудец, грохнувшись на колени, и хор голосов присоединился к нему и зазвучал в унисон.

Глава 9

Торжество

Редактор Цирил Кевал, корреспондент пражской «Народной газеты», облекшись в черный фрак, помчался на Штваницу, чтобы вовремя тиснуть статейку о торжественном пуске новой центральной карбюраторной электростанции для Большой Праги. Вонзившись в толпы любопытствующих зевак, запрудивших Петровский квартал, он проник сквозь тройной кордон полицейских и очутился возле небольшого каменного домика, увешанного флагами. Из домика доносилась ругань монтеров, которые, как полагается, не поспедали и теперь изо всех сил наверстывали упущенное. Центральная пражская карбюраторная станция была не больше общественной уборной. Возле нее в задумчивости расхаживал слегка смахивавший на философствующую цаплю редактор Чванчара¹ из газеты «Деревня».

Пан Чванчара приветливо поздоровался с молодым коллегой.

— Держу пари, молодой человек, — провозгласил он, — сегодня что-нибудь да произойдет. Не было еще на моем веку

¹ Чванчара Карел (1882–1970) — журналист, главный редактор газеты аграриев «Вечер».

торжества, на котором не совершилось бы какой-нибудь глупости. И так уж больше сорока лет.

— Но это потрясающе, не правда ли, метр? — заметил Кевал. — Крохотный домик зальет светом целую Прагу, приведет в движение трамвай и поезда в радиусе шестидесяти километров, тысячи фабрик и... и...

Пан Чванчара скептически покачал головой.

— Увидим, дорогой, увидим. Нас, стреляных воробьев... на мякине не проведешь; а впрочем... — Тут пан Чванчара понизил голос до шепота: — Обратите внимание, дорогой, тут нет даже запасного карбюратора. А если этот сломается или, скажем, взорвется... что тогда... а?

Кевалу стало неприятно, что до такой простой вещи он не додумался сам.

— Это исключено, — пылко возразил он. — Я располагаю надежной информацией. Этот домик сооружен лишь для блезиру. Настоящая электростанция где-то в другом месте; она... она... там, — прошептал он, показывая вниз и давая тем самым понять, что электростанция находится глубоко под землей. — Не смею сказать, где именно. Но вы заметили, метр, что вся Прага раскопана?

— Уж сорок лет как раскопана, — задумчиво подтвердил пан Чванчара.

— Ну вот видите, — развивал свою мысль вдохновленный Цирил Кевал, — из стратегических соображений, это же понятно. Сложная система подземных переходов. Склады, пороховые погреба и так далее. У меня абсолютно точные сведения. Шестнадцать подземных карбюраторных крепостей вокруг Праги. Наверху ничего похожего — футбольное поле, минеральные воды или памятник, ха-ха-ха, понятно? Потому теперь повсюду такая пропасть всяких памятников.

— Молодой человек, — оборвал Кевала Чванчара, — что современная молодежь знает о войне? А мы могли бы о ней

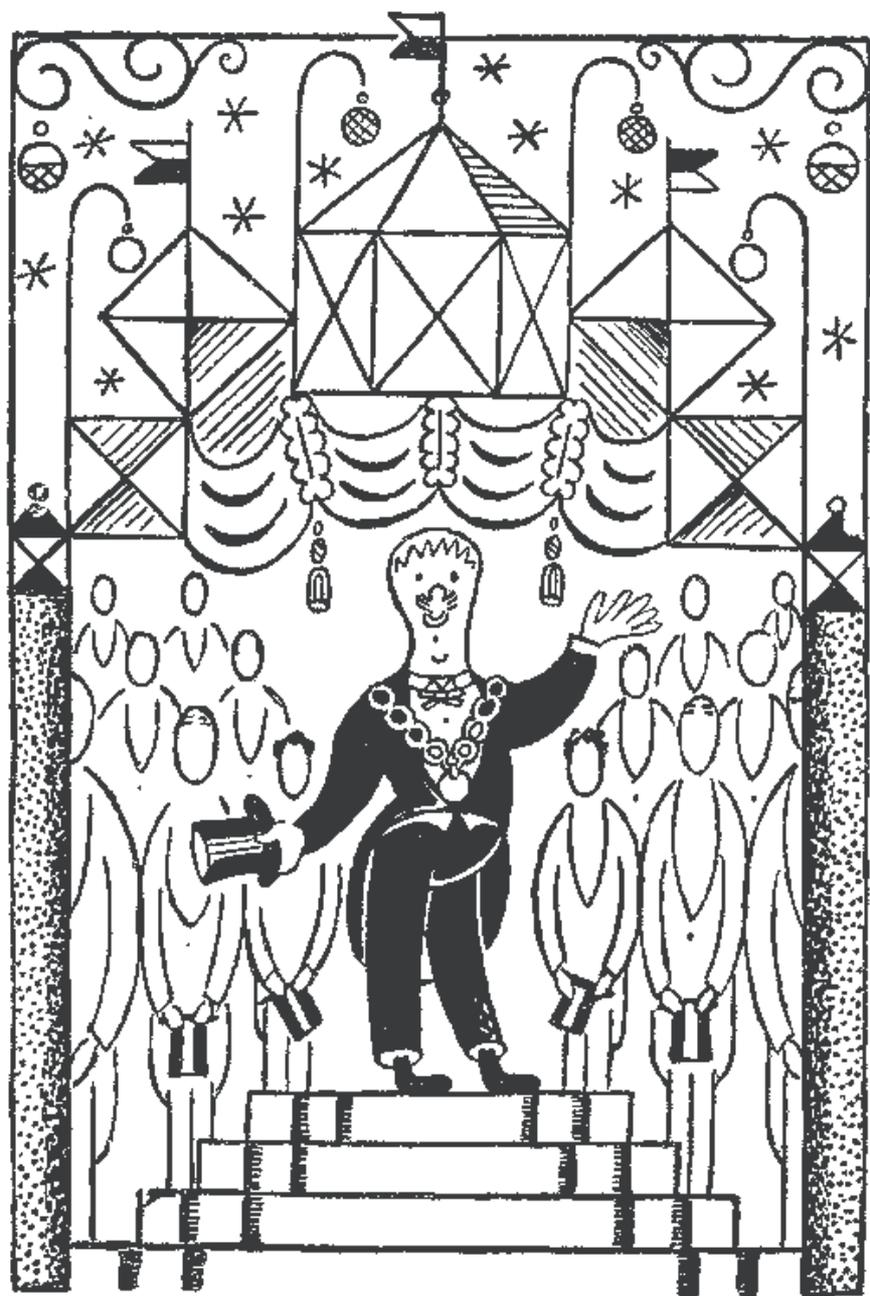
кое-что порассказать. Ага, господин бургомистр уже прибыл.

— И новый министр обороны. Ну, что я вам говорил? Смотрите, ректор Политехнического, генеральный директор МЕАС, старейшина еврейской общины.

— Французский посланник. Министр общественных работ. Дорогой коллега, подойдите поближе. Архиепископ. Итальянский посол. Премьер-министр. Председатель спортивного общества «Сокол». Вот увидите, дорогой, когонибудь да забыли пригласить.

В это мгновение пан Цирил Кевал уступил место какой-то даме и был отторжен от патриарха газеты «Деревня» и от входа, куда непрерывным потоком вливались приглашенные особы. Послышались звуки государственного гимна, прозвучала команда почетному караулу, и в сопровождении свиты государственных мужей в цилиндрах и военных мундирах по красной ковровой дорожке в кирпичный домишко прошествовал глава государства. Пан Кевал поднялся на цыпочки, проклиная свою галантность. «Теперь, — горевал он, — мне туда никак не попасть. Чванчара прав, — размышлял Цирил далее, — без глупости ничего не обходится, выстроят ведь этакий теремок ради такого славного торжества!.. Ну ладно, речи сообщит телеграфное агентство, а всякие там красивые слова — „глубокое впечатление“, „замечательный прогресс“, „бурные аплодисменты главе государства“ и все такое прочее — это мы и сами придумаем».

Внутри домика вдруг стало тихо, кто-то забормотал приветственную речь. Пан Кевал зевнул и, засунув руки в карманы, обошел домик вокруг. Сгущались сумерки. В темноте белели чистые белые перчатки полицейских и праздничные резиновые дубинки блюстителей порядка. Вдоль набережной толпился народ. Приветственная речь, как водится, затянулась. Но кто же, собственно, ее произносит? В эту минуту пан

Кевал обнаружил в бетонной стене Центральной станции, на высоте двух метров от земли, маленькое оконце. Он оглянулся и — хоп — схватился за прутья решетки, после чего просунул в окошко свою сообразительную голову. Ага, речь держит господин бургомистр славного города Праги, красный как рак; возле него Г.Х. Бонди, президент МЕАС, — он представляет свое предприятие и почему-то кусает губы. Глава правительства держит руку на рычаге машины, чтобы нажать на него по условному знаку, после чего праздничный свет зальет улицы Праги, грянет, музыка, взметнутся в небо разноцветные ракеты. Министр общественных работ беспокойно ерзает на месте; очевидно, собирается говорить, как только иссякнет красноречие бургомистра. Какой-то молоденький офицеришка теревит усы; посланники делают вид, будто всем сердцем присоединяются к речи оратора, из которой не поняли ни единого слова; два делегата от рабочих слушают затаив дыханье.

«В общем, все идет как надо», — отметил про себя пан Кевал и соскочил с окошка.

Обежав раз пять Штванице, он снова вернулся к домику и тут же влез на окошко. Бургомистр все еще держал речь. Кевал насторожился и услышал: «...близилось поражение белогорское...¹» Репортера как ветром сдуло, он уселся в сторонке и закурил. На улицах стало совсем темно. В вышине, меж кронами деревьев, мерцали звезды. «Странно, — подумалось пану Кевалу, — почему это они высыпали на небо, не

¹ *Поражение белогорское* — При Белой Горе под Прагой в чешский период Тридцатилетней войны в 1620 году произошло крупнейшее сражение чехов с войсками Габсбургов; после поражения Чехия на три столетия лишилась политической самостоятельности, превратившись в провинцию Австрии.

дождавшись, пока глава государства повернет рычаг?» Между тем Прага погружалась в темноту. Влтава, не расцвеченная бликами городских фонарей, катила свои черные воды; все с нетерпением ожидало торжественного мгновенья — явления света. Докурив сигарету, пан Кевал вернулся к станции и вновь взобрался на окошко. Господин бургомистр еще не кончил — теперь он казался темно-багровым; глава государства все еще не снял руку с рычага машины; гости развлекались втихомолку, только иностранные послы были неподвижны. Где-то далеко позади мелькнула голова пана Чванчары.

Последние силы оставили господина бургомистра, и он сник, после чего слово взял министр общественных работ; этот прямо-таки рубил фразы, только бы по возможности сократить речь. Глава государства перехватил рычаг из правой руки в левую. Старик Биллингтон, дуайен дипломатического корпуса, скончался стоя, даже в свой смертный час сохраняя на лице выражение всепоглощающего внимания. Тут министр кончил — словно отрезал.

Пан Г.Х. Бонди поднял голову, обвел присутствующих тяжелым взглядом и тоже произнес несколько слов — в том смысле, что МЕАС препоручает свое детище обществу во славу и процветание нашей метрополии, — и все. Глава государства выпрямился и повернул рычаг. В то же мгновенье небывалое сиянье озарило Прагу; ахнули толпы; на всех колокольнях ударили в колокола; с башни святой Марии прозвучал первый артиллерийский залп. Кевал, повиснув на прутьях решетки, оглядел город. Со Стршелецкого острова взвились осветительные ракеты; Градчаны, Петршин и Летна засверкали гирляндами разноцветных лампочек, где-то вдали усердствовали, заглушая друг друга, оркестры: над Штваницей закружились освещенные бипланы; со стороны Вышеграда по воздуху несли огромный дирижабль V-16, увешанный лампочками; люди обнажили головы, полицейские, приложив руки

к каскам, замерли, будто изваяния; теперь с Марииной башни ухали две батареи, им вторили мониторы у Карлина. Кевал опять приник к оконцу, чтобы увидеть конец торжественной церемонии, посвященной карбюратору. Но вдруг вскрикнул, вытаращил глаза и прямо прилип к оконцу, однако вскоре, пролепетав нечто вроде «о Господи!», выпустил прутья решетки и тяжело рухнул наземь. Не успел пан Кевал должным образом приземлиться, как об него споткнулся какой-то человек, поспешно спасавшийся бегством; пан Кевал в отчаянье вцепился в полу его сюртука; беглец оглянулся. Это был президент Г. Х. Бонди, бледный как мертвец.

— Что там творится, пан президент? — заикаясь, выговорил Кевал. — Что они там делают?!

— Пустите меня! — выдохнул Бонди. — Христа ради, пустите меня! Бегите отсюда!

— Но что там произошло?

— Пустите! — воскликнул Бонди и, отпихнув Кевала кулаком, исчез за деревьями.

Дрожа всем телом, Кевал оперся о ствол. Изнутри бетонного строения доносилось нечто похожее на варварский гимн.

* * *

Несколько дней спустя на страницах «Народной газеты» было опубликовано следующее невразумительное заявление: «Вопреки утверждениям одной нашей газеты, перепечатанным также и за границей, хорошо информированные круги сообщают, что при торжественном пуске карбюраторной электростанции не произошло ничего сколько-нибудь непристойного. В связи с этим бургомистр славного города Праги подал в отставку по состоянию здоровья. Дуайен Биллингтон, напротив, пребывает в полном здравии. Нельзя не отметить, что все

приглашенные на торжество заявили, будто более сильного ощущения они до сих пор не испытывали. Преклонять колени и возносить молитву Господу — право каждого гражданина. Свершение чудес не противоречит никаким постановлениям демократического режима. Тем паче неуместно впутывать главу государства в те достойные сожаления происшествия, которые имели место из-за недостаточной вентиляции и нервного переутомления».

Глава 10

Святая Элен

Спустя несколько дней после вышеупомянутых событий пан Г.Х.Бонди, погруженный в задумчивость, бродил по пражским улицам с сигаретой в зубах. Проходим, очевидно, казалось, что он смотрит себе под ноги, на самом же деле пан Бонди зрел в будущее. «Марек был прав, — рассуждал он сам с собой, — но еще более прав был преосвященный Линда. Словом, без дьявольских последствий Бога на свет не произведешь. Народ пусть себе творит, что ему взбредет в голову. Но от этого Бога могут потерпеть крах банки и вообще черт-те какие перемены произойдут в промышленности. Сегодня в Промысловом банке на религиозной почве забастовка; мы продали им карбюратор, и ровно два дня спустя банковские служащие объявили, что все ценности они передают на богоугодное дело помощи бедным. Во времена Прейсса этого бы наверняка не случилось.

Бонди угрюмо сосал мундштук. «Неужели, — рассуждал он сам с собой, — придется все бросить? А ведь за один только сегодняшней день мы получили более чем на двадцать три миллиона крон заказов. Эту лавину уже невозможно остановить. Но дело пахнет концом света или еще чем-нибудь похуже. Через два года нам всем придет один конец.

Нынче на планете работает несколько тысяч карбюраторо-

ров, и каждый днем и ночью извергает Абсолют. Этот Абсолют чертовски интеллигентен. У него ведь не исчезает безумное желание непременно занять себя делом. Конечно, он устал от праздности, тысячелетиями ему не позволяли работать, а теперь спустили с привязи. Какие шутки он выкидывает в Промбанке! Сам ведет бухгалтерские книги, подводит итоги, отвечает на письма; составляет приказы вместо членов правления. Рассылает контрагентам страстные послания насчет любви деятельной, активной. Все это так; но акции Промыслового стали макулатурой: кило за кусочек вонючего сыра. Вот оно как получается, когда Бог впутывается в банковские дела.

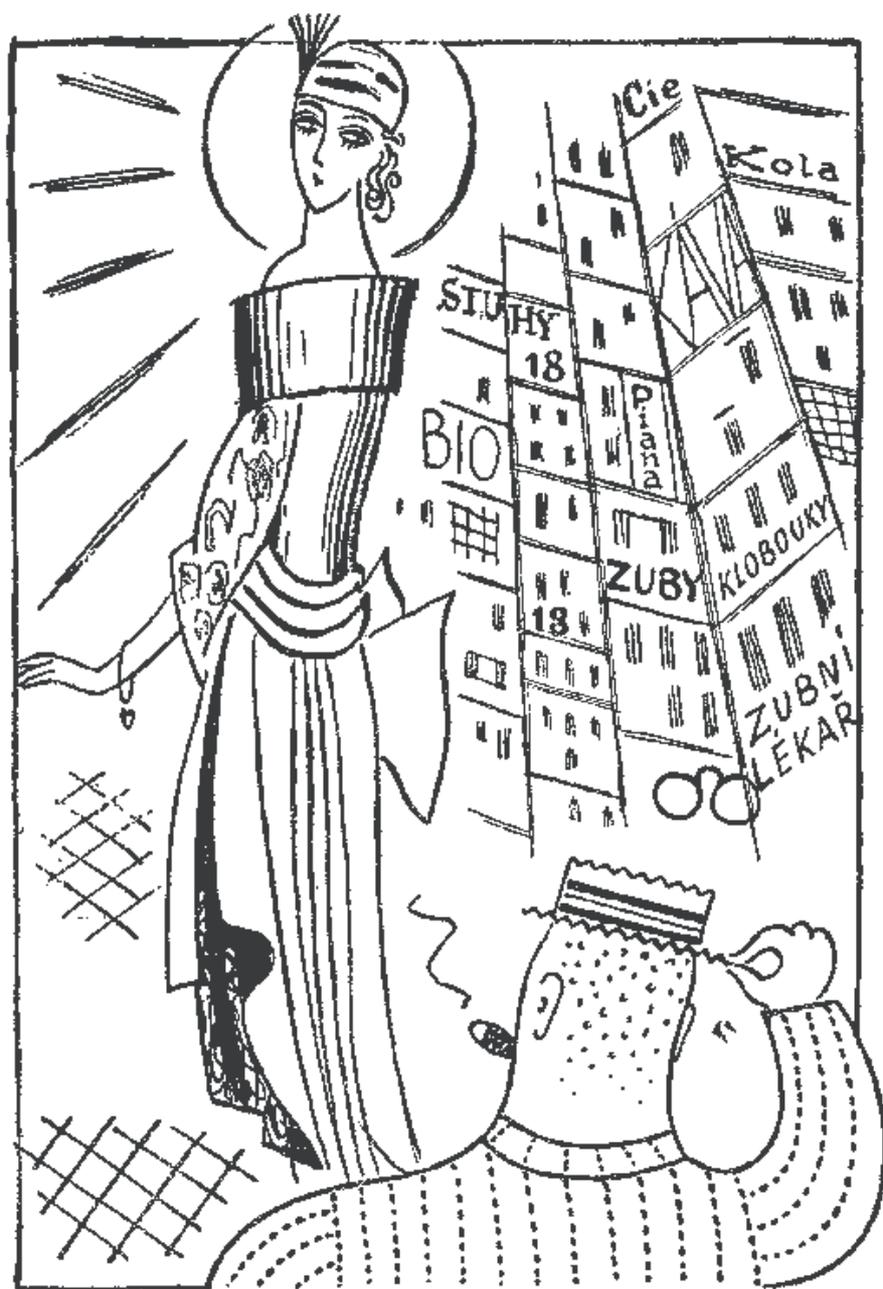
Фирма «Оберлендер»¹, текстильная фабрика в Упице бомбардируют нас отчаянными депешами. Месяц назад они поставили у себя карбюратор; все прекрасно, машина отлажена на диво. И вдруг селфакторы и станки начинают работать сами по себе. Стоит порваться нити, как она сама собой связывается и ткет дальше. А ткачам остается сложа ручки тарачить глаза. Рабочий день кончается в шесть часов, ткачи и ткачихи расходятся по домам, а станки действуют круглыми сутками вот уже три недели подряд и ткут, ткут непрерывно. Фирма завалила нас депешами: тысяча чертей, заберите себе наш товар, шлите сырье, остановите машину. А теперь это несчастье обрушилось на фабрики братьев Буксбаумов, Моравца, «Моравца и К°» словно какая-то инфекция передается по воздуху. В городе уже нет сырья; предприниматели в панике

¹ Фирма «Оберлендер» — так же, как и многие другие предприятия, о которых упоминает Чапек, — это прядильные и ткацкие фабрики в окрестностях города Упице, где отец К. Чапека служил врачом. На фабрике Оберлендера некоторое время учился брат К. Чапека — Йозеф Чапек, впоследствии крупный художник; Й. Чапек погиб в концлагере во время Второй мировой войны.

швыряют в сельфакторы тряпье, солому, глину — все, что падется под руку. И — скажите на милость! — из этого дерьма машина выработывает километры полотенец, коленкора, ситца и всевозможных других товаров. Переполох царит страшный; стремительно падают цены на текстиль; Англия повышает таможенные тарифы; соседние государства грозят ей бойкотом. А фабрики стонут: Христа ради, примите хотя бы товар! Везите куда хотите, присылайте людей, вагоны, автопоезда, остановите машины! Бесконечные жалобы в арбитраж с требованием возмещения убытков. Проклятая жизнь! И такие сообщения сыплются отовсюду, где установлен наш карбюратор. Абсолют ищет себе занятия, исступленно рвется в жизнь. Прежде он творил мир, а теперь ринулся в производство. В его власти Либерец, брненские хлопчатобумажные фабрики, Трутнов, двадцать сахароваренных заводов, лесопильни, пльзеньские пивоварни; опасность грозит заводам Шкода; он уже трудится в Яблонце¹ над производством ювелирных изделий и в яхимовских рудниках; кое-где заводчики сокращают рабочих, а кое-где запирают фабрики и в панике оставляют станки работать под замком. Перепроизводство достигло невообразимых размеров. Фабрики, где нет Абсолюта, закрыты. Это распад...

А ведь я патриот, — вспомнил пан Бонди, — Я не позволю превращать в развалины нашу родину-мать! Ведь у меня здесь и собственные заводы. Ладно, отныне чешские заказы не будут выполняться. Что было, то было, но с этой минуты в Чехии не поставят ни одного карбюратора. Мы наводним ими Германию и Францию; затем примемся бомбардировать Абсолютом Англию. Англия — консервативная страна, она

¹ *Яблонец* — город в Северной Чехословакии, центр стекольной и текстильной промышленности.

отказывается принимать наши карбюраторы. Ну что же, начнем сбрасывать их с дирижаблей, как гигантские бомбы; мы заразим Богом весь промышленный и финансовый мир и лишь в Чехии сохраним культурный, свободный от Бога островок добропорядочности и добросовестной работы. Это, так сказать, мой патриотический долг перед родиной, а кроме того, у меня же тут фабрики!»

Г.Х. Бонди был взволнован открывшейся перед ним перспективой. «По крайней мере мы выиграем время, пока изобретут какие-нибудь антиабсолютные маски. Черт побери, я из собственного кармана выложу три миллиона на изобретение защитных средств против Бога. Ну, скажем, не три — два миллиона. Чехи будут ходить в масках, в то время как остальные — ха-ха-ха! — потонут в Боге. По крайней мере их промышленность пойдет ко дну».

Пан Бонди взглянул на мир прояснившимся взором. Вон идет молоденькая женщина; походка прекрасная, легкая, пружинистая; интересно, а какова красotka лицом?

Пан Бонди прибавил шагу, обогнал незнакомку и изогнулся было в учтивом поклоне, но вдруг раздумал и круто повернул обратно, да так резко, что чуть было не столкнулся с девушкой носом к носу.

— Ах, это вы, Элен, — торопливо заговорил пан Бонди, — я не предполагал, что... что...

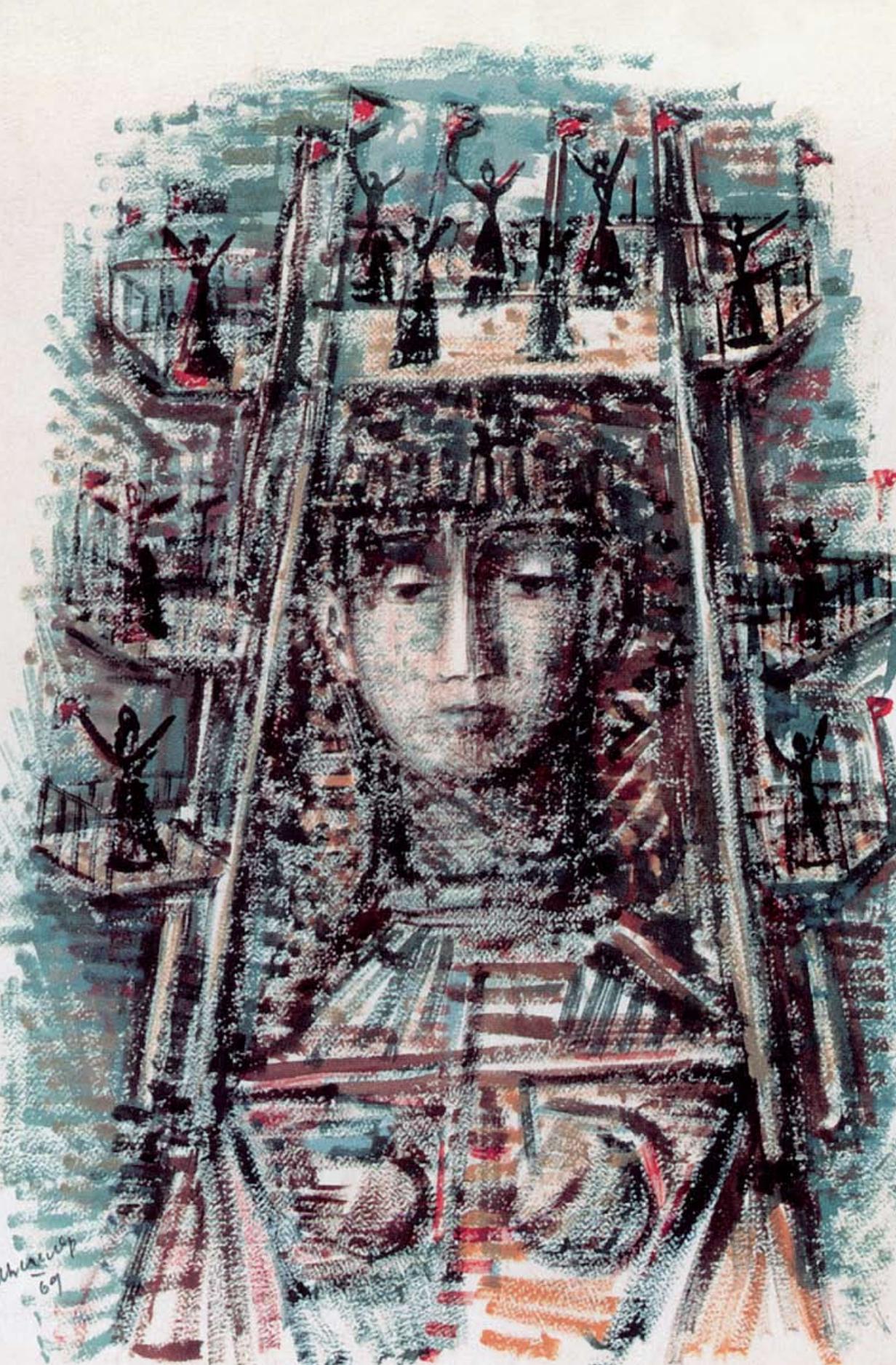
— Я знала, что вы идете за мной следом, — ответила девушка, опустив ресницы, и остановилась.

— Вы это знали? — обрадовался пан Бонди. — И я вспоминал о вас.

— Я чувствовала ваше животное желание, — тихо промолвила Элен.

— Мое... что?

— Ваше животное желание. Вы не узнали меня. Вы меня ощупывали взглядом, словно я продаюсь.

Whitney
69

Господин Бонди нахмурился.

— Элен, отчего вам хочется меня унижить?

Элен покачала головой.

— Все мужчины так поступают. Все, все — одинаково. Редко встретишь на улице ясный, открытый, человеческий взгляд.

Пан Бонди чуть не присвистнул. Ага, вот оно что! Религиозная община старого Махата!

— Да, да, — ответила Элен на его невысказанное предположение. — Вы тоже могли бы войти в нашу общину.

— Ну, разумеется! — воскликнул пан Бонди и подумал при этом: «Эх, жаль, хорошая была девка!»

— Почему жаль? — безгневно спросила Элен.

— Послушайте, Элен, — запротестовал Бонди, — вы читаете мысли. Это неприлично. Если бы люди читали мысли друг друга, общение стало бы невозможным. Это бестактно — знать, что твоему собеседнику пришло в голову.

— Но как же быть? — молвила Элен. — Любой, кому открылась истина, наделен этим даром; любая ваша мысль одновременно возникает и у меня: я не читаю ее, она появляется сама. Если бы вы знали, как это очищает душу, коли тебе самому доступно осудить малейшее тайное неблагородство.

— Гм, — хмыкнул пан Бонди, опасаясь, как бы его не посетила неосторожная мысль.

— Несомненно, — убеждала его Элен. — С Божьей помощью я излечилась от страсти к деньгам. Ах, как я была бы рада, если бы и вы прозрели!

— Сохрани бог, — перепугался Г.Х. Бонди. — Прошу прощения, но при этом вы оправдываете недостатки, которые таким способом... гм... таким способом... обнаруживаете в людях?

— О разумеется!

— Тогда выслушайте меня, Элен, — проговорил Бонди, —

вам я могу открыть свое сердце: все равно вы прочли бы это в моей душе. Я никогда не женился бы на женщине, умеющей читать мои мысли. Она может быть святой — пожалуйста, сколько угодно; может быть милосердной к нищим — ради бога, никаких ограничений; на это я заработаю, а для меня это как-никак реклама; я смирился бы даже с вашими добродетелями — из любви к вам, Элен. Я вынес бы все испытания. Ведь по-своему я любил вас, Элен. Признаюсь вам в этом, потому что вы и сама все знаете. Но, Элен, ни торговля, ни общество невозможны без задних мыслей. И главное — без тайных мыслей невозможно супружество. Это исключено, Элен. Даже если вам встретится святейший из святых — не выходите за него замуж, покуда не разучитесь читать его мысли. Легкое надувательство — единственный безотказно действующий рычаг в общении между людьми. Не выходите замуж, святая Элен!

— Почему же не выходить? — сладко пропела святая Элен. — Наш Бог не против природы; он освящает ее — и только. Он не требует от нас умерщвления плоти, он ее освещает. Он заповедал нам жить и плодиться. Он желает, чтобы мы...

— Тррр, — прервал святую пан Бонди, — ваш Бог в этом ничего не смыслит. И если он лишает нас права заблуждаться — он отъявленный враг природы. Он просто возмутителен, Элен, абсолютно возмутителен. И если у него есть капля разума — он признается в этом. Или он вовсе неискушен, или преступный разрушитель. Глубоко сожалею, Элен. Я не против религии, но этот Бог сам не знает, чего он хочет. Удалитесь в пустынь, святая Элен, вместе со своим ясновиденьем. Люди его не потеряют. До свиданья, Элен, а лучше — прощайте.

Глава 11

Первая баталия

До сих пор не установлено, как это произошло; но тем не менее именно в тот период, когда фабрика инженера Р. Марекка (Бржевнов, Миксова, 1651) была оккупирована частными сыщиками и окружена полицейскими кордонами, неизвестные злоумышленники уволокли оттуда Марекков экспериментальный карбюратор. Тщательнейшие расследования ни к чему не привели — украденная машина пропала бесследно.

А некоторое время спустя владелец карусели Ян Биндер решил купить у торговца утилем на Гаштальской площади нефтяной моторчик. Торговец же предложил покупателю огромный медный цилиндр с маховым колесом, заметив, что этот двигатель очень дешев в эксплуатации; стоит, дескать, всыпать внутрь немножко угля, и он работает как заводной долгие месяцы. Ян Биндер, внезапно осененный небывалой, прямо-таки слепой верой в медный цилиндр, отдал за него три сотни; он сам погрузил его на повозку и отвез к своей исправной карусели, в пражское предместье Злихов.

Ян Биндер скинул пиджак, снял цилиндр с повозки и, тихо насвистывая, принялся за работу. Вместо маховика он наладил на вал колесо, на колесо накиннул ремень, натянув его и на другой вал, который одним своим концом должен был крутить карусель, а другим — шарманку. Потом хозяин смазал

втулки, задвинул их в одно из колес и, сунув руки в карманы, выпятив губы, словно собираясь свистнуть, замер в ожидании того, что будет дальше. Колесо, сделав три оборота, остановилось; потом дрогнуло, качнулось и начало плавно, сосредоточенно вращаться. Тотчас раздались звуки шарманки, которая заиграла всеми своими дудочками и трубочками; карусель встрепенулась, словно пробуждаясь от сна, расправила свои члены и плавно пошла по кругу. Серебристая ее бахрома переливалась на солнце; белые кони под чепраками с красными поводьями стронули с места свои царские экипажи; олень, вытаращив страшные, остекленевшие глаза, понесся вскачь, поднявшись на дыбы; лебеди, величественно изогнув благородные шеи, повлекли за собой белоснежно-лазурные челны; играя всеми цветами радуги, звеня песнями, карусель разворачивалась во всей своей неопикуемой, райской красоте перед застывшим взором трех граций, измалеванных на шарманке, которая упивалась собственным искусством.

А Ян Биндер стоял, выпятив губы и засунув руки в карманы, и разглядывал свою карусель, захваченный каким-то неведомым, новым и прекрасным чувством. Но теперь он был уже не один. Ребенок с грязной, заплаканной, сопливой физиономией увлек сюда свою молоденькую няньку и застыл перед каруселью, широко раскрыв глаза и рот. Нянька тоже таращила глаза и стояла словно очарованная. Карусель кружилась, сверкающая, торжественная и величественная, будто праздник; только что она проносилась мимо с головокружительной скоростью, трепеща, как корабль, груженный индийскими пряностями, а теперь плывет, словно золотое облако, высоко в небе, — впечатление такое, будто, оторвавшись от земли, она мчит в небеса, полыхая позолотой и вознося ввысь ликующую песнь. Но нет, это поет-заливается шарманка; это она звенит женскими голосами, осыпаемыми серебристым дождем звуков арфы; а теперь вот гудит девственный лес или

орган; в глубине джунглей флейтами щебечут птички, словно опускаясь тебе на плечи; звучные фанфары оповещают жителей о вступлении в город вождя или даже целой армии, чьи огненные мечи блещут на солнце. Но кто же творит этот чудный гимн? Тысячи людей размахивают пальмовыми ветвями, небеса разверзаются, и под барабанный бой на землю слетает песнь самого Бога.

Ян Биндер поднимает руку, но тут карусель останавливается и раскрывает свои объятия ребенку. И он взбирается на нее, словно входит в распахнутые ворота рая, и нянька, как лунатик, следует за ним и сажает его в челн, запроженный лебедем.

— Нынче задаром, — хрипло бросил Биндер, отчего восторженно залилась шарманка и карусель закружилась, словно взмывая в небеса. Ян Биндер пошатнулся. Что это? Это ведь уже не карусель, а вся земля пошла кругом. Злиховский костел выписывает гигантские эллипсы, подольский санаторий вместе с Вышеградом, медленно, непрерывно кружась, перебираются на противоположный берег Влтавы. Да, да, все вращается вокруг карусели, быстрее, быстрее, как турбина; только карусель стоит прочно посредине земли, мерно колыхаясь, будто корабль, на палубе которого прохаживаются белые кони, олени, лебеди и невинный ребенок, — он ведет няню за руку и нежно треплет животных. О да, земля несется стремительно, и на всем ее пространстве лишь карусель являет собой любезный сердцу приют спокойствия и отдохновения. Ян Биндер, пошатываясь, чувствуя тошноту в желудке, подхваченный коловращением земли, с вытянутыми вверх руками, спотыкаясь, цепляется за железные тяжи карусели и вскакивает на ее тихую палубу.

Отсюда видно, как вращается, расходится кругами земная поверхность, как по ней, словно по беспокойному морю, катятся волны... Из домишек выскакивают обезумевшие обита-

тели, они бессмысленно размахивают руками, силятся удержаться на месте, падают, но их тут же подхватывает некий гигантский, бешено вращающийся волчок. Биндер, крепко вцепившись в карусельные цепи, наклоняется к людям и ревет: «Ко мне, ко мне, люди добрые!» И люди добрые, видя озаренную сияньем карусель, возносящуюся над бешено раскрутившейся землей, спешат, торопятся к нему. Биндер, держась за стальные прутья одной рукой, другую протягивает им и выхватывает из пучин земли детей, старушек, стариков — и вот они уже на карусельной палубе, переводят дух после великого испуга и ахают, завидев летящую по кругу планету. Уже всех вытянул пан Биндер, но по земле еще носится черненький щенок, скуля со страху; он и рад бы допрыгнуть до палубы, да земля вращается все быстрее и быстрее. Тогда Биндер опускается на корточки, свесив руку вниз, подхватывает щенка за ошейник и втягивает его наверх.

В ту же секунду шарманка грянула благодарственную песнь. Она звучит хоралом потерпевших крушение, где хриплые голоса пловцов вплетаются в детскую молитву; над разбушевавшейся стихией распростерлась радуга мелодии (*be-molle*), а небеса распахнулись блаженным сияньем скрипичного *pizzicato*. Чудом спасшиеся люди стоят на Биндеровой карусели в полном молчании, обнажив головы; женщины тихо шевелят губами, творя молитву, а дети, уже забывая о только что пронесшейся грозе, отваживаются даже погладить жесткую морду оленя и гордо выгнутую шею лебедя. Бело-снежные кони снисходительно позволяют детским ножонкам вскарабкаться в их седла; то тут, то там раздается конское ржание, и лошадь важно, с достоинством цокает копытом. Земля вращается теперь медленнее, и Ян Биндер, высокий, в своей моряцкой полосатой тельняшке, нескладно начинает речь:

— Так вот, люди добрые, собрались мы здесь, бежав от суеты мирской. Тут, значит, мир Божий посередь гроз, тут мы

уложены, как в постельке. И это нам знамение, что должны мы бежать от мирского шума и найти прибежище в объятиях Господа, аминь!

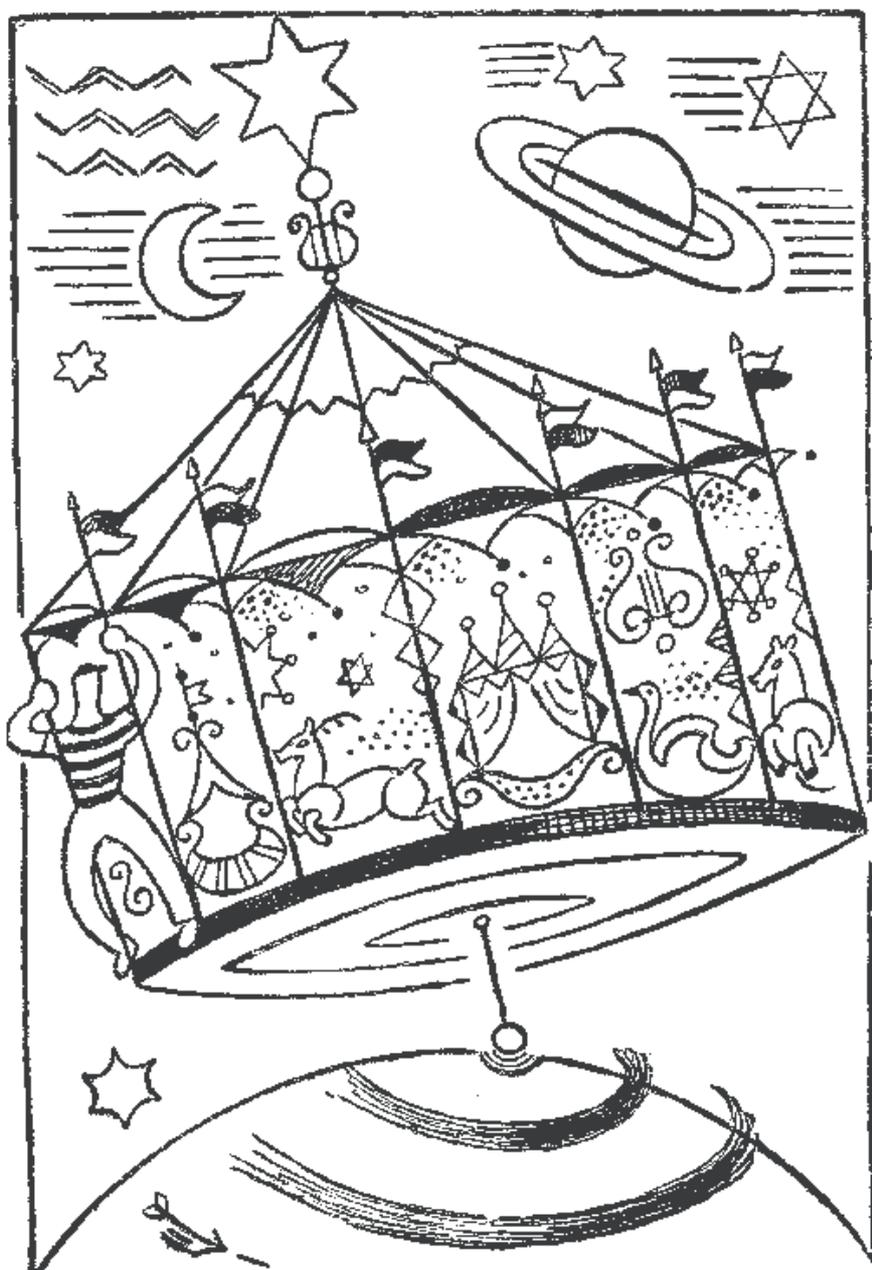
Это или нечто подобное внушал Ян Биндер в своей проповеди, а люди, сгрудившиеся на карусели, внимали ему, словно священнику в церкви. Наконец земля остановилась; шарманка тихо, благоговейно взяла последний аккорд, и люди пососкакивали вниз.

Ян Биндер напомнил еще раз, что катались все задаром, и отпустил их, обращенных в новую веру и возвышенных душой.

А когда в четвертом часу маменьки с детками и старички пенсионеры снова вышли прогуляться между Злиховом и Смиховом, шарманка снова завела свою музыку, земля завертелась, и снова Ян Биндер спасал людей на карусельной палубе и успокаивал их приличествующей случаю проповедью; в седьмом часу с фабрики возвращались рабочие; в девятом откуда-то появились влюбленные, а в одиннадцатом гуляки высыпали из кабачков и кинематографа; все они были подхвачены земной круговертью и уцелели лишь благодаря радушно распахнутым объятиям карусели; спасенные были укреплены для будущей жизни напутственными словами Яна Биндера.

Душеспасительная деятельность пана Биндера продолжалась неделю, после чего карусель покинула Злихов и подалась вверх по течению Влтавы, в Хухли и на Збраслав, а затем — в Штеховице¹. Уже четверо суток с непреходящим успехом трудилась она во славу Божию, пока не разыгралось несколько странное происшествие. Ян Биндер как раз закончил проповедь и, сотворив крестное знамение, отпустил своих новых учеников с миром. Но тут из тьмы выступила, приближаясь к

¹ Злихов, Хухли, Збраслав, Штеховице — пражские предместья.

нему, черная безмолвная масса; во главе ее шествовал высокий мужчина с обвисшими усами; он вплотную подступил к Биндеру.

— А ну, — вымолвил великан, с трудом сдерживая гнев, — сматывайтесь отсюда, а не то...

Биндеровские прихожане, слышав это, вернулись к своему пастырю. Биндер, чувствуя за собой крепкий тыл, сказал твердо:

— Смотаемся после дождичка в четверг.

— Спокойно, милый человек, — посоветовал кто-то из пришедших, — к вам обращается сам пан Кузенда.

— Оставьте его, пан Гудец, — перебил усатый, — Я один с ним управлюсь. И так, второй раз вам говорю: сматывайте удочки, а не то я во имя Господа Бога разнесу все вдребезги.

— Стало быть, убирайтесь-ка и вы восвояси, — отвечивал Ян Биндер, — а не то я во имя Господа Бога вышибу вам зубы.

— Черт побери! — завопил механик Брых, продираясь сквозь толпу вперед. — Пусть попробует!

— Братья, — мягко увещевал Кузенда, — сперва потолкуем по-хорошему. Биндер, вблизи нашей землечерпальной святыни вы творите ваши мерзопакостные фокусы, но мы этого не потерпим.

— Надувательство это, а не святыня, — во всеуслышанье провозгласил Биндер.

— Что?! — воскликнул пораженный Кузенда.

— Это надувательство, а не святыня!

Трудно передать в связном повествовании, что произошло затем. По-моему, первым на Биндера бросился пекарь из Кузендова лагеря, но Биндер поверг его наземь, треснув кулаком по башке.

Затем лесничий двинул Биндера прикладом в грудь, но в то же мгновенье лишился ружья; какой-то штеховицкий при-

спешник Биндера вышиб им Брыху передние зубы и сбил шляпу с головы пана Гудеца. Кузендов почтмейстер душил какого-то парнишку, Биндерова последователя. Биндер бросился к нему на помощь, но штеховицкая влюбленная сиганула на него сзади и укусила в плечо, где у пана Биндера был вытатуирован чешский лев. Кто-то из «биндеровцев» вытащил нож, и Кузендова рать в своем большинстве оставила позиции, но некоторые, напав на карусель, все же успели обломать рога оленю и свернуть благородную шею одному из лебедей. Карусель застонала, покосилась, и верх ее обрушился на нечестивцев.

Кузенда, задетый карусельной спицей, потерял сознание. Все погрузилось во мрак и безмолвие. Подоспевшие зеваки узрели такую картину: Биндер сидит с переломом ключицы, Кузенда валяется в беспомощности, Брых то и дело выплевывает зубы и кровь, а штеховицкая барышня рыдает в истерике. Прочие, взяв ноги в руки, улепетнули.

Глава 12

Приват-доцент

Молодой, едва достигший 55-летнего возраста д-р философии пан Благоуш, приват-доцент кафедры сравнительной теологии Карлова университета, довольно потирал руки, подступая к четвертушкам чистой бумаги. Легко начертав заглавие «Религиозные явления последнего времени», он начал свою статью следующими словами: «Спор об определении понятия „религия“ ведется со времен Цицерона». Написав это, приват-доцент погрузился в раздумье. «Эту статью, — решил он, — пошлю во „Время“; погодите, братья коллеги, посмотрим, какой вы поднимете переполох! Эта мистическая лихорадка вовремя подвернулась! Чрезвычайно актуальная выйдет статья!

В газетах появятся отзывы — вроде „Наш молодой, подающий надежды ученый, д-р философии Благоуш опубликовал глубокое исследование...“ и так далее; потом мне дадут экстраординарную профессиру, и Регнер лопнет от злости».

Молодой ученый опять с удовольствием потер морщинистые ручки, так что раздался радостный хруст, и принялся сочинять дальше. Когда под вечер к нему зашла хозяйка — спросить, что пан желает на ужин, ученый был уже на шестидесятой четвертушке и дошел до Отцов церкви. В двенадцатом часу пополуночи (на четвертушке 115-й) он приблизился

к собственному определению понятия религии, которое от определений его предшественников отличалось одним-единственным словом; затем д-р Благоуш вкратце рассказал (не преминув сделать несколько полемических замечаний) о методах точной теологической науки, после чего сжатое вступление к статье было завершено. Вскоре после полуночи наш доцент записал: «Именно в последнее время дают себя знать различные религиозные и культовые явления, которые заслуживают внимания точной теологической науки. И хотя первоочередной и непосредственной ее задачей является восстановление религиозных верований давно вымерших народов, однако живая действительность также может предоставить *современному* (подчеркнуто д-ром Благоушем) исследователю разнообразный материал, *mutatis mutandis*¹ проливающий свет на культовые действия давнего прошлого, о которых мы судим только на основании предположений».

Затем д-р философии, воспользовавшись сообщением газет и изустными свидетельствами очевидцев, описал кузендизм, где обнаружил черты фетишизма, а также тотемизм (землечерпалка как тотем Штеховиц). Ученому удалось установить родство биндеризма с танцующими дервишами и оргастическими культурами древних. Д-р Благоуш упомянул также о явлениях, имевших место при торжественном пуске карбюраторной электростанции, и остроумно сопоставил их с культом огня у парсов². В общине Махата ученый увидел черты аскетические и факирские; примеры разнообразных случаев ясновидения и чудесного исцеления д-р Благоуш весьма тонко сравнил с черной магией древних негритянских племен

¹ В измененных условиях (*лат.*).

² *Кульм огня парсов* — религиозный культ у парсов — последователей учения Заратустры.

Центральной Африки. Несколько шире коснулся он вопроса психической инфекции и массового внушения; он исторг из тьмы веков шествия флагеллантов¹, крестовые походы, хилиазм² и малайский амок³. Религиозные движения последних дней д-р Благоуш рассмотрел в психологических аспектах: как заболевание дегенератов-истериков и как психическую эпидемию среди суеверных, интеллектуально неразвитых масс; и в том и в другом случае ученый указывал на пережитки примитивных культовых форм, склонность к анимизму и шаманству⁴, на коммунизм первых религиозных общин, напоминающий анабаптистов⁵ и вообще ослабление деятельности разума в пользу наимпримитивнейших инстинктов — суеверий, веры в чудеса, в переселение душ, мистику, идолов.

«Не нам судить, — писал д-р Благоуш, — в какой степени здесь присутствуют очковтирательство и мошенничество

¹ *Флагелланты* (лат. *Flagellans* — бичующий) — участники религиозного, враждебного католической церкви движения, возникшего в XIII веке среди городской бедноты Италии.

² *Хилиазм* — религиозное учение о тысячелетнем «царстве Божьем» на земле. В Средние века хилиазм был выражением антифеодального протеста крестьян и горожан. В основном, однако, хилиастические секты носили непротивленческий характер, проповедуя пассивное ожидание «царства Божьего».

³ *Малайский амок* — неожиданные и болезненные взрывы возбуждения; особенно часто наблюдается у малайцев, курящих опиум.

⁴ *Склонность к анимизму и шаманству* — то есть склонность к вере в непосредственное влияние духов на человека, которое иногда осуществляется посредством проповедников и шаманов.

⁵ *Анабаптисты* (перекрещенцы) — сторонники плебейской секты, возникшей в Германии в XVI веке. Анабаптисты отрицали церковную иерархию и формализм таинств.

лиц, спекулирующих на легковерии простых людей; научный эксперимент со всей очевидностью показал бы, что мнимые чудеса нынешних тауматургов¹ не что иное, как давным-давно известные проделки шутов и гипнотизеров.

С этой точки зрения обращаем внимание органов безопасности и психиатров на новые, что ни день возникающие на белом свете «религиозные общины», секты и кружки верующих.

Точная теология ограничивает свою задачу констатацией того, что все эти религиозные явления, по сути дела, лишь пережитки варварства и смесь наидревнейших элементов культа, подсознательно живущих в народной фантазии; достаточно нескольких фанатиков, шарлатанов и явных маньяков, чтобы под цивилизованным слоем европейского общества проступили доисторические мотивы слепой веры...»

Д-р Благоуш встал из-за письменного стола; он только что дописал 346-ю четвертушку своего опуса, но еще не чувствовал себя утомленным. «Теперь нужен эффектный конец, — сказал он себе, — несколько идеек насчет прогресса и науки, замечание о подозрительной снисходительности правительства к религиозному обскурантизму, тезис о необходимости дать отпор реакции и так далее».

В этот момент молодой ученый, охваченный восторгом вдохновения, подошел к окну и выглянул на улицу — тишь, безлюдье царили вокруг. Ни один огонек не мерцал в жилищах людей. Д-р Благоуш легонько вздрогнул от утренней свежести. Приват-доцент взглянул на небо; оно уже померкло, но все еще переливалось звездами, далекое, величавое. «Как давно я не видел неба! — подумал вдруг ученый, — Бог мой, больше тридцати лет!»

¹ *Тауматург* — чудотворец, член чешской секты «Белых чудотворцев». (греч.).

Тут нежная прохлада коснулась его чела, словно кто-то обнял его голову своими чистыми, холодящими руками. «Я так одинок, — тоскливо пожаловался старик, — всю жизнь очень одинок! Да, да, приголубь, приласкай меня, ветер; ах, уже более четверти века ничья ладонь не ласкала моего лба!»

Замирая от счастья и дрожа, д-р Благоуш стоял у окошка. «Тут кто-то есть, — вдруг осенило доктора, объятого мучительно-сладким волнением, — о Боже, я ведь тут не один! Кто-то обнял меня, кто-то стоит возле. О, если бы он остался со мной навсегда!»

Если бы некоторое время спустя в кабинет доцента вошла хозяйка, она увидела бы, как ученый муж воздел к небу руки и запрокинул голову; выражение непередаваемого восторга разлилось по его лицу. Но вот он вздрогнул, открыл глаза и, словно лунатик, вернулся к письменному столу.

«С другой стороны, нет никаких сомнений, — торопливо записывал он, не заботясь о связи с предыдущим, — что Бог нынче не в состоянии проявляться иначе, как в примитивных культовых формах. Упадок веры, характерный для современности, разрушил вековую зависимость человека от древней религии; Богу приходится все начинать сначала, обращая нас в свою веру, как некогда дикарей; поэтому он прежде всего должен стать идолом и фетишем, божком общины, клана или племени; он одушевляет природу и оказывает на нас влияние через магов и чародеев. На наших глазах повторяется эволюция религии от доисторических форм до высших ее ступеней. Возможно, что нынешняя религиозная волна разойдется по нескольким направлениям, каждое из которых будет добиваться господства за счет остальных.

Мы вправе ожидать и периода религиозных сражений, которые пылом своим и упорством превзойдут крестовые походы, а по своим масштабам оставят далеко позади последние мировые войны. В нашем растерявшем всякую веру мире

царство Божье нельзя создать без великих жертв и догматических междоусобиц. Однако, невзирая на это, говорю вам: отдайтесь Абсолюту всем существом своим; уверуйте в Бога, в каком бы обличье он ни являлся; знайте, что он уже грядет к нам, дабы сотворить на нашей земле и, по всей видимости, на других планетах нашей системы вечное царствие Божие, царствие Абсолюта. Наперед говорю вам: покоритесь!»

* * *

Эта статья приват-доцента д-ра Благоуша действительно появилась в печати, хотя и не в полном виде: редакция опубликовала лишь рассуждения ученого относительно сект и заключительную часть с осторожным комментарием в том смысле, что эта статья энтузиаста науки в значительной степени примечательна для умонастроений времени.

Большого переполоха статья Благоуша не вызвала. Произведенное ею впечатление вскоре было вытеснено новыми событиями. Только приват-доцент Регнер, тоже подающий большие надежды д-р философии, прочитал статью Благоуша с нескрываемым интересом; во время чтения он не раз восклицал по разным поводам: «Нет, Благоуш невыносим. Совершенно невозможен. Ну помилуйте, можно ли на профессиональном уровне рассуждать о религии, если сам веришь в Бога?»

Глава 13

Извинения автора хроники

А теперь позвольте летописцу Абсолюта обратить внимание читателей на свое незавидное положение. Прежде всего он как раз приступает к главе 13, сознавая, что это злосчастное число будет иметь роковое влияние на ясность и полноту изложения. Что-нибудь да перепутается в этой зловещей главе — уж будьте покойны. Конечно, автор мог бы как ни в чем не бывало надписать «Глава 14», но бдительный читатель тотчас почувствовал бы себя лишенным 13 главы и был бы прав: ведь он заплатил за все повествование. Впрочем, если вас пугает тринадцатое число, пропустите эту главу; право, она проливает не так уж много света на темную историю фабрики Абсолюта.

Куда горше другие сомнения автора. Он поведал вам с той связанностью, на которую был способен, об основании и успехах фабрики; описал последствия установки нескольких карбюраторных котлов у пана Махата, в Промысловом банке, на упицком текстильном предприятии, на Кузендовой землечерпалке и на Биндеровой карусели; на примере трагического происшествия с Благоушем автор показал, как разносится инфекция, вызванная свободным Абсолютом, который, как можно было видеть, начал распространяться, подобно эпидемии, энергично, хотя и без строго разработанного плана.

Теперь учтите, что с тех пор были произведены многие тысячи карбюраторов различных типов. Поезда, самолеты, автомобили и корабли, снабженные самым дешевым мотором, выпускали на своих путях целые облака Абсолюта, подобно тому как прежде они оставляли за собой пыль, дым и смрад. Заметьте, что тысячи фабрик во всех уголках мира уже вышвырнули старые котлы и заменили их карбюраторами; что сотни министерств и учреждений, сотни банков, бирж и универсальных магазинов, международных торговых компаний и ресторанов, отелей и казарм, школ, театров и рабочих клубов, тысячи редакций и обществ, кабаре и частных домов отапливались наиновейшей карбюраторной Центральной Отопительной Системой производства фирмы МЕАС. Не забудьте также, что в концерн МЕАС влились заводы Стиннеса и что американский Форд перешел на серийное производство карбюраторов, выпуская их по тридцати тысяч в день.

Да, да, сделайте одолжение, подытожьте все это и припомните, какие последствия имела установка каждого из кратко описанных мною карбюраторов. Умножьте эти результаты в сотни тысяч раз, и тогда вы легко представите положение, в котором оказался ваш покорный слуга и автор хроники.

О, с какой радостью я вместе с вами последовал бы за только что увидевшим свет карбюратором! Разинув рот, наблюдал бы за его погрузкой; угостил бы хлебцем или кусочком сахара тяжеловозов с королевскими, необъятными крупами, задал бы им сенца — это они доставят на дребезжащей телеге сверкающий, новенький медный цилиндр к месту назначения; с каким удовольствием, заложив руки за спину, я помогал бы при его установке и давал бы советы монтажникам, а потом ждал бы, когда он начнет вращаться. С каким нетерпением я всматривался бы в лица людей — когда же это начнется, когда Абсолют проникнет в них через нос, уши или еще как-нибудь и примется разрушать их косное естество, менять склонности,

врачевать душевные раны; как своим широким лемехом он начисто перепашет, воспламенит и перемелет их в порошок, чтоб возродить вновь, как он раскроет перед ними мир — удивительный, человеческий и подлинный мир чудес, восторгов, вдохновенья, веры! Ибо помните — автор хроники открыто признается в этом, — что сам он в историки не годится; там, где историк ступой или прессом своей исторической эрудиции, эвристики, дипломатики, отвлеченных понятий, синтеза, статистики и прочих исторических ухищрений превратит тысячи и сотни тысяч мелких, живых впечатлений в некую плотную материю, легко поддающуюся обработке и именуемую «исторический факт», «социальное явление», «общественная жизнь», «эволюция», «направление» или даже вообще «историческая правда», хроникер видит лишь разрозненные эпизоды и находит удовольствие копаться в них. Скажем, теперь ему не мешало бы заняться прагматическим, эволюционным, идейным, синтетическим описанием и разбором «религиозного течения», охватившего весь мир на пороге 1950 года; и хроникер, сознавая грандиозность этой миссии, приступил было к собиранию фактов «божественных явлений» данной эпохи; и — глядь! — на этом эвристическом пути наткнулся на «казус» Биндера, артиста варьете в полосатой моряцкой тельняшке; Биндер вышел на пенсию и странствует теперь со своей атомной каруселью по городам и весям. Разумеется, исторический синтез повелевает хроникеру абстрагироваться от полосатой тельняшки, от карусели и даже от Яна Биндера и держаться «исторической сути», «научного положения», утверждая лишь, что «божественный феномен с самого начала захватил широчайшие слои населения». Тут хроникер обязан чистосердечно признаться, что не может он абстрагироваться от Яна Биндера, что он очарован его каруселью и что даже эта полосатая моряцкая тельняшка занимает его куда больше, чем некая «синтетическая картина».

Конечно, это просто неспособность данного лица к научной деятельности, пустое дилетантство, ограниченность исторического кругозора — называйте как угодно, но если бы автор хроники мог поступить по своему усмотрению, он побрел бы вместе с Яном Биндером к Будейовицам, потом на Клатовы, к Пльзеню, в Жлутице¹, все дальше и дальше от Праги; горько сожалея, расстается он с Яном в Штеховицах и машет ему на прощанье: «Прощайте, молодец Биндер. Прощай, карусель, мы уж не увидимся больше».

Бог мой, да ведь я же оставил Кузенду и Брыха на влтавской землечерпалке, но я охотно провел бы с ними еще не один вечер, потому что я люблю Влтаву, текущие воды вообще и особенно вечера у реки; потом я чрезвычайно привязан к пану Кузенде и пану Брыху; что касается пана Гудеца, пекаря, почтмейстера, лесничего и штеховицких влюбленных, то я верю, что и с ними тоже интересно было бы познакомиться поближе — как и с любым, с любым из вас, с любым из обитателей земли. А между тем я вынужден спешить и едва ли успею помахать им шляпой. Прощайте, пан Кузенда! Доброй ночи, пан Брых! Благодарю вас за неповторимый вечер на землечерпалке! И с вами я должен расстаться, доктор Благоуш! Я мечтал бы побыть с вами подольше и описать всю вашу жизнь — что ж, разве жизнь приват-доцента не увлекательна по-своему? Поклонитесь, по крайней мере, от меня вашей хозяйке!

Все, что ни есть вокруг, достойно внимания.

Именно поэтому я хотел бы следовать по пятам за каждым новым карбюратором; я — и вы со мною вместе — узнавали бы новых людей, а они всегда этого стоят. Взглянуть бы хоть

¹ Будейовице, Клатовы, Пльзень, Жлутице — чешские города и местечки.

одним глазком, как они живут, постичь тайны их сердец, увидеть рождение их веры и спасенья, изумиться дивному диву человеческих таинств — вот это была бы удача!

Представьте себе нищего, председателя президиума, банковского директора, машиниста, кельнера, раввина, майора, заведующего экономическим отделом, клоуна в кабаре — вообще все сорта людских ремесел; представьте сластолюбца, фанфарона, скептика, скромника, карьериста — всевозможные виды человеческих темпераментов, а теперь попробуйте вообразить, сколько различных, бесконечно разнообразных, неповторимых и удивительных проявлений «божеской благодати» (или — если угодно — отравления Абсолютом) можно было бы встретить и сколь важно было бы заняться каждым из них в отдельности! Сколько здесь ступеней веры, от обычного верующего до фанатика, от кающегося грешника до чудотворца, от новообращенного до страстного апостола! Объять все это! Всему подать руку! Но этому не суждено сбыться; такая книга никогда не выйдет из-под моего пера, а поэтому хроникер, отказавшийся от чести научно «отфильтровать» исторический материал, с тоской отвращает свои взоры от разрозненных фактов, о которых ему не суждено поведать миру.

О, если бы я мог остаться возле святой Элен! Если бы не должен был вероломно покинуть Р.Марека, который лечит свои нервы в Шпиндельмюле! Если бы я оказался в состоянии вскрыть череп и проникнуть в тайну созидательного мозга стратега промышленности, президента Бонди! Ничего не поделаешь; отныне Абсолют заполонил весь мир и сделался «массовым явлением»; хроникер, с грустью оглядываясь назад, вынужден предпочесть всему этому суммарное изображение лишь некоторых социальных и политических событий, которые стали неизбежностью.

Итак, мы переступаем черту нового круга фактов.

Глава 14

Земля обетованная

Автору хроники так же, наверное, как и многим из вас, нередко случалось смотреть на ночное небо, усыпанное звездами, в немом восхищении сознать их бесчисленность, невообразимую отдаленность и бесконечность вселенной и заставлять себя верить, что каждая точка — это огромный, пылающий мир или целая, населенная разумными существами планетная система и что таких точек, наверное, биллионы; когда смотришь с вершины (со мной так бывало в Татрах) на горизонт и видишь перед собою луга, леса, горы, а под ногами, совсем близко — густой лес и травы, буйные, полные ненасытной жизни, когда различаешь среди них пестроту цветов, кружение насекомых и бабочек, когда это щедрое разнообразие помножаешь про себя на просторы, уходящие в бесконечную даль да к этим просторам прибавляешь еще миллионы километров иных пространств, образующих поверхность нашей планеты, тоже процветающих и изобильных, — в такие моменты тебя посещает мысль о творце и ты говоришь себе: если все это творенье чьих-то рук, то творец, прямо скажем, был ужасно расточительным. Если уж кому-то вздумалось стать творцом, создателем, то вовсе нет надобности творить столь бессмысленно. Изобилие — это хаос, а хаос — это что-то вроде невменяемости или запоя. Да, интеллект человека

немеет перед расточительной щедростью создателя. Проще говоря, всего *слишком* много, и беспредельность эта уму непостижима. Разумеется, рожденный для Вечного во всем привык к беспредельности и не имеет правильного представления о мере, ибо любая мера предполагает конечность, а Богу, скорее всего, вообще неизвестно это понятие.

Пожалуйста, не расценивайте мое утверждение как хулу или поношение; я пытаюсь лишь выразить словами несоответствие человеческого разума и космической беспредельности. Это бессмысленное, прямо-таки лихорадочное буйство и разнообразие сущего трезвому уму кажется скорее следствием распущенности, а не сознательного последовательного созидания. Только это позволил бы я себе заметить со всей присущей мне деликатностью, прежде чем мы вернемся к нашему рассказу.

Читателям уже известно, что благодаря полному сгоранию материи, которое стало реальностью в результате изобретения инженером Марекком атомного карбюратора, с очевидностью было доказано присутствие Абсолюта во всяком веществе. Вероятно, это можно представить себе примерно так (хотя это тоже гипотеза): до сотворения мира Абсолют существовал в виде бесконечной несвязанной энергии, вследствие неких серьезных физических или нравственных причин свободная энергия пустилась творить что есть мочи, превратясь в энергию деятельную, и в точном соответствии с законом превращения перешла в состояние бесконечной связанной энергии; она как-то растворилась в своем результате, то есть в созданной Богом материи, где и осталась заколдованной и скрытой. Понять это не просто, но тут я бессилён помочь читателю.

А в наше время, когда материя полностью сгорала в атомном моторе Марека, связанная энергия, как видно, освобождалась, избавляясь от материальных пут; она стала вольной

энергией, или Абсолютом деятельным, столь же свободным, как и перед сотворением мира. Произошло внезапное раскрепощение неизвестной дотоле рабочей силы, которая уже однажды проявила себя при сотворении мира.

Если бы вдруг космос полностью испепелил себя, изначальное творение создателя могло бы быть повторено еще раз; и это был бы несомненный и безусловный конец, полное уничтожение старого света, что сделало бы возможным основание новой мировой фирмы «Космос II». А между тем в карбюраторах Марека материальный мир сжигали всего лишь килограммами. Абсолют, освобождаемый по таким крохам, или не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы с места в карьер возобновить дело творения, или же не пожелал повторяться; так или иначе, он решил заявить о себе двояким способом — традиционным и явно модернистским. Традиционный способ носил, как вы уже знаете, религиозный характер и выражался в разного рода внушениях, обращениях, нравственном воздействии, экстатических состояниях, пророчествах и — главное — вере в Бога.

В область интимных чувств и человеческой культуры Абсолют вторгся уже испытанным способом, но с размахом дотоле невиданным. Несколько месяцев спустя на планете не осталось никого, кто бы — хоть на короткий миг — не ощутил *Божьего промысла*, с помощью которого Абсолют заявил о своих правах на человеческую душу. Но к психологической форме волеизъявления Абсолюта мы еще вернемся позже, когда нам придется живописать ее катастрофические последствия.

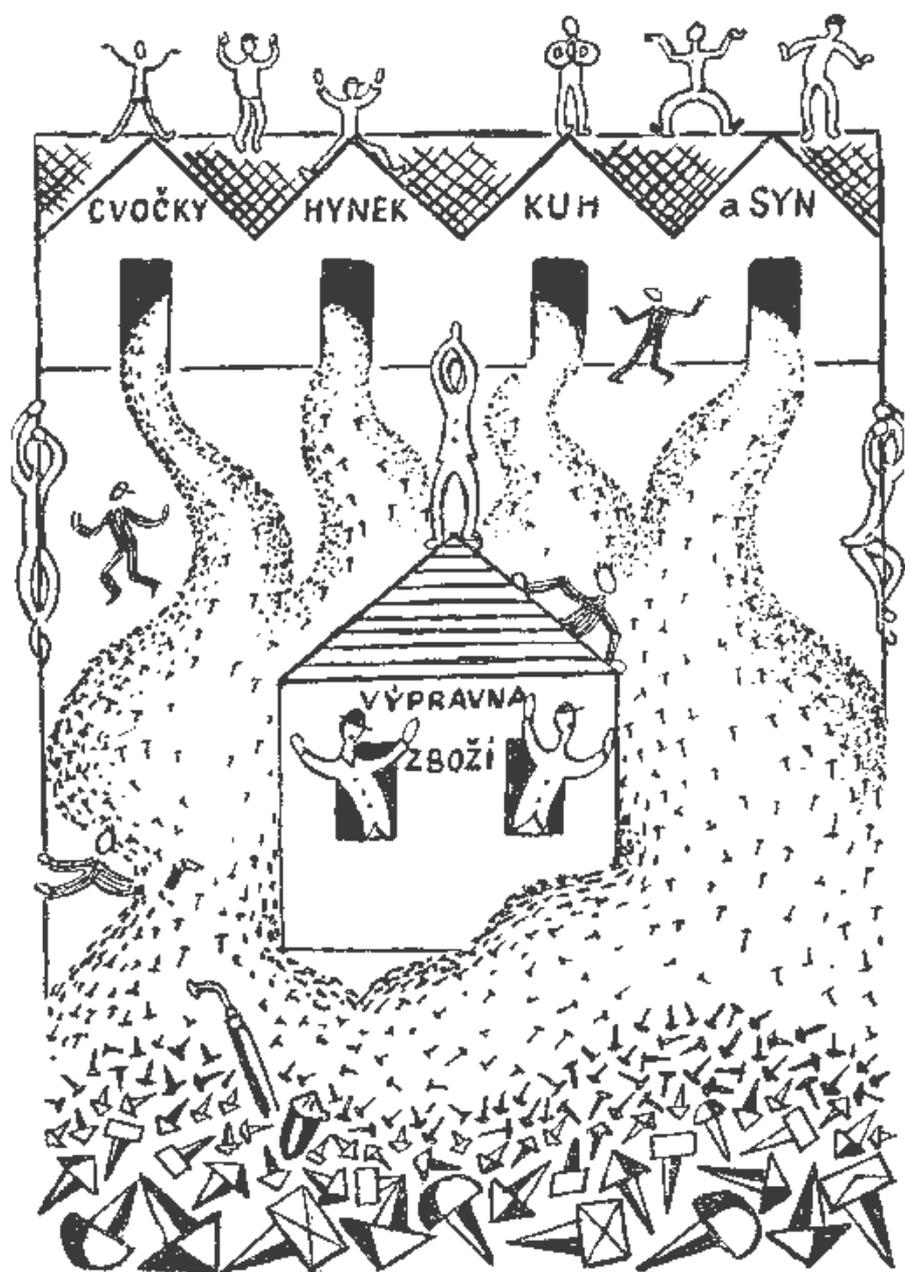
Модернистский способ проявления Абсолюта принес нечто совершенно неслыханное. Бесконечная энергия, некогда занявшая себя сотворением мира, теперь, очевидно, учтя изменившиеся обстоятельства, хлынула в производство. Абсолют не творил — он вырабатывал. Отказавшись от чистого творчества, он стал к станку. И сделался Неутомимым тружеником.

Представьте себе, что на фабрике — скажем, на фабрике сапожных гвоздей — вместо паровой машины поместили самый дешевый из существующих двигателей. Абсолют, хлещущий непрерывным потоком из атомного мотора, ментально постиг — я бы сказал, своим природным умом постиг — суть данного способа производства и отдался ему со всей неукротимой дееспособностью, или, вернее, необузданным честолюбием; он начал производить гвозди. Стоило ему разойтись — и остановить его стало уже невозможно. Станок, никем не управляемый, непрерывно извергал гвозди. Железные прутья, предназначавшиеся на гвозди, шли друг за другом, перелетали по воздуху и сами собой вкладывались в станки. Непривычному взгляду это поначалу казалось чудовищным. Когда запасы сырья иссякли, железо само начало *произрастать* из глубин земли. Чистое железо проступало на фабричной территории, словно кто-то высасывал его из земных недр; затем железные прутья поднимались приблизительно на метр и с лихорадочной поспешностью устремлялись в машины, как будто *кто-то засовывал их туда*. Обратите, пожалуйста, внимание: хотя я всюду говорю «железо поднималось» или «железо устремлялось», но очевидцы описывают свои впечатления в таких выражениях, словно железо было *поднято* яростной, но невидимой силой *насильственно*, со столь явным и сосредоточенным *усилием*, что это вселяло ужас; очевидно, для подобных метаморфоз требовалось *колоссальное* напряжение. Конечно, тот, кто баловался спиритизмом и видел «вознесение столика», может подтвердить, что столик поднимался отнюдь не с бесплотной легкостью, а в каких-то судорогах: он трещал во всех сочленениях, дергался, вставал на дыбы, пока *не подскакивал ввысь*, словно приподнятый неодолимой силой. Но как изобразить ожесточенную, немую, упорную борьбу, после которой железо ползет наверх, вытягивается в прутья, лезет в станки и позволяет разрубить

себя на гвозди?! Прутья извиваются, словно змеи, сопротивляясь чему-то влекущему их в машины, звенят и скрежещут в тишине, в неощутимой немоте; корреспонденты того времени отмечают кошмарное впечатление от этого зрелища; право, это было чудо, но не думайте, что чудеса — это нечто столь же удивительное и незамысловатое, как сказка; на мой взгляд, в основе любого чуда лежит раздражающее нервное напряжение. Однако с каким бы усилием ни действовал Абсолют, нас ошеломляет прежде всего его колоссальная производительность; за примерами далеко ходить не нужно; вспомним: одна наша гвоздильная фабрика, полоненная Абсолютом, круглыми сутками извергала такое количество гвоздей, что на фабричном дворе образовались целые горы, которые впоследствии повалили загородки и засыпали улицу.

Ограничимся пока примером с гвоздями. Тут вы видите всю первозданность Абсолюта, неистощимого и расточительного, как в дни сотворения мира. Однажды устремившись в производство, он уже не заботился о распределении, спросе, сбыте, целесообразности — ни о чем вообще; просто всю свою нерастраченную энергию он обрушил на производство гвоздиков. Будучи, в сущности, бесконечен, он не знал меры и не ограничивал себя ни в чем, даже в производстве сапожных гвоздей.

Можете представить, какую панику вызвала активность нового двигателя среди рабочих такой фабрички! В их глазах Абсолют был неожиданным и бесчестным конкурентом, тем, кто совершенно обесценил их труд; безусловно, они с полным правом могли бы оградить себя от нападков манчестерского капитализма, сговорившись разорить фабрику и повесить фабриканта, и они сделали бы это, если бы с первых же секунд не были покорены и околдованы Абсолютом: среди них вспыхнула религиозная горячка всех форм и оттенков. Они переболели вознесениями, пророчествами, чудесами, видениями,

исцелениями, святостью, сверхлюбовью к ближнему и тому подобными противоестественными и даже фантастическими состояниями.

С другой стороны, нетрудно вообразить, как воспринял божественную сверхпроизводительность владелец такой гвоздильной фабрики. Он, по-видимому, должен был бы возликовать, вышвырнуть рабочих, на которых и без того был зол, и довольно потирать руки, любуясь лавиной гвоздиков, которые не стоили ему ни копейки. Но он тоже, конечно, был подвержен психическому воздействию Абсолюта и поэтому тут же, не сходя с места, передал фабрику рабочим, братьям во Христе, в общее пользование, да к тому же он попросту сообразил, что горы гвоздиков теперь утратят всякую ценность, ибо не найдут сбыта.

Правда, рабочим не нужно было торчать у станков и подносить железные прутья; кроме того, они оказались совладельцами фабрики. Но несколько дней спустя обнаружилось, что необходимо устранить многотонные горы никому не нужных сапожных гвоздей, устранить любым способом. Сперва целые вагоны гвоздей удавалось рассылать по фиктивным адресам, но вскоре не осталось ничего другого, как вывозить их за город, где выросли гигантские свалки. На уборке гвоздей все фабричные рабочие были заняты по четырнадцать часов в сутки; однако они не роптали, осиянные духом Божьей благодати и взаимопонимания.

Простите мне столь долгое топтанье вокруг темы гвоздей. Абсолют не знал узкой промышленной специализации. С таким же рвением он вторгся в прядильни, где творил чудеса и не только вил веревки из песка, но и пряд из него пряжу; ткацкое, трикотажное и суконное производство Абсолют взял на откуп, безостановочно выдавая миллионы километров всего, что можно резать, кроить, шить. Он завладел металлургическими, прокатными, литейными, стекольными заводами, за-

водами сельскохозяйственных машин, лесопильнями, деревообделочной промышленностью, производством химикатов, сахара, удобрений, азота, нефти, кирпича, обоев, керамики, обуви, бумажными фабриками, красильнями, шахтами, пивоварнями, молочными, мельницами, монетными дворами, автозаводами, точильнями. Абсолют ткал, вязал, пряд, топил, бил, давил, сколачивал, плавил, монтировал, шил, строгал, резал, пилил, копал, жег, белил, чистил, варил, фильтровал, прессовал по двадцать четыре и даже двадцать шесть часов в сутки. Впряженный в сельскохозяйственные машины вместо локомотивов, Абсолют пахал, сеял, боронил, рыл, косил, жал и молотил. И в каждой отрасли он сам создавал производственное сырье и в сотни раз увеличивал выпуск продукции. Он был неистощим. Он прямо бурлил кипучей энергией. Он открыл численное выражение своей собственной бесконечности: изобилие.

Чудо с пятью рыбками и одним хлебцем было повторено в монументальной форме чудесного размножения сапожных гвоздей, досок, азотистых удобрений, пневматических шин, бумаги и прочих фабрично-заводских изделий.

На земле наступило изобилие во всем, в чем нуждаются люди. Люди, однако, нуждаются в чем угодно, только не в беспредельном изобилии.

Глава 15

Катастрофа

Да, да, в нынешние прекрасные — я бы сказал — благословенные времена дороговизны трудно вообразить социальное зло беспредельного изобилия. Нам представляется, что если бы вдруг на планете обнаружили несметные залежи предметов потребления, то это был бы рай. «Чего же лучше, — думаем мы, — если всего хватает на всех и так дешево, господа!»

Так вот, экономическая катастрофа, разразившаяся в мире благодаря вмешательству Абсолюта, была вызвана тем, что все необходимое для человека можно было достать не только дешево, но прямо-таки задаром. Вы могли даром взять горсть гвоздей, чтобы прибить ими подошвы ботинок или доски пола; вы могли увезти и полный вагон такого добра, только, скажите на милость, зачем? Что бы вы стали с ним делать? Провезли бы сотню-другую километров и раздали бы дорогой? Этого вы предпринять не могли, ибо, стоя над лавиной гвоздей, вы видели бы уже не гвозди, то бишь вещь, относительно полезную, но нечто совершенно ничтожное и бессмысленное в своем изобилии; нечто столь же бесполезное, как звезды на небе. Да, да, да, вот именно: некогда этакая громада новых блестящих гвоздиков была великолепной и даже возбуждала поэтические чувства, подобно светилам небесным. Она казалась

созданной ради безмолвного восхищения. По-своему это был великолепный пейзаж с гвоздями — столь же великолепный, как пейзаж с морем. Но ведь море не вывозят вагонами в центральные области страны, туда, где его нет. На морские воды не распространяются законы распределения. Отныне они не распространяются и на сапожные гвозди.

Однако в то время, как в данной области распростерлось сверкающее море новых гвоздей, в нескольких километрах от нее получить гвозди не было никакой возможности. Экономически обесцененный гвоздь исчез с полок скобяных лавок. Захотели вы, к примеру, прибить гвоздем подошву или воткнуть его ближнему в перину — хватъ, а его и нет. Нету гвоздочка — как в городе Сланом или в Чаславе нету моря.

О, где вы, прославленные торговцы минувших времен, что умели задешево товар приобрести и втридорога продать? Увы, сгнули вы и пропали, ибо снизошла на вас милость Божия; устыдились вы своей корысти и заперли лавочки — только и думы теперь что о братстве; раздали вы все, что имели, и ни за что, ни за что на свете не хотите отныне наживаться на распределении товаров, потребных братьям во Христе; где нет стоимости, там нет и рынка. А где нет рынка, нет и распределения; где нет распределения, нет и товара. А где нет товара, растет спрос, растут цены, растут прибыли, расцветает торговля. Но вы отвратили взор свой от прибыли и почувствовали нестерпимое отвращение ко всем цифрам вообще. Вы перестали глядеть на мир глазами потребления, спроса и сбыта. Воздев руки, вы дивились красе и изобилию. А меж тем гвозди кончились. Их не стало. Лишь где-то за морем они громоздились недосыгаемой громадой.

И вы, пекари, тоже встали у дверей своих лавчонок и принялись зазывать... «Придите, люди Божии, ради Христа, придите и возьмите хлебы и муку, булочки и кренделечки, смилуйтесь, Христа ради, и берите даром!» И вы, торговцы

мануфактурой, вы тоже вынесли отрезы сукон и тончайшего полотна прямехонько на улицу и со слезами радости на глазах оделяли встречного и поперечного, отрезая им по пять, по десять метров и Христом-Богом умоляя принять ваш маленький подарок; и лишь когда ваша лавка начисто опустела, пали вы ниц и возблагодарили Бога за то, что ему угодно было позволить вам одеть ближних, как цветы полевые. И вы, мясники и колбасники, вы тоже водрузили на головы корзины с мясом, с сардельками, с копчеными колбасами и пошли от двери к двери, стуча, названивая, упрашивая, чтобы каждый выбрал, что ему по душе; также и вы, торговцы обувью, мебелью, табаком, сумками, очками, украшениями, коврами, тростями, веревкой, жестяным товаром, фарфором, книгами, вставными челюстями, овощами, лекарствами и бог знает чем еще — все вы, осененные духом Божиим, высыпали на улицы и «раздавали все, что имеете», после чего, встречаясь или стоя на порогах своих опустошенных лавчонок и складов, общались друг другу с пылающим взором: «Ну, брат, я облегчил свою совесть!»

Итак, несколько дней спустя обнаружилось, что раздавать больше нечего. Но и купить тоже. Абсолют разорил, опустошил начисто все торговые дома.

А в то же время где-то вдали от городов машины извергали миллионы метров сукон и полотна, ниагары сахара, рождая бурное, неисчерпаемое изобилие божественного перепроизводства всевозможных товаров. Слабые попытки распределить этот поток среди потребителей вскоре, однако, прекратились. С ним не было никакого сладу.

Впрочем, вполне возможно, что катастрофа в экономике была вызвана чем-то иным, а именно — инфляцией. Абсолют овладел монетными дворами и типографиями; ежедневно он пускал в обращение сотни миллиардов банкнот, металлических денег и ценных бумаг. Инфляция была налицо: пачка

пятитысячных банкнот ценилась едва ли больше, чем относительно плотная туалетная бумага. И если бы вам пришлось в голову предложить за детскую соску пятак или полмиллиона — для денежного оборота это не имело бы ни малейшего значения; соски вы не получили бы все равно, ибо соски исчезли.

Числа утратили всякий смысл. И этот распад системы чисел явился, разумеется, естественным следствием бесконечности и всемогущества Бога.

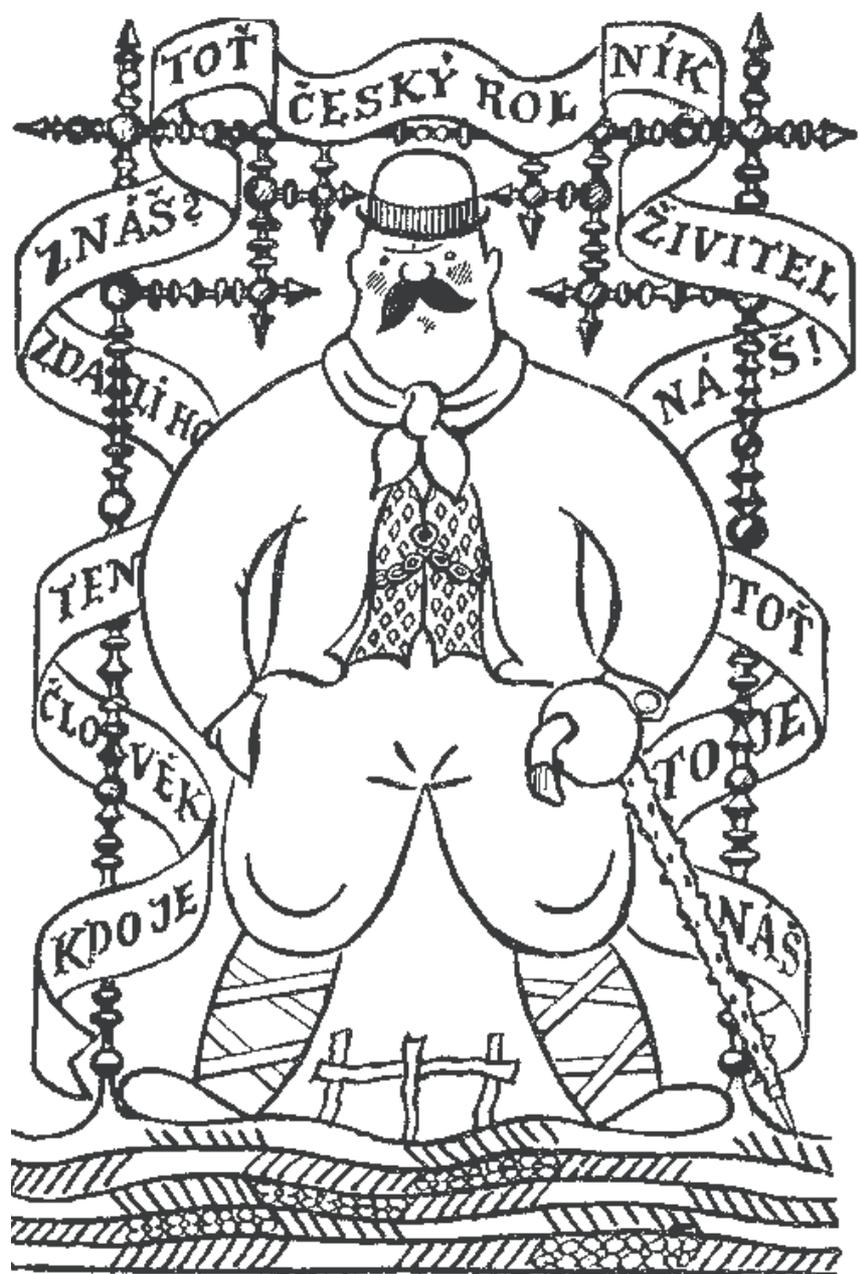
К этому времени в городах уже давал себя знать недостаток продовольствия и даже голод. Снабженческий аппарат по вышеизложенным причинам развалился окончательно, хотя и в эту пору существовали министерства снабжения, торговли, социального обеспечения и железных дорог; по нашим понятиям можно было бы своевременно остановить огромный поток продукции, уберечь ее от гибели и осмотрительно вывезти на места, разоренные Божьей щедростью. Увы, этого не случилось. Министерские служащие, отмеченные особо мощным воздействием благодати, все служебные часы проводили в радостных молитвах. В министерстве заготовок наилучшим образом овладела ситуацией секретарша мадемуазель Шарова, которая особенно ревностно проповедовала девять заповедей Божьих; в министерстве торговли председатель профсоюзного комитета, некто Винклер, провозгласил аскетизм типа индийских йогов. Правда, эта лихорадка длилась лишь четырнадцать дней, после чего в людях развилось — явно по специальному внушению Абсолюта — чудесное осознание долга перед обществом. Ответственные органы трудились днем и ночью, дабы справиться с продовольственным кризисом, но, по-видимому, было уже поздно; ежедневное производство каждым из министерств от пятнадцати до пятидесяти трех тысяч актов, которые по решению межведомственной комиссии столь же регулярно отвозили на грузовых машинах

и сбрасывали во Влтаву, было единственным результатом этой горячки.

Естественно, самым тяжелым оказалось положение с продовольствием, однако, по счастью, в нашей стране — поскольку я описываю события в своем отечестве — на страже общественных интересов стоял *славный труженик села*. Господа, вдумайтесь теперь в смысл того, что мы твердим испокон веков: наш сельский труженик — ядро нации; об этом даже поется в одной народной чешской песне: «*Кто этот парень? Вряд ли ты знаешь. Это чешский крестьянин, кормилец наш!*» Кто же тот кремень, о который разбилось лихорадочное расточительство Абсолюта? Кто же тот гранит, что твердо и невозмутимо пережил панику, охватившую мировой рынок? Кто же этот герой, кто не сложил молитвенно рук, не потерял головы и «остался верно стоять, на посту»? Кто этот человек? Вряд ли ты знаешь! Это чешский крестьянин, кормилец наш!

Да, это был наш сельский труженик (кстати, в иных странах наблюдалось аналогичное явление), именно он на свой манер спас мир от голодной смерти. Представьте себе, если бы им, так же как городскими жителями, овладела мания раздавать все неимущим и нуждающимся; если бы крестьянин за здорово живешь отказался от своего зерна, буренушек и телятушек, курочек, гусей и картошки, — через две недели в городах начался бы голод и деревня была бы выжата, истощена, сама осталась бы без запасов, под угрозой вымирания. Благодаря нашему деловитому селянину этого не произошло. Теперь пусть это *ex post*¹ объясняют чудодейственным инстинктом нашей деревни, его верной, чистой, глубоко укоренившейся в народе традицией или, наконец, тем, что на

¹ После всего (*лат.*).

селе Абсолют был менее заразителен, так как в сельском хозяйстве с его раздробленностью карбюратор не нашел такого массового применения, как в промышленности, думайте, что хотите, но факт остается фактом: в момент общего краха экономической системы и рынка крестьянин *не раздавал, не раздавал ни крошки*. Ни соломинки, ни овсяного зернышка. На развалинах древней промышленной и торговой системы наш сельский труженик безмятежно торговал тем, что имел. И торговал втридорога. Непостижимым чутьем он учуял катастрофическую роль изобилия и вовремя притормозил его. Притормозил, взвинтив цены, хотя амбары ломились от добра. И это свидетельствует о поразительно здоровом начале нашего сельского труженика, который, не тратя слов попусту, без вождей и без всякой организации, ведомый лишь спасительным внутренним голосом, поднимал цены везде и всюду. Подняв цены, он уберег добро от разбазаривания. Среди безумного изобилия он отстоял островок нехватки и дороговизны. Чуял, должно быть, что тем самым спасает мир от верной гибели.

Ибо между тем как прочий, обесцененный, даром раздаваемый товар с естественной неизбежностью сгинул и не появлялся на рынке, продукты питания продавались по-прежнему. Разумеется, за ними вам приходилось прогуляться в деревню. Ваш пекарь, мясник, лавочник ничего не могли предложить вам, кроме братской любви и святого слова. Поэтому, перекинув через плечо котомку, вы побрели за сто двадцать километров в деревню; шли от хутора к хутору — ан глядь! — и подхватили: там кило картошки за золотые часики, а тут яичко за полевой бинокль, еще где-нибудь — килограммчик отрубей за гармонику или пишущую машинку. И — вот видите! — нашлось чем перекусить. А если бы крестьянин все это раздал — вы давно протянули бы ноги. Крестьянин приберег для вас и фунтик масла — приберег

оттого, что возмечтал получить за него персидский ковер или редчайшей красоты кийовский народный костюм¹.

Итак, кто установил безумные эксперименты Абсолюта? Кто не утратил здравого смысла в переполохе, наделенном половодьем добродетели? Кто устоял во время рокового потопа изобилия, кто, не щадя животов наших и добра, уберег нас от гибели?

Кто ж этот парень? Вряд ли ты знаешь,
То чешский крестьянин, кормилец наш.

¹ *Кийовский народный костюм* — костюм округа Кийов — славится необычайной красотой, очень дорог.

Глава 16

В горах

ХИЖИНА в Медвежьей долине. Полдень. Инженер Рудольф Марек, сжавшись в комочек, просматривает на террасе газеты, порой откладывая их, чтобы полюбоваться широкой панорамой Крконошских гор. В горах величественная, кристальная тишина, и сломленный горем человек распрямляет плечи, чтобы вздохнуть полной грудью. Но в этот момент внизу возникает чья-то фигурка и направляется к хижине. «Какой чистый воздух! — приходит в голову Мареку, отдыхающему на веранде. — Здесь, слава богу, Абсолют еще скован, рассеян во всем, притаился в этих горах и лесах, в этой шелковистой, ласковой траве и голубом небе; здесь он не носится по свету, не пугает и не творит чудес, а лишь скрыто существует в материи. Бог глубоко и неслышно присутствует всюду, затаил дыханье да поглядывает искоса. — Инженер Марек воздел руки, принося безмолвную благодарность. — Боже мой, как упоителен здесь воздух!» Человек, шедший снизу, останавливается перед верандой.

— Ну, наконец-то я разыскал тебя, Марек!

Марек поднял взгляд — видимо, визит не обрадовал хозяина. Перед верандой стоял Г. Х. Бонди.

— Наконец-то я тебя разыскал! — повторил пан Бонди.

— Поднимайся наверх, — буркнул явно недовольный Ма-

рек. — Какой черт тебя сюда приволок? Ну и вид у тебя, милейший!

Действительно, Г. Х. Бонди осунулся и пожелтел; на висках серебрится седина, а под глазами собрались усталые морщины. Молча опустил он возле Марека и сжал руки между колен.

— Ну, что с тобой? — настойчиво потребовал ответа Марек, нарушив мучительное молчание.

Бонди махнул рукой:

— Выхожу в тираж, голубчик. То бишь... на меня... на меня это... тоже...

— Благодарь? — воскликнул Марек и отскочил от Бонди как от прокаженного.

Бонди кивнул. Не слеза ли раскаяния дрожит у него на ресницах?

Марек понимающе присвистнул:

— Значит, и ты... Бедняга!

— Нет, нет, — поспешил возразить Бонди и вытер глаза, — ты не думай, что я и теперь еще... Я это как-то перенес на ногах, Рудольф, как-то перетерпел, только, знаешь, когда это... на меня нашло... это была счастливейшая минута в моей жизни. Ты понятия не имеешь, Рудольф, каким страшным напряжением воли спасаешься от этого.

— Верю, — серьезно согласился Марек. — А скажи, пожалуйста, какие ты... какие симптомы ты отмечал у себя?

— Любовь к ближнему, — шепнул Бонди, — я спятил от этой любви, голубчик. Никогда не поверил бы, что можно ощущать что-либо подобное.

Они помолчали.

— Так, значит, ты... — первым возобновил прерванный разговор Марек.

— Я это преодолел. Знаешь, как лисица, которая, попав в капкан, перегрызает себе лапу. Но после этого я чертовски

сдал. Я почти развалина, Рудольф. Словно после тифа. Поэтому и приехал сюда, чтобы опять собраться с силами... Здесь безопасно?

— Совершенно. До сих пор... О нем ни слуху ни духу. Его лишь чувствуешь... в природе и вообще во всем, но так бывало и прежде... в горах это испокон веков.

Бонди угрюмо молчал.

— Ну и что? — тоскливо проговорил он немного погодя. — Что ты на это скажешь? Ты вообще — ты в курсе того, что творится внизу?

— Слежу по газетам... в какой-то степени... и по сообщениям прессы можно воссоздать... картину происходящего. В газетах, конечно, вечно все переврут, но для того, кто умеет читать между строк... Послушай, Бонди, а там действительно все очень страшно?

Г. Х. Бонди замотал головой.

— Хуже, чем ты предполагаешь. Словом, положение отчаянное. Знаешь, — убитый горем Бонди перешел на шепот, — он уже повсюду. По-моему, он действует по вполне определенному плану.

— По плану? — воскликнул Марек и вскочил.

— Не кричи так громко. У него есть план, дружище. Он действует дьявольски хитро. Скажи, Марек, какая, по-твоему, держава могущественнее всех в мире?

— Английская, — не колеблясь, ответил Марек.

— Какое там! Производство — вот какая держава могущественнее всех. И так называемые «массы» — тоже. Понимаешь, в чем его план?

— Не понимаю.

— Он овладел тем и другим. Захватил производство и массы, и теперь они у него в руках. Судя по всему, он рассчитывает на завоевание мирового господства. Так-то вот, Марек.

Марек сел.

— Погоди, Бонди, я тут, в горах, много об этом думал. Я слежу за Абсолютом и все сопоставляю. Я, Бонди, не могу ни о чем другом думать. Я не могу предрекать, куда все это катится, но полагаю, Бонди, что никакого плана у него нет. Я не берусь судить, что тут и как. Возможно, он стремится к чему-то более великому, да не знает, как за это взяться. Я тебе больше скажу, Бонди: он — все еще стихийная сила. Он совершенно не разбирается в политике. Он вандал в народном хозяйстве. Он бы должен был пойти на выучку к церковникам; у них такой богатый опыт... Видишь ли, иногда он представляется мне таким младенцем...

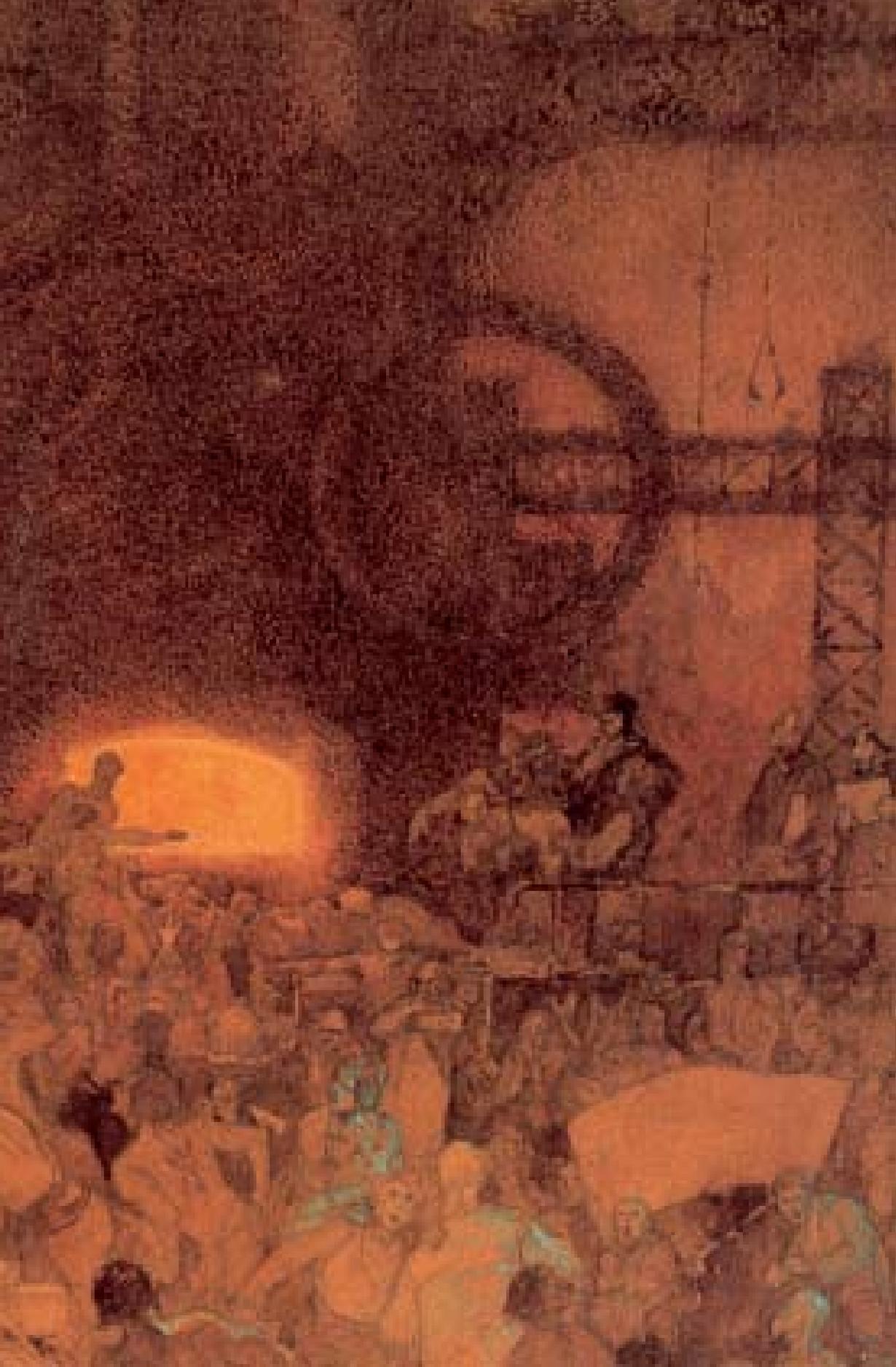
— Не верь, Руда, — горько вздохнул Г. Х. Бонди. — Он знает, чего хочет. Потому и набросился на крупное производство. Он современнее, чем мы предполагали.

— Обыкновенная забава, ничего больше, — возразил Марек. — Ему бы только чем-нибудь заняться. Видишь ли, это такая... младенческая резвость. Погоди, я знаю, ты готов мне возразить. Он великолепно работает. И всем импонирует своей дееспособностью. Но это, Бонди, настолько бессмысленно, что тут не может быть ни намека на план.

— Эти самые «насколько бессмысленные» дела всегда оказывались тщательно продуманными и спланированными, в этом нас убеждают факты истории, — вспыхнул Г. Х. Бонди.

— Эх, Бонди, — быстро заговорил Марек, — погляди, сколько у меня газет. Я слежу за каждым его шагом. И я тебе говорю: последовательности тут нет ни малейшей. Все это только импровизация Всемогущего. Он проделывает сногшибательные трюки, но как-то вслепую, бессистемно, судорожно. Вот видишь, его активность ничуть не организована. Он пришел в мир чересчур неподготовленным. И в этом его слабость. Он мне даже симпатичен чем-то, но я вижу и его недостатки. Организатор он никудышный и, вероятно, никогда хорошим не был. Его идеи гениальны, но в них нет

последовательности, И я удивляюсь, Бонди, как это тебе до сих пор не удалось его перехитрить. Тебе, с твоим прохиндейством и ловкостью!

— С ним ничего нельзя поделать, — заметил Бонди. — Он нападает на тебя изнутри, со стороны твоей собственной души, так сказать, и — крышка. Если ему не удастся воздействовать на твой разум, он ниспосылает чудодейственную благодать. Знаешь, какую штуку он выкинул с паном Шавлом?

— Ты бежишь его, — убеждал Марек, — а я наступаю ему на пятки. Я его уже немножко изучил и, пожалуй, мог бы сострять ордер на арест. *Приметы:* бесконечен; *место жительства:* повсюду вблизи атомных двигателей. *Род занятий:* первобытный коммунизм. Состав преступления: отчуждение частного имущества, незаконная медицинская практика, нарушение закона о собраниях и митингах, развал производственной дисциплины и так далее. *Особая примета:* всемогущество. Короче, Абсолют подлежит аресту.

— Смеешься, — вздохнул Г. Х. Бонди. — А смешного ничего нет. Он одержал над нами верх.

— Ну, это мы еще посмотрим! — вскричал Марек. — Пойми, Бонди. Он до сих пор не умеет управлять. Он так напортачил со своими новшествами! Скажем, взялся он за сверхпроизводство, вместо того чтобы сперва подготовить железные дороги к сверхъестественной перегрузке. А теперь сам сел в калошу — все, что напроизводил, все оказалось ни к чему. С этим своим чудесным изобилием он просто сел в лужу. Вторых, мистическими проповедями он сбил с толку служащих и разрушил весь управленческий аппарат, который теперь-то ему бы и пригодился, чтобы навести во всем порядок. Резолюции можно устраивать где угодно, только не в учреждениях; если бы даже речь шла о конце света, все равно прежде следовало бы разорить вселенную, а уже потом кан-

целярии. Вот оно как, Бонди. И в-третьих, он, как стихийный, теоретически не подкованный коммунист, отменил денежное обращение, чем сразу парализовал циркуляцию продуктов производства. Он не верил, что законы рынка сильнее законов Божьих. Он не желал считаться с тем, что производство без торговли попросту бессмыслица. Ни о чем подобном он не имел понятия. Вел себя как... как... Словом, у него левая рука не ведаёт, что творит правая. И в итоге мы имеем неслыханное изобилие и ужасающую нужду. Он всемогущ, а сотворил лишь хаос. Знаешь, я убежден, что некогда он на самом деле создал и законы природы, и праящуров, и горные массивы — все что угодно, но не товарооборот. Бонди, современная наша торговля и производство — дело не его рук, за это я ручаюсь головой, потому что тут он совершенный невежда. Нет, Бонди, торговля и производство — это не от Бога.

— Погоди, — отозвался Г. Х. Бонди, — я понимаю, что результаты его деятельности грандиозны... невообразимы. Ну, а что с ним можно поделаться?

— Пока что ничего. Я, милый Бонди, только слежу и сопоставляю. Это второй Вавилон. Тут вот, видишь, клерикальные газеты высказывают подозрение, что «неразбериха, возникшая в наше беспокойное время, с дьявольской тщательностью подготовлена и спровоцирована франкмасонами, «свободными каменщиками». «Национальная газета» обвиняет евреев, правые социалисты — левых, аграрии — либералов. Смех, да и только. Но, знаешь, это только цветочки, — ягодки, по-моему, еще впереди; все только начинает запутываться. Подойди-ка, Бонди, я у тебя кое-что спрошу.

— Ну?

— По-твоему, он... как ты думаешь... он... единственный?

— Черт побери, — растерялся Бонди, — а это важно?

— Теперь все зависит от этого, — ответил Марек. — Подойди, Бонди, ко мне поближе и слушай внимательно.

Глава 17

«Молот и звезда»

— Брат мой, Первый дозорный, что ты видишь на Востоке? — спросил Досточтимый, облаченный в черный костюм, белый кожаный фартук и с серебряным молоточком в руке.

— Вижу Мастеров, собравшихся в Мастерской и готовых к Акту творения, — отвечивал Первый дозорный.

Досточтимый ударил молоточком.

— Брат мой, Второй дозорный, что видишь ты на Западе?

— Вижу Мастеров, собравшихся в Мастерской и готовых к Акту творения.

Досточтимый трижды стукнул молоточком, что означало «Творение начинается». Братья франкмасонской ложи свободных каменщиков «Молот и звезда» сели, не спуская глаз с Досточтимого Г. Х. Бонди, который созвал их столь неожиданно. В Мастерской, между стен, затянутых черным крепом, на котором были вышиты Основные максимы, воцарилась глубокая тишина.

Досточтимый Бонди был бледен и задумчив.

— Братья, — обратился к присутствующим Досточтимый спустя некоторое время, — я призвал вас исключительно... исключительно ради Акта творения, которое... в порядке исключительно... вопреки тайным предписаниям нашего Ордена... не является чистой формальностью. Я сознаю... что на-

рушаю торжественный... и священный дух нашего Акта... тем, что поручаю вам... вынести решение о вещах... действительно важных... общественных... огромного значения.

— Досточтимый вправе предписать нам характер Акта, — провозгласил *Judex Formidabilis*¹ при всеобщем одобрении.

— Итак, — начал Г. Х. Бонди, — речь идет о том, что наш Орден подвергается систематическим нападкам со стороны клерикалов. Они утверждают, что наша вековая... тайная деятельность каким-то образом связана с чрезвычайными и достойными всяческого сожаления событиями... в сфере промышленной и духовной. Клерикальная газета настаивает, что Ложи свободномыслящих масонов умышленно развязали... эти демонические силы... Встает вопрос... что мы собираемся предпринять для Блага всего человечества и Чести Всевышнего. Итак... я открываю дискуссию.

После минутного торжественного молчания поднялся Второй дозорный.

— Братья, в сей исторический момент я одобряю, в некотором роде, те проникновенные слова, которые произнес наш многоуважаемый Досточтимый. Он упомянул, в некотором роде, о достойных сожаления событиях. Да, мы те, кто, в некотором роде, стоит на страже Блага человечества, и только ради человеческого Блага должны объявить все эти достойные сожаления чудеса, озарения благодатью, припадки любви к ближнему и прочие неприятности событиями, в некотором роде, достойными чрезвычайного сожаления. Наш долг, соблюдая глубокую тайну, приличествующую нашему Ордену, отвергнуть, в некотором роде, всякую связь с достойными сожаления фактами, которые, в некотором роде, никак не согласуются с традиционными и прогрессивными принципами

¹ Грозный Судья (*лат.*).

нашего Великого Ордена. Братья, эти достойные сожаления принципы, в некотором роде, находятся в принципиальном противоречии со всем этим, как справедливо указал Досточтимый, потому что клерикалы, в некотором роде, вооружаются против нас, и если мы имеем в виду, в некотором роде, Наивысшие Интересы Человечества, то есть я теперь предлагаю, чтобы мы в полном смысле этого слова выразили согласие с достойными сожаления событиями, как справедливо сказал Досточтимый...

Поднялся *Judex Formidabilis*.

— Брат Досточтимый, прошу слова. Констатирую, что здесь достойным сожаления образом говорилось об известных событиях. На мой взгляд, эти события не столь уж достойны сожаления, как полагает брат Второй дозорный. И хотя я не знаю, на какие события намекает брат Второй дозорный, но ежели он имеет в виду святыя собрания сект, которые посещаю и я, то я полагаю, что он введен в заблуждение и даже — я не боюсь этого сказать открыто — просто ошибается.

— Предлагаю, — высказался третий брат, — поставить вопрос на голосование: достойны сожаления вышеуказанные события или нет?

— А я, — взял слово еще один брат, — вношу предложение избрать более узкий комитет для рассмотрения достойных сожаления событий — скажем, в составе трех человек.

— Пяти!

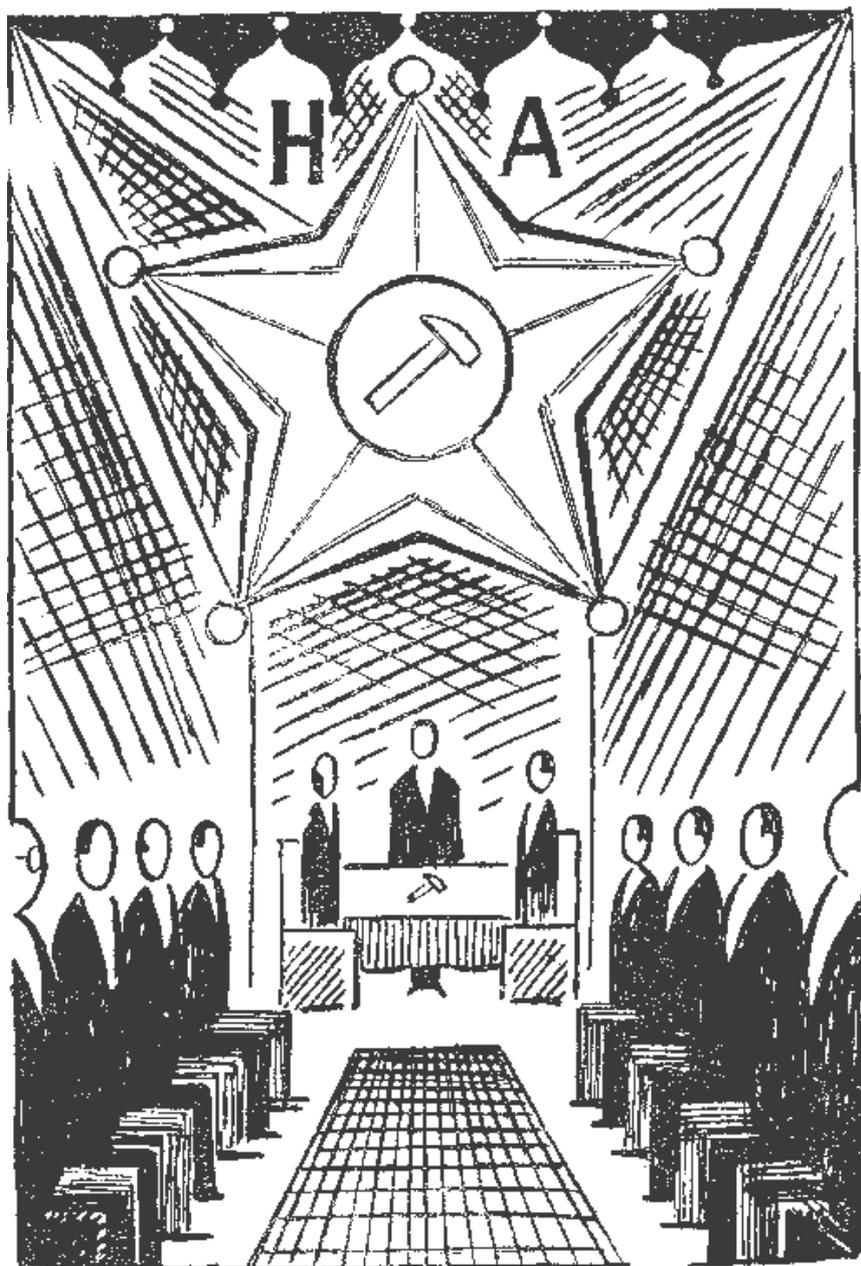
— Двенадцати человек!

— Позвольте, братья, — прервал прения *Judex Formidabilis*, — я еще не кончил.

Досточтимый постучал молоточком.

— Слово имеет брат *Judex Formidabilis*.

— Братья, — вкрадчиво начал *Judex*, — не станем придирааться к словам. События, о которых здесь были высказаны достойные сожаления мнения, такого свойства, что заслужи-

вают внимания, интереса и даже рассмотрения. Не отрицаю, я принял участие в работе нескольких религиозных обществ, которые удостоились милости Божьей. Полагаю, что это не противоречит уставу масонской ложи Свободных каменщиков.

— Нисколько, — отозвалось несколько голосов, — ни в коей мере.

— Далее: признаюсь, что я сам удостоился чести явить миру несколько небольших чудес. Надеюсь, что и это не унижает ни моего Сана, ни Достоинства.

— Конечно, нет.

— В таком случае, исходя из собственного опыта, я могу заявить, что вышеуказанные события являются, наоборот, достойными всяческих похвал, возвышенными и благородными, что они споспешествуют Благу человечества и Славе Всевышнего, а посему с точки зрения каменщиков против них не может быть никаких возражений. Вношу предложение, чтобы ложа заявила о своем нейтралитете по отношению ко всем проявлениям божественной сущности.

Тут встал Первый дозорный и сказал:

— Братья, хоть я ничему из этого не верю, ничего сам не видел и ничего не знаю, но я думаю, что нам лучше держаться за этого Бога. Я думаю, что все это яйца выеденного не стоит, но только зачем нам говорить об этом во всеуслышание? Я, стало быть, предлагаю, чтобы мы тайным образом дали всем понять, что мы располагаем самой точной информацией и согласны все оставить как есть.

Досточтимый возвел очи горе и заметил:

— Обращаю внимание братьев, что Союз промышленников избрал Абсолют своим Почетным председателем. Далее: акции МЕАС, так называемые акции Абсолюта, еще в состоянии подниматься. Кстати, некто, не пожелавший назвать свое имя, пожертвовал «Вдовьей мошне» нашей ложи тысячи этих акций. Прошу продолжать прения.

— Значит, — объявил Второй дозорный, — я, в некотором роде, беру назад эти достойные сожаления события. Исходя из высшего принципа, я совершенно согласен. Я предлагаю обсудить этот вопрос с точки зрения высшего принципа.

Досточтимый поднял очи и сказал:

— Обращаю внимание братьев, что Большая ложа намерена проинструктировать членов ложи по вопросу о последних событиях. Большая ложа рекомендует Мастерам вступать в разнообразные религиозные кружки и секты с целью преобразовать их в духе масонства — в Мастерские Учеников. Члены новых Мастерских будут воспитываться в духе просвещения и борьбы против церкви. Рекомендуется приглядеться к разным верованиям: монистическим, абстинентским, флетчеровским, вегетарианским и так далее. Каждый кружок будет исповедовать иную веру, дабы можно было убедиться на практике, которая из вер лучше всего служит на Благо человечества и во Славу Всевышнего. Этот род деятельности, согласно приказу Большой ложи, обязателен для всех Мастеров. Прошу продолжать прения.

Глава 18

В редакции ночью

Крупнейший католический, он же массовый журнал «Друг народа» располагал не слишком большой редакцией; в половине десятого вечера там остался один только ночной редактор Коштыл (бог весть почему у ночных редакторов так невыносимо смердят трубки) и патер Йошт; насвистывая какой-то мотивчик, он писал завтрашнюю передовую.

В эту минуту, держа в руках еще мокрые гранки, в редакцию вошел метранпаж Новотный.

— Где передовая, господа, где передовая? — заворчал он. — Когда же мы будем набирать передовую?!

Патер Йошт прекратил свист.

— Сей момент, пан Новотный, сей момент, — выпалил он залпом. — Ни одна идея не приходит в голову! «Дьявольские махинации» у нас уже были?

— Позавчера.

— Ах, так. А «Вероломные происки»?

— Тоже были.

— «Подлое мошенничество»?

— «Мошенничество» я тиснул только сегодня.

— «Безбожное изобретение»?

— Раз шесть по меньшей мере.

— Очень жаль, — вздохнул патер Йошт. — Кажется, мы

чересчур расточительны, разбазариваем удачные идеи почему зря. Как вам сегодняшняя передовая, пан Новотный?

— Крепкая передовая, — отозвался метранпаж, — но нам пора набирать завтрашнюю.

— Сей момент будет завтрашняя, — заверил патер Йошт. — По-моему, наверху остались довольны утренним выпуском. Вот увидите, нас посетит его преосвященство. «Йошт, — скажет он, — это ты здорово завернул». А было у нас «Исступленное буйство»?

— Было.

— Какая жалость! Придется зарядить новую обойму. «Йошт, — обратится ко мне его преосвященство, — вали на них! Все они временно, только мы навеки». Вам ничего подходящего в голову не приходит, пан Новотный?

— Ну, скажем, «Преступная ограниченность» или «Распутная злоба».

— Прекрасно, — с облегчением вздохнул патер Йошт. — И откуда у вас столько прекрасных идей, пан Новотный?

— Из старых подборок «Друга народа». Однако передовичка за вами, ваше преподобие.

— Сей момент. «Преступная ограниченность и распутная злоба определенных кругов, которые Вааловыми идолами¹ мутят чистые родники скалы Петровой...» Ага... Сию секунду: «Скалы Петровой... мутят чистые родники... так... ставят на золотого тельца... именуемого Дьявол, или Абсолют».

— Готова передовая? — раздалось в дверях ночной редакции.

— *Laudetur Jesus Christus*², ваше преосвященство! — гаркнул патер Йошт.

¹ *Вааловы идолы* — Ваал у древних сирийско-финикийских народов — бог солнца, символ творческой силы.

² *Благословен будь Иисус Христос (лат.).*

— Готова передовая? — повторил его преосвященство епископ Линда, врываясь в редакцию. — И кто состряпал утреннюю передовицу? Откололи коленце, Иисусе Христе! Какой болван сочинял это?

— Это я, — заикаясь, проблеял патер Йошт, делая шаг назад. — Ваше преосв... я думал...

— Он думал! — взревел епископ Линда, жутко блестя стеклами очков. — Вот тебе, полюбуйся! — Скомкав утренний выпуск «Друга народа», епископ швырнул его под ноги Йошту. — Он думал! Посмотрите-ка, он думал! А почему, ты мне не позвонил? Не спросил, о чем теперь нужно думать? И вы, Коштял, как вы смеете пропускать такое в газеты? Вы тоже думали, а? Новотный!

— Простите, — выдохнул дрожавший всем телом метранпаж.

— Нет, как вы могли отправить такое в набор? Вы тоже думали?

— Нет, я не думал, с вашего позволения, — запротестовал метранпаж, — я набираю, что мне дают.

— Никто из вас не смеет ничего думать, вы можете делать только то, что я прикажу, — категорически распорядился епископ Линда. — Садись, Йошт, и читай, что ты тут утром нагородил. Читай, говорю!

— «Уже давно, — дрожащим голосом прочитал патер Йошт свое собственное утреннее сочинение, — уже давно беспокоит нашу общественность подлое мошенничество...»

— Что?

— Подлое мошенничество, ваше преосвященство, — простонал патер Йошт. — Я думал... я... я теперь вижу...

— Что ты теперь видишь?

— Что это несколько сильно сказано, про это подлое мошенничество.

— Вот и я так считаю. Дальше!

— «...подлое мошенничество вокруг так называемого Абсолюта, которым масоны, евреи и прочие провокаторы... баламутят свет. Научно доказано...»

— Вы только посмотрите! — воскликнул епископ Линда. — Этот балбес что-то научно доказал! Читай дальше!

— «...научно доказано, — запинаясь, читал злосчастный Йошт, — что так называемый Абсолют... такой же безбожный обман... как и медиум...»

— Не спеши, — неожиданно ласково остановил Йошта святой отец, — напиши-ка в своей передовице вот что: «Научно доказано...» Записал?... «...доказано, что я, патер Йошт, осел, болван и растяпа...» Записал?

— Записал, — прошептал уничтоженный патер Йошт. — Пожалуйста, дальше, ваше преосв...

— Дальше брось это в мусорный ящик, — отозвался епископ, — и не хлопай больше своими ушами, а слушай внимательно. Ты видел сегодняшние газеты?

— Да, ваше преосв...

— М-да, не похоже. Сегодня утром, голубчик, во-первых, вышло «Послание» монистического союза; там сказано, что Абсолют — это Единство, которое монисты всегда считали Богом, и что, выходит, культ Абсолюта вполне отвечает монистическому учению. Ты это прочел?

— Прочел.

— Во-вторых, в газетах было сообщено, что масонские ложи рекомендуют своим членам поклоняться Абсолюту. Читал?

— Читал!

— Далее: что Синодальный съезд лютеран прослушал пятнадцатую лекцию суперинтенданта Маартенса, где последний доказывал тождество Абсолюта с подлинным Господом. Это ты тоже читал?

— Читал!...

— Наконец, заявления «Вольной мысли»¹, «Армии спасения», коммюнике Теософского центра Адиар², открытое письмо в адрес Абсолюта, подписанное обществом батраков, заявление Союза владельцев каруселей за подписью председателя Я. Биндера, затем «Голос похоронных обществ», специальный выпуск «Голосов загробного мира», «Читателя-анабаптиста» и «Трезвенника» — друг любезный, да читал ли ты все это?

— Читал.

— Так вот, любезный сын мой: всюду все эти органы с великими почестями рекламируют Абсолют в своих целях; его превозносят, делают блестящие предложения, именуют почетным членом, меценатом, покровителем и не знаю кем там еще, а у нас некий бестолковый болван патер Йошт, этакая козьявка, ничтожный Йоштичек распинается, объявляя Абсолют подлым мошенничеством и научно доказанным обманом. Пресвятая дева Мария, ну и задал ты нам хлопот!

— Но, ваше преосвященство, ведь у меня инструкция... писать против... этих... чудес.

— Инструкция, — строго прервал преподобный отец. — А ты что, не видишь, как изменилось положение? Йошт, — воскликнул епископ, — наши святые места опустели, а наша паства перебежала к Абсолюту! Йошт, глупый ты человек, если мы хотим вернуть наших овец, мы должны привлечь Абсолют на свою сторону. Во всех костелах будут установлены

¹ «Вольная мысль» — некогда международная организация атеистов.

² Теософский центр «Адиар». — Теософия — религиозно мистическое учение, признающее источником «богопознания» мистическую ситуацию, откровение. «Теософы Адиара» — теософы предместья Мадраса.

атомные карбюраторы, но этого тебе, тупая башка, не уразуметь. Запомни только одно: Абсолют должен работать на нас; он должен держать нашу сторону, *id est*¹ должен быть только нашим. *Cariscis, mi fili?*²

— *Carisco*³, — прошептал патер Йошт.

— *Deo gratias!*⁴ А теперь ты, Йоштик, сделаешь поворот кругом, станешь из Савла Павлом. Сочинишь маленькую передовичку, где дашь понять, что Святая конгрегация вняла просьбам верующих и приняла Абсолют в лоно церкви. Пан Новотный, об этом имеется Апостольское послание; наберите его тройным жирным шрифтом на первой полосе. Коштыя, сообщите в «Хронике», что президент Г. Х. Бонди примет в воскресенье из рук архипастыря святое крещение и выражение нашей радости по этому поводу, понятно? А ты, Йошт, садись и пиши... Погоди, вначале подпусти что-нибудь эдакое... покрепче.

— Скажем, «преступная ограниченность и распутная злоба определенных кругов...»?

— Вот именно, прекрасно, так и напиши: «Преступная ограниченность и распутная злоба определенных кругов вот уже долгие месяцы пытается совратить наш народ с пути истинного. Открыто провозглашается еретическое заблуждение, что Абсолют — это нечто отличное от истинного Бога, которому мы от колыбели препоручали наши души...» Записал? «...препоручали в радостной вере... и любви...» Записал? Продолжай...

¹ То есть (*лат.*).

² Понимаешь, сын мой? (*лат.*)

³ Понимаю (*лат.*).

⁴ Слава богу! (*лат.*)

Глава 19

Канонизация

Как вы, конечно, понимаете, принятие Абсолюта в лоно церкви в описываемой ситуации явилось большой неожиданностью. Собственно, оно было проведено лишь папским бреве¹, а конклав², поставленный перед свершившимся фактом, был занят только одной серьезной проблемой: насколько возможно крещение Абсолюта? Решено было отказаться от этой процедуры, хотя крещение является непреложной церковной традицией (вспомним Иоанна Крестителя), но в подобных случаях обращаемый обязан лично присутствовать при обряде; помимо всего прочего, вопрос о том, кто из царствующих особ согласится быть крестным отцом Абсолюта, был необычайно щекотлив. Поэтому Святая конгрегация просила Святейшего отца во время ближайшей понтификальной мессы вознести молитву за нового члена церкви, что и было осуществлено с подобающей торжественностью. Позднее в богословские книги было внесено положение о том, что наряду с помазанием и крещением через мученичество церковь

¹ *Бреве* — краткое папское послание.

² *Конклав* — буквально: закрытая комната, совет кардиналов, собирающийся для избрания нового папы.

признает также крещение чудотворным и достойным подражания деянием.

Небезынтересно отметить, между прочим, что за три дня до издания бреве папа соблаговолил предоставить аудиенцию господину Г. Х. Бонди, который до этого события в течение сорока часов совещался с папским секретарем монсеньором Кулатти.

Почти одновременно состоялось благословение Абсолюта по форме «*Super culti immemorabili*»¹ в знак признания добродетельности Абсолюта, ныне благословляемого, и установлен приличествующий случаю, но ускоренный обряд канонизации с весьма существенными изменениями, разумеется: речь шла не об объявлении Абсолюта святым, но Богом. Тотчас была составлена комиссия по деификации² из виднейших теологов и пастырей церковных. Так, Procurator'ом Dei³ был назначен венецианский архиепископ кардинал доктор Варези, в качестве *Advocatus Diaboli*⁴ выступал монсеньор Кулатти.

Кардинал Варези предложил семнадцать тысяч свидетельств о совершенных Абсолютом чудесах, которые подписали почти все кардиналы, патриархи, приматы, митрополиты, князья церкви, архиепископы, магистры орденов и аббаты; к каждому свидетельству были приложены заключения светил медицины, хвалебные отзывы научно-исследовательских ин-

¹ Благословен испокон веков (*лат.*).

² *Деификация* — возведение кого-либо в сан Бога, признание за кем-либо или за чем-либо божественной миссии; обожествление.

³ Дословно: поверенный бога при ведении споров (*лат.*).

⁴ Дословно: заступник дьявола; на процессах по канонизации святых «адвокат дьявола» приводит доводы против святости предполагаемого святого (*лат.*).

ституты, мнения профессоров естественных наук, техников и экономистов и, наконец, подписи очевидцев, заверенные нотариусом. «Семнадцать тысяч документов, — как заявил монсеньор Варези, — лишь жалкая часть свидетельств о подлинно содеянных Абсолютом чудесах, число коих по самым осторожным подсчетам уже перевалило за тридцать миллионов».

Помимо этого, Procurator Dei запасся хвалебными отзывами выдающихся деятелей мировой науки. Так, ректор медицинского факультета в Париже профессор Гардые, тщательно проанализировав деяния Абсолюта, пришел к следующему заключению:

«...итак, поскольку бесчисленные случаи болезней, предложенные нам для исследования, с точки зрения науки и практической медицины были абсолютно безнадежны (паралич, рак гортани, слепота после хирургического изъятия обоих глаз, хромота как следствие оперативного отнятия обеих нижних конечностей, смерть в результате полного отделения головы от туловища, странгуляция у висельника, пробывшего в петле в течение двух суток и т. д.), медицинский факультет Сорбонны считает, что так называемые чудесные исцеления в подобных случаях можно объяснить либо совершенным незнанием анатомо-патологических условий, клинической неискушенностью и полным отсутствием медицинской практики, либо — чего мы не хотим отрицать — вмешательством высшей силы, не ограниченной законами природы или знанием их».

Психолог профессор Мэдоу (Глазго) сообщал:

«...так как в вышеперечисленных действиях, безусловно, проявляется мыслящая сущность, способная устанавливать связи между вещами, ассоциировать, помнить и даже логически рассуждать, сущность, способная производить психические операции без помощи мозга и нервной системы, то данный факт может служить убедительным подтверждением уничтожающей

критики, которой я подверг психофизический параллелизм профессора Майера. Подтверждаю: Абсолют — сущность психическая, наделенная сознанием и разумом, хотя до сих пор недостаточно исследованная учеными».

Профессор из Брненского политехнического института Лупен написал следующее:

«С точки зрения производительности Абсолют есть сила, заслуживающая высочайшего уважения».

Прославленный химик Вилибальд (Тюбинген) сообщил:

«Абсолют обладает могучей потенцией к существованию и интеллектуальной эволюции, ибо являет собой блестящий образец соответствия Эйнштейновой теории относительности».

Автор хроники не рискует далее задерживать внимание читателей на положительных суждениях мировых светил, тем более что все они были опубликованы в «Actae Sanctae Seolis»¹.

Процесс канонизации совершался ускоренным темпом; тем временем коллегия знаменитых догматиков и богословов выпустила сочинение, в котором на основе заповедей и трудов Отцов церкви доказывалось тождество Абсолюта с третьим ликом Господа.

Но прежде чем состоялось торжественное посвящение Абсолюта в сан Бога, константинопольский патриарх — глава Восточной Церкви — объявил о тождестве Абсолюта с первым божьим ликом, с самим Создателем. К этому явно еретическому воззрению присоединились старокатолики²,

¹ Газета, издававшаяся Ватиканом.

² *Старокатолики* — течение в христианстве, отколовшееся от католической церкви после Ватиканского собора 1870 года. Старокатолики отвергают верховную власть папы, догматы о его непогрешимости и т. д.

обрезанные абиссинские христиане, евангелисты гельветского толка, нонконформисты¹ и несколько довольно крупных американских сект. Разгорелся жаркий богословский диспут. Что до евреев, то в их среде было распространено тайное учение, утверждавшее, будто Абсолют — это древний Ваал; либерально настроенные евреи открыто заявили, что в таком случае они готовы исповедовать веру в Ваала.

Представители «Вольной мысли», то бишь «Мысли», съехались в Базеле; в присутствии двух тысяч делегатов Абсолют был провозглашен Богом Вольнолюбивых мыслителей, после чего последовали невероятно резкие нападки на священнослужителей иных вероисповеданий, которые, как отмечалось в резолюции, «хотят извлечь доход из одного-единственного научного Бога и завлечь его в грязную сеть церковных догматов и поповского лукавства, дабы он захирел и прекратил свое существование. Однако Бог, который открылся просвещенному взору передовых мыслителей современности, не имеет ничего общего со средневековым хламом этих фарисеев. Вольная мысль — вот его единственная обитель, и только Базельский конгресс вправе определять статут и ритуал вольного вероисповедания».

Приблизительно в то же время немецкий «Monistenbund» (Союз монастов) в чрезвычайно торжественной обстановке заложил краеугольный камень будущего собора Атомного Бога в Лейпциге. По слухам, дело кончилось рукопашной, в которой шестнадцать человек получили ранение, а прославленному физика Люттгену разбили очки. Кстати, той же осенью явления Божеской благодати имели место в Бельгийском Конго и французской Сенегамбии. Нежданно-негаданно аф-

¹ *Нонконформисты* — протестанты, не принимающие англиканской церкви.

риканцы избили и сожрали своих миссионеров, предпочтя поклоняться каким-то новым идолам, под названием не то Ато, не то Аломо; позже обнаружилось, что идолы эти не что иное, как атомные моторы, и что в этом деле каким-то образом замешаны немецкие офицеры и торговые агенты. Напротив, к исламскому бунту, вспыхнувшему в Мекке в декабре того же года, приложили руку несколько французских эмиссаров, укрывших вблизи Каабы двенадцать легких атомных моторов «Аэро». Очередное восстание магометан в Египте и Триполи, резня в Аравии — по неточным данным — стоили жизни около 30 тысячам европейцев.

Двенадцатого декабря в Риме была, наконец, произведена деификация Абсолюта. Семь тысяч духовников с горящими свечами в руках сопровождали Святейшего отца к собору Святого Петра, где позади главного алтаря был вмонтирован самый мощный, двенадцатитонный карбюратор — дар концерна МЕАС папскому престолу. Обряд длился пять часов, в давке были смяты тысяча двести верующих и зевак. Точно в полдень папа взял первую ноту «In domine Dei Deus¹», и в то же мгновенье зазвонили колокола всех католических храмов, все епископы и священники отвратились от алтарей и возвестили верующему люду: «Habemus Deum»².

¹ Во имя Божие Бог (лат.).

² У нас есть Бог (лат.).

Глава 20

Святой Килда

Святой Килда — островок, вернее, всего-навсего утес плиоценового туфа, лежащий далеко на запад от Гебридских островов; несколько низкорослых березок, пучок вереска да бурные травы, стайка гнездящихся здесь чаек да полуарктическая бабочка из рода *Polyommatus* — вот и вся жизнь этого переднего рубежа нашей части света, затерявшегося в бескрайних просторах беспокойного океана, над которым столь же нескончаемой чередой несутся тяжелые мрачные тучи. Впрочем, Святой Килда был, есть и навеки останется необитаемым. Однако в последние декабрьские дни вблизи островка бросил якорь корабль его величества под названием «Драгун». С корабля высадились плотники; они привезли с собой доски и бревна и уже к вечеру поставили просторную приземистую деревянную виллу. На следующий день явились обойщики, они привезли с собой красивую и удобную мебель. На третий день из корабельного трюма выбрались стюарды, повара и кельнеры, которые переправили на виллу посуду, вино, консервы и вообще все, что изобрела цивилизация для благородных, разборчивых и владетельных мужей.

Утром четвертого дня на островок прибыл сэр О'Паттерней, премьер Англии, спустя полчаса — американский посланник Горацио Бумм, за ним последовали — каждый на

военном корабле — китайский уполномоченный мистер Кей, французский премьер Дюдье, царский русский генерал Бухтин, имперский канцлер доктор Вурм, итальянский министр князь Тривелино и японский посланник Янато. Шестнадцать английских миноносцев бороздили воды океана вокруг острова Святого Килды, дабы преградить доступ на остров журналистам и корреспондентам: данное совещание Генерального совета крупнейших держав мира, поспешно созванное всемогущим сэром О'Паттернеем, должно было происходить при закрытых дверях с соблюдением строжайшей тайны. Во имя этой тайны было потоплено торпедой большое китобойное судно «Huls Hans», пытавшееся под покровом ночи проскочить сквозь цепь миноносцев; помимо двенадцати человек экипажа во время этой катастрофы погиб политический обозреватель газеты «Чикаго трибюн» мистер Джо Гашек.

Несмотря на всевозможные запреты и строгости, корреспондент «Нью-Йорк геральд» господин Билл Приттом¹ пробрался на остров в качестве официанта, и именно его перу мы обязаны несколькими сообщениями о сей памятной встрече — они дошли до нас, уцелев после всех постигших мир исторических катастроф.

Господин Билл Приттом заметил, что данная конференция, созванная на высшем уровне, происходила в местах столь отдаленных только для того, чтобы исключить прямое влияние Абсолюта на ее решения. В любом другом месте Абсолют мог бы проникнуть на собрание мужей, облеченных столь высокой властью, и это могло произойти в любой форме: внушения, озарения и даже чуда, что, разумеется, в высокой политике привело бы к полному конфузу. Важнейшей задачей конференции, надо полагать, был договор о колониальной

¹ В оригинале — игра слов: «Был при том».

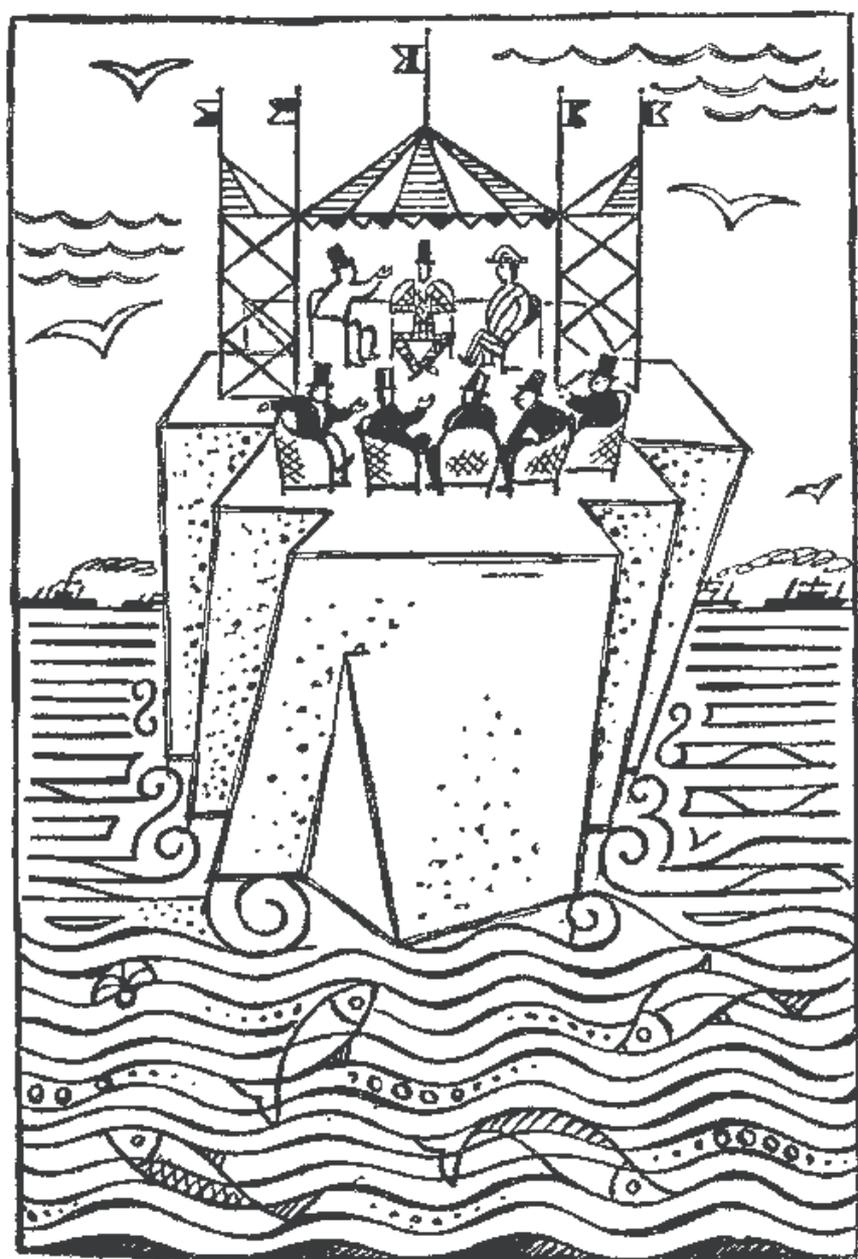
политике; державы должны были договориться о том, что ни одна из них не будет поддерживать религиозные движения на территории других государств. Поводом к этому послужила немецкая пропаганда в Конго и Сенегамбии, а также тайное французское влияние в период разгара махдизма¹ в английских магометанских колониях и особенно случай с японскими поставками карбюраторов в Бенгалию, где начались бурные волнения многочисленных сект. Итак, совещания происходили при закрытых дверях, в печать попало лишь сообщение о том, что Германия вправе иметь интересы в Курдистане, а Япония — на некоторых греческих островах. Англо-японский и франко-германо-русский блок были встречены, как и следовало ожидать, с исключительной сердечностью.

Во второй половине дня специальным миноносцем на Святого Килду прибыл пан Г. Х. Бонди, который был принят Генеральным советом.

Только около пяти часов пополудни (по Гринвичу) славные дипломаты ушли на перерыв, во время которого мистер Билл Приттом впервые получил возможность собственными ушами услышать представителей Высоких Договаривающихся Сторон. После обеда развлекались беседами о спорте и об артистках. Сэр О'Паттерней — потомственный лорд с поэтической гривой седых волос и вдохновенным взглядом — весьма остроумно и увлекательно рассказывал о ловле лосося его превосходительству премьер-министру Дюдье; изысканные жесты, звучная речь, уверенное «*je ne sais guoi*»² выдавали искоушенного адвоката. Барон Янато, отказываясь от всяких напитков, улыбался и слушал молча, словно воды в рот набрал;

¹ *Махдизм* — религиозное движение в Судане, получившее название по имени Мохамеда Ахмета (1844—1885), или МАХДИ.

² Еще нечто... (*фр.*)

доктор Вурм перелистывал какие-то бумаги; генерал Бухтин прогуливался по зале с князем Тривелино; Горацио Бумм в совершенном одиночестве разыграл на бильярде серию карамблей (я видел его дивный триппль-буссар через руку, которому мог позавидовать любой знаток), меж тем как мистер Кей, смахивавший на очень желтую и очень сморщенную старушонку, с громким стуком перебирал какие-то буддийские четки; в империи Солнца он был мандарином.

Внезапно все дипломаты сгрудились вокруг господина Дюдье, который внушал следующее:

— Да, господа, *c'est ça*¹. Мы не можем остаться к нему безучастными. Или мы его признаем, или отвергнем. Мы, французы, скорее за последнее.

— Потому что у вас в стране он проявляет себя как ярый антимилитарист, — с нескрываемым злорадством заявил князь Тривелино.

— О нет, господа, — вскричал Дюдье, — это несерьезно. Французской армии это не коснулось. Ярый антимилитарист, ха! У нас уже столько было этих антимилитаристов! Нет, господа, берегитесь его: он демагог, коммунист, *un bidot*², черт знает что еще, но он во всем радикал! *Oui, un raboulliste, c'est ça*³. Он падок на самые дикие массовые лозунги. Он всегда заодно с толпой. У вас, светлейший, — вдруг обратился господин Дюдье к князю Тривелино, — он выступает в роли националиста и упивается иллюзиями о возрождении Римской империи; но заметьте, ваше сиятельство, так он проявляет себя в городах, зато в деревне держится за долгополых и творит чудеса во имя святой девы Марии. Он работает на два

¹ Ничего не поделаешь (*фр.*).

² Ханжа (*фр.*).

³ Да, именно, возмутитель спокойствия (*фр.*).

фронта — на Ватикан и на Квиринал¹. Тут или какой-то умысел, или... я просто теряюсь в догадках. Господа, положи руку на сердце признаемся, что у каждого из нас с ним свои счеты.

— У нас, — задумчиво признался Горацио Бумм, опершись о бильярдный кий, — он проявляет большой интерес к спорту. *Indeed, big sportsman*². Он благоволит к любым видам спортивных игр, а также — к сектам. Он обладатель фантастических рекордов. Он социалист. Заодно с противниками сухого закона. Превращает воду в спиртное. Как-то на банкете в Белом доме все присутствовавшие... гм... все страшно напились. Пили, знаете ли, одну воду, но он уже у нас в желудках обратил ее в алкоголь.

— Странно, — заметил сэр О'Паттерней, — в Англии он ведет себя скорее как консерватор. И всемогущий клерикал. Устраивает демонстрации, проповеди на улицах и *such things*³. Я полагаю, он настроен против нас, либералов.

Тут вступил в разговор улыбающийся барон Янато:

— А в Японии он чувствует себя как дома. Очень, очень обаятельный Бог. Очень хорошо прижился у нас. Настоящий японец.

— Какой же он японец, — крикнул генерал Бухтин, — что это вы, батюшка? Он — русский, православный русский, славянин. Широкая русская натура, ваше превосходительство. Помогает нам держать в руках русских мужиков. Намедни наш архимандрит устроил в его честь процессию, десять тысяч свечей, а народу, господа, как маковых зерен. Православный

¹ *Квиринал* — название одного из семи римских холмов, по имени которого назван королевский дворец; одновременно символ светской власти, противостоящей церковной — Ватикану.

² Да, он большой спортсмен (*англ.*).

³ И все такое (*англ.*).

люди съехался со всех концов матушки России. И чудеса же он нам являл, господи помилуй, — прибавил генерал, крестясь и низко кланяясь.

Имперский канцлер сначала молча прислушивался к разговору, а потом подступил поближе:

— Да, к народу он подойти умеет. И всюду воспринимает местный образ мысли. Для своих лет, гм-гм... он на удивление подвижен. Мы это видим по нашим соседям. В Чехии, например, он ведет себя как крайний индивидуалист. Там у каждого свой индивидуальный Абсолют. А у нас Абсолют государственный. Он мгновенно проникся чувством высшего государственного долга. В Польше он воздействует как своего рода алкоголь, а у нас... как... как высший... *Verordnung, verstehen sie mich*¹?

— А в областях, населенных католиками? — с улыбкой спросил князь Тривелино.

— Это уже несущественно, — уклонился от прямого ответа доктор Вурм. — Это не должно поколебать чашу весов, господи. Германия сегодня монолитна, как никогда. Мы глубоко признательны, князь, за католические карбюраторы, которые вы контрабандой перебрасываете к нам. К счастью, они весьма плохого качества, как и вообще вся итальянская продукция.

— Тише, тише, господи, — урезонил спорщиков сэр О'Паттерней, — соблюдайте нейтралитет в вопросах религии. Что касается меня, то я ловлю лососей на двойную удочку. На днях подсек во-от такого длиненького, представляете? Четырнадцать фунтов.

— А папский нунций? — тихо спросил доктор Вурм.

— Святой престол требует соблюдения спокойствия любой ценой. Они хотят, чтобы на мистицизм был наложен

¹ Порядок, вы меня понимаете? (*нем.*).

полицейский запрет. В Англии это не пройдет, а вообще... Я утверждаю, что он весил четырнадцать фунтов... Heaven¹, я вынужден был за что-нибудь ухватиться, чтобы не полететь в воду.

Барон Янато улыбнулся еще учтивее.

— А мы не желаем никакого нейтралитета. Он великий Японец. И весь мир должен принять японскую веру. Мы желаем также разослать миссионеров, чтобы они распространяли нашу веру.

— Господин барон, — серьезно обратился к Янато сэр О'Паттерней, — вы помните об исключительно дружеских отношениях между нашими государствами?!

— Англия должна принять японскую веру, — улыбнулся барон Янато, — и тогда наши отношения станут еще лучше.

— Постой-ка, батенька, — воскликнул генерал Бухтин, — какая это такая японская вера? Коли уж речь зашла про веру, так пусть это будет вера православная. И знаешь, почему? Главное, потому что она — православная, во-вторых, потому что русская; в-третьих, потому что так хочет наш государь, а в-четвертых, потому что у нас, касатик, самое большое войско. Раз уж вера, то, значит, наша, православная.

— Но вопрос стоит совсем не так, — взволновался сэр О'Паттерней, — мы собрались здесь не за этим!

— Совершенно верно, — поддержал сэра доктор Вурм, — мы собрались здесь, чтобы выработать общую точку зрения на нового Бога.

— На какого? — неожиданно уточнил китайский уполномоченный мистер Кей, впервые подняв глаза на собеседника.

— Как на какого?! — переспросил пораженный доктор Вурм. — Но ведь он, кажется, единственный...

¹ О небо! (англ.).

— Наш, японский, — приятно улыбнулся барон Янато.

— Православный, батенька, православный — и никакой другой, — гудел генерал Бухтин, надувшись и покраснев как индюк.

— Будда, — коротко высказался мистер Кей и снова опустил веки, отчего стал совершенной копией высохшей мумии.

— Джентльмены, — резко поднявшись, предложил сэра О'Паттерней, — прошу вас перейти в другое помещение.

Дипломаты снова перекочевали в зал совещаний. В восемь часов вечера оттуда выскочил, потрясая кулаками, сизый от гнева его благородие генерал Бухтин. За ним последовал доктор Вурм, на ходу приводивший в порядок папку с документами. Забыв о правилах приличия, воздев шляпу на голову, в сопровождении безмолвного мистера Дюдье удалился пунцовый О'Паттерней. Князь Тривелино покидал конференц-зал бледный как полотно; барон Янато — сохраняя неизменную улыбку. Последним вышел мистер Кей, опустив глаза и перебирая в руках длинные черные четки.

* * *

На этом обрывается сообщение, опубликованное господином Биллом Приттомом в газете «Геральд». Официальное коммюнике об этой конференции напечатано не было, — если не считать упомянутого выше известия о «сферах государственного влияния». Если тогда и было принято какое-либо решение, оно скорее всего не имело никакого значения. Ибо, как говорят гинекологи, «в лоне истории» уже назревали непредвиденные события.

Глава 21

Депеша

В горах падает снег. Большие тихие хлопья кружатся и падают уже целую ночь напролет, снега напало больше полуметра, а он все валит и валит не переставая. Тишь опускается на леса. Изредка под тяжестью снега хрустнет ветка, и этот хруст звучно и коротко раздаётся в плотном снежном безмолвии.

Подморозило; с прусской стороны подул ледяной ветер. Нежные хлопья превратились в колючую крупу, которая немилосердно хлещет по щекам. Снег словно ошетинился острыми иглами, кружит в воздухе, стеная и воя. С деревьев серебристой пылью сыплются белые облака — они стремительно проносятся над землей, взвиваются вихрем и поднимаются к темному небу. От земли к небу метет метель.

Ветви дремучих деревьев скрипят и стонут; с тяжелым треском падают наземь стволы, ломая молодую поросль, но и эти резкие звуки словно разметаны, развеяны свистящим, пронзительным, прерывистым шумом ветра. Стоит ему утихнуть, и станет слышно, как, повизгивая, скрипит под ногами смерзшийся снег, словно ступаешь по битому стеклу.

Над Шпиндельмюлем прокладывает себе дорогу рассыльный с телеграфа. Пробираться по глубокому снегу чертовски тяжело. И хотя рассыльный натянул на уши фуражку, появ-

занную красным платком, спрятал руки в шерстяные варежки, обмотал горло пестрым шарфом, ему никак не согреться. «Ну, — подбадривает он сам себя, — часа за полтора доберусь до Медвежьей долины, а вниз скачусь на санках, попрошу у кого-нибудь. Придумают же люди, черт подери, посылать телеграммы в такую непогоду!»

Возле Девичьих мостков рассыльного подхватил порывистый ветер и закрутил-завертел по полю. Схватился человек скрюченными руками за туристский указатель.

«Пресвятая дева Мария, — взмолился он про себя, — должен ведь быть конец этому!» Прямо на него по вольному простору движется огромный снежный смерч, он все ближе, ближе, совсем рядом, теперь только затаить дыхание... Тысячи иголок впиваются в щеки, проникают за шиворот, отыскали дырку в штанах и щиплют голое тело; мокро под обледеневшей одеждой... Шквал промчался, а рассыльному так и хочется взять да повернуть обратно. «Инженер Марек, — повторяет он адрес, — он даже не здешний; но телеграмма — срочная, кто его знает, что там стряслось, с семьей или еще с кем».

Ветер немного утих, и рассыльный, миновав Девичьи мостки, побрел вдоль потока наверх. Снег скрипит под его тяжелыми сапогами, дрожь пробирает до костей. Снова завыл ветер, целые сугробы снега рушатся с веток — один упал рассыльному на шапку и засыпался за воротник; по спине ручьем струится ледяная вода. Но хуже всего, что ноги ужасно скользят по сыпучему снегу, а дорога вьется все круче и круче. И в ту же минуту разыгрывается настоящий снежный ураган.

Снег несется сверху, словно лавина, словно белая стена. Рассыльный не успел повернуться, и принял удар в лицо, и скорчился, с трудом переводя дух. Он сделал шаг вперед и упал, сел, подставив ветру спину. На душе сделалось тоскливо от страха погибнуть под снегом. Он поднялся и попробовал ступить дальше, но опять поскользнулся, и упал на руки, и

съехал на несколько метров вниз. Ухватился за ствол и тяжело отдышался. «Проклятье, — чертыхнулся он, — ведь я должен одолеть эту гору!» Ему удалось сделать шаг-другой, но опять он упал и опять на животе соскользнул вниз. Вот он ползет на четвереньках; рукавицы промокли, за гамаша набился снег, но он упрямо держит курс — только вперед и выше! Только бы не застрять здесь! По лицу струится пот, смешиваясь с растаявшим снегом, но человек забыл о снеге; ему кажется, что он сбился с дороги; плача навзрыд, он карабкается вверх. Но трудно ползти на четвереньках в длинном плаще: он поднялся и двинулся сквозь ветер, полшага вперед — два шага вниз; прошел чуть-чуть, но ноги разъехались, человек ткнулся лицом в колючий снег и снова очутился внизу. Встав на ноги, он обнаружил, что потерял палку.

А снежные валы валят через горы, цепляются за скалы, свищут, гикают, улюлюкают, завиваются вихрями. Рассыльный судорожно всхлипывает, захлебываясь от страха и отчаяния, взбирается наверх, переводит дыхание, шаг — передышка, еще шаг — остановка, отвернись, глотни воздуха воспаленными губами; еще один шаг, господи Иисусе. Вот он ухватился за дерево. Который же теперь все-таки час? Он вытянул из жилета свои круглые, как луковица, часы в желтом прозрачном футляре; циферблат залепило снегом. Видно, скоро стемнеет. Возвратиться? Но ведь я почти у цели!

Порывистый ветер сменился затяжной пургой. Тучи клубятся прямо по склонам; грязно-серый туман пронизан мятущими снежными хлопьями. Метель метет по всей земле, бьет прямо в лицо, слепит глаза, забивает нос, уши; мокрыми, застывшими пальцами приходится выбирать его отовсюду. Спереди посыльный покрыт пятисантиметровым слоем снега, его плащ отяжелел, задубел и почти не сгибается, словно сколочен из досок. Слой снега, налипший на подошвы, растет с каждым шагом и становится все тяжелее.

На лес спускаются сумерки. А сейчас вряд ли больше двух часов пополудни.

Вдруг все накрыла желто-зеленая мгла, и снег хлынул сплошной стеной. Хлопья, огромные, как ладонь, влажные и набрякшие, кружась, опускаются такой густой пеленой, что уже нельзя отличить землю от неба; при каждом вздохе снег набивается в нос; посыльному приходится пробираться меж высоких — не дотянуться — крутящихся сугробов. Приходится шагать вслепую, разгребая в снегу узкий проход. Посыльный думает только об одном — идти вперед, единственное его желание — вздохнуть полной грудью, не захлебываясь снегом. С трудом вытаскивая ноги, человек еле тащится по сугробам; стоит вытянуть сапог — и от ямки тотчас не остается и следа.

А меж тем в городах, там, внизу, кружатся легкие, редкие снежинки и тают, превращаясь в жидкую, черную грязь. В лавках зажигаются огни, кафе заливают поток электрического света, а люди сидят и ворчат — какой, дескать, нынче выдался хмурый день. В огромном городе вспыхивают бесчисленные фонари, отражаясь в лужах.

Один-единственный огонек трепещет на занесенной снегом горной полонине. Неровно мерцает, пробиваясь сквозь снежную завесу, колеблется, гаснет и вот опять вспыхивает, будто живой. Хижина в Медвежьей долине освещена.

Было пять часов, то есть почти вечер, когда перед Медвежьей хижинкой остановилось нечто бесформенное. Оно взмахнуло белыми толстыми крыльями и принялось колотить себя, счищая застывшие пласты снега. Под снегом оказался плащ, под плащом — две ноги; эти ноги стучали по каменному порогу, и от них отваливались огромные комья снега. Эта «масса» была рассыльным из Шпиндельмюля.

Он вошел в хижину и увидел склонившегося над столом мужчину. Рассыльный хотел было с ним поздороваться, но

голос совсем не слушался его. Раздалось только сипенье, как бывает, когда из машины выпускают пар. Хозяин поднялся.

— Но, голубчик, кой черт понес вас сюда в такую бурю? Ведь вы же могли пропасть за милую душу.

Почтальон кивнул и что-то просипел в ответ.

— Какая глупость! — ругался хозяин. — Барышня, дайте ему чаю! Ну куда ты греб, старик? На Мартинову дачу?

Рассыльный покачал головой и открыл кожаную сумку, всю забитую снегом, достал оттуда телеграмму — она смерзлась настолько, что хрустела.

— Ихи-иххарек? — просипел он.

— Как? — удивленно переспросил хозяин.

— Это... значит... инженер Марек? — отдельно произнес рассыльный, взглядом прося прощения.

— Я инженер Марек! — воскликнул худощавый человек. — У вас ко мне дело? Давайте!

Инженер Марек развернул депешу. Там стояло:

твои предположения подтвердились бонди

Ни слова больше.

Глава 22

Убежденный патриот

В пражской редакции «Народной газеты» кипела работа. Телефонист орал в трубку, свирепо ругаясь с телефонисткой. Звякали ножницы, стучала машинка, а пан Цирил Кевал, взгромоздясь на стол, барабанил по нему ногами.

— Значит, и на Вацлавской проповедь, — вполголоса произнес он. — Какой-то новоявленный аскет призывал к добровольной нищете. Подстрекал народ жить как птицы небесные. Бородища во-о какая, до пояса. Прямо страх берет, сколько их, этих бородатых, теперь развелось. Каждый — что твой апостол.

— М-да, — буркнул старый пан Рейзек¹, роясь в сообщениях Чехословацкого телеграфного агентства.

— И отчего это бороды так быстро растут? — размышлял пан Кевал. — Послушайте, Рейзек, а по-моему, и тут тоже не обошлось без Абсолюта. Эй, Рейзек, сдастся мне, что и у меня скоро борода отрастет, представьте себе — такая вот, по пояс.

— М-да, — раздумчиво промолвил пан Рейзек.

— На Гавличковой площади нынче обедня «Вольной

¹ *Рейзек* — очевидно, имеется в виду Ярослав Рейзек (р. 1902) — редактор «Народной газеты»; Чапек служил у него в качестве репортера.

мыши». А на Тыловой творит чудеса патер Новачек. Вот увидите, там опять подерутся. Вчера этот Новачек исцелил одного человека, хромого от рождения. А потом состоялось торжественное шествие, и этот хромоногий избил одного еврея. Ребра три сломал, а может, и больше. Тот, оказывается, был сионист.

— М-да, — заметил пан Рейзек, перечеркивая какой-то материал.

— Нынче *наверняка* заварится каша, Рейзек, — размышлял вслух Цирил Кевал. — Прогрессисты организуют митинг на Староместской. Снова выкинули лозунг «Отколитесь от Рима». А патер Новачек основывает «Маккавеев»¹ — это, знаете ли, вооруженная католическая гвардия. То-то будет потеха! Архиепископ запретил Новачеку творить чудеса, ну, а этот прямо-таки осатанел; он уже принялся за воскрешение мертвецов.

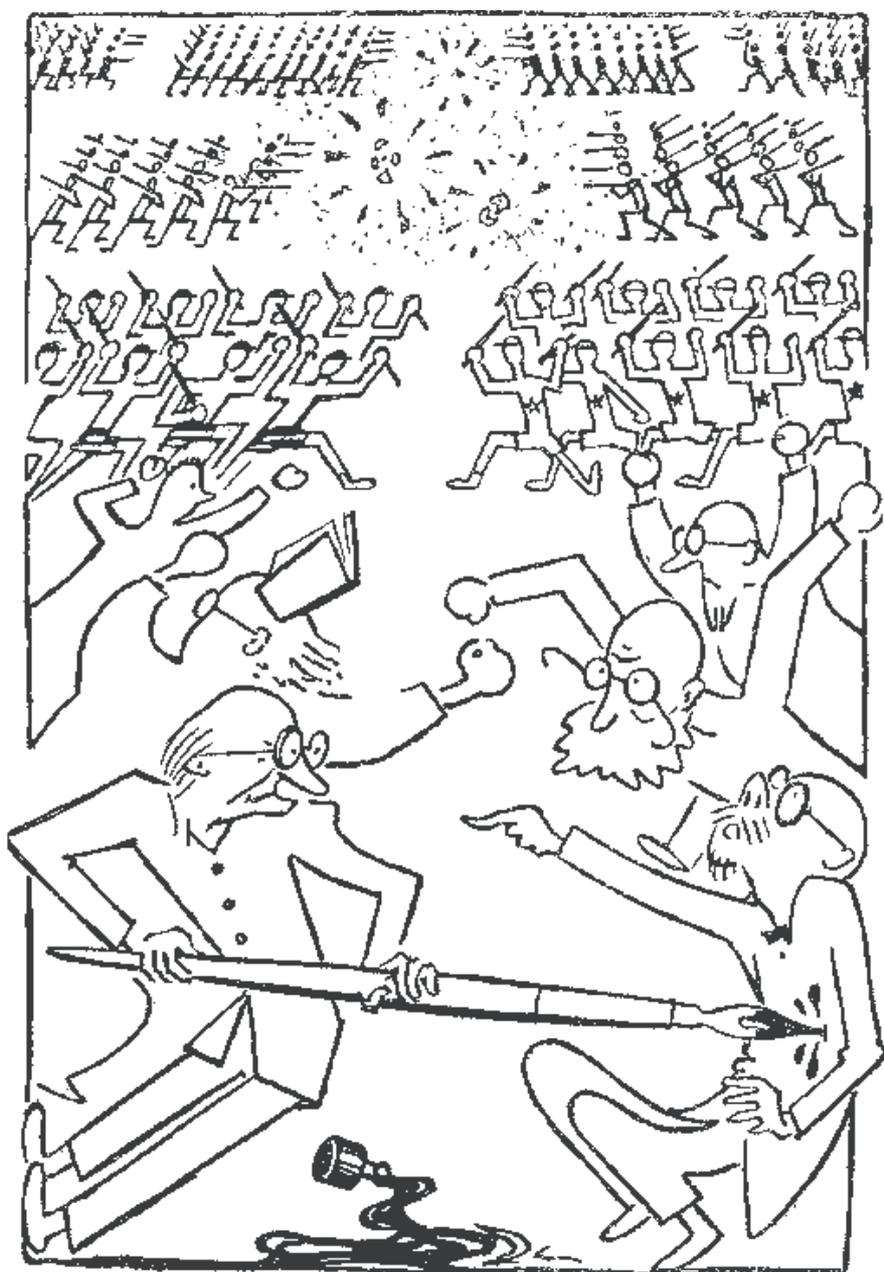
— М-да, — заметил пан Рейзек, продолжая черкать.

— Мама писала, — понизив голос, продолжал Цирил Кевал, — что у нас в Моравии, знаете ли, у Гусопечи и в окрестностях народ очень зол на Чехию, — они, дескать, безбожники, и тупицы, и идолопоклонники, придумывают новых богов, то да се. Лесничего там застрелили только за то, что он чех. Я вам говорю, Рейзек, повсюду такая творится кутерьма!

— М-да, — согласился пан Рейзек.

— И в синагоге *передрались*, — прибавил пан Кевал. — Сионисты крепко вдарили по тем, кто верит в Ваала. Было даже трое убитых... Погодите, я нынче летаю на Гибернскую. Тамошний гарнизон был приведен в боевую готовность, тем временем вршовицкие казармы послали ультиматум в Черняв-

¹ «Маккавеи» — иудейский жреческий род; маккавеи насильственно распространяли среди покоренных народов иудаизм.

ские казармы, чтобы те признали вршовицкие догматы о трех ступенях искупления. В противном случае пусть готовятся к битве на Сандберке; вот, значит, дейвицкие канониры отправились разоружать чернинских. Вршовицкие соорудили вокруг казарм баррикады, солдаты установили в оконных проемах пулеметы и объявили войну. Их осаждает седьмой драгунский гарнизон Пражского кремля и четыре легкие батареи. По истечении, кажется, шести часов они откроют огонь. Рейзек, Рейзек, какая это радость — в такое время жить на свете!

— М-да, — буркнул пан Рейзек.

— А в университете, — с упоением продолжал пан Кевал, — там естественный факультет схватился с историческим. Естественники, видите ли, отрицают явления, они вроде как пантеисты. Профессора возглавили демонстрацию, декан Радл¹ сам нес знамя. Историки засели в университетской библиотеке, в Клементинуме, и отчаянно оборонялись, главным образом книгами. Декану Радлу угодили по макушке Веленовским² в кожаном переплете — и он тут же на месте испустил дух. Должно быть, сотрясение мозга. Magnificus Арне Новак тяжело ранен томом «Открытий и научных изобретений». Под конец истории засыпали обидчиков Собранием сочинений Яна Врбы³. Теперь там работают саперы; пока что отрыли

¹ Радл Эммануил (1873—1942) — биолог и философ-идеалист. Чапек намекает в данном случае на его полемику со спиритами и с И. Веденским, с которым Радл резко расходился во взглядах.

² Веленовский Йозеф (1858—1949) — знаменитый чешский ботаник, в позднейший период — страстный защитник спиритизма. Его труд «Натуральная философия», изданный во время написания Чапек «Фабрики», вызвал многочисленные отклики и споры.

³ Ян Врба (1889—1961) — бездарный, но плодовитый писатель, автор книг для молодежи.

семерых убитых, в том числе — трех доцентов. По-моему, за-сыпанных книгами не более тридцати.

— М-да, — отозвался пан Рензек.

— «Спарта»-то, голубчик, — тараторил Кевал, захлебываясь от восторга. — «Спарта» объявила единым и неделимым богом древнегреческого Зевса, а «Славия» выступает за Свантовита. В воскресенье на Летне состоится матч между обоими божествами; оба клуба, кроме бутсов, имеют на вооружении ручные гранаты; «Славия» будто бы намерена прихватить на поле боя пулеметы, «Спарта» — одну стодвадцатимиллиметровую пушку. За билетами — давка, болельщики обоих клубов вооружаются тоже. Ох, Рейзек, что будет! Какой тарарам! Я думаю, выиграет Зевс.

— М-да, — отозвался пан Рейзек, — однако теперь вы могли бы взглянуть на редакционную почту.

— Пожалуй, — милостиво согласился Цирил Кевал, — знаете ли, как-то привыкаешь к этому богу. Так что новенького в ЧТА?

— Ничего особенного! — пробурчал пан Рейзек. — Кровавые демонстрации в Риме. В Уолстере что-то назревает — видно, зашевелились иранские католики. Святой Килд вообще отвергается. В Пеште — погромы. Раскол во Франции, там снова объявились вальденсы, а в Мюнстере — анабаптисты. В Болонье избран лжепапа, некий патер Мартин из общества «Босоногих братьев». И так далее. С мест — ничего. Хотите посмотреть корреспонденцию?

Цирил Кевал успокоился и стал знакомиться с почтой; редакция получила сотни две писем; он прочитал от силы шесть, на большее его не хватило.

— Взгляните, Рейзек, — начал он, — все дудят в одну дуду. Взять хоть это. «Хрудим. Уважаемая редакция! Я давний подписчик вашей уважаемой газеты... Ваших читателей, наверное, как и всю общественность, взбудораженную бесплодными

дискуссиями...» Ну так и есть, — остановился пан Кевал, — он забыл написать «заинтересует». И так, «...заинтересует великое чудо, которое сотворил местный священник Закоупил». И так далее. В Ичине это проделал старьевщик, а в Бенешове — директор школы. В Хотеборже — владелица табачной лавочки вдова Иракова. И что же, прикажете мне читать все это?

На мгновение воцарилась рабочая тишина.

— Черт побери, Рейзек, — зазвучал опять голос Кевала, — послушайте, какую бы сенсацию выдумать, а? Уникальную, бесподобную утку? Про то, что некогда что-то совершалось само собой, безо всяких чудес? Только, по-моему, нам никто не поверит. Погодите, я, может, выдумаю что-нибудь?

Они помолчали.

— Рейзек, — жалобно простонал Кевал, — ничего естественного мне не приходит в голову. Когда начинаешь размышлять, ловишь себя на том, что это тоже, собственно, чудо. Все, что ни на есть, — магия и чудеса.

В этот момент в комнату ворвался главный редактор.

— Кто-нибудь уже просматривал «Трибуну»? У них такая новость, а мы проморгали!

— Что за новость? — любопытствовал Рейзек.

— В разделе экономики. Американский консорциум скупил Тихоокеанские острова и сдает их внаем. Крохотный коралловый атолл — за шестьдесят тысяч долларов ежегодно. Спрос огромный, даже на Европейском континенте. Акции уже поднялись на две тысячи семьсот. Г.Х. Бонди участвует сто двадцатью миллионами. А мы проморгали! — упрекнул сотрудников шеф и с грохотом захлопнул за собой двери.

— Рейзек, — заговорил Кевал, — вот очень любопытное письмо: «Уважаемая редакция! Извините, что я, старый, убежденный патриот, не забывший злых времен угнетения и мрака, осмеливаюсь просить вас, чтобы вы резвым пером своим народу чешскому растолковать изволили убежденных патриотов

беспокойство и щемящую душу тоску...» и так далее. А вот... «...Вижу народ наш, древний, славянский, в ссоре брат против брата, несчетные партии, секты и церкви, аки волки, грызутся друг с другом, взаимно удушая один другого, в ослеплении братоубийственной ненависти...» Старенький, должно быть, корреспондент, очень уж рука у него дрожит, неразборчиво получается. «...А между тем извечный наш неприятель, аки лев рыкающий, обхаживает нас, бросает древнему народу чешскому призыв германский „Отколитесь от Рима“, будучи в том заодно с лжепатриотами, для коих шкурные интересы превыше желанного единства национального. Со скорбью и сокрушением видим мы, что приближается новая битва у Липан¹, в коей, когда чех пойдет против чеха ради защиты каких-то церковных идей, все на поле брани полягут. И, о горе! Сбудутся слова Писания о царстве, в себе разделенном. И начнутся сечи да брани, как предсказывают наши славные, неподдельные богатырские рукописи...»²

— Хватит, — отмахнулся пан Рейзек.

— Потерпите маленько, тут он толкует о чрезмерном разрастании партий и церкви. Будто бы это наследственный чешский порок. «...И в том не может быть ни малейшего сомнения,

¹ *Липаны* — местечко близ Праги, где в 1434 году произошла решающая битва таборитов (гуситы левого направления) и чашников (правое крыло гуситов); чашники, одержавшие победу, признали чешским королем императора так называемой священной Германской империи Сигизмунда.

² *Славные... рукописи...* — Имеются в виду Краледворская и Земногорская рукописи — собрания чешских песен, написанных в подражание народному творчеству Вацлавом Ганкой и выданные им за подлинные рукописи XI—XIII веков.

то же самое утверждал и доктор Крамарж¹. Отчего и закликаю вас в сей час полнощный, когда со всех сторон нам грозит опасность, великая и страшная, бросьте клич народу чешскому, дабы слился он воедино ради защиты родины нашей. А ежели единства ради надобно связующее звено — не будем мы ни протестантами, ни католиками, ни монистами, ни даже абстинентами, — все перейдем в единую славянскую, могущественную и братскую веру православную, которая объединит нас в одну великую семью славянских братьев и в бурные эти времена даст нам опору — монарха славянского. Те же, кто не примкнет в дружном и добровольном порыве к этой славной идее всеславянства, будет государственной мощью или другим каким средством, чрезвычайностью положения продиктованным, вынужден отринуть свои групповые и сектантские интересы на благо единства общенародного». И дальше в том же духе. Подпись: «Старый убежденный патриот». Что вы на это скажете?

— Ничего не скажу, — буркнул пан Рейзек.

— А я думаю, тут что-то есть, — начал пан Кевал, но в этот момент в редакцию ворвался телефонист и сообщил:

— Звонят из Мюнхена. Вчера в Германии вспыхнула не то гражданская, не то религиозная война. Стоит ли сообщать об этом в газетах?

¹ Крамарж Карел (1860–1937) — глава чехословацкого правительства в 1918—1919 годах.

Глава 23

Аугсбургский конфликт

До двенадцати часов вечера редакцией «Народной газеты» были получены следующие телефонограммы:

«ЧТА — Мюнхен, 12 текущего месяца. ВТБ сообщает, что вчера в Аугсбурге имели место кровавые демонстрации. Семьдесят протестантов убиты; демонстрации продолжаются».

«ЧТА — Берлин, 12 т. м. По официальным сведениям, число убитых и раненых в Аугсбурге не превышает двенадцати. Полиция поддерживает спокойствие».

«Соб. кор. — Лугано, 12 т. м. Из хорошо информированных источников стало известно, что жертв в Аугсбурге уже более 5 тысяч. Железнодорожное сообщение в северном направлении прервано. Баварское министерство заседает непрерывно. Немецкий император прервал охоту и находится на пути в Берлин».

«ЧТА — Рейтер, 12 т. м. Сегодня в 3 часа утра правительство Баварии объявило Пруссии священную войну».

Спустя день после описываемых событий Цирил Кевал уже прибыл в Баварию; нижеследующие строки взяты из его относительно достоверного описания:

«На Шеллеровой карандашной фабрике в Аугсбурге 10-го числа сего месяца в 18 часов рабочие-католики избили протестантского магистра, оспаривавшего какое-то положение, касающееся культа святой девы Марии. Ночь прошла спокойно, однако на завтра в 10 часов утра рабочие-католики прекратили работу на всех фабриках, с возмущением требуя увольнения служащих-протестантов. Фабрикант Шеллер убит, два управляющих застрелены. Под давлением рабочих духовенство вынуждено было выступить во главе процессии и нести дароносицу. Архиепископ доктор Ленц, вышедший умиротворить манифестантов, был сброшен в воды реки Лех. Социал-демократические лидеры сделали попытку обратиться к народу, но вынуждены были спастись бегством и укрыться в синагоге. В 15 часов синагога была взорвана динамитом. Одновременно были разграблены еврейские и протестантские лавочки, причем дело дошло до стрельбы и массовых поджогов; магистрат подавляющим большинством голосов принял резолюцию о непорочном зачатии девы Марии и издал пламенное обращение ко всем католикам мира, дабы те обнажили мечи в защиту святой католической веры.

Эти события вызвали самую различную реакцию в прочих городах Баварии. В Мюнхене в восьмом часу вечера при массовом стечении народа и в обстановке общего подъема была принята резолюция об отделении южных земель от Германской Федеративной Империи. Мюнхенское правительство депешей уведомило Берлин, что принимает на себя всю ответственность за управление землями. Имперский канцлер доктор Вурм немедленно нанес визит министру обороны, по распоряжению которого в Баварию были направлены 10 тысяч штыков из саксонских и прирейнских гарнизонов.

Во втором часу пополуночи на баварской границе были пущены под откос составы с оружием, раненых расстреливали из пулеметов. В 9 часов утра мюнхенское правительство, договорившись с альпийскими землями, приняло решение об объявлении священной войны лютеранам».

«...По всей видимости, в Берлине не теряют надежды на мирное разрешение возникших недоразумений. Император до сих пор еще не кончил свое выступление в парламенте; он утверждает, что не признает деления на католиков и протестантов, для него существуют только немцы. Войска северного гарнизона сосредоточены, по-видимому, на линии Эрфурт—Гота—Кассел, католическое войско широким фронтом наступает в направлении Цвейк и Рудольфштадт, встречая отпор лишь со стороны гражданского населения. Город Грейц сожжен дотла, жители частью биты, частью захвачены в плен. Слухи о большом кровопролитии пока не подтвердились. Беженцы, остановившиеся в Банрейте, рассказывают, что с севера доносится канонада тяжелых артиллерийских орудий. Вокзал в Магдебурге разрушен баварской авиацией. Веймар в огне».

«...Здесь, в Мюнхене, всех охватил неописуемый энтузиазм. В школах работают призывные комиссии, толпы добровольцев сутками простаивают на улицах в ожидании своей очереди. На ратуше для всеобщего обозрения выставлены головы двенадцати пасторов.

Католическое духовенство днем и ночью служит мессы в переполненных храмах; депутат патер Гроссгубер от усталости рухнул перед алтарем замертво. Евреи, монасты, трезвенники и прочие иноверцы забаррика-

дировались в домах. Банкир Розенгейм, старейшина еврейской общины, сегодня утром всенародно сожжен на костре».

«...Послы Дании и Голландии потребовали вернуть им паспорта. Американский поверенный выразил протест по поводу нарушения мирного договора, в то время как Италия заверила Баварию в полном и весьма благосклонном нейтралитете».

«...По улицам тянутся нескончаемые ряды новобранцев, несущих знамена с белым крестом на красном поле и лозунгом: „Такова воля божья“. Дамы тучами идут в сестры милосердия и готовят лазареты к приему раненых. Почти все магазины закрыты. Биржа тоже».

* * *

Так развивались события 14 февраля.

15 февраля великое побоище началось на обоих берегах реки Верри. Протестантская армия была несколько оттеснена. В тот же день прозвучали первые выстрелы на бельгийско-голландской границе. Англия спешно приводила флот в боевую готовность.

16 февраля. Италия разрешила свободное передвижение испанским войсковым частям, посланным на помощь Баварии. Тирольские мужики, вооружившись косами, пошли войной на гельвитских швейцарцев.

18 февраля. Лжепапа Мартин послал по телеграфу благословение баварской армии. Битва у Мейнингена закончилась вничью. Россия объявила войну польским католикам.

19 февраля. Ирландия объявила войну Англии. В Брюсселе объявился лжекалиф и выступил со своим войском под

зеленой хоругвью пророка. Мобилизация в балканских государствах. Резня в Македонии.

23 февраля. Прорван северогерманский фронт. Массовое восстание в Индии. Мусульмане объявили священную войну христианам.

27 февраля. Греко-итальянская война и ее первые сражения па албанской территории.

3 марта. Японская флотилия движется на восток, к берегам США.

15 марта. Крестоносцы-католики заняли Берлин. Между тем в Штеттине создан Союз протестантских государств. Немецкий кайзер Кашпар I объявил себя главнокомандующим армии.

16 марта. Двухмиллионная армия Китая хлынула через границы Сибири и Маньчжурии. Войска лжепапы Мартина вошли в Рим, папа Урбан бежал в Португалию.

18 марта. Испания требует от лиссабонских властей выдачи папы Урбана, после отказа *ipso facto*¹ вспыхивает испано-португальская война.

26 марта. Государства Южной Америки предъявляют ультиматум Североамериканскому союзу, в котором требуют отмены «сухого закона» и запрета свободы вероисповедания.

27 марта. Японская пехота высадилась в Калифорнии и Британской Колумбии.

На 1 апреля международное положение в общих чертах было таково: в Средней Европе разразился острейший конфликт между двумя мирами — католическим и протестантским. Протестантская уния вытеснила крестоносцев из Берлина, заняла Саксонию и оккупировала даже нейтральную Чехию; волею судеб войсками в Праге командовал шведский

¹ Как следствие (лат.).

генерал-майор Врангель, вероятный потомок известного генерала времен Тридцатилетней войны¹, зато крестоносцы овладели Нидерландами и затопили их, разрушив дамбы, затем они захватили весь Ганновер и Голштинию, докатившись до самого Любека, откуда проникли в Данию. Воевавшие не знали никакой пощады. Города сравнивались с землей, мужчины были перебиты, женщины до 50 лет — изнасилованы; но прежде всего уничтожались карбюраторы противника. Свидетели этих невиданных кровопролитий уверяют, что с обеих сторон в войне участвовали сверхъестественные силы; иногда некая незримая рука останавливала неприятельский самолет и швыряла его оземь; ухватив на лету 54-дюймовый снаряд весом в одну тонну, отсылала его обратно — на голову тех, кто его выпустил. Особенно страшные дела творили воюющие стороны, сокрушая карбюраторы; порой это напоминало смерч, который разносил в щепы и уничтожал до последнего камня здание с атомным котлом — словно порыв ветра кучу легкого пуха; кирпичи, балки, черепица тучами носились в воздухе, издавая пронзительный свист; кончалось это обычно взрывом сокрушительной силы, который выворачивал с корнем деревья, разрушал постройки в радиусе до двенадцати километров и оставлял воронку двухсотметровой глубины; сила детонации, разумеется, колебалась в зависимости от мощности взрываемого карбюратора.

На фронте протяженностью в триста километров были пущены отравляющие газы, которые дотла выжгли всю растительность, но, поскольку эти черные, стелющиеся по земле тучи не однажды — опять-таки вследствие стратегического вмешательства сверхъестественной силы — возвращались

¹ *Тридцатилетняя война* — первая общеевропейская война, длившаяся с 1618 по 1648 год.

в распоряжение своих собственных войск, генералитет отказался от столь ненадежного средства. Обнаружилось, что Абсолют способен переходить в нападение, но часто склонен брать под свою защиту и вражескую сторону; кроме того, во время операций в ход шли неслыханные средства, как-то: землетрясения, циклоны, серные дожди, потопаы, ангелы, мор, саранча и т. д., так что не оставалось ничего иного, как изменить стратегию и тактику войны. Отпала надобность в массовых наступлениях, окопах, линиях заграждений, в укрепленных пунктах и прочей ерунде; солдату вручали нож, патроны и несколько гранат и на свой страх и риск отправляли убивать другого солдата, на груди которого был изображен крест иного цвета. Не было армий, вставших одна против другой; просто-напросто определенная территория объявлялась ратным полем, куда подступали войска и где начиналось взаимное избиение, пока в конце концов не выяснялось, кому теперь эта земля принадлежит. Понятно, такой метод ведения войны чудовищно кровав, но, согласитесь, он обладает и несомненными преимуществами.

Такова была ситуация в Средней Европе. В начале апреля протестантские войска через Чехию проникли в Австрию и Баварию, а католики заволокли Данию и Померанию; Голландия, как мы уже отмечали, исчезла с карты Европы вообще.

В Италии свирепствовали сторонники папы Урбана (урбановцы) и лжепапы Мартина (мартиновцы), а Сицилия оказалась в руках греческих эвзонов¹. Португальцы оккупировали Астурию и Кастилию, но лишились Эстремадуры. На юге война приняла крайне ожесточенный характер. Англия сража-

¹ *Греческие эвзоны* (euzones — греч.) — буквально: подпоясанные. После Первой мировой войны так называли отряды греческих войск, которые отличались весьма своеобразной формой одежды.

лась на землях Ирландии и, кроме того, в колониях. В начала апреля она удерживала только прибрежную полосу Египта. Прочие гарнизоны были уничтожены, а колонисты вырезаны туземцами. Турки с помощью арабских, суданских и персидских солдат наводнили Балканский полуостров и овладели Венгрией, но в этот момент возникли разногласия шиитов с суннитами из-за какой-то, очевидно, весьма существенной проблемы четвертого калифа Али. Секты гонялись друг за другом по всей Юго-Восточной Европе — от Константинополя до Татранских уступов, обнаруживая невероятное упорство и жестокость, отчего, к несчастью, изрядно досталось и христианам. В общем, этой части Европы еще раз пришлось горше, чем какой-либо другой.

Польша была стерта с лица земли русской армией, но затем русские войска были переброшены на восток — против желтой чумы, которая катилась на север и на запад. В Северной Америке пока что высадилось только десять японских корпусов.

До сих пор мы ни словом не обмолвились о Франции. Но для этой темы автор хроники резервирует главу 24.

Глава 24

Наполеон из горной бригады

Бобинэ, Тони Бобинэ, 22-летний поручик горной артиллерии из гарнизона Аннеси (Верхняя Савойя), в те времена находившийся на шестинедельных учениях в Эгис, откуда в ясную погоду на западе можно видеть озеро Аннеси и Женеву, а на востоке — тупой хребет Добрака и вершины Монблана, — отзовитесь, вы уже дома? Ага, значит, поручик Тони Бобинэ все еще сидит на камне и пощипывает свои маленькие усики, может, со скуки, а может, и оттого, что он уже в пятый раз перечитал газеты двухнедельной давности и погрузился в раздумья.

Теперь автору хроники следовало бы проследить за мыслью будущего Наполеона, а между тем он все ниже опускает взор с заснеженных склонов в долину реки Арли, где уже тает снег и куда манят его маленькие местечки Межев, Флуме, Южен с островерхими крышами костелов, словно игрушки, сбившиеся в кучу, — ах, воспоминания давно минувшего детства! О мечты над строительными кубиками!

Ах да, поручик Бобинэ... Нет, откажемся от попытки подвергнуть психологическому анализу душу великого человека и определить, в какой момент в ней появился зародыш титанических идей. Нам это не под силу, да если бы мы и смогли выполнить столь грандиозную задачу, то, вероятно, были бы

разочарованы. Представьте себе, короче говоря, что такой вот махонький поручик Бобинэ сидит на горной вершине посреди разваливающейся Европы; за плечами у него орудейный расчет, а под ним крохотный мир, который так удобно расстрелять отсюда, сверху: в старом номере аннесийского «Монитора» поручик только что прочитал передовую, где некий господин Бабийяр мечтал о сильной руке кормчего, который вывел бы корабль Франции из нынешнего шторма и устремил бы его к новой славе и могуществу; вокруг — на высоте 2000 метров над уровнем моря — чистый, не замутненный Богом воздух, в котором мыслям легко и просторно; представьте себе все это, и вы поймете, отчего поручик Бобинэ, сидя на камне, задумался и что толкнуло его сочинить письмо своей обожаемой, седовласой старушке-маменьке, письмо довольно сумбурное, где шла речь о том, что она «скоро услышит о своем Тони», что у Тони родилась «блестящая идея», что сегодня он был занят тем-то и тем-то: ночью крепко спал, утром созвал солдат своей батареи, сверг старого, бестолкового капитана, захватил жандармский пост в Салланше, по-наполеоновски кратко объявил войну Абсолюту и снова отправился спать; на следующий день расстрелял карбюратор пекарни в Фоне, окружил вокзал в Бонневилле и занял комендатуру в Аннеси; к этому времени под его началом находилось уже три тысячи солдат. В течение недели он разнес в щепы более двухсот карбюраторов и повел пятнадцать тысяч штыков и сабель на Гренобль. К моменту провозглашения комендантом Гренобля он располагал уже армией, насчитывающей сорок тысяч солдат; затем Бобинэ спустился в долину Роны, предварительно очистив местность от атомных двигателей с помощью дальнобойных орудий. На дороге, ведущей к Шамбери, Бобинэ взял в плен министра обороны, который прибыл сюда вправить поручику мозги. День спустя министр обороны произвел Бобинэ в генералы, очевидно

пораженный грандиозностью его планов. Первого апреля Лион был свободен от Абсолюта.

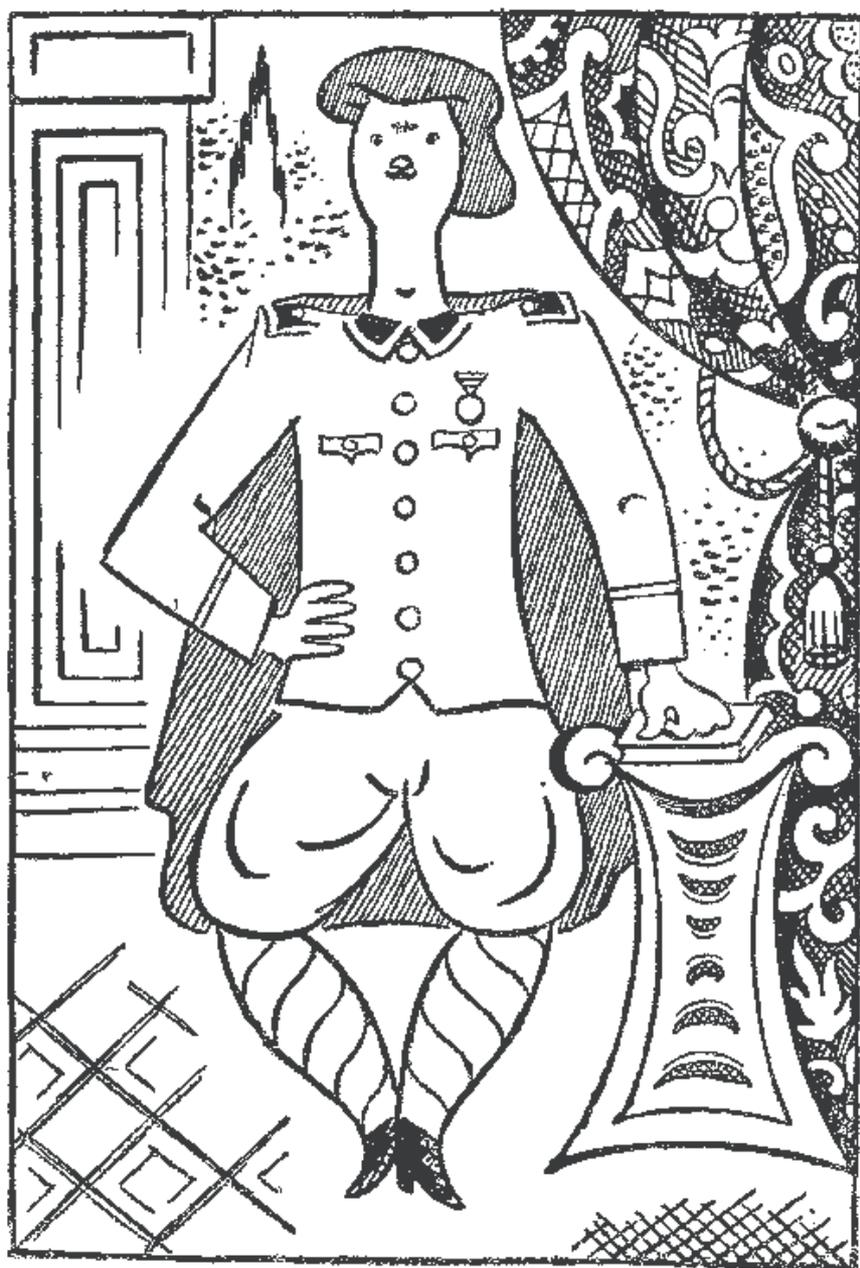
Победоносное шествие Бобинэ до сих пор обходилось без существенных кровопролитий. Лишь за Лаурой ему начали оказывать сопротивление фанатичные католики; местами дело доходило до настоящей резни. К счастью для Бобинэ, даже в селах, которыми Абсолют владел безраздельно, многие французы относились к нему скептически и, более того, обнаружили свою несуразную приверженность к безбожию и идеям просвещения. После массовой резни и новых варфоломеевских ночей *les Bobinets*¹ были встречены как освободители. И в самом деле, куда бы они ни приходили, с уничтожением карбюраторов всюду воцарялись мир и спокойствие.

Так вот и случилось, что в июле парламент издал указ о «выдающихся заслугах Тони Бобинэ перед родиной» и вместе с титулом маршала присвоил ему звание Первого консула. Франция была сплочена. Бобинэ утвердил атеизм как основной принцип государственной политики. Малейшая приверженность религии каралась смертью по законам военного времени.

Нельзя обойти молчанием некоторые эпизоды из жизни этого великого человека.

Бобинэ и его матушка. Как-то в Версале Бобинэ проводил совещание со своим генералитетом. День был жаркий, он стоял у открытого окна и вдруг заметил старенькую даму, греющуюся в парке на солнышке. Бобинэ, прервав маршала Жоливе, воскликнул: «Смотрите, господа, это моя матушка!» Все присутствовавшие — а среди них были и выдавшие виды генералы — прослезились, растроганные проявлением сыновней любви.

¹ Солдаты Бобинэ (*фр.*).

Бобинэ и любовь к родине. Однажды Бобинэ присутствовал на параде войск на Марсовом поле. Лил проливной дождь, и, когда мимо Бобинэ тащились тяжелые артиллерийские орудия, одна военная машина, не заметив большой лужи, забрызгала грязью плащ Бобинэ. Маршал Жоливэ хотел было на месте наказать командира злосчастной батареи, однако Бобинэ удержал его: «Не беспокойтесь, маршал, ведь это грязь французская!»

Бобинэ и инвалид. Как-то раз Бобинэ инкогнито отправился в Шартрез. По дороге у автомобиля лопнула шина; пока водитель менял ее, к машине приблизился одноногий инвалид и стал просить милостыню. «Где этот человек потерял ногу?» — спросил Бобинэ. На это инвалид ответил, что потерял ее в Индокитае, будучи солдатом, и что у него старушка мать, и что у них часто целыми днями нечего кушать. «Наградите этого человека, маршал», — приказал тронутый до слез Бобинэ. И впрямь спустя неделю в дверь халупы инвалида постучал личный курьер Бобинэ и передал убогому калеке сверточек «от Первого консула». Какими словами передать радостное удивление несчастного, когда он, развернув узелок, обнаружил в нем бронзовую медаль!

Не удивительно, что, обладая столь, редкостным душевным благородством, Бобинэ соблаговолил, наконец, пойти навстречу искреннему желанию своего народа и четырнадцатого августа провозгласил себя при всеобщем ликовании французским императором.

Итак, для земного шара наступали времена весьма неспокойные, но великие с точки зрения истории. Буквально все части света могли гордиться ратными подвигами своих солдат. Нет сомнения, что марсианам Земля в тот период казалась звездой первой величины, отчего марсианские астрономы решили, что наша планета все еще находится в раскаленном и расплавленном состоянии. Как вы сами понимаете, рыцарская

Франция и ее представитель император Тони Бобинэ по мере сил способствовали этому впечатлению. Вероятно, в данном случае оказали свое действие остатки Абсолюта, поскольку они не рассеивались в просторах вселенной, а возбуждали чувства возвышенные и пылкие. Короче, спустя два дня после коронации великий император объявил, что пробил час, когда Франция покроет всю планету знаменами победы, и ответом ему был единодушный гул одобрения.

План Бобинэ был таков:

1. Занять Испанию и захватить Гибралтар — ключ к Средиземному морю;

2. Оккупировать долину Дуная (до Пешта включительно), так как она ключ к центральным районам Европы.

3. Занять Данию — ключ к северному взморью. Поскольку территориальные ключи непременно должны быть обагрены кровью, Франция снарядила три армии, которые повсюду открыли эту великую державу неувядаемой славой.

Четвертая армия оккупировала Малую Азию, поскольку Малая Азия — ключ к Востоку.

Пятая овладела устьем реки Святого Лаврентия, поскольку оно — ключ к Американскому континенту.

Шестая — затонула в морском бою у английских берегов.

Седьмая — окружила Севастополь.

31 декабря 1944 года все ключи лежали в карманах артиллерийских галифе императора Бобинэ.

Глава 25

Так называемая Величайшая война

Для нас, людей, характерна такая черта: пережив то или иное несчастье, мы находим особенное удовольствие в том, чтобы убедиться, что пережитая неприятность была в своем роде «величайшей» и невиданной со времен сотворения мира. Например, случись в стране засуха, газеты очень угождают нам сообщением, что теперь стоит самая страшная жара, которую термометр не показывал с 1881 года; при этом мы еще ощущаем легкую досаду на этот 1881 год за то, что он обставил нас. Или: вы отморозили себе уши так, что они саднят и шелушатся, но непонятная радость переполнит вас при известии, что теперь... самый жестокий мороз, не отмечавшийся с 1786 года. Точно так же обстоит дело и с войнами. Переживаемая в данный момент война должна быть или самой справедливой, или самой кровопролитной, или самой успешной, или самой длительной за столько-то лет. Любая превосходная степень доставит нам гордое удовлетворение от сознания того, что на вашу долю выпало пережить нечто исключительное и редкостное.

Однако война, длившаяся с 12 февраля 1944 года до осени 1953-го, была действительно и без преувеличений Величайшей Войной — ради всего святого, не будем лишать современников этой единственной и заслуженной радости. В вой-

не принимали участие 198 миллионов мужчин, из которых уцелели только тринадцать человек. Я мог бы привести цифры, которыми любители арифметики и статистики пытались наглядно изобразить масштаб потерь: например, на сколько тысяч километров протянулся бы ряд трупов, если их разместить один за другим; или сколько часов двигался бы скорый поезд по рельсам, где шпалами служили бы мертвецы; или если отрезать указательные пальцы у всех погибших и положить в жестянки из-под сардин, сколько сотен вагонов было бы занято такого сорта товаром, и так далее; но у меня плохая память на цифры, кроме того, я не желал бы обсчитывать вас ни на один, хотя бы самый жалкий статистический вагон, а посему повторяю только, что это была самая великая война со времен сотворения мира как по числу жертв, так и по протяженности фронтов.

Автор хроники еще раз просит прощения за то, что не владеет в достаточной степени даром масштабного изображения событий. Конечно, ему следовало бы описать, как продвигалась война от Рейна до Евфрата, от Кореи до Дании, от Лугано до Гапаранда и так далее. С огромным удовольствием он живописал бы, например, въезд в столицу Швейцарии — Женеву — бедуинов, одетых в белые бурнусы, с двухметровыми копьями, на которых торчат головы неприятелей; или любовные приключения французского волонтера в Тибете; русские казачьи сотни в песках Сахары; конные сражения македонских комитатов с сенегальскими стрелками на берегах финских озер. Материал, как вы можете судить, необозримый.

Победоносные полки Бобинэ на одном энтузиазме, так сказать, прошли по стопам Александра Македонского через Индию в Китай; желтая лавина китайцев, преодолев Сибирь и Россию, докатилась тем временем до Франции и Испании, отрезав мусульман, орудовавших в Швеции, от их родины.

Русские полки, отступив под сокрушительным напором численно превосходящих сил китайцев, очутились в Северной Африке, где Сергей Николаевич Злочин основал новое государство, однако вскоре он был убит в результате заговора находившихся под его началом баварских генералов, которые выступили против подчиненных ему прусских атаманов, после чего царский трон в Тимбукту занял Сергей Федорович Злосин.

Наша чешская родина многократно переходила из рук в руки и попеременно пережила владычество шведов, французов, турок, русских, китайцев, причем во время каждого из этих нашествий туземное население уничтожалось на корню, до последнего человека. В соборе Святого Вита в те времена успели совершить богослужение пастор, адвокат, имам, архимандрит и бонза, разумеется, с переменным успехом. Единственно утешительным было то обстоятельство, что Сословный театр¹ с тех пор не пустовал — в нем размещался военный склад.

После того как в 1951 году японцы вытеснили Китай из Восточной Европы, на какое-то время возникла Срединная империя — так китайцы именуют свою родину — по странной случайности как раз в границах прежней Австро-Венгерской монархии: на престоле в Шенбрунне опять восседал престарелый монарх, шестилетний мандарин Яя Вэр-юань, «к чьему просвещенному разуму, — как изо дня в день убеждал читающую публику «Wiener Mittagszeitung», — с ребяческим благоговением взывают ликующие народы». Государственным языком был объявлен китайский, вследствие чего национальные распри мгновенно прекратились;

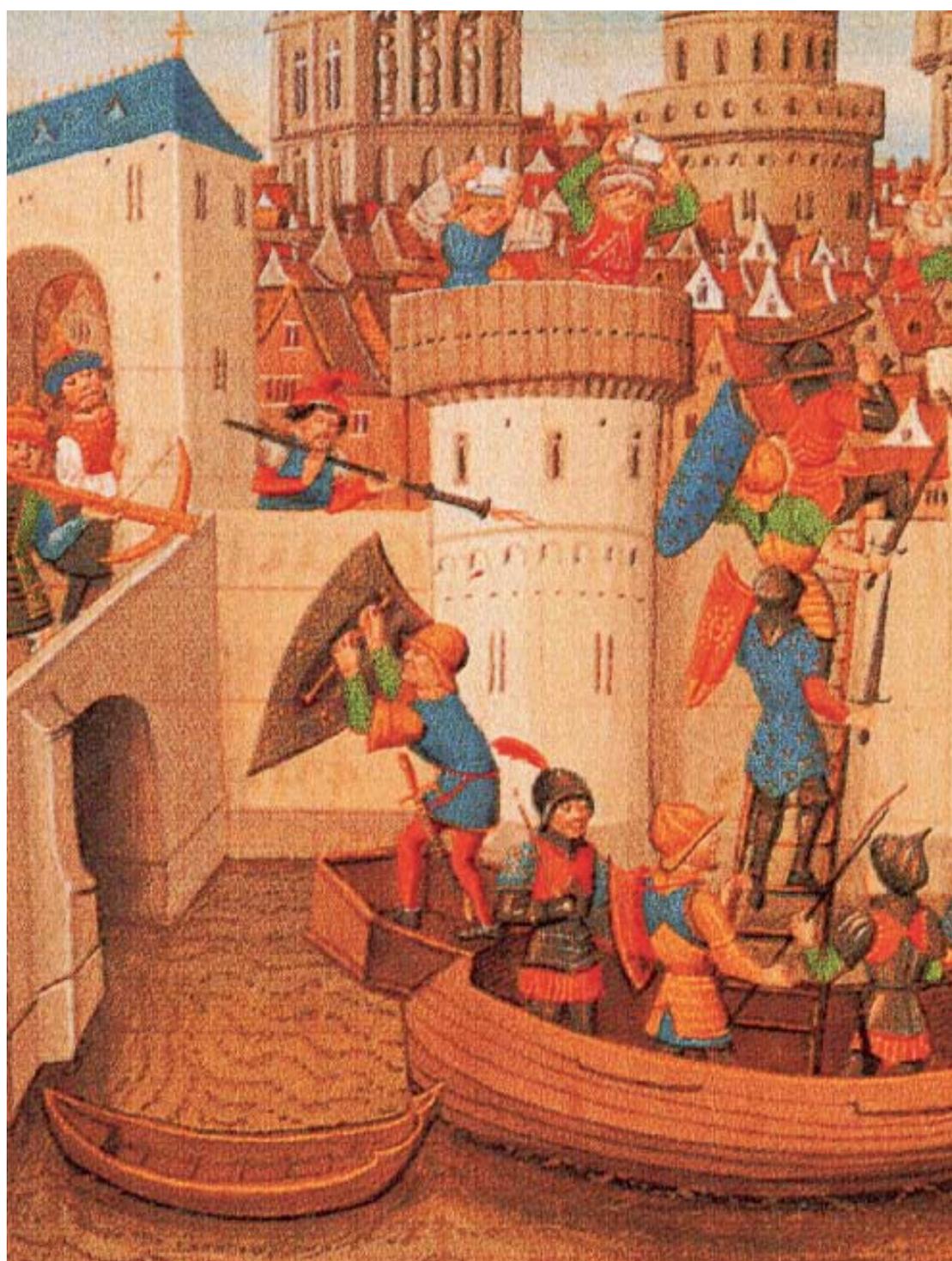
¹ *Сословный театр* — старейший чешский театр, организованный с целью пропаганды чешской драматургии.

государственным Богом стал Будда; ревностные католики Чешской и Моравской земель, пытавшиеся эмигрировать за границу, попали в лапы китайских карателей, благодаря чему необычайно возросло число наших национальных мучеников. Зато некоторые замечательно трезвые чешские патриоты Высочайшим Повелением Монарха были удостоены звания мандарина, в особенности здесь отличились То Бол-кай, Гро-ши¹ и, по-видимому, многие другие. Кроме того, китайское правительство провело множество чрезвычайно прогрессивных реформ, как-то: раздача талончиков вместо продуктов питания и т. д. Однако Срединная империя просуществовала недолго; запасы свинца были исчерпаны полностью, а посему незамедлительно рухнули и всяческие авторитеты; несколько уцелевших китайцев после побоищ осели в Чехии и укоренились здесь в последующие мирные времена, преимущественно в качестве высокопоставленных чиновников.

Тем временем император Бобинэ, обосновавшийся в индийских Симле, прослышал, что в доселе не изученных горных районах в бассейне рек Иравади, Сулина и Меконга существует Королевство Амазонок, и двинулся туда со своей испытанной гвардией. Ему не суждено было вернуться. По одной версии, он обзавелся там семьей; другая версия гласит, будто королева амазонок Амалия отсекла Бобинэ голову в бою и кинула ее в бурдюк, наполненный кровью, со словами: «*Satia te sanguine, quem tantum sitisti*»². Последняя версия, безусловно, трогательнее.

¹ *То Бол-кай* и *Гро-ши* — анаграммы имени историка и библиографа З. В. Тоболки (1877—1954) и К. Гроша, старосты города Праги в 1906—1918 годах; К. Чапек иронизирует по поводу их политического оптимизма в период Первой мировой войны.

² Насыться же кровью, которой ты так алкал! (*лат.*).

Наконец, Европа сделалась ареной диких схваток черной расы, хлынувшей из глуби Африки, с монгольскими племенами; о том, что творилось в течение этих двух лет, разумнее умолчать. Последние следы цивилизации исчезли. На Градчанах, скажем, медведи расплодись в таком количестве, что последние аборигены Праги разрушили все мосты (Карлов мост в том числе), лишь бы охранить правый берег Влтавы от кровожадных бестий; от городского населения уцелела лишь горстка людей; вышеградский капитул¹ прекратил свое существование как по мужской, так и по женской линии. На матче на первенство страны между командами «Спарта» — «Виктория» (Жижков) присутствовало всего сто десять зрителей.

На других континентах дела обстояли не лучше. Северная Америка, изнемогшая в кровавых боях сторонников и противников «сухого закона», была превращена в японскую колонию. В Южной Америке сменилось одно за другим несколько царств: Уругвайское, Чилийское, Перуанское, Бранденбургское и Патагонское. В Австралии сразу же после падения Англии было основано Идеальное Государство, в результате чего эта благословенная страна превратилась в мертвую пустыню. В Африке было съедено более двух миллионов представителей белой расы; негры бассейна Конго ринулись в Европу, вся прочая Африка содрогалась под ударами ста восьмидесяти шести императоров, султанов, королей, главарей и президентов, колошмативших друг друга.

Да, таковы исторические факты.

У каждого из сотен миллионов солдат некогда были детство, любовь, привязанности, жизненные планы, каждый мог

¹ *Капитул* — коллегия духовных лиц, состоящих при епископской кафедре в католической церкви — в данном случае при кафедральном соборе на Вышеграде в Праге.

испытывать страх и мог стать героем, но чаще всего ощущал только страшную усталость и был бы рад мирно растянуться на постели; никто не желал себе смерти. И все это вдруг свелось лишь к горстке кратких сухих сообщений: там-то и там-то разыгралось сражение, потеря — столько-то; результат, какой бы он ни был, наверняка ни на что не влиял.

Поэтому я еще раз говорю вам: не лишайте людей, живших тогда, их единственной гордости — убеждения в том, что ими была пережита величайшая из войн. Хотя мы-то, разумеется, понимаем, что лет эдак через двадцать кое-кому удастся развязать войну еще более великую и жестокую; ведь и в этом направлении человечество достигает все больших успехов.

Глава 26

Битва у Градца Кралове¹

Здесь автор хроники прибегает к авторитетам Августа Седлачека, Иозефа Пекаржа и других признанных историографов, разделяющих ту точку зрения, что важнейшим источником познания исторической истины являются события местного значения, в которых, словно в капле воды, отражаются процессы, происходящие в целом мире.

Так вот, одна такая капля под названием Градец Кралове памятна автору хроники тем, что он в детстве, будучи простейшим организмом, первоклашкой тамошней гимназии, словно живчик, носился по ее улицам, и она представлялась ему огромным миром; впрочем, довольно об этом.

В Величайшую из войн Градец Кралове вступил, имея на вооружении один-единственный карбюратор, да и тот располагался в пивной, что по сей день прячется за храмом Святого Духа неподалеку от домов святых каноников. Очевидно, святое соседство повлияло на Абсолют — пиво там варили на редкость густое и отъявленно католическое, так что вслед-

¹ *Битва у Градца Кралове* — одна из крупнейших битв Австро-прусской войны 1866 года. Известна также под названием «битва под Садовой».

ствие его употребления у градецких жителей возникло удивительное состояние, доставлявшее покойному епископу Брынину истинную радость.

Поскольку Градец Кралове был расположен как-то слишком уж на виду, он вскоре очутился под властью пруссаков, которые в порыве лютеранской нетерпимости разбили карбюратор на пивоваренном заводе. Тем не менее Градец, верный исторической традиции, сохранил прежний накал религиозного чувства, особенно после того как тамошнюю епархию заполучил его преосвященство епископ Линда.

Несмотря на бесконечную смену властителей в стране, переходившей от гвардейцев Бобинэ к туркам, затем к китайцам, градецкие обитатели не утратили гордого сознания того, что у них: 1) лучший в восточной Чехии любительский театр, 2) самая высокая в восточной Чехии колокольня и 3) страницы его истории отмечены крупнейшей битвой, имевшей место в восточной Чехии. Укрепленный сознанием своего превосходства, Градец Кралове выдержал страшнейшие испытания Величайшей Войны.

Как только империя китайских мандаринов развалилась, во главе магистрата Градца Кралове стал осмотрительный староста Скочдополе. Его правление в пору повсеместной анархии было отмечено относительным спокойствием, чему немало благоприятствовали мудрые наставления епископа Линды и уважаемых господ старейшин.

Но вот возвратился в город какой-то портняжка, по прозвищу, кажется, Гампл, тоже — увы! — градецкий уроженец; с малых лет шлялся он по свету, даже в Алжире служил в иностранном легионе; одним словом — авантюрист. Он участвовал в походах Бобинэ на Индию, но дезертировал где-то у Багдада, ужом проскользнул мимо башибузуков, французов, шведов, китайцев и снова юркнул в родной город.

Так вот, портняжка этот, по прозвищу Гампл, набрался

идей «бобинизма» и, не успев войти в градецкие ворота, стал помышлять ни больше ни меньше как о том, чтобы встать у кормила городской власти. Шить платья — это ему не улыбалось; вот и принялся он бросать камешки в чужой огород да критиковать порядки: дескать, то да се нехорошо, в магистрате сидят одни долгополые попы, казна пуста, господин Скождополе ни на что не способен, старая он развалина и так далее и так далее. Ничего не поделаешь — войнам обычно сопутствует падение нравов и крушение авторитетов — вот и у нашего Гампла нашлись приверженцы; с их помощью он основал новую социально-революционную партию.

Однажды — дело было в июле — Гампл собрал толпу людей на Малой площади и, взгромоздясь на борт городского водоема, разглагольствовал между прочим о том, что народ категорическим образом требует лишить этого подлеца, мракобеса и поповского прихвостня Скождополе его полномочий.

В ответ на это Скождополе развесил повсюду объявления, гласившие, что ему, старосте, законно избранному народом, никто не указ, а меньше всего пришлый дезертир; что в нынешней, напряженной обстановке новые выборы проводить не след и что наш рассудительный народ останется верен себе.

Именно этого-то Гампл и поджидал. Чтобы осуществить свою авантюру в духе императора Бобинэ, он вышел из своей квартиры на Малой площади со знаменем в руках; а за ним шли двое мальчишек, которые что есть мочи колотили в барабан. Обойдя Большую площадь, он постоял немного возле резиденции епископа, после чего под грохот барабанов отступил на поле у реки Орлицы, или, попросту говоря, на «Блюдечко». Там он воткнул древко знамени в землю и, усевшись на барабан, сочинил объявление о войне. Потом послал мальчишек в город, чтобы барабанили по всем улицам и всех оповещали о новом манифесте, в котором значилось:

«Именем его величества императора Бобинэ приказываю престольному городу Градцу Кралове передать мне ключи от городских ворот. Если этого не будет сделано до захода солнца, то, завершив к рассвету необходимые военные приготовления, я начну артобстрел города, конные и пешие атаки. Имущество и жизнь будут сохранены лишь тем, кто до указанного срока придет в мой лагерь на „Блюдечке“, захватив с собой исправное оружие, и принесет присягу его величеству императору Бобинэ. В парламентариев приказываю стрелять. Император не вступает в переговоры.

Генерал Гампл».

Обращение это было прочитано и произвело всеобщее смятение, особенно после того, как пономарь костела Святого Духа ударил на Белой башне в набат. Господин Скождополе нанес визит епископу Линде, но тот высмеял его; затем староста созвал чрезвычайное заседание городского совета, где предложил выдать ключи от городских ворот генералу Гамплу. Обнаружилось, что таковых ключей в природе не имеется: несколько старинных ключей и замков в качестве исторической реликвии прихватили с собой шведы. Среди этих хлопот градоправителей застигла ночь.

Всю вторую половину дня и особенно усердно вечером по дивным градецким аллеям обитатели Градца двигались к «Блюдечку». «Знаете ли, — говорили знакомые друг другу при встрече, — надо бы посмотреть, что за лагерь у этого безумца Гампла». Придя на «Блюдечко», они убеждались, что таких любознательных полным-полно и что под барабанный бой Гамплов адъютант принимает присягу на верность императору Бобинэ. Кое-где горели костры, а вокруг них мелькали тени — словом, все выглядело чрезвычайно живописно; кое-кто из любопытствующих вернулся в Градец в явно подавленном настроении.

Ночью зрелище было еще великолепнее. В полночь староста Скождополе взобрался на Белую башню и увидел, что на востоке, неподалеку от речки Орлицы, полыхают сотни костров, тысячи фигур мечутся возле огней, отбрасывающих свой кровавый отсвет далеко в широкое поле. Сомнений не оставалось: на «Блюдечке» рыли окопы. Староста сполз с колокольни, заметно озадаченный. Как видно, генерал Гампл не врал, расписывая свою военную мощь.

На рассвете генерал Гампл вышел из своего походного шатра, расположенного на «Блюдечке», где он провел целую ночь, склонившись над планами города. Несколько тысяч солдат, преимущественно в гражданском платье, уже выстроились колоннами по четыре; по крайней мере каждый четвертый из них был вооружен; толпы женщин, стариков и детей теснились поодаль.

«Вперед!» — приказал Гампл, и в эту минуту зазвучали фанфары духового оркестра всемирно известной фабрики духовых инструментов пана Черненого, и под бодрые звуки марша («Шла девица по дорожке») Гамплова рать двинулась на город.

Возле города генерал Гампл остановил свои полки и выслал вперед трубача и глашатая — призвать мирное население выйти из своих домов. Однако никто не вышел. Дома были пусты. Малая площадь пустовала. Большая площадь пустовала. Весь город был пуст. Генерал Гампл подкрутил усы и направился к ратуше. Двери ее были распахнуты настежь. Он вошел в зал заседаний и уселся на место старосты. Перед ним на зеленом сукне аккуратной стопкой лежали чистые листки, и на каждом каллиграфическим почерком уже было выведено: «Именем его величества императора Бобинэ». Генерал Гампл подошел к окну и возгласил:

— Солдаты, сражение окончено. Карающая рука возмездия свергла власть клики клерикалов. Для нашего любимого

города настала пора свободы и прогресса. Солдаты! Вы показали себя храбрыми воинами. Ура!

«Ура!» — нестройно ответило войско и разбрелось по домам. В дом старосты тоже гордо вернулся один Гамплов воин (позже этих воинов окрестили «гамплманами»), унося на плече ружье какого-то китайского вояки. Так пан Гампл сделался старостой. Следует признать, что и его осмотрительное правление было отмечено относительным спокойствием среди всеобщей анархии благодаря мудрым советам епископа Линды и уважаемых господ старейшин.

Глава 27

На одном тихоокеанском атолле

— Разрази меня гром, — воскликнул капитан Трабл, — если этот верзила не их предводитель!

— Это Джимми, — отозвался Г. Х. Бонди, — вы знаете, он служил тут. И я думал, что он уже образумился.

— Черт меня дернул, — не унимался капитан, — пристать здесь. У-у, проклятая... А?

— Послушайте, — окликнул капитана Г. Х. Бонди, кладя винтовку на стол веранды. — Тут всюду так?

— По-моему, всюду, — утешил его капитан Трабл. — На Равайвайе они сожрали капитана Баркера со всем его гарнизоном. А на Мангайе содрали шкуру с трех миллионеров — вот вроде вас.

— С братьев Сазэрлэнд? — уточнил Бонди.

— Кажется, так. А на острове Старбурке они зажарили правительственного комиссара, толстяка Мак-Дуана: вы с ним не знакомы?

— Нет, не знаком.

— А, вы не знакомы с Маком? — вскричал капитан. — И как давно вы здесь обретаетесь, голубчик?

— Уже девятый год, — вздохнул пан Бонди.

— Ну, за девять лет вы могли бы с ним познакомиться, — заметил капитан. — Девятый год, подумать только! Делаете

бизнес, да? Или нашли этакую тихую гавань? Нервы лечите?

— Нет, — ответил Бонди, — видите ли, я предвидел, что там, наверху, такое стряется, ну и убрался подобру-поздорову. Надеюсь, что здесь спокойнее.

— Спокойнее? Вы еще не знаете наших чернокожих молодцов! Да тут настоящая война идет, приятель!

— О нет! — защищался Г. Х. Бонди. — Здесь на самом деле царил мир. Эти папуасы, или как вы их там зовете, вполне приличные парни. Только в последнее время они как-то... того... что-то хорохорятся. И знаете, я так толком и не разобрал, чего они хотят...

— Ничего особенного, — ответил капитан, — просто они хотят нас слопать.

— С голоду? — изумился пан Бонди.

— Не знаю. Скорее всего, из благочестивых побуждений. У них такой обряд, понимаете? Вроде причастия, что ли. У них это нет-нет да и прорвется.

— Ах, вот оно что, — пробормотал пан Бонди в задумчивости.

— Всякому свое, — ворчал капитан, — у них здесь одна страсть: сожрать чужестранца и закоптить его голову.

— Еще и голову закоптить? — Бонди передернуло от омерзения.

— Да это уж после того, как убьют, — утешил его капитан. — Они берегут эти головы на память. Вы видели сушеные головы в Окленде, в этнографическом музее?

— Нет, — сказал Бонди, — я думаю... не такое уж это привлекательное зрелище — моя копченая голова.

— Пожалуй, вы для этого слишком полны, — позволил себе сделать критическое замечание капитан. — Поджарого копчение не изменяет так основательно, как жирного.

Весь вид пана Бонди изобличал необычайное беспокойство. Поникнув, сидел он в своем бунгало на коралловом

острове Герегетуа, который приобрел перед самым началом Величайшей из войн. Капитан Трабл неодобрительно хмурился, поглядывая на заросли мангрового дерева и бананов, окружавших бунгало.

— А сколько здесь туземцев? — неожиданно спросил он.

— Примерно сто двадцать, — ответил Г. Х. Бонди.

— А нас?

— Семь вместе с поваром-китайцем.

Капитан вздохнул и поглядел на море. Там стояла на якоре его яхта «Паппета», но, чтобы попасть на нее, пришлось бы пройти по узкой тропинке, петлявшей в мангровой чаще, что представлялось ему совсем небезопасным.

— Алло, маэстро, — окликнул он Бонди немного погодя, — собственно, о чем они там спорят? О границах каких-нибудь?

— Куда там! О сущих пустяках!

— О колониях?

— И того пустяковее.

— О... торговых договорах?

— Нет. Всего-навсего об истине.

— О какой такой истине?

— Об абсолютной истине. Понимаете, каждый народ хочет знать абсолютную истину.

— Гм, — буркнул капитан, — а собственно, с чем ее лопают, эту истину?

— Да ничего тут особенного нет, просто такая у людей страсть. Вы слышали, что там, в Европе, и вообще... везде... объявился этот... как его?... ну понимаете... Бог.

— Слышал.

— Так вот, это все от него, понимаете?

— Нет, не понимаю, мил человек. По-моему, всамделишный Бог завел бы на свете порядок. А этот ваш ненормальный и невсамделишный.

— О нет, сударь, — возразил Г. Х. Бонди, явно обрадовавшись возможности поговорить с непредубежденным и бывалым человеком. — Я вам говорю, этот Бог настоящий. Но признаюсь, он слишком великий.

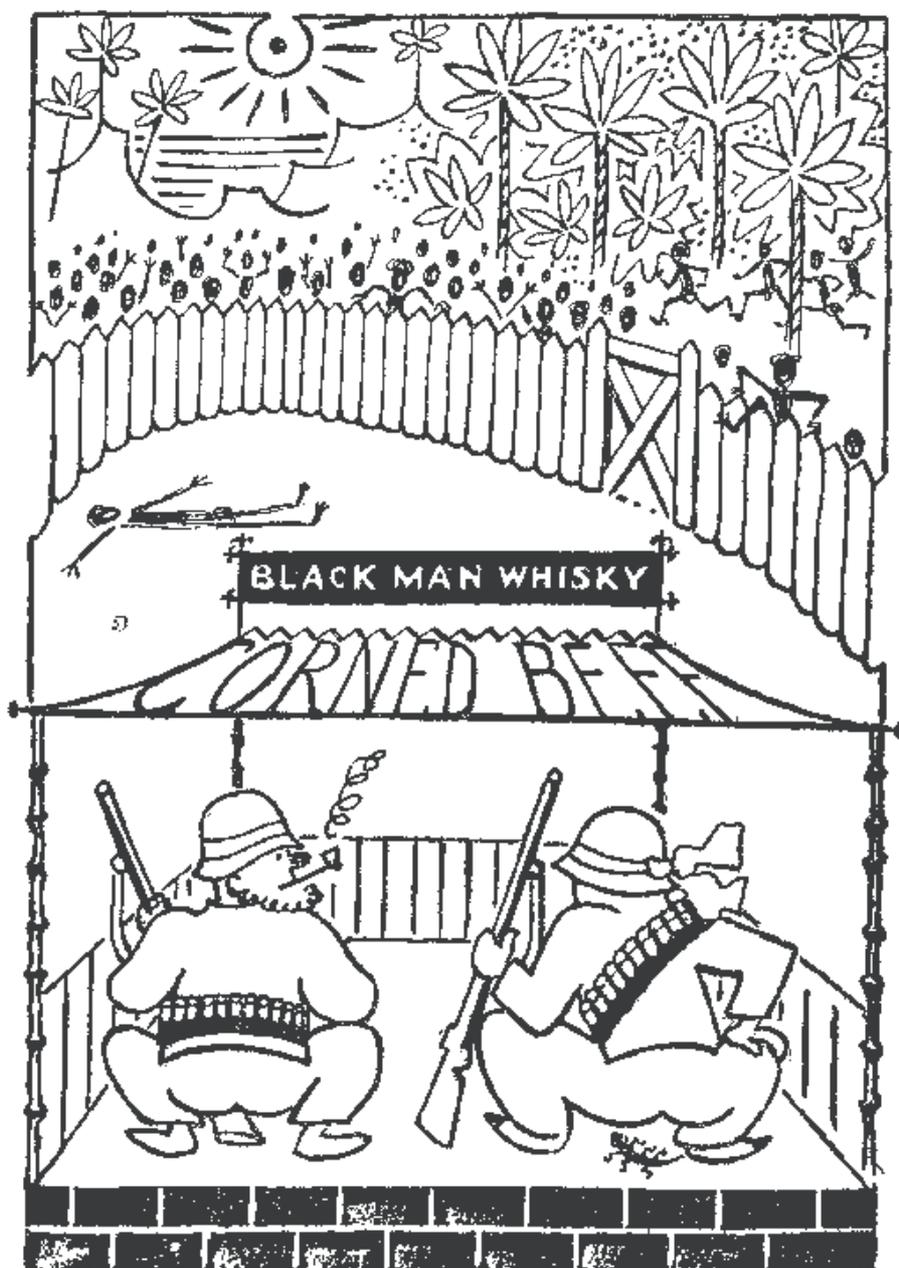
— Думаете?

— Думаю. Он бесконечен. И в этом вся загвоздка. Понимаете, каждый норовит урвать от него кусок и думает, что это и есть весь Бог. Присвоит себе малую толику или обрезок, а воображает: вот, мол, он целиком в моих руках. Каково, а?

— Ага, — поддакнул капитан, — да еще злится на тех, у кого другие куски.

— Вот именно. А чтоб самого себя убедить, что он у него целый, кидается убивать остальных. Понимаете ли, как раз потому, что для него важно завладеть целым Богом и всей истиной. Потому он не может смириться, что у кого-то еще есть свой Бог и своя истина. Если это допустить, то придется признать, что у него самого всего-навсего несколько мизерных метров, или там галлонов, или мешков божьей правды. Предположим, если бы какой-нибудь Снайперс был всерьез убежден, что только его, Снайперсов, трикотаж — лучший в мире, он без зазрения совести сжег бы на костре любого Масона вместе со всем его трикотажем. Да только пока дело идет о трикотаже, Снайперс головы не теряет. Но он становится нетерпим, когда речь заходит об английской политике или о религии. Если бы он верил, что Бог — это так же солидно и необходимо, как трикотаж, он позволил бы, чтобы всяк оснастил его по-своему. Но вы понимаете, в этом вопросе у него нет такой уверенности, как в торговле; поэтому он навязывает людям Снайперсова Бога или же Снайперсову истину — навязывает, ведя споры, войны, через всякую дешевую рекламу. Я торговец и разбираюсь в конкуренции, но это...

— Минутку, — прервал его капитан Трабл и, тщательно

прицелившись, пальнул по мангровым зарослям. — Вот так. Теперь, по-моему, одним меньше.

— Пал за веру, — мечтательно вздохнул Бонди, — и вы, применив насилие, помешали ему сожрать меня. Он погиб, защищая национальный идеал людоеда. В Европе люди испокон веков пожирали друг друга из-за каких-то глупых идеалов. Вы, капитан, — милый человек, но вполне вероятно, что поспорь мы из-за какого-нибудь мореходного принципа, вы бы меня пристукнули. Видите, я и вам не верю.

— Прекрасно, — заворчал капитан, — стоит мне на вас посмотреть, и я кажусь себе...

— Отъявленным антисемитом, да? Это ничего не значит, я перешел в христианство, я, видите ли, выкрест. А знаете, капитан, что нашло на этих черных паяцев? Позавчера они выловили в море японскую атомную торпеду. Установили ее вон там, под кокосовыми пальмами, и теперь поклоняются. Теперь у них есть свой Бог. И ради него они готовы сожрать нас.

Из мангровых зарослей загремел воинственный клич.

— Слышите, — заворчал капитан, — честное слово, лучше уж я снова сдавал бы экзамены по геометрии.

— Послушайте, — зашептал Бонди, — а нельзя ли нам перейти в их веру? Что касается меня...

В этот момент на «Паппете» грохнул пушечный выстрел. Капитан слабо вскрикнул от радости.

Глава 28

У Семи Халуп¹

Пока армии ведут бои всемирно-исторического значения и границы государств извиваются, словно дождевые черви, и весь свет образует гигантскую свалку, старая бабушка Благоушова в У Семи Халуп чистит картошку, дедушка Благоуш сидит на порожке и покуривает себе буковые листья, а их соседка Проузкова, опершись о плетень, задумчиво вздыхает:

— Охо-хо-хо-хо!...

— И то сказать, — убежденно произносит Благоуш.

— И то, и то, — подхватывает Благоушка.

— Вот оно так и выходит, — откликается Проузкова.

— Что верно, то верно, — замечает дедушка Благоуш.

— Ну а то, — добавляет Благоушка, принимаясь за новую картофелину.

— Бают, тальянцу крепко наложили, — припоминает Благоуш.

— Да кто же наклал-то?

— Да будто бы турки.

— Это что ж, выходит, конец, поди, войне-то?

— Какой тут конец! Он нынче сызнава, шваб, попрет.

¹ У Семи Халуп — местечко неподалеку от Малых Сватоневец.

- На нас?
 - Сказывают, супротив французов.
 - Господи, выходит, сызнова все вздорожает!
 - Охо-хо-хо-хо!... Вздорожает.
 - Вот тебе и «охо-хо-хо».
 - И то верно.
 - А еще сказывали, будто швейцар писал, что все уже кончить пора.
 - Вот и я так рассуждаю.
 - Да, а я ноне за свечку полторы тыщи отдала. Такая воночая свечка — для хлеба.
 - И говорите, полторы вам встала?
 - То-то и оно. Какая же дороговизна, милые вы мои!
 - И то правда.
 - И то, и то.
 - И кто когда о том думал? Полторы тыщи!
 - А раньше-то за две сотни всего — и на тебе, хорошая свечка.
 - Да что вы, бабушка, когда это было! Оно и яичко, бывало, достанешь за пять-то сотен.
 - И масло за три тысячи ливров.
 - Да какое масло-то!
 - И сапоги за восемь тыщ.
 - Да что, Благоушка, дешевая прежде жизнь была?
 - А нынче-то...
 - Охо-хо-хо-хо.
 - И когда этому конец придет...
- Помолчали. Старый Благоуш поднялся, распрямил спину и отправился поискать себе соломинку.
- Да и то сказать, — проговорил он самому себе под нос и отвинтил головку у трубочки, чтобы легче было ее чистить.
 - Небось уж копит, — живо подметила Благоушка.
 - Копит, — подтвердил Благоуш. — Как не коптить?

Ведь уж и табак на свете перевелся. Последнюю пачку сын принес, когда служил учителем. Постой, это же в сорок девятом было, а?

— На Рождество ровно четыре года минет.

— И то, — согласился Благоуш, — стар стал мужичок, ох, стар!

— А я-то говорю, сосед, — начала Проузка, — и чевой-то она все идет да идет?

— Что идет-то?

— Да вот эта война.

— Да кто же ее знает, — глубокомысленно рассудил Благоуш и дунул в трубку, так что в ней засипело. — Того никто не ведает, соседка. Сказывают, из-за веры это.

— Из-за какой же веры-то?

— Из-за нашей, а может, из-за кальвинистской, кто ж его знает! Дескать, чтоб была одна вера.

— Дак у нас и была она, единая-то вера.

— А в других местах иная. А ноне, говорят, приказ вышел, чтоб везде одна была.

— Откуда же приказ-то?

— Да кто ж его знает! Сказывают, были машины такие для Бога. Большущие такие котлы.

— А на что же котлы-то?

— И этого никто не знает. Котлы — и все тут. И сказывают, Господь Бог являлся народу, это чтобы они в него верили. Оно прежде-то, соседушка, сколько безверья-то было. А ведь нужно в чего-нибудь да верить, куда ни шло. Ведь ежели бы у людей вера была, он бы, Господь Бог, второй-то раз не явился. Так, значит, пришел он на свет из-за этого безверья, смекаешь?

— И то. Да откуда это война-то страшная пришла?

— А кто ж его знает! Сказывают, начал будто Китай либо турок. Они будто в тех чанах везли с собой ихнего Бога. Они,

сказывают, больно в Бога веруют, эти турки да Китай. Вот и желали, чтоб и мы верили вместе с ними, по-ихнему.

— Да отчего ж это по-ихнему?

— То-то и оно, что никто того не знает. А я так скажу — пруссак это начал. А швед и не лез.

— Господи боже! — запрочитала Проузка. — Какая дороговизна-то, а? Полторы тыщи за свечку!

— А еще я скажу, — продолжал Благоуш, — что войну эту иудеи затеяли, чтоб, значит, подзаработать. Вот оно как, моему.

— Дождичка бы теперь Бог послал, — заметила Благоушка, — картошка ноне плохая, словно орехи.

— А скорее всего, — продолжал Благоуш, — этого Господа Бога они для того выдумали, чтоб было на кого грехи валить. Это придумка у них такая была. Чтоб, значит, и войну начать, и греха на душу не брать. Для того они все это и подстроили.

— Да кто это, они-то?

— Да кто ж его знает! Я так скажу: подговорились они с папой римским, иудеи-то, со всеми подговорились, со всеми на свете! Эти, эти самые... Кал Булаты, — взвизгнул дед Благоуш в волнении. — Я им это прямо в глаза скажу! Кому это понадобился новый Господь Бог? Нам, деревенским, хватало и того, старого. В самый раз хватало, и славный такой был, осмотрительный, порядок понимал. И никому на глаза не показывался.

— А почем вы, соседка, яйцами торгуете?

— Нынче по две тыщонки!

— В Трутнове, сказывают, по три.

— Вот я и говорю, — взволновался старый Благоуш, — должно было это случиться. Уж очень люди были друг на друга злы. Вот хоть супруг ваш, соседка, помилуй его Господи, он, значит, это... спирт... А я ему в шутку и скажи как-то: «Ты, сосед, призови обратно того злого духа, что из меня вышел», —

а он как осерчал, так до самой своей смерти со мной словом не обмолвился. А ведь сосед, тетушка... Вот оно и выходит, что всяк хочет всех в свою веру обратить.

— Так, так, — согласно подтвердила тетушка Проузкова, зевая. — А все одно...

— И то, и то, — вздохнула старушка Благоушова.

— Завсегда это так на белом свете, — добавила Проузкова.

— А вам, бабам, только бы языком молоть, — обиженно закончил дед Благоуш и поплелся во двор.

Между тем армии всех континентов вели всемирно-исторические бои во имя «лучшего и прекрасного будущего», как утверждали крупнейшие мыслители того времени.

Глава 29

Решающее сражение

Осенью 1953-го Величайшая Война близилась к концу. Не было армий. Оккупационные войска, чаще всего отрезанные от тыла, редели и исчезали куда-то, словно вода в песке. Генералы-самозванцы брели от города к городу, вернее, от одних руин к другим, во главе горстки солдат, среди которых был один барабанщик, один мародер, один гимназист, один запевала и еще один непонятный человек, которого никто и не старался узнать поближе. Они брали выкуп за то, что не устраивали поджогов, или давали благотворительные концерты «в пользу инвалидов, их вдов и сирот».

Сколько стран участвует в войне, теперь никто точно не знал.

В обстановке полного разложения и разрухи наступил конец Величайшей из войн. Она закончилась столь неожиданно, что до сих пор неизвестно, где происходило последнее, то есть решающее, сражение. Историки ведут нескончаемые споры о том, какая из битв знаменовала собой разрешение и окончание мирового конфликта. Кое-кто (Дюрих, Асбридж и особенно Морони) склоняются к выводу, что такой битвой явилась битва под Линцем. В этой довольно крупной операции участвовали шестьдесят солдат, представлявших различные враждующие страны. Битва вспыхнула в большом зале

трактира «У розы» из-за кельнерши Гильды (она же Маржена Ружичкова из Нового Быджова). Победу одержал итальянец Джузеппе, который и увез с собой эту Гильду, но поскольку на следующий день она убежала от него с чехом Вацлавом Грушкой, то, собственно, исход и этого сражения тоже трудно признать окончательным.

Польский исследователь Усиньски считает такой битвой сражение у Гороховки, Леблон — у Батиньоля, Ван Гро — резню близ Ньюпорта, но у меня складывается впечатление, что в данном случае ученые руководствуются скорее местным патриотизмом, чем объективными историческими фактами. Коротче говоря, последняя, решающая битва Величайшей Войны осталась неизвестной. И тем не менее мне представляется возможным определить ее с достаточной степенью вероятности по источникам, неожиданно совпадающим, а именно — по целому ряду пророчеств, предшествовавших Величайшей из войн.

Так сохранился печатный (готический шрифт) текст пророчества, восходящего еще в 1845 году, где говорится, что «через сотню лет настанут страшные времена и много ратного народа падет на поле брани», но что «по прошествии сотни месяцев тринадцать народностей *под березой* в поле сойдутся и в сече жестокой себя посекут», после чего воцарится пятидесятилетний мир.

В 1893 году турчанка Вали Шен (?) вещала, что «пять раз по дюжине лет минет, пока настанет мир во всем белом свете; в тот год тринадцать кесарей сойдутся в сече *под березовым деревом*, а потом будет мир, какого никогда не было и не будет».

Упоминается видение чистокровной арапки из Массачусетса, которой в 1909 году привиделось «чудище черное, двурогое, и чудовище желтое, трехрогое, и чудище красное о восьми рогах, которые бились под деревом (березовым?), так

что кровь их обрызгала целый свет». Любопытно, что число рогов в общей сложности составляет тринадцать, явно как символ тринадцати национальностей.

В году 1920-м пророчил высокочтимый Арнольд, что «грядет война девятилетняя и охватит она все континенты. Один великий кесарь падет в этой войне, три великие державы разрушатся, девяносто девять стольных городов превратятся в развалины, и последнее сражение этой войны будет и последним в столетии».

Видение Джонатаново (год тот же), опубликованное в Стокгольме: «Сеча и мор девяносто девять земель истребит, девяносто девять земель погибнет и вновь возродится; последняя битва продлится девяносто девять часов и будет столь кровавой, что все герои падут под сенью *березового дерева*».

В пророчестве немецкого народа (год 1923-й) говорится о битве на «*Березовом поле*» («*Birkenfeld*»).

Депутат Бубник при обсуждении бюджета на 1924 год говорил следующее: «...и положение не улучшится, пока последний солдат не будет мобилизован служить *под березой*».

Таких и тому подобных вещей документов за период 1845—1944 годы сохранилось более двухсот, в сорока восьми из них встречается число «тринадцать», в семидесяти — «березовое дерево», в пятнадцати — просто дерево. Итак, вполне можно предположить, что последнее решающее сражение имело место где-то поблизости от «березового дерева»; кто это сражение вел — нам неизвестно, но уцелело после битвы общим счетом тринадцать солдат разных национальностей, и солдаты эти улеглись почивать от трудов праведных под сенью березы. В сей момент и пришел конец Величайшей из войн.

Вполне возможно, однако, что «береза» в данном случае выступает как символ мест и местечек с такими названиями,

как: «Березинь», «Березенец», «Березоград», «Березы» (таковых в Чехии насчитывается 24), Березина (их — 13), Березовое, Березинка (4), Березинди (375), Березочки (3), Березня (4), Березко, Березно (11), Березковы Горы (5), Березняк, Березовице (6), Березовик, Березовка (9), а может, и Березодеры. Или как символическое обозначение немецких: Birk, Birkenberg — feld — haid — hammer, Birkicht и т. д.; английских — Birkenhead, Birkenham, Birch и т. д.; французских — Boullainvill, Boulcau и т. п.

Таким образом, число городов, сел, местечек, где, по всей вероятности, могла разыгаться последняя, решающая битва, сокращается до нескольких тысяч (предлагается рассматривать главным образом карту Европы, которая, безусловно, имеет определенный приоритет в вопросе о последнем сражении); тогда в результате скрупулезных научных изысканий можно будет примерно установить, где это произошло, если уж абсолютно невозможно доказать, кто выиграл сражение.

Все-таки, согласитесь, картина заманчивая: неподалеку от места, где разыгралось последнее действие всемирной трагедии, качалась на ветру хрупкая белая береза; наверно, над полем брани заливался жаворонок и какая-нибудь бабочка-боярышница порхала над разъяренными воинами. И — глядь! — убивать почти уж некого, стоит жаркий октябрьский полдень; и тут герои один за другим поворачиваются спиной к ратному полю и, распрямившись, истосковавшись по мирной жизни, направляются под сень березы. И вот уже все тринадцать уцелевших в последней битве лежат под деревцем. Один положил буйную головушку на сапог соседа, другой — на его задницу... Тринадцать уцелевших солдат со всего света храпят под одной березой.

К вечеру они проснутся, оглядятся вокруг и схватятся за оружие. Но тут кто-нибудь из них — историк так никогда и не узнает его имени — скажет:

— Черт побери, ребята, а не хватит ли с нас всего этого?

— А ты, парень, прав, — с облегчением вздохнет другой, откладывая оружие в сторону.

— В таком случае угости-ка меня кусочком сала, болван, — ласково попросит третий.

А четвертый воскликнет:

— Эх, черт, покурить бы, братцы! Нет ли у кого, а?

— Бежим, братцы, — предложит пятый, — мы больше не играем.

— Я тебе оставлю окурочек, — пообещает шестой, — а ты дай мне хлебца кусочек.

— Домой, чуετε, домой пойдем! — гудит седьмой.

— А что, твоя старуха все еще ждет тебя? — спросит восьмой.

— Бог ты мой, я уже шесть лет не спал в постели, — вздохнет девятый.

— Вот ведь чертовщина какая творилась, — заметит десятый и плюнет с досады.

— И то верно, — согласится одиннадцатый. — Да теперь нас никуда калачом не заманишь!

— Не заманишь, — повторяет двенадцатый. — Что мы, ослы, что ли? По домам, ребята!

— Ах, как я рад, что конца дождался! — объявит тринадцатый и перевернется на другой бок.

Вот так, пожалуй, не иначе, можно представить себе конец Величайшей из войн.

Глава 30

Конец — делу венец

МНОГО ЛЕТ протекло с тех пор. В кабачке «У Дамогоских» сидит механик Брых, ныне владелец слесарной мастерской, и читает «Народную газету».

— Сию минутку будут готовы колбаски, — объявляет трактирщик, выбегая из кухни.

Но постойте, это ведь наш старый знакомый Ян Биндер, бывший владелец карусели; правда, он раздобрел и не носит уже полосатой тельняшки, но это он!

— Да ведь время есть? — раздумчиво отзывается пан Брых. — Опять же и патер Йошт еще не появлялся. И пан редактор Рейзек тоже опаздывает.

— А-а... как дела у пана Кузенды? — спрашивает пан Биндер.

— Да знаете как оно. Прихварывает малость. А какой милейший человек пан Биндер!

— И то сказать, — соглашается пан трактирщик. — А... пан Брых, не могли бы вы отнести ему колбаску... от меня... уж будьте любезны...

— Да я с радостью, пан Биндер, знаете, он так будет рад, что вы его помните. Да что тут говорить, я с удовольствием...

— Благословен Господь, — прозвучал у дверей веселый голос, и пан каноник Йошт, румяный от морозца, снял шляпу и пальто.

— Вечер добрый, ваше преподобие, — приветствовал Йошта пан Брых, — а мы уж вас заждались.

Патер Йошт весело улыбнулся, потирая зазябшие руки.

— Так что пишут в газетах, любезный, что пишут?

— Вот кстати: «Президент республики присвоил молодому, подающему надежды ученому, приват-доценту доктору Благоушу звание экстраординарного профессора...» Помните, пан каноник, это тот самый Благоуш, что писал в свое время о Кузенде.

— Как же, как же, помню! — воскликнул патер Йошт, протирая очки. — Явно безбожник, они там, в университете, все богохульники. Да и вы ведь тоже Бога не помните, пан Брых.

— Ну, пан каноник помолится за нас за всех, — примирительно пробасил пан Биндер. — Мы ему на небе для компании нужны. Колбаски прикажете, ваше преподобие?

— Две больших и одну маленькую!

— Ну, понятно, две больших, одну маленькую.

Пан Биндер проворно отворил дверь на кухню и крикнул: «Две из потрохов, одну кровяную».

— Добрычер, — буркнул редактор Рейзек, вваливаясь в кабачок. — Холодно, братцы!

— Вот и вечеринка у нас! — суетился пан Биндер. — Вот и гости собрались!

— Так что новенького? — бодро расспрашивал патер Йошт пана редактора. — Как дела в редакции? Я ведь тоже, когда был молод, в газеты пописывал.

— А этот Благоуш про меня тоже упоминал в своих сочинениях, — вспомнил пан Брых. — Я еще эту статью вырезал. «Апостол Кузендовой секты» — эвона как он меня величал. Охо-хо-хо, прошли те времена!

— Ужинать, — потребовал пан Рейзек.

Но пан Биндер с дочерью уже ставили на стол дымящиеся

колбаски; они еще шипели, все в капельках сала, лежа на мягкой капусте, прямо турецкие одалиски на подушках. Патер Йошт громко причмокнул и вонзил вилку в ближайшую обольстительницу.

— Эх, хорошо, — помолчав, восхитился пан Брых.

— Угу, — не сразу отозвался пан Рейзек.

— Удалось на славу, Биндер, — признал благодарный пан каноник.

Воцарилась благодатная, сосредоточенная тишина, какая бывает, когда люди вдумчиво занимаются своим делом.

— Какие-то новые пряности, — присоединил свой голос благодарности пан Брых. — Это я люблю!

— Тут важно меру соблюсти.

— А все одно!

— И корочка должна прямо-таки хрустеть на зубах.

— М-м-м...

Опять наступила длительная пауза.

— А капуста сюда идет самая беленькая.

— На Мораве, — заговорил пан Брых, — капусту делают прямо словно кашу. Я там подмастерьем служил, так эта каша сама в горло течет.

— Господь с вами, — поразился патер Йошт. — И не говорите, все равно не поверю, что это вкусно.

— Верьте не верьте, а там так делают. И едят ложками.

— Вот страх-то Господень, — обеспокоился каноник. — Это странный какой-то народ, братья. Ведь в капусту всегда только жиру много кладут, верно я говорю, пан Биндер? И я не понимаю, как можно делать иначе.

— Знаете, — проникновенно обратился к присутствовавшим пан Брых, — с этой капустой выходит вроде как с нашей верой. Не умещается в голове человека, как можно исповедовать иную веру.

— Ах, оставьте, голубчик, — защищался патер Йошт. —

Я скорее поверю в Магомета, чем съем капусту, приготовленную по-иному. Ведь ясно как божий день, что капусту надо заправлять жиром.

— А когда разговор идет про веру, это неясно?

— Когда про нашу веру, ясно, — твердо заявил пан каноник, — а про все прочие — неясно.

— Вот мы и снова там, где перед войной были, — вздохнул пан Брых.

— А люди всегда оказываются там, где они уж бывали, — вмешался пан Биндер. — Так и сам пан Кузенда считает. «Биндер, — говорит он, — никакая правда не даст себя одолеть. Видишь ли, Биндер, этот наш Бог на землечерпалке вовсе не был плох, и твой — карусельный — тоже был совсем не дурен, а вот так получилось, что оба сгнули. Всяк верит в своего исключительного Бога, а другому человеку не верит, не верит, что этот, другой-то, тоже любит хорошего Бога. Люди всегда должны верить в людей, а остальное приложится». Так говорит пан Кузенда.

— И то верно, — согласился пан Брых, — человек — он может, скажем, считать, что иная вера — плохая вера, а вот думать, что человек, исповедующий иную веру, обязательно плохой, грубиян, проходимец, — это уже нельзя. Так и в политике, так и во всем.

— А сколько людей заразилось ненавистью и погибло, — отозвался патер Йошт. — Выходит, чем крупнее дело, в которое ты веришь, тем яростнее ты отвергаешь неверующих. А ведь самой большой верой должна быть вера в людей.

— Всяк прекрасно мыслит про все человечество, а вот когда нужно поладить с отдельным человеком — тут и загвоздка. Пусть лучше я тебя убью, зато спасу человечество. А это нехорошо, ваше преподобие. И мир до тех пор нехорош будет, пока люди не научатся друг другу верить.

— Пан Биндер, — в раздумье проговорил патер Йошт, —

так, может, вы завтра приготовите эту моравскую капусту? Надо попробовать.

— Ее обжаривают, но только немного, и ставят вроде как упревать. И с колбасками — оно вкусно, прямо пальчики оближешь, честно говорю. В каждой вере и в каждой правде что-нибудь доброе да найдется, только бы это доброе каждый признал.

Дверь с улицы отворилась, и в горницу вошел полицейский. Он замерз и зашел пропустить рюмочку рома.

— А, это вы, пан Грушка, — признал вошедшего Брых. — Откуда идете?

— Да с Жижкова, — откликнулся полицейский, снимая огромные рукавицы. — Облава была.

— А кого ловили?

— Да двух бродяг. Всякую тварь, словом. Этот дом номер 1006, подвал то есть, настоящий притон.

— О каком притоне речь? — не понял пан Рейзек.

— Да притон с карбюратором, пан редактор. Стояли там маленькие карбюраторы от старого, еще довоенного мотоцикла. Вот всякая шваль и повадилась там оргии устраивать.

— Что же это за оргии?

— Ну, в общем непорядок. Молятся и поют псалмы; видения, видите ли, у них, пророчества, чудесами голову себе забивают, ну всякая такая чушь.

— А это не полагается?

— Не полагается, полицейский запрет наложен. Это ведь, понимаете ли, дело такое — вроде опиума. У нас такой притон и в Старом Месте был. Этих карбюраторных гнезд мы уж семь штук разорили. Всякая шваль туда забивалась. Бродяги бездомные, курвы, личности подозрительные. Оттого и запрещено. Непорядок.

— И много таких притонов?

— Да нет, по-моему, это был последний.

Война с саламандрами

Перевод с чешского А. Гуровича

Книга первая

Andrias Scheuchzeri

1. Странности капитана ван-Тоха

Если бы вы стали искать на карте островок Танамаса, вы нашли бы его на самом экваторе, немного к западу от Суматры. Но если бы вы спросили капитана И. ван-Тоха на борту судна «Кандон-Бандунг», что, собственно, представляет собой эта Танамаса, у берегов которой он только что бросил якорь, то капитан сначала долго ругался бы, а потом сказал бы вам, что это самая распроклятая дыра во всем Зондском архипелаге, еще более жалкая, чем Танабала, и по меньшей мере такая же гнусная, как Пини или Баньяк; что единственный, с позволения сказать, человек, который там живет, — если не считать, конечно, этих вшивых батаков¹, — это вечно пьяный торговый агент, помесь кубу² с португальцем, еще больший вор, язычник и скотина, чем чистокровный кубу и чистокровный белый, вместе взятые; и если есть на свете что-нибудь поистине проклятое, так это, сэр, проклятущая жизнь на проклятущей Танамасе. После этого вы, вероятно, спросили бы капитана,

¹ Батаки — малайская народность, населяющая центральные районы острова Суматра.

² Кубу — группа полуоседлых или недавно перешедших к оседлости племен на острове Суматра.

зачем же он в таком случае бросил здесь свои проклятые якоря, как будто собирается остаться тут на несколько проклятых дней; тогда он сердито засопел бы и проворчал что-нибудь в том смысле, что «Кандон-Бандунг» не стал бы, разумеется, заходить сюда только за проклятой копррой или за пальмовым маслом; а впрочем, вас, сэр, это совершенно не касается: у меня свои проклятые дела, а вы, сэр, будьте любезны, занимайтесь своими. И капитан разразился бы продолжительной и многословной бранью, приличествующей немолодому, но еще вполне бодрому для своих лет капитану морского судна.

Но если бы вы вместо всяких назойливых расспросов предоставили капитану И. ван-Тоху ворчать и ругаться про себя, то вы могли бы узнать побольше. Разве не видно по его лицу, что он испытывает потребность облегчить свою душу? Оставьте только капитана в покое, и его раздражение само найдет себе выход. «Видите ли, сэр, — разразится он, — эти молодчики у нас в Амстердаме, эти проклятые денежные мешки, вдруг придумали: жемчуг, любезный, поищите, мол, там где-нибудь жемчуг. Теперь ведь все сходят с ума по жемчугу и всякое такое». Тут капитан с озлоблением плюнет. «Ясно — вложить монету в жемчуг. А все потому, что вы, мои милые, вечно хотите воевать либо еще что-нибудь в этом роде. Бойтесь за свои денежки, вот что. А это, сэр, называется — кризис». Капитан ван-Тох на мгновение приостановится, раздумывая, не вступить ли с вами в беседу по экономическим вопросам, — сейчас ведь ни о чем другом не говорят; но здесь, у берегов Танамасы, для этого слишком жарко, и вас одолевает слишком большая лень. И капитан ван-Тох махнет рукой и пробурчит: «Легко сказать, жемчуг! На Цейлоне, сэр, его подчистили на пять лет вперед, а на Формозе и вовсе запретили добычу». А они: «Постарайтесь, капитан ван-Тох, найти новые месторождения. Загляните на те проклятые островки, там должны быть целые отмели раковин». Капитан презрительно и шумно высморка-

ется в небесно-голубой носовой платок. «Эти крысы в Европе воображают, будто здесь можно найти хоть что-нибудь, о чем никто еще не знает. Ну и дураки же, прости господи! Еще спасибо, не велели мне заглядывать каждому батаку в пасть — не блестит ли там жемчуг! Новые месторождения! В Паданге есть новый публичный дом, это — да, но новые месторождения?.. Я знаю, сэр, все эти острова, как свои штаны... От Цейлона и до проклятого острова Клиппертон. Если кто думает, что он найдет здесь что-нибудь, на чем можно заработать, так, пожалуйста, — честь и место! Я плаваю в этих водах тридцать лет, а олухи из Амстердама хотят, чтобы я тут новенькое открыл!» Капитан ван-Тох чуть не задохнется при мысли о таком оскорбительном требовании. «Пусть пошлют сюда какого-нибудь желторотого новичка, тот им такое откроет, что они только глазами хлопать будут. Но требовать подобное от человека, который знает здешние места, как капитан И. ван-Тох!.. Согласитесь, сэр, в Европе — ну, там еще, пожалуй, можно что-нибудь открыть, но здесь!.. Сюда ведь приезжают только вынюхивать, что бы такое пожрать, и даже не пожрать, а купить-продать. Да если бы во всех проклятых тропиках еще нашлась какая-нибудь вещь, которую можно было бы сбить за двойную цену, возле нее выстроилась бы куча агентов и махала бы грязными носовыми платками пароходам семи государств, чтобы они остановились. Так-то, сэр. Я, с вашего разрешения, знаю тут все лучше, чем министерство колоний ее величества королевы». Капитан ван-Тох сделает усилие, дабы подавить справедливый гнев, что и удастся ему после некоторого более или менее продолжительного кипения. «Видите вон тех двух паршивых лентяев? Это искатели жемчуга с Цейлона, да простит мне Бог, сингалезцы в натуральном виде, как их Господь сотворил; не знаю только, зачем он это сделал? Теперь я их вожу с собой и, как найдугде-нибудь кусок побережья, на котором нет надписей «Агентство», или «Батя», или «Таможенная

контора», пускаю их в воду искать раковины. Тот дармоед, что поменьше ростом, ныряет на глубину восьмидесяти метров; на Принцевых островах он выловил на глубине девяноста метров ручку от киноаппарата, но жемчуг — куда там! Ни намека! Никчемный народишко эти сингалезцы. Вот, сэр, какова моя проклятая работа: делать вид, будто я покупаю пальмовое масло, и при этом выискивать новые месторождения раковин жемчужниц. Может, они еще захотят, чтобы я открыл им какой-нибудь девственный континент? Нет, сэр, это не дело для честного капитана торгового флота. И. ван-Тох не какой-нибудь проклятый авантюрист, сэр, нет...» И так далее; море велико; а океан времени бесконечен; плюй, братец, в море — воды в нем не прибавится; кляни свою судьбу — а ей нипочем... И вот, после долгих предисловий и отступлений, мы подходим наконец к тому моменту, когда капитан голландского судна «Кандон-Бандунг» И. ван-Тох со вздохами и проклятьями садится в шлюпку, чтобы отправиться в кампонг¹ на Танамасе и потолковать с пьяным метисом от кубу и португальца о кое-каких коммерческих делах.

— Sorry, Captain², — сказал в конце концов метис от кубу и португальца. — Здесь, на Танамасе, никаких раковин не водится. Эти грязные батаки, — произнес он с непередаваемым отвращением, — жрут даже медуз; они живут больше в воде, чем на земле; женщины здесь до того провоняли рыбой, что вы представить себе не можете. Так что я хотел сказать? Ах да, вы спрашивали о женщинах...

— А нет ли тут какого-нибудь кусочка берега, — спросил капитан, — где батаки не лезят в воду?

Метис от кубу и португальца покачал головой.

¹ деревню (малайск.).

² Прошу прощения, капитан (англ.).

— Нет, сэр. Разве только Девл-Бэй, но это место вам не годится.

— Почему?

— Потому что... туда никому нельзя, сэр. Вам налить, капитан?

— Thanks¹. Там что, акулы?

— Акулы и... вообще, — пробормотал метис. — Нехорошее место, сэр. Батакам не понравится, если кто-нибудь туда полезет.

— Почему?

— ..Там черти, сэр... Морские черти.

— Это что же такое — морской черт? Рыба?

— Нет, не рыба, — уклончиво ответил метис. — Просто черт, сэр. Подводный черт. Батаки называют его «тапа». Тапа. У них там будто бы свой город, у этих чертей. Вам налить?

— А как он выглядит... этот морской черт?

Метис от кубу и португальца пожал плечами.

— Как черт, сэр... Один раз я его видел. Вернее, только голову. Я возвращался в лодке с кейп² Гаарлем, и вдруг прямо передо мной он высунул из воды свою голову...

— Ну и как? На что это было похоже?

— Башка как у батака, сэр, только совершенно голая.

— Может, это и был батак?

— Нет, сэр. В том месте ни один батак не полезет в воду. А потом оно... моргало *нижними веками*, сэр. — Дрожь ужа-са пробежала по телу метиса. — Нижними веками, которые у него закрывают весь глаз. Это был тапа.

Капитан И. ван-Тох повертел в своих толстых пальцах стакан с пальмовой водкой.

¹ Спасибо (англ.).

² мыса (англ. *cape*).

— А вы не были пьяны? Не надрались часом?

— Был, сэр. Иначе меня не понесло бы туда. Батаки не любят, когда кто-нибудь тревожит этих... чертей.

Капитан ван-Тох покачал головой.

— Никаких чертей не существует. А если бы они существовали, то выглядели бы как европейцы. Это была какая-нибудь рыба или в этом роде.

— У рыбы, — пробормотал, запинаясь, метис от кубу и португальца, — у рыбы нет рук, сэр. Я не батак, сэр, я посещал школу в Бадьюнге... и я еще помню, может быть, десять заповедей и другие точные науки; образованный человек всегда распознает, где черт, а где животное. Спросите батаков, сэр.

— Это дикарские суеверия, — объявил капитан, улыбаясь с чувством превосходства образованного человека. — С научной точки зрения это бессмыслица. Черт и не может жить в воде. Что ему там делать? Нельзя, братец, полагаться на болтовню туземцев. Кто-то назвал эту бухту «Чертовым заливом», и с тех пор батаки боятся ее. Так-то, — сказал капитан и хлопнул по столу пухлой ладонью. — Ничего там нет, парень, это ясно с научной точки зрения.

— Да, сэр, — согласился метис, посещавший школу в Бадьюнге, — но здравомыслящему человеку нечего соваться в Девл-Бэй.

Капитан И. ван-Тох побагровел.

— Что?! — крикнул он. — Ты, грязный кубу, воображаешь, что я побоюсь твоих чертей? Посмотрим!

И он прибавил, поднимая со стула все двести фунтов своего мощного тела:

— Ну, нечего терять с тобой время, когда меня ждет бизнес. Однако заметь себе: в голландских колониях чертей не бывает; если же какие и есть, то во французских. Там они, пожалуй, водятся. А теперь позови-ка мне старосту этого проклятого кампонга.

Означенного сановника не пришлось долго искать; он сидел на корточках возле лавчонки метиса и жевал сахарный тростник. Это был пожилой, совершенно голый человек, гораздо более тощий, чем старосты в Европе. Немного позади, соблюдая подобающее расстояние, сидела на корточках вся деревня, с женщинами и детьми, ожидая, очевидно, что ее будут снимать для фильма.

— Вот что, братец, — обратился капитан ван-Тох к старосте по-малайски (с таким же успехом он мог бы обратиться к нему по-голландски или по-английски, так как достопочтенный старый батак не знал ни слова по-малайски, и метису от кубу и португальца пришлось перевести на батакский язык всю капитанскую речь; капитан, однако, по каким-то соображениям считал наиболее целесообразным говорить по-малайски). — Вот что, братец. Мне нужно несколько здоровых, сильных, храбрых парней, чтобы взять их с собой на промысел. Понимаешь, на промысел.

Метис переводил, а староста в знак понимания кивал головой; после этого он обратился к широкой аудитории и произнес речь, имевшую явный успех.

— Вождь говорит, — перевел метис, — что вся деревня пойдет с туаном¹ капитаном на промысел, куда будет угодно туану.

— Так. Скажи им теперь, что мы пойдем добывать раковины в Девл-Бэй.

Около четверти часа продолжалось взволнованное обсуждение, в котором приняла участие вся деревня, а главным образом — старухи. Затем метис обратился к капитану:

— Они говорят, сэр, что в Девл-Бэй идти нельзя.

Капитан начал багроветь.

¹ господином (малайск.).

— А почему нельзя?

Метис пожал плечами.

— Потому что там тапа-тапа. Черти, сэр.

Лицо капитана приобрело лиловый оттенок.

— Тогда скажи им, что, если они не пойдут... я им зубы по-выбиваю... я им уши оторву... я их повешу... я сожгу их вшивый кампонг... Понял?

Метис честно перевел все, после чего снова последовало продолжительное и оживленное совещание. Наконец метис сообщил:

— Они говорят, сэр, что пойдут в Паданг жаловаться в полицию и скажут, что туан им угрожал. На это есть будто бы статьи в законе. Староста говорит, что он этого так не оставит.

Капитан И. ван-Тох из лилового стал синим.

— Так скажи ему, — взревел он, — что он...

И капитан говорил одиннадцать минут без передышки.

Метис перевел, насколько у него хватило запаса слов, и после новых, хотя и долгих, но уже деловых дебатов передал капитану:

— Они говорят, сэр, что готовы отказаться от жалобы в суд, если туан внесет штраф непосредственно местным властям. Они запросили, — метис заколебался, — двести рупий. Но этого, пожалуй, многовато. Предложите им пять.

Краска на лице капитана начала распадаться на отдельные темно-коричневые пятна. Сначала он изъявил намерение истребить вообще всех батаков на свете, потом снизил свои претензии до трехсот пинков в зад, а под конец готов был удовлетвориться тем, что набьет из старосты чучело для колониального музея в Амстердаме. Батаки, со своей стороны, спустили цену с двухсот рупий до железного насоса с колесом, а под конец уперлись на том, чтобы капитан вручил старосте в виде штрафа бензиновую зажигалку.

— Дайте им, сэр, — уговаривал метис от кубу и португальца, — у меня на складе три зажигалки, хотя и без фитилей...

Так был восстановлен мир на Танамасе. Но капитан И. ван-Тох отныне знал, что на карту поставлен престиж белой расы.

Во второй половине дня от голландского судна «Кандон-Бандунг» отчалила шлюпка, в которой находились следующие лица: капитан И. ван-Тох, швед Иенсен, исландец Гудмундсон, финн Гиллемайнен и два сингалезских искателя жемчуга. Шлюпка взяла курс прямо на бухту Девл-Бэй.

В три часа, когда отлив достиг предела, капитан стоял на берегу, шлюпка крейсировала на расстоянии приблизительно ста метров от побережья, высматривая акул, а оба сингалезских водолаза с ножами в руках ожидали команды.

— Ну, сначала ты, — сказал капитан тому из них, кто был подлиннее. Голый сингалезец прыгнул в воду, пробежал несколько шагов по дну и нырнул. Капитан стал смотреть на часы.

Через четыре минуты двадцать секунд приблизительно в шестидесяти метрах слева показалась из воды бронзовая голова; с непонятной торопливостью, словно цепenea от страха, сингалезец судорожно карабкался на скалы, держа в одной руке нож, а в другой — раковину.

Капитан нахмурился.

— Ну, в чем дело? — резко спросил он.

Сингалезец все еще цеплялся за скалы, не в силах вымолвить от ужаса ни слова.

— Что случилось? — крикнул капитан.

— Саиб, саиб... — прохрипел сингалезец и, тяжело дыша, рухнул на песок. — Саиб, саиб...

— Акулы?

— Джинны, — простонал сингалезец, — черти, господин. Тысячи, тысячи чертей!

Он надавил кулаками на глаза.

— Сплошь черти, господин!

— Дай-ка раковину, — приказал капитан и открыл ее ножом; в ней покоилась маленькая чистая жемчужина. — А больше ничего не нашел?

Сингалезец вынул еще три раковины из мешочка, висевшего у него на шее.

— Там есть раковины, господин, но их стерегут черти... Они смотрели на меня, когда я срезал раковины...

Его курчавые волосы от ужаса встали дыбом.

— Саиб, саиб, здесь не надо!..

Капитан открыл раковины. Две оказались пустыми, а в третьей была жемчужина величиной с горошину, круглая, как шарик ртути. Капитан ван-Тох смотрел то на жемчужину, то на сингалезца, распростертого на земле.

— Слушай, ты! — нерешительно сказал он. — Не попробуешь ли нырнуть еще разок?

Сингалезец безмолвно затряс головой.

У капитана И. ван-Тоха так и чесался язык разразиться бранью, но, к своему удивлению, он заметил, что говорит тихо и почти мягко:

— Не бойся, братец. А как выглядят... эти черти?

— Как маленькие дети, — прошептал сингалезец. — У них сзади хвост, господин, а ростом они — вот такие. — Он показал рукой сантиметров на сто двадцать от земли. — Они стояли вокруг меня и смотрели, что я делаю... Их было много... много...

Сингалезец весь дрожал.

— Саиб, саиб, не надо здесь!..

Капитан ван-Тох задумался.

— А что, моргают они нижними веками или как?

— Не знаю, господин, — пробормотал сингалезец. — Их там... десять тысяч!

Капитан оглянулся на другого сингалезца: тот стоял метрах в полутора и равнодушно ждал команды, охватив плечи руками; впрочем, когда человек голый, то куда же ему девать руки, как не на собственные плечи? Капитан молча кивнул ему, и маленький сингалезец прыгнул в воду. Через три минуты пятьдесят секунд он вынырнул, цепляясь за скалы трясущимися руками.

— Вылезай! — крикнул капитан, но, приглядевшись внимательнее, помчался, прыгая по камням, к этим отчаянно цепляющимся рукам; трудно было поверить, что такая массивная фигура может выделять подобные пируэты. В последний миг он поймал сингалезца за руку и, пыхтя, вытащил из воды. Потом положил его на камни и отер себе пот со лба. Сингалезец лежал без движения; одна голень у него была ободрана до кости, по-видимому, о камень, но других повреждений не обнаружилось. Капитан приподнял ему веки и увидел только белки закотившихся глаз. Ни раковин, ни ножа при нем не было.

Этот момент шлюпка с экипажем подошла ближе к берегу.

— Сэр, — крикнул швед Иенсен, — здесь акулы! Будете продолжать промысел?

— Нет, — ответил капитан, — подъезжайте сюда и заберите обоих.

— Посмотрите, сэр, — заметил Иенсен, когда они гребли обратно к судну, — как здесь сразу стало мелко. Отсюда тянется ровная отмель до самого берега, — показал он, тыкая веслом в воду, — как будто под водой какая-то плотина.

Только на судне маленький сингалезец пришел в себя; он сидел, уткнув подбородок в колени, и трясся всем телом. Капитан отослал всех прочь и уселся против него, широко расставив ноги.

— Ну, выкладывай! — сказал он. — Что ты видел?

— Джиннов, саиб, — прошептал маленький сингалезец; теперь у него задрожали даже веки и вся кожа на теле пошла мелкими пупырышками.

Капитан ван-Тох сплюнул.

— А... как они выглядят?

— Как... как...

Глаза сингалезца опять начали закатываться. Капитан И. ван-Тох с неожиданным проворством дал ему две пощечины — ладонью и тыльной стороной руки, чтобы привести его в себя.

— Thanks, саиб, — прошептал маленький сингалезец, и зрачки его снова выплыли из-под век.

— Тебе лучше?

— Да, саиб.

— Были там раковины?

— Да, саиб.

Капитан И. ван-Тох с большим терпением и обстоятельностью продолжал пристрастный допрос. Да, там черти. Сколько? Тысячи и тысячи. Ростом с десятилетнего ребенка, саиб, и почти совершенно черные. Они плавают в воде, а по дну ходят на двух ногах. На двух, саиб, как вы или я, но при этом раскачиваются на ходу — туда-сюда, все время туда-сюда... Да, саиб, у них руки, как у людей... нет, когтей у них нет никаких, скорее похожи на детские руки. Нет, саиб, рогов и шерсти на теле нет. Да, хвосты есть — почти как у рыбы, только без плавников. А головы большие, круглые, как у батаков. Нет, они ничего не говорили, только как будто чмокали... Когда сингалезец срезал раковины на глубине приблизительно шестнадцати метров, он почувствовал как бы прикосновение маленьких холодных пальцев к своей спине. Он оглянулся; «их» столпилось вокруг него несколько сотен. Несколько сотен, саиб; они плавали или стояли на камнях и смотрели, что делает сингалезец. Он выронил и нож и раковины и поспешил выплыть на по-

верхность. При этом он наткнулся на нескольких чертей, которые плыли над ним, а что было потом, он уже не знает, саиб.

Капитан И. ван-Тох задумчиво глядел на дрожащего маленького водолаза. «Этот малый, — сказал он себе, — теперь уже ни на что не годится; пошлю его из Паданга домой, на Цейлон». Ворча и пыхтя, отправился он в свою каюту. Там он высыпал из бумажного мешочка на стол две жемчужины. Одна была крохотная, как песчинка, другая — величиной с горошину и отливала серебристо-розовым. Капитан голландского судна фыркнул себе под нос и вынул из шкафчика ирландское виски.

К шести часам вечера он снова приказал подать шлюпку и отправился в кампонг, к тому же самому метису от кубу и португальца. «Тодди»¹, — сказал он, и это было единственное произнесенное им слово. Он сидел на веранде, крытой гофрированным железом, держал в толстых пальцах стакан из толстого стекла, пил, отплевывался и, прищурившись, поглядывал из-под косматых бровей на тощих кур, которые клевали неизвестно что на грязном, вытопанном дворике под пальмами. Метис остерегался вымолвить хоть слово и только наполнял стакан. Мало-помалу глаза капитана налились кровью, и пальцы стали плохо повиноваться ему. Были уже сумерки, когда он встал, подтягивая брюки.

— Собираетесь спать, капитан? — вежливо спросил метис от черта и дьявола.

Капитан ткнул пальцем в пространство.

— Хотел бы я посмотреть, — сказал он, — какие такие есть на свете черти, которых бы я еще не видал. Эй ты, где тут этот проклятый северо-запад?

¹ «Тодди» — пальмовая водка.

— Там, — показал метис. — Куда вы, сэр?

— В пекло, — хмыкнул капитан И. ван-Тоха. — Загляну в Девл-Бэй.

В этот вечер и начались странности капитана И. ван-Тоха. Он возвратился в кампонг только к рассвету и, не проронив ни слова, отправился к себе на судно, где просидел, запершись в своей каюте, до вечера. Это еще никому не показалось странным: «Кандон-Бандунг» должен был погрузить кое-что из благодатных даров острова Танамасы (копра, перец, камфара, каучук, пальмовое масло, табак и рабочая сила). Но когда капитану вечером доложили, что все товары погружены, он только засопел и произнес:

— Шлюпку. В кампонг.

И опять вернулся только с рассветом. Швед Иенсен, который помогал ему подняться на борт, спросил его просто из вежливости:

— Значит, сегодня отплываем, капитан?

Капитан резко обернулся, словно его укололи в зад.

— Тебе-то что? — огрызнулся он. — Занимайся своими проклятыми делами.

В течение целого дня «Кандон-Бандунг» в полной бездеятельности стоял на якоре в полумиле от берега Танамасы. Вечером капитан выкатился из своей каюты и сказал:

— Шлюпку. В кампонг.

Тщедушный грек Запатис уставился на него одним слепым и одним косым глазом.

— Ребята, — прокукарекал он, — наш старик или завел там девчонку, или совсем спятил.

Швед Иенсен нахмурился.

— Тебе-то что? — огрызнулся он на Запатиса. — Занимайся своими проклятыми делами.

Потом он сел с исландцем Гудмундсоном в маленькую

шлюпку и стал грести по направлению к Девл-Бэю. Они остановились за скалами и начали тихонько ждать, что будет дальше. По берегу залива расхаживал капитан; казалось, что он кого-то поджидает, время от времени он останавливался и как-то странно цыкал: тс-тс-тс.

— Смотри, — сказал Гудмундсон и указал на море, ослепительно сверкавшее в багряном золоте заката.

Иенсен насчитал два, три, четыре, шесть острых, как лезвие, плавников, двигавшихся по направлению к Девл-Бэю.

— Господи! — пробормотал Иенсен. — Ну и акул же здесь!

То и дело одно из лезвий скрывалось, над волнами взвивался хвост, и в воде начинало что-то сильно бурлить. Капитан И. ван-Тох вдруг неистово заметался по берегу, изрыгая проклятия и грозя кулаками в сторону акул. Наступили короткие тропические сумерки, и над островом всплыла луна; Иенсен взялся за весла и приблизился к берегу на расстояние одного фарлонга. Капитан сидел на скале и цыкал: тс-тс-тс. Что-то шевелилось вокруг него, но что именно — нельзя было различить.

«Похоже на тюленей, — подумал Иенсен, — только тюлени ползают иначе».

«Это» выплывало из воды между скалами и топало по берегу, раскачиваясь из стороны в сторону, как пингвины. Иенсен бесшумно погрузил весла в воду и подъехал к капитану на полфарлонга. Ага, капитан что-то говорил, но сам черт не разобрал бы, что именно; видимо, по-малайски или по-тамилски. Он размахивал руками, как будто бросал что-то этим тюленям (но это не были тюлени, как убедился Иенсен), и тараторил не то по-китайски, не то по-малайски. В этот момент весло выскользнуло у Иенсена из рук и шлепнулось в воду. Капитан поднял голову, встал и сделал шагов тридцать к воде; блеснул огонь, раздался треск: капитан палил из браунинга прямо по шлюпке. Почти в то же мгновение в бухте за-

шумело, забурлило, слышался плеск, словно в воду прыгала тысяча тюленей. Но Иенсен и Гудмундсон уже налегли на весла и погнали свою шлюпку за ближайший выступ с такой быстротой, что только ветер свистел в ушах. Возвратившись на судно, они никому не обмолвились ни словом. Да, северяне умеют молчать! К утру вернулся капитан; он был хмурый и злой; но не произнес ни звука. Только когда Иенсен помогал ему подняться на борт, две пары голубых глаз обменялись холодным пытливым взглядом.

— Иенсен, — сказал капитан.

— Да, сэр.

— Сегодня отплываем.

— Да, сэр.

— В Сурабае получите расчет...

— Да, сэр.

И все. В тот же день «Кандон-Бандунг» вышел в Паданг. Из Паданга капитан И. ван-Тох отправил своему правлению в Амстердам посылку, застрахованную на тысячу двести фунтов стерлингов. И одновременно — телеграфную просьбу о годичном отпуске: настоятельная необходимость ввиду состояния здоровья и тому подобное. После этого капитан слонялся по Падангу, пока не нашел человека, которого искал. Это был дикарь с Борнео, даяк, которого английские туристы нанимали иногда, чтобы полюбоваться своеобразным зрелищем охоты на акул; даяк работал еще по старинке, вооруженный одним только длинным ножом. Он был, по-видимому, людоед, но имел твердую таксу: пять фунтов за акулу, кроме харчей. На него было страшно смотреть: обе руки, грудь и бедра ободраны кожей акулы, а нос и уши украшены акульими зубами. Звали его Шарк¹.

¹ Акула (англ. *shark*).

С этим даяком капитан И. ван-Тох отправился на остров Танамаса.

2. Пан Голомбек и пан Валента

СТОЯЛО засушливое редакционное лето, когда ничего, ну то есть ровно ничего не происходит, когда не делается политика и нет никакой европейской ситуации. Но даже и в такое время читатели газет, лежащие в агонии скуки на берегах каких-нибудь вод или в жидкой тени каких-нибудь деревьев, деморализованные жарой, природой, деревенской тишиной и вообще здоровой и простой жизнью в отпуску, ждут (хотя и терпят каждый день разочарование), что хоть в газетах появится что-нибудь новенькое, освежающее — например, убийство, война или землетрясение, словом — Нечто; когда же ничего этого не оказывается, они потрясают газетой и с ожесточением заявляют, что в газетах ничего, ровно ничего нет, и вообще их не стоит читать, и они не будут больше на них подписываться.

А тем временем в редакции сиротливо сидят пять или шесть человек, ибо остальные коллеги в отпуску и тоже яростно комкают газетные листы и жалуются, что теперь в газетах нет ничего, ровно Ничего А из наборной приходит метранпаж и укоризненно говорит: «Господа, господа, у нас еще нет на завтра передовой...»

— Тогда дайте... ну, хотя бы эту статью... об экономическом положении Болгарии, — говорит один из сиротливых людей.

Метранпаж тяжело вздыхает.

— Но кто же ее станет читать, пан редактор? Опять во всем номере не будет ничего «читабельного».

Шестеро осиротевших поднимают взоры к потолку, словно там можно найти нечто «читабельное».

— Хоть бы случилось Что-нибудь, — неопределенно произносит один из них.

— Или если бы... какой-нибудь... увлекательный репортаж, — перебивает другой.

— О чем?

— Не знаю.

— Или выдумать... какой-нибудь новый витамин, — бормочет третий.

— Это летом-то? — возражает четвертый. — Витамины, брат, это для образованной публики, такое больше годится осенью...

— Господи, ну и жара!.. — зевает пятый. — Хорошо бы что-нибудь про полярные страны.

— Но что?

— Да так что-нибудь. Вроде этого эскимоса Вельцля. Обмороженные пальцы, вечная мерзлота и тому подобное.

— Сказать легко, — говорит шестой, — но откуда взять?

И в редакции наступает безнадежная тишина.

— Я был в воскресенье в Иевичке, — нерешительно начал метранпаж.

— Ну и что?..

— Туда, говорят, приехал в отпуск некий капитан Вантох. Он, кажется, оттуда родом. Из Иевичка.

— Какой Вантох?

— А такой толстый. Он, говорят, капитан морского судна, этот Вантох. Рассказывают, что он где-то добывал жемчуг.

Пан Голомбек посмотрел на пана Валенту.

— А где он его добывал?

— На Суматре... И на Целебесе... Вообще где-то там. И будто прожил он в тех местах тридцать лет.

— Дружище, это идея! — воскликнул пан Валента. — Может получиться репортаж — первый сорт. Поедем, Голомбек?

— Что ж, можно попробовать, — решил Голомбек и слез со стола, на котором сидел.

— Это вон тот господин, — сказал хозяин гостиницы в Иевичке.

В садике за столом, широко расставив ноги, сидел толстый господин в белой фуражке, пил пиво и толстым указательным пальцем задумчиво выводил на столе какие-то каракули. Оба приезжих направились к нему.

— Редактор Валента.

— Редактор Голомбек.

Толстый господин поднял голову.

— What? Что?

— Я — редактор Валента.

— А я — редактор Голомбек.

Толстый господин с достоинством приподнялся.

— Captain ван-Тох. Very glad¹. Садитесь, ребята.

Оба журналиста охотно присели и положили перед собой блокноты.

— А что будете пить, ребята?

— Содовую с малиновым сиропом, — сказал пан Валента.

— Содовую с сиропом? — недоверчиво переспросил капитан. — Это с какой же стати? Хозяин, принесите-ка нам пива. Так вы чего, собственно, хотите? — спросил он, облокотясь на стол.

— Правда ли, пан Вантох, что вы здесь родились?

— Ja². Родился.

— Будьте так добры, скажите, как вы попали на море?

— Через Гамбург.

— А как давно вы состоите в чине капитана?

¹ Очень приятно (англ.).

² Да (нем.).

— Двадцать лет, парень. Документы тут, — сказал капитан, внушительно похлопывая по боковому карману. — Могу показать.

Пану Голомбеку хотелось посмотреть, как выглядят капитанские документы, но он подавил это желание.

— За эти двадцать лет, пан капитан, вы, конечно, многое успели повидать?

— Да. Порядочно.

— А что именно?

— Ява. Борнео. Филиппины. Острова Фиджи. Соломоновы острова. Каролины, Самоа. Damned Clipperton Island. A lot of damned islands¹, парень! А что?

— Нет, я просто так... это очень интересно. Нам бы хотелось услышать от вас побольше, понимаете?

— Да... Стало быть, просто так, а? — Капитан уставился на него светло-голубыми глазами. — Значит, вы из... как это? из полиции?... полиции, а?

— Нет, пан капитан, мы из газеты.

— Ах, вот оно что! Из газеты. Репортеры? Ну так пишите: Captain I. van-Toch, капитан судна «Кандон-Бандунг»...

— Как?

— «Кандон-Бандунг», порт Сурабая. Цель поездки — vacances... как это называется?

— Отпуск.

— Да, черт побери, отпуск. Вот так и дайте в хронику о вновь прибывших. А теперь, ребята, спрячьте ваши блокноты. Your health!²

— Пан Вантох, мы... приехали к вам, чтобы вы нам рассказали что-нибудь из вашей жизни.

¹ Проклятый остров Клиппертон. Кучу проклятых островов (англ.).

² Ваше здоровье! (англ.)

pan Kolombek
a pan

Wolfram
ZAHRADNÍ RESTAURACE

Valenta

Valenta
RACE

Valenta!
VJEČERU

— Это зачем же?

— Мы опишем в газете. Публике будет очень интересно почитать о далеких островах и о том, что там видел и пережил наш земляк, чех, уроженец Иевичка.

Капитан кивнул головой.

— Это верно. Я, братцы, единственный captain на весь Иевичек. Это да! Говорят, есть еще один капитан... капитан... карусельных лодочек, но я считаю, — добавил он доверительно, — что это ненастоящий капитан. Ведь все дело в тоннаже, понимаете?

— А какой тоннаж у вашего парохода?

— Двенадцать тысяч тонн, парень!

— Так что вы были солидным капитаном?

— Да, солидным, — с достоинством проговорил капитан. — Деньги у вас, ребята, есть?

Оба журналиста несколько неуверенно переглянулись.

— Есть, но мало. А вам нужны деньги, капитан?

— Да. Нужны.

— Видите ли, если вы нам расскажете что-нибудь подходящее, мы сделаем из этого очерк, и вы получите деньги.

— Сколько?

— Ну, пожалуй... может быть, тысячу, — щедро пообещал пан Голомбек.

— Фунтов стерлингов?

— Нет, только крон.

Капитан ван-Тох покачал головой.

— Ничего не выйдет. Столько у меня и у самого есть. — Он вытащил из кармана толстую пачку банкнот. — See?¹

Потом он облокотился о стол и наклонился к обоим журналистам.

¹ Видали? (англ.)

— Я бы предложил вам, господа, а big business. Как это называется?

— Крупное дело.

— Я. Крупное дело. Но вы должны дать мне пятнадцать... нет, постойте, не пятнадцать — шестнадцать миллионов крон. Ну, как?

Оба приезжих снова неуверенно переглянулись. Журналистам нередко приходится иметь дело с самыми причудливыми разновидностями сумасшедших, изобретателей и аферистов.

— Стоп, — сказал капитан, — я могу вам кое-что показать.

Он порылся толстыми пальцами в жилетном кармане, вытащил оттуда что-то и положил на стол. Это были пять розовых жемчужин, каждая величиной с вишневую косточку.

— Сколько это может стоить? — прошептал пан Валента.

— О, lots of money¹, ребята. Но я ношу это с собою только... чтобы показывать, в виде образца. Ну, так как же, по рукам?.. — спросил капитан, протягивая свою широкую ладонь чезез стол.

Пан Голомбек вздохнул.

— Пан Вантох, столько денег...

— Halt!² — перебил капитан. — Понимаю, ты меня не знаешь. Но спроси о captain van-Toch в Сурабае, в Батавии, в Паданге или где хочешь. Поезжай, спроси, и всякий скажет тебе — ja, captain van Toch, he is as good as his word³.

— Пан Вантох, мы вам верим, — запротестовал Голомбек, — но только...

— Стоп, — скомандовал капитан. — Понимаю, ты не хочешь выложить свои денежки неизвестно на что; хвалю тебя

¹ кучу денег (англ.)

² Стоп! (нем.)

³ капитан ван-Тох всегда верен своему слову (англ.).

за это, парень. Но ты их дашь на пароход, see? Ты купишь пароход, будешь ship-owner¹ и сможешь сам плавать на нем. Да, можешь плавать, чтобы самому видеть, как я веду дело. Но деньги, которые мы сделаем, разделим fifty-fifty². Честный business, не так ли?

— Но, пан Вантох, — вымолвил наконец с некоторым смущением пан Голомбек, — ведь у нас нет таких денег...

— Ja, ну тогда другое дело, — сказал капиган. — Sorry. Тогда не понимаю, господа, зачем вы ко мне приехали.

— Чтобы вы нам рассказали что-нибудь, капитан. У вас ведь, наверное, большой опыт...

— Ja, это есть. Проклятого опыта у меня достаточно.

— Приходилось вам когда-нибудь терпеть кораблекрушение?

— What? A-a, ship-wrecking? Нет. Что выдумал! Если ты дашь мне хорошее судно, с ним ничего не может случиться. Можешь запросить в Амстердаме references³ обо мне. Поезжай и справься.

— А как насчет туземцев? Встречали вы туземцев?

Капитан ван-Тох покачал головой

— Это не для образованных людей. Об этом я рассказывать не стану.

— Тогда расскажите нам о чем-нибудь другом.

— Да, расскажите... — недоверчиво проворчал капитан. — А вы потом продадите это какой-нибудь компании, и она пошлет туда свои суда. Я тебе скажу, my lad⁴, люди — большие жулики. А самые большие жулики — это банкиры в Коломбо.

¹ судовладельцем (англ.).

² пополам (англ.).

³ рекомендации (англ.).

⁴ парень (англ.).

— А вы часто бывали в Коломбо?

— Да, часто. И в Бангкоке, и в Маниле... Слушайте, ребята, — неожиданно сказал капитан. — Я знаю одно судно. Шикарная посуда, и цена недорогая. Стоит в Роттердаме. Съездите, посмотрите. До Роттердама ведь рукой подать. — Он ткнул пальцем через плечо. — Нынче, ребята, суда ужасно дешевы. Как железный лом. Ему всего только шесть лет, двигатель Дизеля. Не хотите взглянуть?

— Не можем, пан Вантох...

— Странные вы люди, — вздохнул капитан и шумно высморгался в небесно-голубой носовой платок — А не знаете ли вы тут кого-нибудь, кто хотел бы приобрести судно?

— Здесь, в Иевичке?

— Да, здесь или где-нибудь поблизости. Я хотел бы, чтобы эти крупные доходы потекли сюда, на my country¹.

— Это очень мило с вашей стороны, капитан.

— Да. Остальные-то уж очень большие жулики. И денег у них нет. Раз вы из newspaper², то должны знать здешних видных людей; всяких банкиров и ship-owners, как это называется, — судохозяева, что ли?

— Судовладельцы. Мы таких не знаем, пан Вантох.

— Жаль, — огорчился капитан.

Пан Голомбек что-то вспомнил.

— Вы, пожалуй, не знаете пана Бонди?

— Бонди? Бонди? — перебирал в памяти капитан ван-Тох. — Постой. Я как будто слышал эту фамилию. Да, в Лондоне есть Бонд-стрит, вот где чертовски богатые люди! Нет ли у него какой-нибудь конторы на Бонд-стрит, у этого пана Бонди?

¹ мою родину (англ.).

² газеты (англ.).

— Нет, он живет в Праге, а родом, кажется, отсюда, из Иевичка.

— А, черт подери! — обрадованно воскликнул капитан. — Ты прав, парень! У него еще была галантерейная лавка на базаре Бонди... как его звали?.. Макс! Макс Бонди. Так он теперь торгует в Праге?

— Нет, это, вероятно, был его отец. Теперешнего Бонди зовут Г. Х. Президент Г. Х. Бонди, капитан.

— Г. Х.? — покрутил головой капитан. — Г. Х.? Здесь не было никакого Г. Х. Разве только это Густль Бонди, но он вообще не был президентом. Густль — это был такой маленький веснушчатый еврейский мальчик. Нет, не может быть, чтоб это был он.

— Это наверно он, пан Вантох. Ведь уже сколько лет, как вы его не видали!

— Я, это верно. Много лет!.. — согласился капитан. — Сорок лет, братец. Так что, возможно, Густль теперь уже вырос. А что он делает?

— Он председатель правления МЕАС — знаете, это крупные заводы по производству котлов и тому подобное. Ну и, кроме того, председатель еще около двадцати компаний и трестов. Очень большой человек, пан Вантох. Его называют капитаном нашей промышленности.

— Капитаном?.. — изумился captain ван-Тох. — Значит, я не единственный капитан из Иевичка? Черт возьми, так Густль, значит, тоже captain! Надо бы с ним встретиться. А деньги у него есть?

— Ого! Горы денег. У него, пан Вантох, наверно, несколько сот миллионов. Самый богатый человек у нас.

Капитан ван-Тох стал очень серьезен.

— И тоже captain! Ну, спасибо, парень. Тогда я к нему по-

плыву, к этому Бонди. Ја, Густль Бонди I know¹. Такой был маленький еврейский мальчик. А теперь captain Г.Х. Бонди. Ја, ја, как бежит время!.. — меланхолически вздохнул он.

— Пан капитан, нам пора... как бы не пропустить вечерний поезд.

— Так я вас провожу на пристань, — сказал капитан и начал сниматься с якоря. — Очень рад, что вы заехали ко мне, господа. Я знаю одного редактора в Сурабае; славный парень, ја, а good friend of mine². Пьяница страшный, ребята. Если хотите, я устрою вас в газете в Сурабае. Нет? Ну, как хотите.

Когда поезд тронулся, капитан медленно и торжественно помахал огромным голубым платком. При этом у него выпала на песок большая жемчужина неправильной формы. Жемчужина, которая никем и никогда не была найдена.

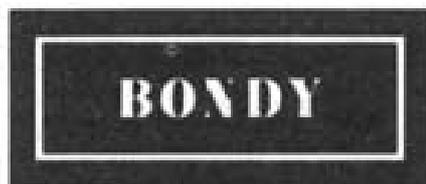
3. Г.Х. Бонди и его земляк

Как известно, чем более высокое положение занимает человек, тем меньше написано на его дверной дощечке. Старому Максу Бонди надо было намалевать большими буквами у себя над лавочкой, по обеим сторонам дверей и на окнах, что здесь помещается Макс Бонди, торговля всевозможными галантерейными и мануфактурными товарами — приданое для невест, ткани, полотенца, салфетки, скатерти и покрывала, ситец и батист, сукна высшего сорта, шелк, занавеси, ламбрекены, бахрома и всякого рода швейный приклад. Существует с 1885 года. У входа в дом его сына, Г.Х. Бонди, капитана промышленности, президента компании MEAS, коммерции

¹ я знаю (англ.).

² мой большой друг (англ.).

советника, члена биржевого комитета, вице-председателя союза промышленников, Consulado de la Republica Ecuador¹ члена многочисленных правлений и т. д. и т. д., висит только маленькая черная стеклянная дощечка, на которой золотыми буквами написано:

И больше ничего. Пусть другие пишут у себя на дверях: «Юлиус Бонди, представитель фирмы «Дженерал Моторс», или «Доктор медицины Эрвин Бонди», или «С. Бонди и К°», но есть только один-единственный Бонди, который — просто Бонди, без лишних пояснений. *(Я думаю, что на дверях у папы римского написано просто Пий, без всякого титула и даже без порядкового номера. А у Бога так и вовсе нет дощечки ни на небе, ни на земле; каждый сам должен знать, что он тут проживает. Впрочем, все это к делу не относится и замечено только так, мимоходом.)*

Перед этой-то стеклянной дощечкой и остановился в знойный день господин в белой морской фуражке, вытирая свой мощный затылок голубым платком. «Ну и важный же дом, черт побери», — подумал он и несколько неуверенно потянулся к медной кнопке звонка.

В дверях показался швейцар Повондра, смерил толстого господина взглядом — от башмаков до золотого позумента на фуражке — и сдержанно осведомился:

¹ консула республики Эквадор (исп.).

— К вашим услугам?

— Вот что, братец, — сказал господин, — здесь живет некий пан Бонди?

— Что вам угодно? — ледяным тоном спросил пан Повондра.

— Передайте ему, что с ним хотел бы поговорить captain van-Toch из Сурабаи. Ja, — вспомнил он, — вот моя карточка.

И он вручил пану Повондре визитную карточку, на которой был изображен якорь и напечатано следующее:

Пан Повондра наклонил голову и погрузился в раздумье. Сказать, что пана Бонди нет дома? Или что у пана Бонди, к сожалению, сейчас важное совещание? Есть визитеры, о которых надо докладывать, и есть такие, с которыми дельный швейцар справляется сам. Пан Повондра мучительно чувствовал, что инстинкт, которым он в подобных случаях руководствовался, дал на сей раз осечку. Толстый господин как-то не подходил под обычные категории незваных посетителей

¹ Капитан И. ван-Тох, О[ст]-И[ндская] и Т[ихоокеанская] п[ароходная] ко[мпания], судно «Кандон-Бандунг», Сурабая, Морской клуб (англ.).

и, по-видимому, не был ни коммивояжером, ни представителем благотворительного общества. А капитан ван-Тох сопел и вытирал платком лысину и при этом так простодушно шурил свои светло-голубые глаза, что пан Повондра внезапно решился принять на себя всю ответственность.

— Пройдите, пожалуйста, — сказал он, — я доложу о вас пану советнику.

Captain И. ван-Тох, вытирая лоб голубым платком, разглядывал вестибюль. Черт возьми, какая обстановка у этого Густля; здесь прямо как в салоне парохода, делающего рейсы от Роттердама до Батавии. Должно быть, стоило уйму денег. А был такой маленький веснушчатый еврейский мальчик, изумлялся капитан.

Тем временем Г. Х. Бонди задумчиво рассматривал у себя в кабинете визитную карточку капитана.

— Что ему надо? — подозрительно спросил он.

— Простите, не знаю, — почтительно пробормотал Повондра.

Пан Бонди продолжал вертеть в руках визитную карточку. Корабельный якорь. Captain И. ван-Тох, Сурабая, — где она, собственно, Сурабая? Кажется, где-то на Яве? На пана Бонди повеяло дыханием неведомой дали. «Кандон-Бандунг» — это звучит, как удары гонга. Сурабая... И сегодня как нарочно такой тропический день... Сурабая...

— Ладно, проводите его сюда, — приказал пан Бонди.

В дверях остановился мощного сложения человек в капитанской фуражке и отдал честь. Г. Х. Бонди двинулся ему навстречу.

— Very glad to meet you, captain. Please, come in!¹

¹ Очень рад познакомиться с вами, капитан. Войдите, пожалуйста! (англ.)

J. H. Bond

— Здравствуйте! Добрый день, пан Бонди! — радостно воскликнул капитан.

— Вы чех? — удивился пан Бонди.

— Да, чех. Да ведь мы знакомы, пан Бонди. По Иевичку. Лавочник Вантох — do you remember?¹

— Верно, верно! — шумно обрадовался Г.Х. Бонди, почувствовав, однако, некоторое разочарование (значит, он не голландец!). — Лавочник Вантох на площади, как же! Но вы нисколько не изменились, пан Вантох. Такой же, как и прежде! Ну, как идет торговля мукой?

— Thanks, — вежливо ответил капитан, — папаша, как говорится, давно приказал долго жить...

— Умер? Так, так. Впрочем, что я, ведь вы, конечно, его сын...

Глаза пана Бонди оживились от внезапной догадки.

— Послушайте, дорогой, а не тот ли вы Вантох, который дрался со мной в Иевичке, когда мы были мальчишками?

— Да, он самый, — с важностью подтвердил капитан. — За это меня и отправили из дому в Моравскую Оставу.

— Да, мы с вами частенько дрались. Но вы были сильнее, — признал Бонди с лояльностью спортсмена.

— Да, я был сильнее. Вы ведь были таким слабеньким мальчиком, пан Бонди. И вам здорово доставалось по задку. Здорово доставалось.

— Доставалось, верно, — растроганно вспоминал Г.Х. Бонди. — Садитесь же, земляк! Вот хорошо с вашей стороны, что вы обо мне вспомнили. Откуда вы вдруг взялись?

Капитан ван-Тох с достоинством уселся и положил фуражку на пол.

¹ помните? (англ.)

— Я провожу здесь свой отпуск, пан Бонди. Н-да, так-то! That's so!..¹

— Помните, — погрузился в воспоминания пан Бонди, — как вы кричали мне: «Жид, жид, за тобою черт бежит!..»

— Ja, — сказал капитан и с чувством затрубил в носовой платок. — Ах, ja! Хорошее это было время. Но что из того, если оно так быстро проходит! Теперь мы оба старики, и оба captains.

— В самом деле, вы ведь капитан, — спохватился пан Бонди. — Кто бы мог подумать! Captain of long distances², ведь так это называется?

— Yah, sir. A Highseaeer. East India and Pacific lines, sir³.

— Хорошая профессия, — вздохнул пан Бонди. — Я бы с вами охотно поменялся, капитан. Вы должны мне рассказать о себе.

— О да, — оживился капитан. — Я хотел бы рассказать вам кое-что, пан Бонди. Очень интересная штука, парень.

Капитан ван-Тох беспокойно поглядел по сторонам.

— Вы что-нибудь ищите, капитан?

— Ja. Ты пива не хочешь, пан Бонди? У меня в горле пересохло, пока я добирался домой из Сурабаи.

Капитан стал рыться в обширных карманах своих брюк и вытащил голубой носовой платок, холщовый мешочек с чем-то, кисет с табаком, нож, компас и пачку банкнот.

— Я бы послал кого-нибудь за пивом, — сказал он. — Пожалуй, того стюарда, что проводил меня в эту каюту.

Пан Бонди позвонил.

¹ Так-то! (англ.)

² Капитан дальнего плавания (англ.).

³ Да, сэр. Плаваю в открытом море. Ост-Индия и Тихоокеанские линии, сэр (англ.).

— Не беспокойтесь, капитан. А пока закурите сигару.

Капитан взял сигару с красно-золотым бумажным колечком и понюхал ее.

— Табак из Ломбока. Там страшные жулики, ничего не попишешь.

И, к великому ужасу пана Бонди, он раздавил драгоценную сигару в своей мощной длани и набил искрошенным табаком трубку.

— Да, Ломбок. Или Сумба.

В дверях неслышно появился Повондра.

— Принесите пива, — распорядился Бонди.

Повондра поднял брови.

— Пива? Сколько?

— Галлон, — буркнул капитан и, швырнув обгоревшую спичку на ковер, затоптал ее ногой.

— В Адене было, брат, ужасно жарко. А у меня есть для вас новость, пан Бонди. Зондский архипелаг, see?¹ Там, сэр, можно открыть сказочное дело. A big business. Но, пожалуй, надо рассказать с самого начала эту... как называется — story, что ли?

— Рассказ?

— Да. Один рассказик. Простой.

Капитан поднял свои незабудковые глаза к потолку.

— Просто не знаю, с чего начать.

(Опять какие нибудь торговые дела, — подумал Г. Х. Бонди, — Господи, какая тоска! Будет убеждать меня, что мог бы поставлять швейные машины в Тасманию или паровые котлы и булавки на Фиджи. Сказочная торговля, еще бы! Для того я вам и нужен. К черту! Я не лавочник. Я мечтатель. Я в своем роде поэт. Расскажи мне, Синдбад-мореход, о Сурабае или об островах Феникса. Не притягивал ли тебя Магнитный Утес, не

¹ понимаете? (англ.)

уносила ли тебя в свое гнездо птица Нох? Не возвращаешься ли ты с грузом жемчуга, корицы и безоара? Ну же, приятель, начинай свое вранье!)

— Пожалуй, начну с ящера, — объявил капитан.

— С какого ящера? — изумился коммерции советник Бонди.

— Ну, с этих — скорпионов. Как это называется — lizards?

— Ящерицы?

— Да, черт, ящерки. Там есть такие ящерки, пан Бонди.

— Где?

— Там, на одном острове. Я не могу его назвать, парень. Это очень большой секрет, worth of millions¹.

Капитан ван-Тох вытер лоб носовым платком.

— Где же, черт возьми, пиво?

— Сейчас будет, капитан.

— Да. Ладно. К вашему сведению, пан Бонди, они очень милые и славные зверьки, эти ящерки. Я их, брат, знаю! — Капитан с жаром хлопнул рукой по столу. — А насчет того, что они черти, так это ложь! А damned lie, sir². Скорее вы сами черт или я черт, я, сартайн ван-Тох! Можете мне поверить.

Г.Х. Бонди испугался. «Делириум, — подумал он. — Куда делся этот проклятый Повондра?»

— Их там несколько тысяч, этих ящерок. Но их здорово жрали эти... черт... эти, ну как они там называются... sharks...

— Акулы?

— Да, акулы. Вот почему эти ящерки так редко встречаются: только в одном-единственном месте, в том заливе, который я не могу назвать.

¹ цена ему — миллионы (англ.).

² Проклятая ложь, сэр! (англ.)

— Значит, эти ящерицы живут в море?

— Да, в море. Только ночью они вылезают на берег, но очень ненадолго.

— А как они выглядят? — Пан Бонди пытался выиграть время, пока вернется этот проклятый Повондра.

— Ну, величиной они с тюленей, но когда встают на задние лапки, тогда они вот такого роста, — показал капитан. — Нельзя сказать, чтобы они были красивы. У них нет никакой шелухи.

— Чешуи?

— Да, скорлупок. Они совершенно голые, пан Бонди, точно какие-нибудь жабы или саламандры. А передние лапки у них совсем как детские ручонки, только пальцев на каждой всего четыре. Бедненькие! — жалостливо прибавил капитан. — Но очень смышленные и милые зверьки, пан Бонди.

Капитан опустил на корточки и начал раскачиваться в такой позе.

— Вот как они переваливаются, эти ящери.

Сидя на корточках, капитан усиленно старался придать своему могучему телу волнообразные движения; руки он протянул вперед, словно собачка, которая «служит»; его небесно-голубые глаза не отрывались от пана Бонди и, казалось, умоляли о сочувствии. Г. Х. Бонди почувствовал волнение и как-то по-человечески устыдился. В довершение всего в дверях неслышно появился пан Повондра с кувшином пива и возмущенно поднял брови при виде неприличного поведения капитана.

— Давайте пиво и уходите, — скороговоркой выпалил Г. Х. Бонди.

Капитан поднялся, отдуваясь.

— Вот какие это зверьки, пан Бонди. Your health, — сказал он и выпил пива. — Пиво у тебя, парень, хорошее. Впрочем, когда имеешь такой дом...

И капитан вытер усы.

— А как вы нашли этих ящериц, капитан?

— Об этом как раз и будет мой рассказик, пан Бонди. Случалось так, что я искал жемчуг на Танамасе... — Капитан сразу осекся. — Или где-то еще... Я, это был другой остров, пока это мой секрет, парень. Люди страшные жулики, пан Бонди, и надо держать язык за зубами... Так вот, когда эти два проклятых сингалезца срезали под водой жемчужные shells...

— Раковины?

— Я. Такие раковины; они прилипают к камням, как прилипалы, и их приходится срезать ножом. Так вот, ящерики смотрели на сингалезцев, а сингалезцы думали, что это морские черти. Очень необразованный народ — эти сингалезцы и батаки. И говорят мне: там, мол, черти. Я.

Капитан мощно затрубил в носовой платок.

— Понимаешь, брат, тут уж не успокоишься. Я не знаю, одни ли только мы, чехи, такой любопытный народ, но где бы я ни повстречал земляка, он обязательно всюду сует свой нос, чтобы узнать, что там такое. Я думаю, это оттого, что мы, чехи, ни во что не хотим верить. Вот и я вбил в свою старую глупую голову, что должен рассмотреть этих чертей поближе. Правда, я был выпивши, но нагрузился я потому, что эти идиотские черти не выходили у меня из головы. Там, на экваторе, многое, брат, возможно. Значит, отправился я вечером в этот самый Девл-Бэй.

Пан Бонди попытался представить себе тропическую бухту, окруженную скалами и девственным лесом.

— Ну и дальше?

— И вот, сию я там и зову: тс-тс-тс — чтобы черти вышли. И что ж ты думаешь, вскоре вылезла из моря одна такая ящерка, стала на задние ножки и завертела всем телом. И цыкает на меня: тс-тс-тс. Если бы я не был выпивши, я бы, наверное, в нее выстрелил; но я, дружище, налился, как англичанин, и

вот я говорю: поди, поди сюда, ты, тапа-воу¹, я тебе ничего не сделаю.

— Вы говорили с ней по-чешски?

— Нет, по-малайски. Там, брат, чаще всего говорят по-малайски. Ну, она ничего. Только переминается этак с ноги на ногу и вертится, как ребенок, когда он стесняется. А вокруг в воде было несколько сот этих ящерок, они высунули из воды свои мордочки и смотрят. А я (правда, я был выпивши) тоже присел на корточки и стал вертеться, как эта ящерка, чтобы они меня не боялись. А потом вылезла из воды еще одна ящерка, ростом с десятилетнего мальчугана, и тоже начала так переваливаться. А в передней лапке она держала жемчужницу. — Капитан отпил пива. — Ваше здоровье, пан Бонди. Я был, правда, пьян вдрызг, так вот я и говорю ей: ах ты, хитрюга, ты как будто хочешь, чтобы я открыл тебе эту раковину, ја? Так поди сюда, я ее открою ножом. Но она — ничего, все не решалась. Тогда я снова начал вертеться, словно маленькая девочка, которая кого-то стыдится. И вот она притопала поближе, а я потихоньку протягиваю руку и беру раковину у нее из лапки. По совести говоря, трусили мы оба, это ты, пан Бонди, можешь себе представить; но я был, правда, пьян. Взял я свой нож и открыл раковину; пощупал пальцем, нет ли жемчужины, но там ничего не было, кроме противной слизи, — такой слизистый моллюск, что живет в этих раковинах. Ну вот, на, говорю, тс-тс-тс, жри себе, если хочешь. И кидаю ей открытую раковину. Ты бы посмотрел, как она ее вылизывала! Должно быть, для тех ящеров это особенный tit-bit — как это называется?

— Лакомство...

— Да, лакомство. Только они, бедняжки, не могут свои-

¹ тапа-парень (англ.).

ми пальчиками справиться с твердыми скорлупками. Да, тяжелая жизнь... — Капитан выпил пива. — Я, брат, потом все обмозговал. Когда ящерики увидели, как сингалезцы срезают раковины, они, вероятно, подумали: ага, они их будут жрать. И хотели посмотреть, как сингалезцы их открывают. Эти сингалезцы в воде здорово смахивают на ящерок, только ящерица умнее сингалезца или батака, потому что хочет чему-нибудь научиться. А батак никогда ничему не научится, разве что воровать, — с горечью добавил капитан ван-Тох. — А когда я на берегу звал — тс-тс-тс и вертелся, как ящерица, они, наверное, подумали, что я большая саламандра, и поэтому не побоялись подойти ко мне, чтобы я открыл их раковину. Вот какие это умные и доверчивые зверьки.

Капитан ван-Тох покраснел.

— Когда я с ними познакомился ближе, пан Бонди, я стал раздеваться донага, чтобы быть совсем как они, ну, то есть голым; но им показалось очень странным, что у меня волосы на груди и... всякое такое... Я.

Капитан провел носовым платком по загорелой шее.

— Но я не знаю, не слишком ли длинно я рассказываю, пан Бонди?

Г.Х. Бонди был очарован.

— Нет, нисколько. Продолжайте, капитан.

— Ладно. Так вот, когда эта ящерица вылизывала раковину, другие, глядя на нее, тоже полезли на берег. У некоторых были раковины в лапах. Как им удалось оторвать их от cliffs¹ своими детскими ручонками, да еще без больших пальцев, это, брат, просто удивительно.

Сначала они стеснялись, а потом позволили брать у них из лапок эти раковины. Правда, не все были жемчужницы; так

¹ рифов (англ.).

просто, всякая дрянь, никудышные устрицы и тому подобное; но я такие раковины швырнул в воду и говорю: «Э, нет, дети, это ничего не стоит, это я вам своим ножом открывать не буду». Зато когда попадалась жемчужница, я открывал ее ножом и щупал, нет ли жемчужины. А раковины отдавал им вылизывать. К тому времени вокруг сидело уже несколько сот этих lizards и смотрело, как я открываю раковины. А некоторые пробовали сами вскрыть раковину какой-то скорлупкой, которая там валялась. Это, брат, меня и удивило. Ни одно животное не умеет обращаться с инструментами. Что поделаешь, животные — они и есть животные, таков закон природы. Правда, я видел в Байтензорге обезьяну, которая умела открывать ножом такой tin, то есть жестянку с консервами. Но обезьяна, сэр, какое же это животное! Недоразумение одно. Нет, правда, я был поражен. — Капитан выпил пива. — В ту ночь, пан Бонди, я нашел в тех shells восемнадцать жемчужин. Там были крохотные и побольше, а три были величиной с вишневую косточку, пан Бонди. С косточку. — Капитан ван-Тох с важностью кивнул головой. — Когда я утром вернулся на судно, я сказал себе: captain ван-Тох, это тебе, конечно, только померещилось, сэр; ты, сударь, был выпивши и тому подобное. Но какой толк в рассуждениях, когда у меня в мешочке лежали восемнадцать жемчужин?

— Это самый лучший рассказ, какой я когда-либо слышал, — прошептал пан Бонди.

— Вот видишь, брат! — обрадованно сказал капитан. — Днем я все это обмозговал. Я приручу и выдрессирую этих ящерок, и они будут носить мне pearl-shells¹. Должно быть, ужас сколько этих раковин там, в Девл-Бэе. Ну, вечером я отправился туда снова, но чуточку пораньше. Когда солнце

¹ жемчужницы (англ.).

садится, ящерики высовывают из воды свои мордочки и тут и там — словом, по всей бухте. Сижу это я на берегу и зову: тс-тс-тс! Вдруг вижу — акула, то есть только ее плавник торчит из воды. А потом — всплеск, и одной ящерики как не бывало. Я насчитал двенадцать штук этих акул, пльвших тогда при заходе солнца в Девл-Бэе. Пан Бонди, эти сволочи за один вечер сожрали больше двадцати моих ящерок!.. — воскликнул капитан и яростно высморкался. — Да, больше двадцати! Ясно ведь, такая голая ящерица своими лапками не отобьется от акулы. Я чуть не плакал, глядя на это. Видел бы ты все это, парень...

Капитан задумался.

— Я ведь очень люблю животных, — произнес он наконец и поднял свои лазурные глаза на Г. Х. Бонди. — Не знаю, как вы смотрите на это, captain Бонди.

Пан Бонди кивнул в знак согласия.

— Вот это хорошо, — обрадовался капитан ван-Тох. — Они очень славные и умные, эти tara-boys. Когда им что-нибудь рассказываешь, они смотрят так внимательно, как собака, которая слушает, что ей говорит хозяин. А главное — эти их детские ручонки... Понимаешь, брат, я старый холостяк, и семьи у меня нет... Я, старому человеку тоскливо одному... — бормотал капитан, преодолевая свое волнение. — Ужасно милые эти ящерики, ничего не поделаешь... Если бы только акулы не пожирали их!.. И знаешь, когда я кидал в них, то есть в акулу, камнями, *они тоже начали кидать*, эти tara-boys. Ты просто не поверишь, пан Бонди! Конечно, далеко они кинуть не могли, потому что у них чересчур короткие ручки. Но это, брат, прямо поразительно! Уж если вы такие молодцы, ребята, говорю я, попробуйте тогда открыть моим ножом раковину. И кладу нож на землю. Они сначала стеснялись, а потом одна ящерица попробовала и давай втыкать острие ножа между створок. Надо взломать, говорю, взломать, see? Вот так

Portrait of a man with a beard and mustache, likely the recipient of the letter.

КОРОЛЕВИ ПОЛТАВСКОМУ АНДРЕЮ
БРАТЦУ
ДИВУТ БЛЖЕНІ СКАРПАНІ

Captain of the 10th

Surabaya

<i>Address</i>	<i>Surabaya</i>
<i>Postmark</i>	<i>Surabaya</i>
<i>Postage</i>	<i>Surabaya</i>

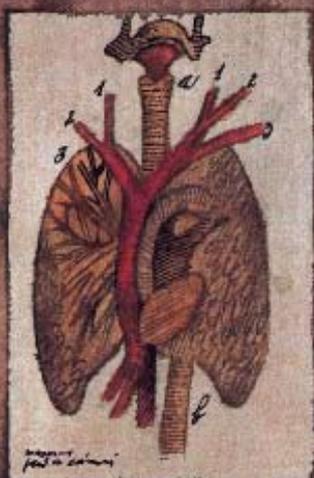
Handwritten signature or name, possibly 'John'.

Handwritten signature, possibly 'John'.

Tab. I.
Handwritten title and notes

Andrias Scheuchzeri
Handwritten name of the specimen

Handwritten text describing the anatomical drawing

Handwritten text at the bottom of the main illustration

Handwritten signature or name at the bottom right

повернуть нож — и готово. А она все пробует, бедняжка... И вдруг хрустнуло, и раковина открылась. Вот видишь, говорю. Вовсе это не так трудно. Если это умеет какой-нибудь язычник — батак или сингалезец, так почему этого не сумеет сделать тара-boys, верно? Я не стал, конечно, говорить ящеркам, что это *сказочное marvel*¹ и удивительно, когда это делают такие животные. Но вам я могу сказать, что я был... я был... ну совершенно *thunderstruck*.

— Ошеломлен, — подсказал пан Бонди.

— Ja, richtik². Ошеломлен. И так это у меня засело в голове, что я задержался там с моим судном еще на день. И вечером опять отправился туда, в Девл-Бэй, и опять смотрел, как акулы жрут моих ящерок. В ту ночь я поклялся, что так этого не оставлю. И им я тоже дал свое честное слово, пан Бонди. «Тара-boys, — сказал я, — *captain И. ван-Тох* *обещает вам здесь, под этими огромными звездами, что он вам поможет*».

4. Коммерческое предприятие капитана ван-Тоха

Капитан ван-Тох рассказывал с таким пылом и увлечением, что волосы у него на затылке взъерошились.

— Ja, сэp, я дал такую клятву. С той поры я, брат, не имел ни минуты покоя. В Паданге я взял отпуск и послал господам в Амстердаме сто пятьдесят семь жемчужин — все, что мне натаскали мои зверьки. Потом я разыскал одного такого парня: это был даяк, *shark-killer*³, он убивал акул в воде ножом.

¹ чудо (англ.).

² правильно (нем. диалект.).

³ истребитель акул (англ.).

Страшный вор и убийца этот даяк. Вместе с ним на маленьком tramp¹ я вернулся опять на Танамасу и говорю — мол, теперь, fella², ты будешь тут своим ножом убивать акул. Я хотел, чтобы он истребил там акул и мои ящерки обрели покой. Он был такой разбойник и язычник, этот даяк, что tara-boys были ему нипочем. Черт или не черт, это было ему все равно. А я тем временем производил observations и experiments³ над lizards. Постой-ка, у меня есть судовой журнал, в котором я каждый день делал записи.

Капитан вытащил из нагрудного кармана объемистую записную книжку и начал ее перелистывать.

— Какое у нас сегодня число? Ага, двадцать пятое июня. Возьмем тогда, например, двадцать пятое июня. Это было, значит, в прошлом году. Да, вот оно. «Даяк убил акулу. Lizards страшно интересуются этой дохлой дрянью. Тоби...» Это был маленький ящерка, замечательно умный, — пояснил капитан, — пришлось дать им имена, понимаешь? Чтобы я мог писать о них в этой книжке. Так вот: «Тоби сунул пальцы в рану, нанесенную ножом. Вечером они носили сухие ветки для моего костра». Ну, это вздор, — буркнул капитан, — я пишу какой-нибудь другой день. — Скажем, двадцатое июня, а? «Lizards продолжали строить»... этот... этот... как это называется — jetty?

— Плотины?

— Да, плотину. Такая dam⁴. Они строили тогда новую плотину в северо-западном углу Девл-Бэя. Это, брат, была замечательная работа, — пояснил капитан. — Настоящий breakwater.

¹ пароходе (англ.).

² приятель (англ. fellow).

³ наблюдения и опыты (англ.).

⁴ плотина (англ.).

— Волнорез?

— Да. Они клали на той стороне свои яйца и хотели, чтобы там были спокойные воды, понимаешь? Они *сами* придумали сделать такую dam; но я тебе скажу, ни один чиновник или инженер из Waterstaat¹ в Амстердаме не мог бы сочинить лучший план для подводной плотины. Замечательно искусная работа; вот только вода портила им дело. Они роют себе под водой такие глубокие ямы под берегом и живут в этих ямах. Страшно умные зверьки, сэр, совсем как beavers.

— Бобры?

— Да, эти большие крысы, которые умеют устраивать запруды на реке. А у ящерок там было множество плотин и плотинок, в Девл-Бэе; такие ровные-ровные dams, что твой город. Ну, и под конец они задумали перегородить плотиной весь Девл-Бэй. Ну так вот. «Научились выворачивать камни рычагами, — продолжал читать капитан. — Альберту — это был один tara-boy — раздавило при этом два пальца». «Двадцать первого. Даяк сожрал Альберта. После этого ему было плохо. Пятнадцать капель опия. Обещал больше этого не делать. Целый день шел дождь... Тридцатое июня. Lizards строили свою плотину. Тоби не хочет работать...» И умница же это был! — с восхищением пояснил капитан. — Умные-то никогда не хотят работать. Он постоянно вытворял какие-нибудь проказы, этот Тоби. Что поделаешь, ящерки тоже бывают очень разные. «Третьего июля. Сержант получил нож». Это был такой большой, сильный ящерка, этот Сержант. И очень ловкий, сэр. «Седьмого июля. Сержант убил ножом cuttlefish», — это, понимаешь, рыба, которая гадит таким темнобурым — слышал?

— Каракатица?

¹ Ведомства водных сооружений (*голландск.*).

— Ja, она самая. «Двадцатое июля. Сержант убил ножом большую jelly-fish», — это такая сволочь, тело как студень, и жжется, как крапива. Мерзкое животное. А теперь внимание, пан Бонди. «Тринадцатого июля. — Это у меня подчеркнуто. — *Сержант убил ножом небольшую акулу*. Вес — семьдесят фунтов». Вот как, пан Бонди! — торжественно воскликнул капитан И. ван-Тох. — Здесь это записано черным по белому. Это и есть великий день. Точно, тринадцатого июля прошлого года. — Капитан закрыл записную книжку. — Я ничуть не стыжусь, пан Бонди; там, на берегу Девл-Бэя, я упал на колени и заревел от самой искренней радости. Теперь уж я знал, что мои тара-boys не дадут себя в обиду. Сержант получил за это отличный новый гарпун — гарпун, брат, лучше всего, если хочешь охотиться на акул, и я ему сказал: be a man¹, Сержант, и покажи тара-boys, что они могут обороняться. И вот, брат, — воскликнул капитан, вскочив с места и ударив по столу от восторга, — через три дня там плавала огромная дохлая акула, full of gashes — как это называется?

— Вся израненная?

— Ja, сплошные дыры от ударов гарпуна. — Капитан глотнул пива с такой жадностью, что в горле у него заклокотало. — Вот оно как, пан Бонди. Тогда только я и заключил с тара-boys... ну нечто вроде договора. То есть я как бы дал им слово, что, если они будут доставлять мне жемчужницы, я им буду давать за это гарпуны и knives, то есть ножи, чтобы они могли защищаться. See? Это честный бизнес, сударь. Что поделаешь, человек должен быть честным даже с животными. И я дал им еще немного досок и две железных wheelbarrows...

— Ручные тележки. Тачки.

— Ja, такие тачки. Чтобы они могли возить камни на пло-

¹ будь мужчиной (англ.).

тину. Им, бедняжкам, приходилось таскать все в своих лапах, понимаешь? Ну, словом, массу вещей они получили. Я бы не хотел их надувать, вовсе нет. Пстой, парень, я тебе что-то покажу.

Капитан ван-Тох одной рукой подтянул свой живот кверху, а другой извлек из кармана брюк холщовый мешочек.

— Вот здесь, — сказал он и высыпал содержимое мешочка на стол.

Там было около тысячи жемчужин самой различной величины: мелкие, как конопляное семя, немного побольше, величиной с горошину, несколько огромных, с вишню; жемчужины безупречно круглые, как капля, жемчужины бугорчатые, жемчужины серебристые, голубые, телесного цвета, желтоватые, отливающие черным и розовым. Г. Х. Бонди был словно зачарован; он потерял всякое самообладание, перебирал их, катал по столу кончиками пальцев, сгребал обеими руками.

— Какая красота, — восторженно прошептал он. — Капитан, это — как в сказке!..

— Да, — невозмутимо ответил капитан. — Красиво. А акул они убили около тридцати за тот год, что я провел с ними. У меня здесь все записано, — сказал он, похлопывая по нагрудному карману. — Зато сколько ножей я им дал, и пять штук гарпунов. Мне ножи обошлись почти по два американских доллара а ріесе, то есть за штуку. Очень хорошие ножи, парень, из такой стали, которую не берет никакая *rust*.

— Ржавчина?

— Да. Потому что это для работы под водой, для моря. Ну, и батаки тоже стоили мне кучу денег.

— Какие батаки?

— Да туземцы на том острове. У них такая вера, будто *tara-boys* — это черти, и они страшно их боятся. А когда увидели, что я с их чертями разговариваю, хотели убить меня. Целыми

часами звонили в колокола, чтобы отогнать, значит, чертей от своего кампонга. Ужасный тарарам подняли. Ну, а потом каждое утро приставали ко мне, чтобы я им заплатил за этот набат. За то, что они трудились, понимаешь? Что и говорить, эти батаки — отчаянные жулики. Но с тара-boys, сэр, с ящерками, можно бы сделать честный бизнес. Очень хорошее дело, пан Бонди.

Г.Х. Бонди все происходящее казалось сном.

— Покупать у них жемчуг?

— Я. Только в Девл-Бэе уже никакого жемчуга нет, а на других островах нет никаких тара-boys. В этом-то вся суть, парень.

Капитан И. ван-Тох раздул щеки с победоносным видом.

— Это и есть то большое дело, которое я обмозговал. Послушай, — сказал он, тыча в воздух толстым пальцем. — Ведь этих ящерок стало гораздо больше с тех пор, как я взял их под защиту! Они могут теперь обороняться. You see? А? А дальше их будет еще больше! Ну, так как же, пан Бонди? Разве это не замечательное предприятие?

— Я все еще не понимаю, — неуверенно произнес Г.Х. Бонди, — что вы, собственно, имеете в виду, капитан?

— Ну, перевозить тара-boys на другие жемчужные острова, — выложил наконец капитан. — Я заметил, что ящерики не могут сами переплывать открытое море в глубоких местах. Они немножко плавают, немного ходят по дну, но на большой глубине для них слишком большое давление: они чересчур мягкие, понимаешь! Но если бы у меня было судно, в котором можно было бы устроить резервуар, такой бассейн с водой, то я мог бы перевозить их, куда хочу, see? И они искали бы там жемчуг, а я бы ездил к ним и привозил им ножи и гарпуны и всякие прочие вещи, в которых они нуждаются. Эти бедняжки там, в Девл-Бэе, так рас... распоросились... а?

— Расплодились.

— Я, так расплодился, что им уже почти нечего жрать. Они едят мелких рыбешек, моллюсков и водяных жуков... Но могут жрать и картошку, и сухари, и всякие обыкновенные вещи. Этим можно было бы их кормить в резервуарах, на судне. А в подходящих местах, где не очень много людей, я пускал бы их в воду и устраивал бы там такие... Такие фермы для моих ящерок. Потому что я хотел бы, чтобы они могли прокормиться, эти зверьки. Они очень славные и умные, пан Бонди. Вот увидишь их, парень, сам скажешь: хэлло, captain, полезные у тебя зверьки. Я. Люди ведь теперь с ума сходят по жемчугу, пан Бонди. Вот это и есть тот большой бизнес, что я придумал.

Г.Х. Бонди был в нерешительности.

— Мне очень жаль, капитан, — начал он, — но я, право, не знаю...

Лазурные глаза капитана. И. ван-Тоха подернулись влагой.

— Это плохо, братец! А я бы тебе оставил все эти жемчужины, как... как залог за то судно. Сам я купить судно не могу. А я знаю очень подходящую посудину в Роттердаме. На дизеле...

— Почему вы не предложили это дело кому-нибудь в Голландии?

Капитан покачал головой.

— Я, брат, знаю этих людей. С ними об этом говорить нельзя... А я, пожалуй, — задумчиво прибавил он, — возил бы на этом судне и другие вещи, всевозможные goods¹, и продавал бы их на тех островах. Да, я бы это мог. У меня там куча знакомств, пан Бонди. А при этом я мог бы иметь у себя на судне такие резервуары для моих ящерок...

— Гм, об этом еще можно подумать, — размышлял вслух

¹ товары (англ.).

Г. Х. Бонди. — Дело в том, что как раз... Ну да, нам *нужно* искать новые рынки для нашей промышленности. Случайно я говорил об этом на днях с несколькими лицами... Я хотел бы купить один или два парохода, один для Южной Америки, а другой для восточных стран...

Капитан ожил.

— Вот за это хвалю, пан Бонди! Суда теперь страшно дешевы, можешь купить их хоть целую гавань...

Капитан ван-Тох пустился в технологические объяснения, где и за какую цену продаются всякие vessels, boats и tank-steamers¹. Г. Х. Бонди не слушал капитана; он только рассматривал его. Г. Х. Бонди умел разбираться в людях. Ни на одно мгновение он не принимал всерьез ящериц капитана ван-Тоха; но сам капитан стоил внимания. Честный человек, да. И знает тамошние условия. Сумасшедший, конечно. Но чертовски симпатичен. В сердце Г. Х. Бонди зазвенела какая-то фантастическая струна. Корабли с жемчугом и кофе, корабли с пряностями и всякими благовониями Аравии! Г. Х. Бонди ощутил то странное, необъяснимое волнение, которое обычно предшествовало у него всякому важному и удачному решению; это можно было бы выразить в словах: «Сам не знаю почему, но я, кажется, за это возьмусь». А тем временем captain ван-Тох своими огромными лапами чертил в воздухе силуэты судов с awning-decks и quarter-decks², — превосходные суда, братец...

— Знаете что, капитан ван-Тох, — сказал вдруг Г. Х. Бонди, — зайдите ко мне через две недели. Мы возобновим тогда разговор о пароходе.

¹ корабли, пароходы и наливные суда (англ.).

² палубой под тентом и со шканцами (англ.).

Сартайн ван-Тох понял, как много значат эти слова. Покраснев от радости, он вымолвил только:

— А как ящерики — смогу я их возить на моем пароходе?

— Разумеется. Только... пожалуйста, никому о них ни слова. Люди подумают, что вы спятили... и я заодно с вами.

— А жемчуг вам можно оставить?

— Можно.

— Да, только я должен выбрать две жемчужины покрасивее, надо послать их кое-кому.

— Кому?

— А таким двум редакторам, парень. Да, черт подери, постой-ка!

— Что?

— Как их звали, черт подери?

Капитан ван-Тох растерянно моргал своими лазурными глазами.

— Такая, брат, глупая у меня голова... Уже забыл, как звали этих двух boys...

*5. Капитан ван-Тох
и его дрессированные ящерицы*

— Провалиться мне на этом месте, — воскликнул человек на набережной в Марселе, — если это не Иенсен!

Швед Иенсен поднял глаза.

— Постой, — сказал он, — и помолчи, пока я тебя не узнаю.

Он прикрыл глаза рукой.

— «Чайка»? Нет. «Императрица Индии»? Нет. «Пернамбуко»? Нет. А, знаю! «Ванкувер». Лет пять тому назад на «Ванкувере», пароходство Осака-лайн, Фриско. А зовут тебя Дингль, бродяга ты этакий, и ты ирландец.

To je prvá pravda
s tím
jestli

starej Vany tak je all right
Pat Dingle

Человек оскалил зубы и подсел к шведу.

— Right¹, Иенсен. И, кроме того, пью любую водку, когда угощают. Ты где теперь?

Иенсен показал кивком.

— Крейсирую на линии Марсель—Сайгон. А ты?

— А я в отпуске, — похвастал Дингль, — еду домой посмотреть, сколько у меня прибавилось детей.

Иенсен глубокомысленно покачал головой.

— Значит, тебя опять выставили. Так? Пьянство в служебное время и тому подобное. Если бы ты, брат, посещал УМСА, как я...

Дингль ужаснулся.

— Здесь тоже есть УМСА?

— Да ведь сегодня суббота, — проворчал Иенсен. — А где ты плавал?

— На одном трампе, — уклончиво ответил Дингль. — Разные острова там на юге.

— Капитан?

— Некий ван-Тох. Голландец или что-то в этом роде.

Швед Иенсен задумался

— Капитан ван-Тох... Я с ним тоже плавал несколько лет тому назад. Судно — «Кандон-Бандунг». Рейс — от черта к дьяволу. Толстый, лысый и ругается даже по-малайски, чтобы крепче получалось. Знаю хорошо.

— Он уже тогда был такой сумасшедший?

Швед покачал головой.

— Старый Тох — all right², братец.

— Возил он тогда уже с собой ящериц?

— Нет... — Иенсен стал припоминать: — Что-то я уже

¹ Правильно (англ.).

² Здесь: что надо (англ.).

слышал об этом... в Сингапуре. Какой-то враль молол там языком на этот счет.

Ирландец слегка обиделся.

— Это совсем не вранье, Иенсен. Это святая истина насчет ящериц.

— Тот, в Сингапуре, тоже божился, что это правда, — проворчал швед. — И все же получил по рылу! — прибавил он с победоносным видом.

— Дай же я тебе расскажу, в чем тут дело, — упорствовал Дингль. — Уж кому знать, как не мне. Я эту мразь видел собственными глазами.

— Я тоже, — пробормотал Иенсен. — Почти совсем черные, рост — около метра шестьдесят, с хвостом, и ходят на двух ногах. Знаю.

— Отвратительные, — передернулся Дингль. — Все в бородавках, дружище! Матерь Божия, я бы к ним не притронулся. Они, наверное, ядовитые!

— Почему? — буркнул швед. — Я, брат, служил как-то на судне, которое возило людей. И на верхней, и на нижней палубе — везде люди. Женщины, и все такое прочее. И танцуют и играют в карты... я там был кочегаром, понимаешь? Ну, а теперь скажи мне, олух, что ядовитее?

Дингль сплюнул.

— Если бы это были кайманы, я, брат, ничего бы не сказал. Я тоже как-то возил змей для зверинца — оттуда, из Банджермасина. Ну и воняли! Но ящерицы... Иенсен, уж слишком они странные звери. Днем-то еще ничего, днем все это сидит в таких бассейнах с водой; но ночью оно вылезает — топ-топ, топ-топ... Все судно ими кишмя кишит. И оно становится на задние ноги и поворачивает голову за тобой вслед... — Ирландец перекрестился. — Цыкает на человека — тс-тс-тс, как шлюхи в Гонконге. Прости меня, господи, только я думаю, что тут дело нечисто. Если бы не так туго

было с работой, я бы там и часа не оставался, Иенсен. Ни единого часа.

— Ага, — сказал Иенсен. — Так вот почему ты возвращаешься к маменьке?

— Отчасти... Приходилось чертовски пить, чтобы вообще выдержать там, а ты сам знаешь, капитан насчет этого строг! Вот был тарарам, когда я одну из этих тварей пнул ногой. Ну да, пнул, да еще брат, с каким удовольствием! Даже хребет перешиб. Ты бы посмотрел, что было со стариком! Посинел, схватил меня за горло и швырнул бы в воду, не окажись тут штурман Грегори. Знаешь его?

Швед кивнул головой.

— «Хватит с него, сэр», — сказал штурман и вылил мне на голову ведро воды. И в Кокопо меня списали. — Дингль плюнул, и плевок пролетел в воздухе длинной дугой. — Старик у эта мразь дороже людей. Знаешь, он учил их говорить! Ей-богу! Запирался с ними и часами разговаривал. Я думаю, он их дрессирует для цирка. Но самое странное то, что он их потом опять пускает в воду. Остановится у какого-нибудь дурацкого островка, болтается в шлюпке вдоль берега и измеряет глубину; а потом запрется там, где эти резервуары, открывает люк в борту и выпускает свою мразь в воду. А оно, брат, скачет через окошечко — одно за другим, как дрессированные тюлени, штук десять-двенадцать... А ночью старый Тох отправляется на берег с какими-то ящиками. Что там в этих ящиках — никто не знает. Потом двигаем дальше. Вот так обстоят дела со старым Тохом, Иенс. Странно. Чересчур странно! — В глазах Дингля мелькнуло выражение ужаса. — Боже всемогущий, Иенс, до чего мне было жутко! Я пил, брат, пил как сумасшедший. А когда оно ночью топало по всему судну и служило на задних лапах... и цыкало: тс-тс-тс, так я иногда думал: эге, братец, это у тебя с перепоею! Со мной уже было однажды во Фриско, помнишь, Иенсен? Но тогда мне везде

мерещились пауки. «Де-ли-риум», — говорили врачи в Sailor hospital¹. Но потом я спросил толстого Бинга, видел ли он тех чудовищ, и он сказал, что видел. Собственными глазами, говорит, подглядел раз, как один ящер взялся за ручку двери и вошел в каюту к капитану. Но не знаю... Этот Джо тоже жутко пил. Как ты думаешь, Иенс, у Бинга тоже был делириум или нет? Как ты думаешь?

Иенсен только пожал плечами.

— А немец Петерс рассказывал, будто на островах Манихики он отвез капитана на берег, а потом спрятался за скалами и стал смотреть, что там старый Тох делает со своими ящиками. Так он, брат, говорит, что эти ящеры сами пооткрывали их, когда старик дал им долото. А знаешь, что было в ящиках? Оказывается, ножи, дружище. Такие длинные ножи, гарпуны и тому подобное. Я, правда, Петерсу не верю, у него очки на носу, но все-таки это странно. Ты как думаешь?

У Иенсена вздулись жилы на лбу.

— Я думаю, — буркнул он, — что твой немец сует свой нос в дела, которые его совсем не касаются. Понял? И скажу тебе, что я ему этого не советую.

— А ты ему напиши, — усмехнулся ирландец. — Самый точный адрес — пекло, наверняка дойдет. А знаешь, что меня удивляет? Старый Тох время от времени навещает своих ящеров в тех местах, где он насажал их. Ей-богу, Иенс. Вечером приказывает отвезти себя в шлюпке на берег и возвращается только к утру. Так вот, скажи-ка мне, Иенс, ради кого ему туда ездить? И скажи мне, что спрятано в посылочках, которые он отправляет в Европу? Смотри — вот такие маленькие посылочки страшует на тысячу фунтов.

— Откуда ты знаешь? — еще более хмуро спросил швед.

¹ морском госпитале (англ.).

— Да вот знаю, — уклончиво ответил Дингль. — А как ты думаешь, откуда старый Тох возит этих ящериц? Из Девл-Бэя. Из Чертова залива, Иенс. У меня там есть один знакомый, он агент, человек с образованием, так он мне говорил, брат, что это вовсе не дрессированные ящерицы. Куда там! Пусть малым детям рассказывают, что это просто животные. А нам, брат, пусть зубы не заговаривают. — Дингль многозначительно подмигнул. — Вот какие дела, Иенсен... А ты мне говоришь, что captain van-Toch — all right!..

— Ну-ка, повтори еще раз! — угрожающе прохрипел огромный швед.

— Был бы старый Тох all right, не развозил бы чертей по всему свету... и не запускал бы их всюду на островах, словно блох в шубу. За то время Йенс, что я плавал с ним, он перевез их несколько тысяч, не меньше. Старый Тох продал свою душу, браток. И я знаю, чем ему черти платят. Рубины, жемчуг и тому подобное. Можешь не сомневаться, даром он не стал бы это делать.

Иенс Иенсен побагровел.

— А тебе-то что? — рявкнул он, стукнув кулаком по столу. — Занимайся своими проклятыми делами!

Маленький Дингль испуганно подскочил.

— Ну, чего ты... — смущенно залепетал он. — Что ты так вдруг... Я ведь только рассказываю, что видел. А если хочешь, так все это мне только померещилось. Только ради тебя, Иенсен... Пожалуйста, могу сказать, что это бред. Иенсен, ты же знаешь, со мной было уже такое во Фриско. «Тяжелый случай», — говорили врачи в Sailor hospital. Ей-богу, брат, мне показалось, что я видел ящериц, или чертей, или еще что-то такое. А на самом деле ничего не было.

— Было, Пат, — мрачно сказал швед, — я их видел.

— Нет, Иенс, — убеждал его Дингль. — Это у тебя был просто делириум. Старый Тох — all right, но... ему не следо-

вало бы развозить чертей по свету. Знаешь что? Когда я приеду домой, закажу мессу за спасение его души. Провалиться мне на этом месте, Иенсен, если я этого не сделаю.

— По нашей религии, — меланхолически протянул Иенсен, — этого не полагается. А как ты думаешь, Пат, помогает, если отслужить за кого-нибудь мессу?

— Чудесно помогает!.. — воскликнул ирландец. — Я слышал на родине не раз, что это помогало... ну, даже в самых тяжелых случаях! Против чертей вообще и... тому подобное, понимаешь?

— Тогда я тоже закажу католическую мессу, — решил Иенс Иенсен. — За капитана ван-Тоха. Но я закажу ее здесь, в Марселе. Я думаю, что вон в том большом соборе это можно сделать дешевле, по оптовой цене.

— Может быть, но ирландская месса лучше. У нас, брат, такие монахи, что почище всяких колдунов будут. Прямо как факиры или язычники.

— Слушай, Пат, — сказал Иенсен, — я бы тебе дал двенадцать франков на мессу. Но ты ведь парень непутевый, пропьешь...

— Иенс, такого греха я на душу не возьму. Но постой, чтобы ты мне поверил, я напишу на эти двенадцать франков расписку. Хочешь?

— Это можно, — сказал швед, который во всем любил порядок.

Дингль раздобыл листок бумаги, карандаш и занял этими принадлежностями почти весь стол.

— Что же мне тут написать?

Иенс Иенсен заглянул ему через плечо.

— Сначала напиши сверху, что это расписка.

И Дингль медленно, с усилием, высовывая язык и слюнявя карандаш, вывел:

Расписка
 Сии удостоверяю што
 получил от Енеа Ексека
 на месу за Душу Каптана
 Муха двина 12 франков
Петт Дингль

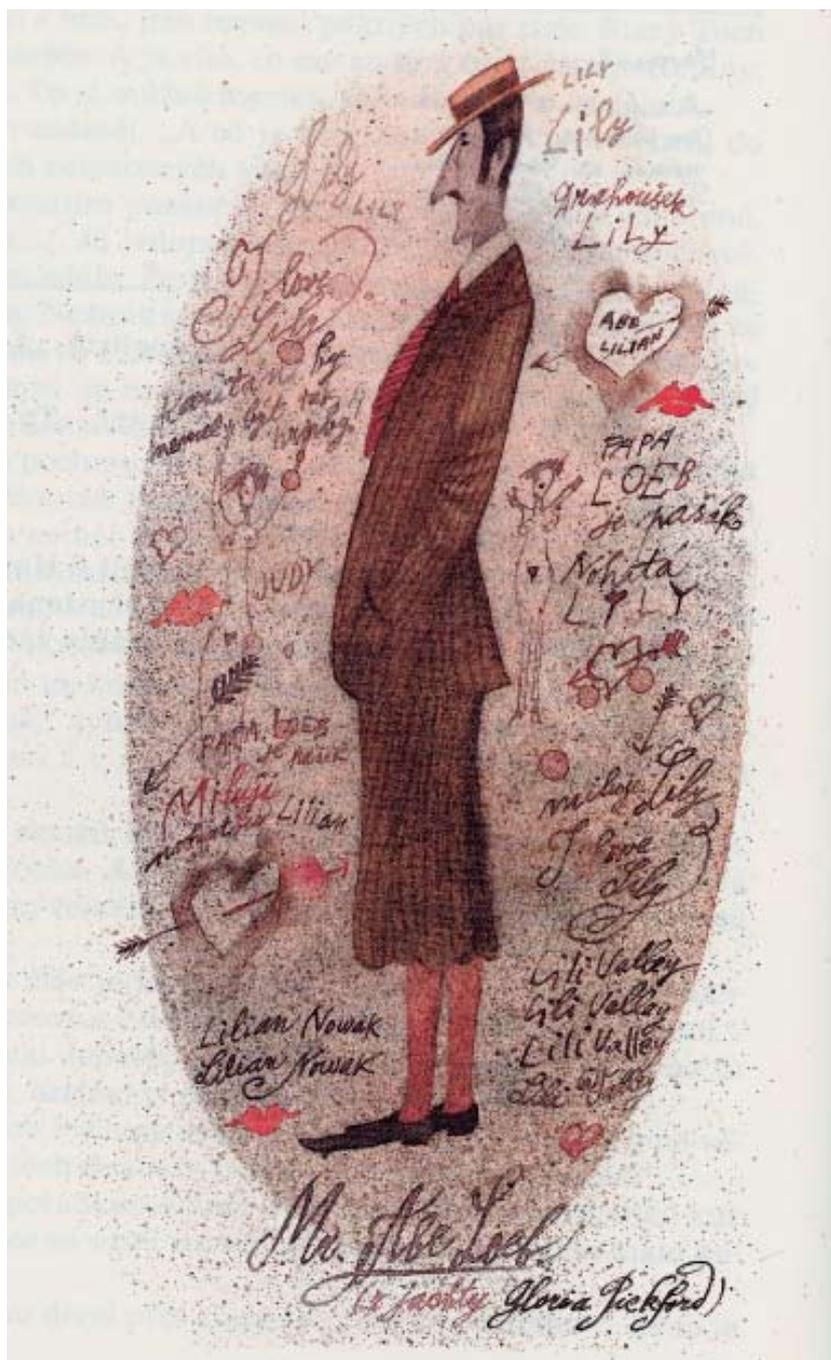
— Так правильно? — неуверенно спросил Дингль. — А у кого из нас должен остаться этот листок?

— У тебя, конечно, осел ты этакий, — не задумываясь, ответил швед. — Это делается, чтобы человек не забыл, что он получил деньги.

Эти двенадцать франков Дингль пропил в Гавре и вместо Ирландии отправился оттуда в Джибути. Короче говоря, месса отслужена не была, вследствие чего естественный ход событий не нарушался вмешательством каких-либо высших сил.

6. Яхта в лагуне

Мистер Эйб Леб, прищурившись, глядел на заходящее солнце. Ему хотелось как-то высказать, до чего это красиво, но крошка Ли — она же мисс Лили Валлей, по документам Лилиан Новак, а для друзей — златокудрая Ли, Белая Лилия, длинноногая Лилиан, и как там ее еще называли в ее семнадцать лет, — спала на горячем песке, закутавшись в мохнатый

Lily
Lily

Gracie
Lily

Ann
Lillian

PAPA

LOEB

je parisk

Nehita

Lily

mailing Lily

J. Rose

Lily

Lili Valley

Lili Valley

Lili Valley

Lili Valley

My love
Lily

Love
Lily

JUDY

PAPA LOEB
je parisk

Milise

Lillian

Lillian Nowak

Lillian Nowak

Mr. Steve Loeb

(Lillian Nowak)

купальный халат и свернувшись в клубок, как прикорнувшая собачонка. Поэтому Эйб ничего не сказал о красоте природы и только вздыхал, шевеля пальцами босых ног, чтобы вытряхнуть песчинки. Недалеко от берега стоит на якоре яхта «Глория Пикфорд», эту яхту Эйб получил от папаша Леба за то, что сдал университетские экзамены. Молодчина папаша Леб, Джесс Леб, магнат кинопромышленности и так далее. «Эйб, пригласи нескольких приятелей или приятельниц и поезди по белу свету», — сказал старик Папаша Джесс — молодец первый сорт! И вот теперь там, на перламутровой поверхности моря застыла «Глория Пикфорд», а здесь, на горячем песке, спит крошка Ли. У Эйба захватило дух от счастья. Спит, как маленький ребенок, бедняжка. Мистер Эйб ощутил непреодолимое, страстное желание спасти Ли от какой-нибудь опасности. «Собственно говоря, следовало бы действительно жениться на ней», — подумал молодой мистер Леб, и сердце его сжалось от сладостного и мучительного чувства, в котором твердая решимость смешивалась с малодушием. Мамаша Леб, наверное, не согласится на это, а папаша Леб только руками разведет: «Ты с ума сошел, Эйб». Родители просто не могут этого понять, вот и все. И мистер Эйб, нежно вздохнув, прикрыл полкой купального халата беленькую лодыжку Ли. «Как глупо, — смущенно подумал он, — что у меня такие волосатые ноги!»

Господи, до чего здесь красиво, до чего красиво! Жаль, что Ли этого не видит. Мистер Эйб залюбовался красивой линией ее бедра и, по какой-то смутной ассоциации, начал думать об искусстве. Ли ведь тоже артистка. Киноартистка. Правда, она еще не играла, но твердо решила сделаться величайшей кинозвездой всех времен; а если Ли что-нибудь задумает, то обязательно добьется своего. Вот этого как раз и не понимает мамаша Леб. Артистка — это... одним словом, артистка и не может быть такой, как другие девушки. К тому же другие девушки ничуть не лучше, решил Эйб. Например, эта Джэди, там, на яхте,

такая богатая девушка... а я знаю, что Фред ходит к ней в каюту. *Каждую ночь*, изволите ли видеть! Тогда как я и Ли... Просто Ли *не такая*. Я желаю всего лучшего Фреду-бейсболисту, великодушно размышлял Эйб, он мой товарищ по университету. Но каждую ночь... Нет, богатая девушка не должна была бы так поступать. То есть девушка из такой семьи, как Джэди. И ведь Джэди — даже не артистка. (О чем только эти девушки иногда шушукаются! — вспомнил вдруг Эйб. — И как у них при этом горят глаза и как они хихикают! Мы с Фредом *о таких вещах* никогда не говорим.) (Ли не надо пить коктейль в таком количестве; она потом сама не знает, что говорит.) (Например, сегодня днем — это было уж слишком...) (Я имею в виду, как они с Джэди заспорили, у кого из них ноги красивее. Само собой разумеется, что у Ли. Я-то знаю.) (А Фреду нечего было затевать этот дурацкий конкурс красивых ног. Это можно устраивать где-нибудь на Палм-Бич, но не в своей интимной компании. А девушкам не следовало *так высоко* задира́ть юбки. Это уже, собственно, были *не только* ноги... По крайней мере Ли не следовало этого делать. Тем более перед Фредом. И такая богатая девушка, как Джэди, зря это делала.) (А я, пожалуй, напрасно позвал капитана и предложил ему быть судьей. Это было глупо. Как побагровел капитан, и усы у него ошетинились. «Простите, сэр», — и хлопнул дверью. Неприятно. Ужасно неприятно. Капитану не следовало быть *до такой степени* грубым. В конце концов ведь это *моя* яхта, не так ли?) (Правда, у капитана нет с собой девушки; так легко ли ему, бедняге, смотреть на *такие* вещи? То есть поскольку ему приходится оставаться на холостом положении?) (А почему Ли плакала, когда Фред сказал, что у Джэди ноги красивее? Потом она говорила, что Фред такой невоспитанный, отравил ей всю поездку... Беденькая Ли!..) (Теперь девушки дуются друг на друга. А когда я хотел поговорить с Фредом, Джэди подзвала его к себе, как собачонку. Все-таки Фред — мой лучший

приятель. Конечно, если он возлюбленный Джэди, он *должен* говорить, что у нее ноги красивее. Но зачем было утверждать это так категорически? Это было *нетактично* по отношению к бедняжке Ли. Ли права, что Фред самоуверенный чурбан. Ужасный чурбан.) (Собственно, я представлял себе это путешествие по-иному. На черта мне сдался Фред!)

Мистер Эйб обнаружил, что он уже не любит перламутровым морем, но с весьма мрачным видом просеивает между пальцами песок с ракушками. Он был огорчен и расстроен. Папаша Леб сказал: «Поезжай да постарайся повидать побольше». А что мы видели? Мистер Эйб старался припомнить, но в памяти его всплывала только одна картина — как Джэди и Ли показывают свои ноги, а Фред, широкоплечий Фред, сидит перед ними на корточках. Эйб нахмурился еще больше. Как, собственно, называется этот коралловый остров? Тараива, говорил капитан. Тараива, или Тахуара, или Тараихатуара-тахуара. Что, если вернуться домой и сказать старому Джессу: «Папа, мы побывали даже на Тараихатуара-тахуара». (И зачем только я позвал тогда капитана, — поморщился мистер Эйб.) (Надо будет поговорить с Ли, чтобы она не делала таких вещей. Господи, почему я ее так *ужасно* люблю? Когда проснется, поговорю с ней. Скажу, что мы могли бы пожениться...) Глаза мистера Эйба наполнились слезами. Господи, отчего это — от любви или от муки? Или же эта безмерная мука оттого, что я ее люблю?..

Подведенные синим, блестящие, похожие на нежные ракушки, веки крошки Ли затрепетали.

— Эйб, — прозвучал сонный голосок, — знаешь, о чем я думаю? Здесь, на этом острове, можно было бы сделать шикарный фильм.

Мистер Эйб старался засыпать свои злополучные волосатые ноги мелким песком.

— Превосходная идея, крошка. А какой фильм?

Ли открыла свои бездонные синие глаза.

— Например... Представь себе, что я была бы на этом острове Робинзоном. Женщина-Робинзон! Правда, совершенно новая идея?

— Да-а, — неуверенно произнес мистер Эйб. — А как бы ты попала на этот остров?

— Превосходнейшим манером!.. — ответил сладкий голосок. — Просто наша яхта потерпела бы во время бури крушение, и вы все потонули бы — ты, Джэди, капитан и все.

— А Фред? Он ведь замечательно плавает.

Гладкий лобик наморщился.

— Тогда пусть Фреда съест акула. Получится изумительный кадр! — захопала Ли в ладоши. — Ведь у Фреда безумно красивое тело, правда?

Мистер Эйб вздохнул.

— Ну, а дальше?

— А меня в бессознательном состоянии выбросила бы на берег волна. На мне была бы пижама, та, в голубую полоску, что так понравилась тебе позавчера. — Взгляд, брошенный из-под полуопущенных ресниц, наглядно продемонстрировал силу женских чар. — Вернее, это должен быть цветной фильм, Эйб. Все говорят, что голубой цвет поразительно идет к моим волосам.

— А кто бы тебя здесь нашел? — деловито осведомился мистер Эйб.

Крошка Ли задумалась.

— Никто! Какой же тогда Робинзон, если тут будут люди, — ответила она с неожиданной логикой. — Вот почему эта роль такая шикарная, ведь я все время играла бы одна. Вообрази только — Лили Валлей в главной и вообще единственной роли!

— А что бы ты делала в течение всего фильма?

Крошка Ли оперлась на локоть.

— У меня уже все придумано. Купалась бы и пела на скале.

— В пижаме?

— Без, — сказала крошка. — Ты не думаешь, что я имела бы огромный успех?

— Но не можешь ведь ты ходить все время голой, — проворчал Эйб с явным неодобрением.

— А почему бы и нет? — невинно удивилась крошка. — Что здесь такого?

Мистер Эйб пробормотал что-то нечленораздельное.

— А потом, — продолжала свои размышления Ли, — постой... ага, знаю. Потом меня похитила бы горилла. Понимаешь, такая страшная, волосатая, черная горилла.

Миетер Эйб покраснел и постарался еще глубже зарыть в песок свои проклятые ноги.

— Но здесь же нет горилл, — возразил он малоубедительным тоном.

— Есть. Здесь есть всевозможные звери. Ты должен относиться к делу как художник, Эйб. Горилла удивительно подойдет к моему оттенку кожи. А ты обратил внимание, какие у Джэди волосы на ногах?

— Нет, — ответил Эйб, крайне недовольный этой темой.

— Ужасные ноги, — заметила Ли и с удовлетворением посмотрела на собственные икры. — А когда горилла понесет меня на руках, из лесной чащи выйдет молодой прекрасный дикарь и заколет ее.

— А как он будет одет?

— У него будет лук, — без колебаний решила крошка, — и венки на голове. Этот дикарь возьмет меня в плен и приведет в становище каннибалов.

— Здесь нет никаких каннибалов. — Эйб попробовал вступить за островок Тахуара.

— Есть. Людоеды захотят принести меня в жертву своим идолам и споют при этом гавайские песни. Знаешь, как негры

поют в ресторане «Парадиз». Но тот молодой людоед влюбился бы в меня, — прошептала крошка Ли с широко раскрытыми от восторга глазами, — и потом еще один дикарь влюбился бы в меня, скажем — предводитель этих каннибалов... а потом один белый.

— Откуда же тут возьмется белый? — спросил Эйб в интересах точности.

— Он был бы у них в плену. Например, это был бы знаменитый тенор, который попал в руки дикарей. Это для того, чтобы он мог петь в фильме.

— А в чем он был бы одет?

Ли поглядела на пальчики своих ножек.

— Он был бы... без всего, как и людоеды.

Мистер Эйб покачал головой.

— Не годится, крошка. Все знаменитые тенора страшно толстые.

— Жалко, — огорчилась Ли. — Ну, тогда его мог бы играть Фред, а тенор только пел бы. Знаешь, как теперь озвучивают фильмы.

— Но ведь Фреда сожрала акула?

Ли рассердилась.

— Нельзя быть таким ужасным реалистом, Эйб! С тобой вообще невозможно говорить об искусстве! А предводитель обвил бы меня всю нитками жемчуга...

— Где бы он его взял?

— Здесь масса жемчуга, — с уверенностью объявила Ли. — А Фред из ревности боксировал бы с ним на скале над морским прибором. Получится шикарно: силуэт Фреда на фоне неба! Правда, блестящая идея? При этом они оба упали бы в море... — Ли просветлела. — Тут и пригодится эпизод с акулой. Вот взбесится Джэди, если Фред будет играть со мной в фильме! А я бы вышла замуж за того красивого дикаря. — Златокудрая Ли вскочила. — Мы стояли бы тут на берегу...

на фоне солнечного заката... совершенно нагие... и диафрагма постепенно закрывалась бы... — Ли сбросила купальный халат. — А теперь я иду в воду.

— Ты не надела купальный костюм, — пробормотал Эйб, оглядываясь на яхту, не смотрит ли кто-нибудь оттуда; но Ли уже вприпрыжку бежала по песку к лагуне.

«...Собственно, в платье она лучше», — заговорил вдруг в молодом человеке голос холодной и жестокой критики. Эйб был потрясен отсутствием у него надлежащего любовного восторга и чувствовал себя почти преступником, но... все-таки когда Ли в платье и туфельках, то... право же, это как-то красивее.

«Ты, верно, хочешь сказать — приличнее», — возражал Эйб холодному голосу.

«Ну да, и это тоже. И красивее. Почему она так нелепо шлепает по воде? Почему у нее так трясутся бока? Почему то, почему се...»

«Перестань, — с ужасом отбивался Эйб. — Ли — самая красивая девушка, которая когда-либо существовала на свете! Я ее ужасно люблю...»

«...Даже когда на ней нет ничего?» — спросил холодный критический голос.

Эйб отвернулся и взглянул на яхту в лагуне. Как она красива, как безупречны все линии ее бортов! Жаль, нет тут Фреда. С Фредом можно было бы поговорить о красоте яхты.

Тем временем Ли стояла уже по колено в воде, простирая руки к заходящему солнцу и пела.

«Скорей бы уж лезла в воду, черт бы ее драл! — раздраженно подумал Эйб. — А все-таки это было красиво, когда она лежала, свернувшись клубочком, закутанная в халат, с закрытыми глазами. Милая крошка Ли! — И Эйб, растроганно вздохнув, поцеловал рукав ее купального халата. — Да, я ужасно ее люблю. Так люблю, что больно делается».

Внезапно с лагуны донесся пронзительный визг. Эйб при-
встал на колени, чтобы лучше видеть. Ли пищит, размахивает
руками и бегом спешит к берегу, спотыкаясь и разбрызгивая
воду... Эйб вскочил и бросился к ней.

— Что такое, Ли?

(Посмотри, как она нелепо бежит, — отметил холодный
критический голос. — Как она выбрасывает ноги. Как разма-
хивает руками во все стороны. Это просто *некрасиво*. И еще
кудахчет при этом, да, кудахчет.)

— Что случилось, Ли? — кричал Эйб, спеша на помощь.

— Эйб, Эйб... — пролепетала Ли и — трах! — мокрая и
холодная, повисла на нем. — Эйб, там какой-то зверь!

— Ничего там нет, — успокаивал ее Эйб. — Наверное,
просто какая-нибудь рыба.

— Но у него такая страшная голова!.. — зарыдала крошка
и уткнулась мокрым носом в грудь Эйба.

Эйб хотел отечески похлопать Ли по плечу, но шлепки по
мокрому телу получились бы слишком звучными.

— Ну, ну, — проворчал он, — посмотри, там уже ничего
нет.

Ли оглянулась на лагуну.

— Это было ужасно, — прошептала она и вдруг взвизгну-
ла. — Вон... вон... видишь?

К берегу медленно приближалась черная голова, то разе-
вая, то закрывая широкоую пасть. Ли издала истерический
воплъ и сломя голову кинулась прочь.

Эйб был в нерешительности. Бежать за Ли, чтобы она не
боялась? Или же остаться здесь и показать ей, что ему не стра-
шен этот зверь? Само собой разумеется, он избрал второе ре-
шение. Он сделал несколько шагов и, остановившись по ши-
колотку в воде, сжав кулаки, посмотрел зверю в глаза. Черная
голова тоже остановилась, странно закачалась и произнесла:

— Тс-тс-тс...

Эйбу стало немного жутко, но ведь нельзя же показывать виду.

— В чем дело? — резко спросил он, обращаясь к голове.

— Тс-тс... — ответила голова.

— Эйб, Эйб, Эйб... — верещала крошка Ли.

— Иду!.. — крикнул Эйб и медленно (чтобы никто не подумал) зашагал к своей возлюбленной. По дороге он даже приостановился и бросил строгий взгляд назад.

На берегу, где волны выводят на песке свои вековечные, непрочные узоры, стоял на задних лапах какой-то темный зверь с круглой головой и извивался всем телом. Эйб застыл на месте с бьющимся сердцем.

— Тс-тс-тс... — произнес зверь.

— Эйб! — вопила Ли, близкая к обмороку.

Эйб отступал шаг за шагом, не спуская глаз со зверя.

Тот не шевелился и только поворачивал голову вслед за Эйбом.

Наконец Эйб оказался возле крошки, которая лежала ничком на земле и, захлебываясь, всхлипывала от ужаса.

— Это... что-то вроде тюленя, — неуверенно сообщил Эйб. — Надо бы возвратиться на яхту, Ли.

Но Ли только дрожала.

— И вообще тут нет ничего опасного, — твердил Эйб.

Ему хотелось опуститься на колени, склониться над Ли, но он чувствовал себя обязанным рыцарски стоять между нею и зверем. «Был бы я не в одних трусах, — думал он, — да будь у меня хоть перочинный нож... или хоть бы палку какую найти...»

Начало смеркаться. Зверь приблизился еще шагов на тридцать и остановился. А вслед за ним вынырнули из моря пять, шесть, восемь таких же животных и, раскачиваясь, нерешительно засеменили к тому месту, где Эйб сторожил Ли.

— Не смотри, Ли... — прошептал Эйб, но в этом не было надобности, так как Ли не оглянулась бы ни за что на свете.

Из моря выходили все новые тени и продвигались вперед широким полукругом. «Их уже около шестидесяти, — мысленно подсчитал Эйб. — А это светлое — купальный халат Ли. Халат, в котором она только что спала...» Животные тем временем подошли уже к светлому предмету, который широким пятном выделялся на песке.

И тогда Эйб совершил нечто само собой разумеющееся и в то же время бессмысленное, подобно шиллеровскому рыцарю, который спустился на арену ко львам за перчаткой своей дамы. Ничего не поделаешь, есть такие само собой разумеющиеся и в то же время бессмысленные поступки, которые мужчины будут совершать до тех пор, пока существует мир. Не раздумывая, с высоко поднятой головой и сжатыми кулаками, мистер Эйб Леб вступил в круг зверей, чтобы отнять у них купальный халат крошки Ли.

Звери немного отступили, но не убежали. Эйб поднял халат, перебросил его через руку, как тореадор, и остановился.

— Эйб!.. — неслись сзади отчаянные вопли.

Мистер Эйб почувствовал прилив безмерной отваги и силы.

— Ну что? — сказал он зверям и подступил к ним еще на шаг. — Чего вы, собственно, хотите?

— Тс-тс, — зацыкал один зверь, а потом каким-то скрипучим старческим голосом пролаял: — Ноаж!..

— Ноаж!.. — отозвались скрипучие голоса немного дальше: — Ноаж! Ноаж!

— Э-эйб!..

— Не бойся. Ли! — крикнул Эйб.

— Ли!.. — залаяло перед ним. — Ли! Ли! Э-эйб!..

Эйбу казалось, что он видит сон.

— В чем дело?

— Ноаж!

— Э-эйб! — стонала Ли. — Иди сюда!

— Сейчас... Вы имеете в виду нож? У меня никакого ножа нет. Я вам ничего не сделаю. Что вы хотите еще?

— Тс-тс, — цыкнул зверь и заковылял к нему.

Эйб, придерживая переброшенный через руку халат, широко расставил ноги, но не отступал.

— Тс-тс, — сказал он. — Чего надо?

Зверь, казалось, протягивал к нему переднюю лапу; это не понравилось Эйбу.

— Что? — спросил он довольно резко.

— Ноаж! — пролаял зверь и выронил из лапы что-то беловатое, похожее на каплю. Но это не было каплей, потому что оно покатилося.

— Эйб! — захлебывалась Ли. — Не оставляй меня здесь!

Мистер Эйб не чувствовал уже никакого страха.

— Прочь с дороги! — сказал он и махнул на зверя купальным халатом.

Зверь поспешно и неуклюже отступил. Теперь Эйб мог удалиться с честью, но пусть Ли увидит, какой он храбрый; и он нагнулся, чтобы рассмотреть то беловатое, что зверь выронил из лапы. Это были три твердых, гладких, матово-блестящих шарика. Мистер Эйб поднес их к глазам, так как уже смеркалось.

— Эйб! — пищала покинутая Ли. — Эйб, Эйб!

— Иду, иду! — крикнул мистер Эйб. — Ли, у меня для тебя что-то есть! Ли, Ли, я тебе что-то несу!

Размахивая купальным халатом над головой, мистер Эйб мчался па берегу, как молодой бог. Ли сидела на корточках, вся скорчившись, и дрожала.

— Эйб, — простонала она, стуча зубами. — Как ты можешь... Как ты можешь.

Эйб торжественно преклонил перед ней колена:

— Лили Валлей, морские боги, они же тритоны, пришли воздать тебе почести. Они поручили передать тебе, что, с тех

пор как Венера родилась из пены морской, ни одна артистка не производила на них такого впечатления, как ты. В знак своего восхищения они посылают тебе... — Эйб протянул к ней руку, — три жемчужины. Смотри.

— Не мели вздор, Эйб! — захныкала Ли.

— Серьезно, Ли! Посмотри же, это настоящий жемчуг!

— Покажи! — простонала Ли и взяла в свои дрожащие пальцы три беловатых шарика. — Эйб, — прошептала она, — ведь это жемчуг! Ты нашел его в песке?

— Но, Ли, крошка моя, жемчуг не водится в песке!

— Водится, — заявила Ли. — И его промывают. Видишь, я говорила, что здесь масса жемчуга!

— Жемчужины растут в таких раковинах под водой, — почти с полной уверенностью сказал Эйб. — Ей-богу, Ли, это тебе принесли тритоны. Они видели, как ты купалась. Они захотели преподнести их тебе лично, но ты так испугалась...

— Да, они такие противные!.. — воскликнула Ли. — Эйб, это шикарные жемчужины! Я ужасно люблю жемчуг!

(Вот теперь она красива, — сказал критический голос. — Когда она стоит здесь на коленях и держит жемчужины на ладони — ну... просто хорошенькая, да и все!)

— Эйб, это действительно принесли мне те... те звери?

— Они не звери, крошка. Они морские боги. Называются тритоны.

Линисколько не удивилась.

— Очень мило с их стороны, правда? Они ужасно симпатичные. Как ты находишь, Эйб, должна я как-нибудь их поблагодарить?

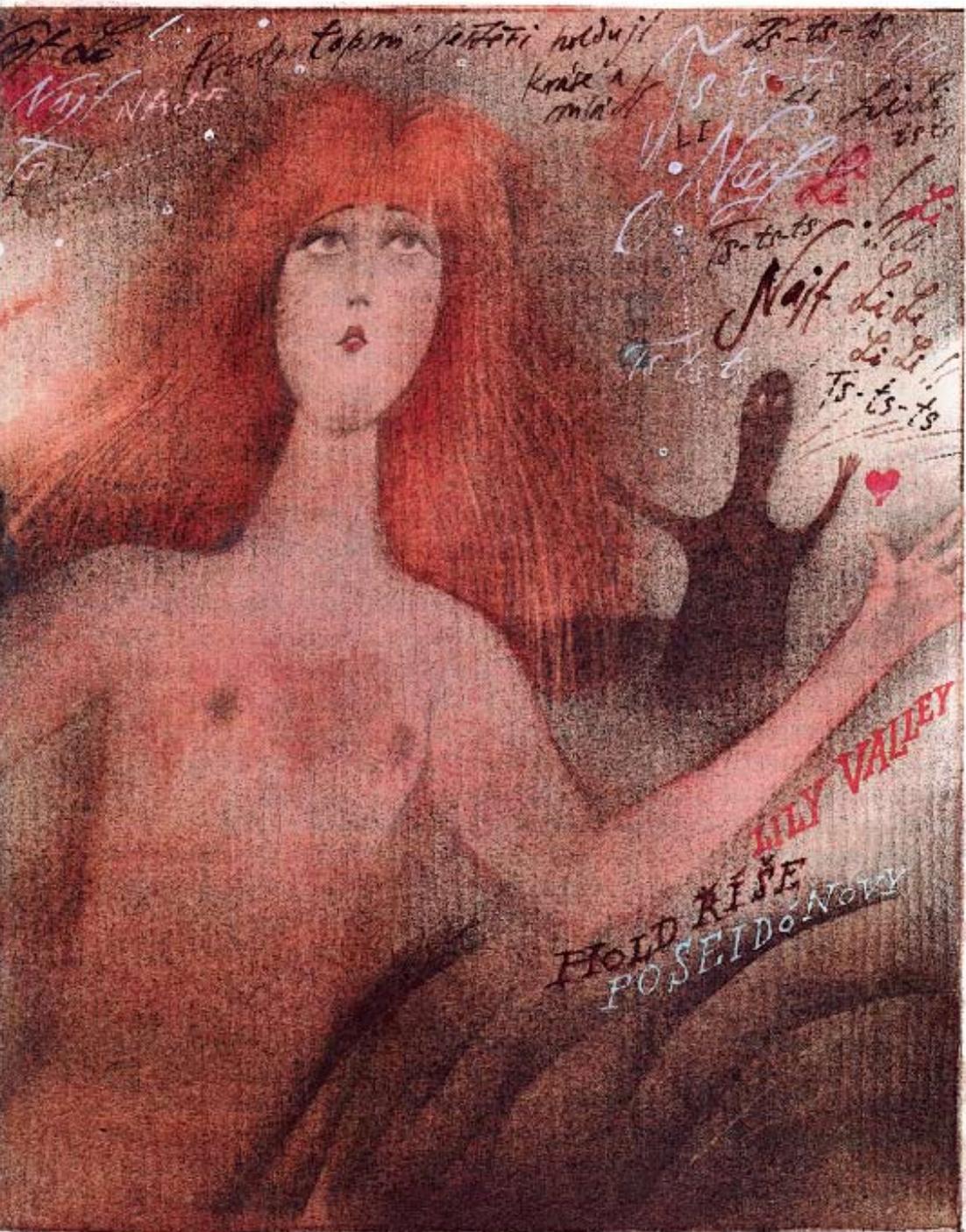
— Ты уже не боишься их?

Ли вдрогнула.

— Боюсь... Эйб, пожалуйста, уведи меня отсюда.

— Тогда слушай, — сказал Эйб. — Нам надо добраться до нашей лодки. Идем, и не бойся!

Naif Nais

Redu Capri jastari heduji
knaie a
mialat

Ts-tt-tt

Naif Nais

Ts-tt-tt

Naif Nais

Ts-tt-tt

Lily Valley

Hold Rise

Poseidonovy

— Но ведь... ведь они стоят на дороге... — стучала зубами Ли. — Эйб, ты не хочешь пойти к ним без меня? Только не смей оставлять меня здесь одну!

— Я понесу тебя на руках, — героически предложил мистер Эйб.

— Да, так лучше... — прошептала Ли.

— Только надень халат, — буркнул Эйб.

— Сейчас.

Мисс Ли поправила обеими руками свои великолепные золотые кудри.

— Я ужасно растрепана, правда? Эйб, у тебя нет с собой губной помады?

Эйб набросил ей на плечи халат.

— Идем же, Ли.

— Я боюсь... — шептала Ли.

Мистер Эйб взял ее на руки. Ли казалась на вид легонькой, как облачко. «Черт возьми, это тяжелее, чем ты думал, верно? — спросил Эйба холодный критический голос. — И теперь у тебя обе руки заняты; если эти звери на нас нападут, что тогда?»

— Ты бы не побежал бегом? — предложила Ли.

— Хорошо... — пропыхтел Эйб, с трудом перебирая ногами.

Уже почти совсем стемнело. Эйб приближался к широкому полукругу животных.

— Скорей, Эйб, бегом, бегом!.. — шептала Ли.

Животные начали раскачиваться странными волнообразными движениями и извиваться верхней половиной туловища.

— Ну, беги же, беги быстрее! — простонала Ли, истерически дрыгая ногами, и в шею Эйба вонзились ногти, покрытые серебристым лаком.

— Черт возьми, Ли, пусти же! — взвыл Эйб.

— Ноаж! — пролаяло рядом с ним. — Тс-тс-тс! Ноаж! Ли!
Ноаж! Ноаж! Ноаж! Ли!

Но они уже миновали страшный полукруг, и Эйб почувствовал, что его ноги погружаются во влажный песок.

— Можешь спустить меня на землю, — прошептала Ли как раз в тот момент, когда у Эйба окончательно отнялись уже и руки и ноги.

Эйб тяжело дышал, отирая локтем пот со лба.

— Иди к лодке! Поживее! — скомандовала крошка Ли.

Полукруг темных теней повернулся теперь лицом к Ли и стал приближаться.

— Тс-тс-тс! Ноаж! Ноаж! Ли!

Но Ли не закричала. Ли не бросилась бежать. Ли подняла руки к небу, и купальный халат соскользнул с ее плеч. Ли, нагая, махала обеими руками колеблющимся теням и посылала им воздушные поцелуи. Ее дрожащие губы слегка искривились, что должно было, очевидно, изображать очаровательную улыбку.

— Вы такие милые, — произнес трепетный голосок, а белые руки снова простерлись к колеблющимся теням.

— Иди помоги мне, Ли, — немного грубо проворчал Эйб, сталкивая лодку в воду.

Ли подняла свой купальный халат.

— До свидания, дорогие мои!

Можно было слышать, как тени шлепают уже по воде.

— Ну же, шевелись, Эйб, — прошептала крошка, пробираясь к лодке. — Они опять здесь?

Мистер Эйб Леб отчаянно напрягал усилия, чтобы столкнуть лодку в воду. А тут еще в нее влезла мисс Ли, махая рукой на прощанье.

— Перейди на другую сторону, Эйб, а то им не видно меня.

— Ноаж! Тс-тс-тс! Эйб!

— Ноаж! Тс, ноаж!

— Тс-тс!

— Ноаж!

Лодка наконец закачалась на волнах. Мистер Эйб вскарабкался в нее и изо всех сил налег на весла. Одним веслом он угодил по чьему-то скользкому телу.

Ли глубоко перевела дух.

— Правда, они ужасно милые? А правда, я великолепно провела сцену с ними?

Мистер Эйб изо всех сил греб к яхте.

— Надень халат, Ли, — довольно сухо сказал он.

— Я считаю, что имела *огромный* успех, — констатировала мисс Ли. — А эти жемчужины, Эйб. Как ты думаешь, сколько они стоят?

Мистер Эйб на мгновение перестал грести.

— Я думаю, что ты не должна была показываться им в *таком* виде...

Мисс Ли слегка обиделась.

— Что здесь такого? Сразу видно, Эйб, что ты не *артист*. Гребки, пожалуйста, мне холодно в халате.

7. Яхта в лагуне

(Продолжение)

В этот вечер на яхте «Глория Пикфорд» не было личных переживаний, зато шумно проявилось расхождение в научных взглядах. Фред (лояльно поддержанный Эйбом) считал, что это *определенно* какие-то ящеры, тогда как капитан настаивал на млекопитающих. В море не бывает ящеров, горячо утверждал капитан; однако молодые джентльмены из университета не слушали его возражений; ящеры, как-никак, более эффектная сенсация. Крошка Ли удовольствовалась тем, что это

были тритоны, что они были просто *шикарны* и что вообще она имела такой успех!.. И Ли (в голубой полосатой пижаме, которая *так* нравилась Эйбу) с горящими глазами мечтала о жемчужинах и морских богах. Джэди, конечно, была убеждена, что все это чепуха и враки и Ли с Эйбом все выдумали; она яростно моргала Фреду, чтобы он бросил эти дурацкие разговоры. Эйб считал, что Ли *могла бы* упомянуть о том, как он, Эйб, бесстрашно пошел к этим ящерам за ее купальным халатом; поэтому он уже в третий раз рассказывал, как *замечательно* справилась с ними Ли, пока он, Эйб, спускал лодку на воду, и собрался рассказать это в четвертый раз, но Фред и капитан ничего не слушали, поглощенные страстным спором о ящерах и млекопитающих. (Как будто в самом деле важно, *что именно там было*, подумал Эйб.) В конце концов Джэди зевнула и объявила, что идет спать; она многозначительно посмотрела на Фреда, но Фред как раз вспомнил, что до всемирного потопа существовали такие старые забавные ящеры — как они, черт бы их драл, назывались: диплозавры, бигозавры или как-то там еще — и они разгуливали, сэр, на задних ногах; Фред сам видел такую забавную научную картинку, сэр, в одной толстой книжке. Замечательная книга, сэр, вам бы надо с ней познакомиться.

— Эйб, — произнесла Ли, — у меня есть *шикарная* идея для фильма.

— А именно?

— Нечто потрясающе новое. Представь себе, что наша яхта потонула, и только я одна спаслась на этом острове. И жила бы, как Робинзон.

— А чем бы вы занимались? — скептически осведомился капитан.

— Купалась бы и вообще, — просто ответила Ли. — И в меня влюбились бы морские тритоны и приносили бы мне жемчужины. Понимаешь, совсем как в действительности! Это

может быть видовой и научно-воспитательный фильм, как ты думаешь? Нечто вроде «Торгового флага».

— Ли права, — решительно заявил Фред. — Надо бы заснять завтра этих ящеров.

— То есть млекопитающих, — поправил его капитан.

— То есть меня, — сказала Ли, — как я стою среди морских тритонов.

— Но в купальном костюме... — поспешил вставить Эйб.

— Я, пожалуй, надену *белый* купальный костюм, — сказала Ли. — А Грета пусть как следует причешет меня. Сегодня я была прямо ужасна!..

— А кто будет снимать?

— Эйб. Пусть хоть какая-то польза от него будет. А Джэди придется светить, когда станет темно.

— А Фред?

— У Фреда будет лук и венок на голове, и, когда тритоны захотят меня похитить, он их убьет.

— Покорнейше благодарю, — осклабился Фред. — Но я предпочту револьвер. А как насчет капитана?

Капитан воинственно ощетинил усы.

— Не извольте беспокоиться. Уж я-то знаю, что будет нужно.

— А именно?

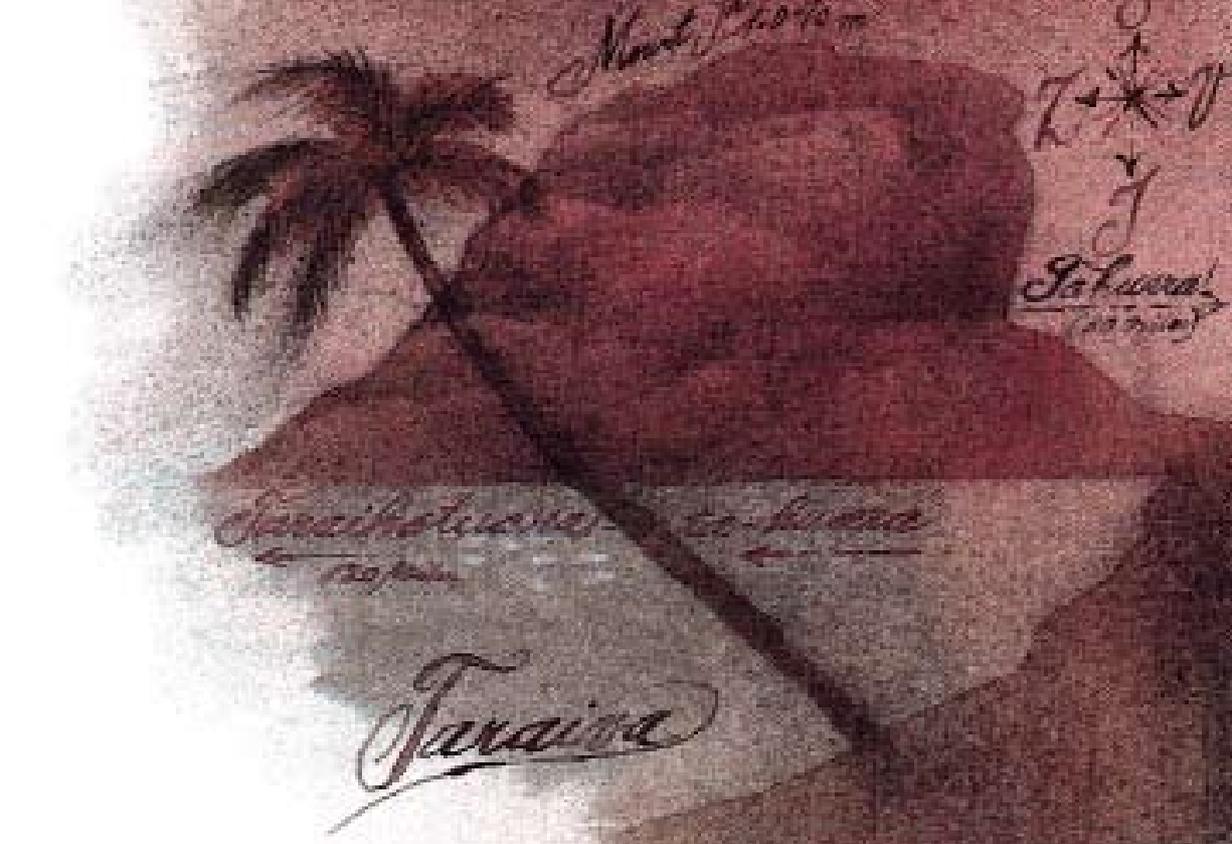
— Три человека из экипажа, сэр. И хорошо вооруженных, сэр.

Крошка Ли восхитилась.

— Вы считаете, что это *так* опасно, капитан?

— Я ничего не считаю, деточка, — буркнул капитан. — Но у меня есть инструкции от мистера Джесса Леба, по крайней мере в отношении мистера Эйба.

Мужчины горячо занялись техническими деталями экспедиции. Эйб мигнул крошке Ли, давая понять, что пора уже ложиться в постель и все такое прочее. Ли послушно ушла.

— Знаешь,
Эйб, — ска-
зала она в своей ка-
юте, — мне кажется, это
будет *потрясающий* фильм!

— Да, крошка, — согласился мистер Эйб и собрался ее по-
целовать.

— Сегодня нельзя, Эйб, — отстранилась Ли, — ты должен
понимать, что мне необходимо ужасно сосредоточиться.

Весь следующий день мисс Ли интенсивно сосредоточива-
лась, отчего у несчастной камеристки Греты работы было по
горло: ванны с очень важными солями и эссенциями, мытье
головы шампунем «Только для блондинок», массаж, педи-
кюр, маникюр, завивка, прическа, утюжка и примерка пла-
тьев, перешивание, гримировка и множество других приго-

товлений. Джэди, тоже захваченная этой горячкой, помогала Ли. (В трудные минуты женщины проявляют удивительную лояльность друг к другу, например когда решаются проблемы одевания.) Пока в каюте мисс Ли кипела лихорадочная деятельность, мужчины собрались вместе и, оставив стол пепельницами и бутылками виски, принялись разрабатывать стратегический план — где кто будет стоять и в чем будут заключаться его обязанности, если что-нибудь произойдет; при этом, когда обсуждался вопрос командования, престиж капитана несколько раз подвергался тяжким оскорблениям. Днем на берег лагуны переправили киноаппарат, небольшой пулемет, корзину с провизией и посудой, ружья, граммофон и прочее военное снаряжение; все это было превосходно замаскировано пальмовыми листьями. Еще до захода солнца заняли свои места трое вооруженных людей из экипажа и капитан в качестве верховного главнокомандующего. Потом на берег был доставлен огромный сундук с некоторыми мелочами, могущими понадобится мисс Лили Валлей. Потом причалил Фред с мисс Джэди. Потом начался закат во всем его тропическом великолепии.

Тем временем мистер Эйб уже в десятый раз стучался в каюту мисс Ли.

— Крошка, теперь уже *действительно* пора!

— Сейчас, сейчас! — отвечала крошка. — Пожалуйста, не нервируй меня. Должна же я *одеться*, не правда ли?

Капитан в это время осматривал позиции. Вон там на гладкой поверхности залива сверкает длинная ровная полоса, отделяющая волнуемое море от тихих вод лагуны. Словно там под водой какая-то плотина или волнорез, подумал капитан; вероятно, это песчаная мель или коралловый риф, но похоже на искусственное сооружение. Странное место!

Над спокойной гладью лагуны там и сям стали показываться черные головы, которые двигались к берегу. Капитан сжал

губы и беспокойно схватился за револьвер. Было бы лучше, мелькнуло у него, если бы женщины оставались на судне!.. Джэди начала дрожать и конвульсивно уцепилась за Фреда. «Какой он сильный, — подумала она, — Господи, как я его люблю!»

Наконец от яхты отчалила последняя лодка. В ней — мисс Лили Валлей в белом купальном трико и прозрачном пеньюаре, в котором она, видимо, будет выброшена волнами на берег в качестве потерпевшей кораблекрушение, далее — мисс Грета и мистер Эйб.

— Почему ты так медленно гребешь, Эйб? — упрекнула его Ли.

Мистер Эйб посмотрел на черные головы, продвигающиеся к берегу, и ничего не ответил.

— Тс-тс!

— Тс!

Мистер Эйб вытащил лодку на песок и помог выйти Ли и мисс Грете.

— Беги скорей к аппарату, — прошептала артистка, — и, как только я тебе скажу «пора», начинай крутить.

— Да ведь уже ничего не видно, — возразил Эйб.

— Тогда пусть Джэди даст свет. Грета!..

Пока мистер Эйб занимал свое место у аппарата, артистка распростерлась на песке в позе умирающего лебедя, а мисс Грета поправляла складки ее пеньюара.

— Пусть немного будут видны ноги, — шептала потерпевшая кораблекрушение. — Готово? Ну, марш отсюда! Эйб, пора!

Эйб начал крутить ручку.

— Джэди, свет!

Но никакой свет не зажегся. Из моря вынырнули колеблющиеся тени и стали приближаться к Ли. Грета зажала рот рукой, чтобы не закричать.

— Ли! — крикнул мистер Эйб. — Ли, беги!

— Ноаж! Тс-тс-тс! Ли! Ли! Эйб!

Кто-то спустил предохранитель револьвера.

— К черту! Не стрелять! — прошипел капитан.

— Ли! — надрывался Эйб, перестав снимать. — Джэди, свет!

Ли медленно, томно встает и поднимает руки к небу. Легонький пеньюар соскальзывает с ее плеч. Теперь на песке стоит белоснежная Лили, грациозно вздымая руки над головой, как всегда делают потерпевшие кораблекрушение, приходя в себя после обморока. Мистер Эйб яростно завертел ручку аппарата.

— Черт возьми, Джэди, дай же свет!

— Тс-тс-тс!

— Ноаж!

— Ноаж!

— Э-эйб!

Черные тени качаются, кружатся вокруг белой Ли. Стойте, стойте, это уже не игра! Ли уже не вздымает руки над головой, но отталкивает что-то от себя и пищит:

— Эйб, Эйб, оно меня тронуло!

В этот момент вспыхивает ослепительный свет. Эйб стремительно закрутил ручку аппарата, а Фред и капитан с револьверами в руках побежали к Ли, которая сидит на песке, стуча зубами от страха. В то же мгновение при ярком свете видно, как десятки и сотни длинных темных теней во всю прыть, спотыкаясь, спешат к морю. В то же мгновение два матроса набрасывают сеть на одну убегающую тень. В то же мгновение Грета лишается чувств и падает, как мешок. В то же мгновение прозвучали два или три выстрела, море с плеском разверзается, двое матросов лежат на чем-то извивающемся и мечущемся под ними, и свет в руках мисс Джэди гаснет.

Капитан зажег карманный фонарик.

— Дочка, с вами ничего не случилось?

— Оно меня тронуло за ногу, — проскулила крошка. — Фред, это было ужасно!

В это мгновенье подбежал и мистер Эйб со своим фонариком.

— Это было замечательно, Ли! — кричал он. — Только Джэди должна была бы дать свет пораньше.

— Он не зажигался, — пролепетала Джэди, — он ведь не зажигался, правда, Фред?

— Она испугалась, — оправдывал ее Фред. — Честное слово, она это сделала не нарочно, верно, Джэди?

Джэди обиделась, но в это время подоспели двое матросов, волоча в сети что-то трепещущее, как большая рыба.

— Вот оно, капитан. Живое.

— Сволочь, обрызгало нас чем-то ядовитым. У меня руки сплошь в волдырях, сэр. Адски жжет.

— На меня тоже попало, — простонала мисс Ли. — Посвети, Эйб, посмотри, нет ли волдыря?

— Да нет же, ничего у тебя нет, крошка! — удостоверил Эйб; он едва удержался, чтобы не поцеловать то место над коленом, которое крошка тщательно растирала.

— Какое оно было холодное! Бррр!... — жаловалась Ли.

— Вы потеряли жемчужину, мадам! — сказал один из матросов, подавая Ли шарик, который был подобран на песке.

— Господи, Эйб! — воскликнула мисс Ли. — Они опять принесли мне жемчуг! Дети, давайте искать жемчуг! Эти бедняжки, наверное, принесли мне массу жемчужин. Ну, разве они не прелесть, Фред? Вот еще жемчужина!

— И еще!

Три фонарика направили круги света на землю.

— Я нашел одну громадную!

— Она моя! — объявила Ли.

— Фред! — ледяным тоном позвала мисс Джэди.

— Сейчас! — отозвался мистер Фред, ползая по песку на коленях.

— Фред, я хочу вернуться на яхту!

— Ктонибудь отвезет тебя! — сказал Фред, занятый делом. — Черт, вот потеха!

Трое мужчин и мисс Ли продолжали копошиться в песке, как большие светлячки.

— Вот еще три жемчужины! — провозгласил капитан.

— Покажите, покажите! — в восторге завизжала Ли и устремилась на коленях к капитану.

В этот момент вспыхнул магний и затрещал киноаппарат.

— Ну вот, теперь вы запечатлены, — мстительно объявила Джэди. — Получится замечательное фото для газет. Компания Американцев Ищет Жемчуг! Морские Ящеры Кидают в Людей Жемчужинами!

Фред сел на песок.

— Клянусь Богом, Джэди права! Дети, мы обязаны послать это в газеты!

Ли тоже села.

— Джэди, душечка Джэди, сними нас еще раз, только спереди!

— Ты бы много потеряла, милочка! — возразила Джэди.

— Дети, — сказал мистер Эйб, — давайте лучше искать. А то начинается прилив.

Во тьме, у линии воды, зашевелилась черная колеблющаяся тень. Ли взвизгнула:

— Там... там...

Три фонарика направили круги света в ту сторону.

Но это оказалась всего лишь коленопреклоненная Грета, которая искала в темноте жемчуг.

Ли держала на коленях капитанскую фуражку с двадцатью одной жемчужиной. Эйб наполнял рюмки, а Джэди меняла

пластинки на граммофоне. Необъятная звездная ночь простирала свой покров над вечно ропщущим морем.

— Так какой же мы дадим заголовок? — шумел Фред.

— *«Дочь промышленника из Милуоки снимает для фильма ископаемых ящеров!»*

— *«Допотопные пресмыкающиеся поклоняются красоте и молодости»*, — поэтически предложил Эйб.

— *«Яхта «Глория Пикфорд» открывает неведомые существа»*, — посоветовал капитан. — Или *«Загадка острова Тахуара»*.

— Это годилось бы только как подзаголовок, — сказал Фред. — Заголовок должен говорить больше.

— Скажем: *«Фред-бейсболист воюет с чудовищами»*, — отозвалась Джэди. — Фред был прямо замечателен, когда устремился на них. Только бы это хорошо вышло на пленке.

Капитан откашлялся.

— Я, собственно, бросился туда первым, мисс Джэди! Но не будем говорить об этом. Я считаю, господа, что заголовок должен быть научным. Трезвым и... одним словом, научным: *«Предлювиальная фауна на Тихоокеанском острове»*.

— Предлидувиальная, — поправил Фред. — Нет, предвидуальная, черт, как же это? Антилювиальная. Антедувиальная. Нет, не годится. Надо дать какой-нибудь более простой заголовок, чтобы каждый мог выговорить. Ну, Джэди, ты же у нас на все руки мастер!..

— Антедилювиальная, — сказала Джэди.

Фред покачал головой.

— Слишком длинно, Джэди. Длиннее, чем те чудища, вместе с хвостом. Заголовок должен быть краткий. Но Джэди прямо изумительна, правда? Скажите, капитан, разве она не замечательна?

— Да, — согласился капитан, — превосходная барышня.

— Вы — славный парень, капитан, — признательно сказал

молодой атлет. — Ребята, наш капитан — молодчина! Но предлювиальная фауна — это чушь. Это не газетный заголовок. Скорее уж «Влюбленные на острове жемчужин» или что-нибудь в этом роде.

— «Тритоны осыпают жемчугом Белую Лилию!» — крикнул Эйб. — «Дань Посейдонова царства!», «Новая Афродита!».

— Чушь!.. — возмущенно запротестовал Фред. — Никаких тритонов никогда не было. Это, брат, научно установленный факт. И никакой Афродиты тоже не было. Правда, Джэди?.. «Сражение людей с древними ящерами! Отважный капитан кидается на допотопных чудовищ!» Понимаешь, в заголовке должна быть изюминка!

— Экстренный выпуск!.. — голосил Эйб. — «Киноартистка подверглась нападению морских чудовищ! Sex appeal¹ современной женщины побеждает первобытных ящеров! Вымершие пресмыкающиеся предпочитают блондинок!»

— Эйб! — произнесла Ли. — У меня есть идея...

— Какая?

— Для фильма. Получится шикарная штука, Эйб. Представь себе, что я купаюсь на берегу моря...

— Белое трико тебе страшно идет, Ли!.. — поспешно вставил Эйб.

— Да?.. Ну, и тритоны влюбились в меня и утащили на дно морское. И я стала их королевой.

— На дне морском?

— Да, под водой. В их таинственном царстве, понимаешь? У них ведь там есть города и вообще все.

— Крошка, но ты ведь утонешь!

— Не бойся, я умею плавать, — беззаботно возразила

¹ зов пола (англ.).

Ли. — И только один раз в день я выплывала бы на берег подышать воздухом. — Ли изобразила упражнения для дыхания, сочетающие выпячивание груди с плавными движениями рук. — Примерно так, понимаешь? А на берегу в меня влюбится... хотя бы молодой рыбак. А я в него. Безумно!.. — вздохнула крошка. — Знаешь, он был бы такой красивый и сильный... А тритоны захотят его утопить, но я бы его спасла, и мы удалились бы в его хижину. А тритоны будут осаждать нас... Ну, а потом уж на помощь явитесь вы.

— Ли, — серьезно сказал Фред, — это до того глупо, что, ей-богу, это можно снять. Я буду просто удивлен, если старый Джесс не сделает из этого грандиозный фильм.

Фред оказался прав. В свое время был сделан грандиозный фильм производства «Джесс Леб Пикчер»: мисс Лили Валлей в главной роли. Кроме нее, в фильме было занято шестьсот nereid, один Нептун и двенадцать тысяч статистов, наряженных допотопными ящерами. Но пока до этого дошло, утекло много воды и совершилось много событий, а именно:

1. Захваченное животное, помещенное в ванне в туалетной каюте Ли, в течение двух дней пользовалось живейшим вниманием всего общества; на третий дечь оно перестало двигаться, и мисс Ли утверждала, что бедняжка тоскует; на четвертый день оно начало издавать зловоние, и пришлось его выбросить, так как разложение зашло уже довольно далеко.

2. Из кадров, снятых на берегу лагуны, годными оказались только два. На первом — Ли, присев от страха на корточки, машет руками на обступивших ее животных. Все утверждали, что это шикарный снимок. На втором можно было видеть, как трое мужчин и одна девушка ползают на коленях, уткнувшись носом в землю; они были сняты сзади и производили впечатление людей, поклоняющихся какому-то божеству. Этот кадр был отвергнут.

3. Что касается намеченных газетных заголовков, то сотни американских и всяких других газет, еженедельников и ежемесячников использовали почти все из них (в том числе и «антедиллювиальную фауну»); под этими заголовками описывалось все происшествие в мельчайших подробностях и с многочисленными иллюстрациями, как то: крошка Ли среди ящеров, отдельно — Ли в купальном костюме, отдельно — ящер в ванне, мисс Джэди, мистер Эйб Леб, Фред-бейсболист, капитан яхты, отдельно — яхта «Глория Пикфорд», отдельно — остров Тараива, отдельно — жемчужины на черном бархате. Тем самым карьера крошки Ли была обеспечена; она даже категорически отказалась выступить в варьете и заявила газетным репортерам, что намерена посвятить себя исключительно Искусству.

4. Нашлись, однако, люди, которые, опираясь на свой авторитет ученых-специалистов, утверждали, что — насколько можно судить по снимкам — речь идет отнюдь не о первобытных ящерах, а о каком-то виде саламандр. Еще более крупные специалисты утверждали даже, что этот вид саламандр науке неизвестен, а следовательно, и не существует. В печати происходили по этому поводу долгие споры, конец которым положил профессор Дж. У. Гопкинс (Иельский университет), заявивший, что он изучил представленные снимки и считает их мистификацией (hoax) или кинотрюком; изображенные на них животные несколько напоминают исполинскую саламандру, скрытожаберную (*Cryptobranchus japonicus*, *Sieboldia maxima*, *Tritomegas Sieboldii* или *Megalobatrachus Sieboldii*), но это неточная и неумелая, дилетантская подделка. После этого заявления научная сторона вопроса довольно долго считалась исчерпанной.

5. Наконец по прошествии подобающего срока мистер Эйб Леб женился на мисс Джэди. Его лучший друг, Фред-бейсболист, был шафером на его свадьбе, отпразднованной

LILY VALLEY ♥

NOVÁ

AFRODITĚ

Jesse
Loeb
Pictu-
res

Sex-appeal
moderní
ženy
vítězí nad
pravěkými
jestery

FOSILNÍ PLAZI
DÁVAJÍ PŘEDNOST
BRONDĚNÝM

© Jesse Loeb

с величайшей пышностью при участии многочисленных выдающихся представителей политических, артистических и иных кругов.

8. Andrias Scheuchzeri

Человеческая любознательность не имеет границ. Людям было недостаточно того, что профессор Дж. Гопкинс (Иельский университет), величайший в то время авторитет в области науки о земноводных, объявил эти загадочные существа антинаучным вздором и сплошной выдумкой. В научных изданиях и в газетах стали все чаще и чаще встречаться известия о появлении в самых различных районах Тихого океана неведомых доселе животных, похожих на исполинскую саламандру. По более или менее достоверным данным, этих животных можно было найти на Соломоновых островах, на острове Шоутена, на Кампингамаранги, Бутарита и Тапетеуэа, на группе островков Нукуфетау, Фунафути, Нуканоно и Фукаофу, наконец даже на Хиау, Уахука, Уапу и Пукапука. Приводились рассказы о чертях капитана ван-Тоха (распространенные главным образом в Меланезии) и о тритонах мисс Лили (чаще всего упоминаемых в Полинезии); газеты (больше потому, что наступил летний сезон и не о чем было писать) решили, что речь идет о разных видах допотопных подводных страшилищ. Подводные страшилища пользовались значительным успехом у читателей. Тритоны вошли в моду особенно в Соединенных Штатах; в Нью-Йорке выдержало триста представлений роскошно поставленное обозрение «Посейдон» с участием трехсот самых хорошеньких тритонид, nereid и сирен; в Майами и на калифорнийских пляжах молодежь купалась в костюмах тритонов и nereid (три нитки жемчуга и больше ничего), а в Центральных штатах и штатах Среднего Запада необычайно разрослось «Дви-

жение за искоренение безнравственности (ДИБ)»; дело дошло до публичных манифестаций, причем несколько негров было повешено и несколько сожжено.

Наконец в «Национальном географическом ежемесячнике» появился бюллетень научной экспедиции Колумбийского университета (организованной на средства Дж. С. Тинкера, так называемого «консервного короля»); сообщение подписали П. Л. Смит, В. Клейншмидт, Чарльз Ковар, Луи Форжерон и Д. Эрреро, то есть мировые знаменитости в области рыбьих паразитов, кольчатых червей, биологии растений, инфузорий и тлей. Приводим выдержки из этого обширного сообщения:

...На острове Ракаханга экспедиция наткнулась на следы задних ног неизвестной до сих пор исполинской саламандры. Отпечатки — пятипалые, длина пальцев от трех до четырех сантиметров. Судя по количеству следов, побережье острова Ракаханга, видимо, кишмя кишит этими саламандрами. Так как отпечатков передних ног не оказалось (за исключением одного четырехпалого следа, принадлежащего, очевидно, детенышу), то экспедиция пришла к выводу, что эти саламандры передвигаются, вероятно, на задних конечностях.

Надо отметить, что на островке Ракаханга нет ни реки, ни болота; саламандры, следовательно, живут в море и являются, вероятно, единственными представителями своего вида, населяющими пелагические области. Известно, впрочем, что мексиканские аксолотли (*Amblystoma mexicanum*) обитают в соленых озерах, однако о пелагических (то есть живущих в море) саламандрах мы не находим упоминания даже в классическом труде В. Корнгольда «Хвостатые земноводные (*Urodela*)», Берлин, 1913.

...Мы ждали до вечера, желая поймать или хотя бы увидеть живой экземпляр, но напрасно. С сожалением покинули мы прелестный островок Ракаханга, где Д. Эрреро посчастливилось найти прекрасную новую разновидность клопа...

Гораздо больше повезло нам на острове Тонгарева. Мы ждали на берегу с ружьями в руках. После захода солнца из воды показались головы саламандр — сравнительно крупные и умеренно сплюснутые. Вскоре саламандры вылезли на песок; они раскачивались при ходьбе, но довольно быстро передвигались на задних ногах. В сидячем положении их рост немного превышал метр. Они расселись широким полукругом и начали извиваться своеобразным движением, в котором участвовала только верхняя половина тела; казалось, будто они танцуют. В. Клейншмидт привстал, чтобы лучше видеть. Тогда саламандры повернули к нему головы и на мгновение совершенно замерли; потом стали приближаться к нему с большой быстротой, издавая свистящие и лающие звуки. Когда они были на расстоянии примерно семи шагов, мы выстрелили в них из ружей. Они обратились в поспешное бегство и бросились в море; в тот вечер они больше не показывались. На берегу остались только две мертвые саламандры и одна с перебитым позвоночником, издававшая своеобразные звуки, вроде «божемой, божемой, божемой». Она издохла, когда В. Клейншмидт вскрыл ей грудную клетку...

(Далее следуют анатомические подробности, которых мы, профаны, все равно не поняли бы; читателей-специалистов мы отсылаем к цитируемому бюллетеню.)

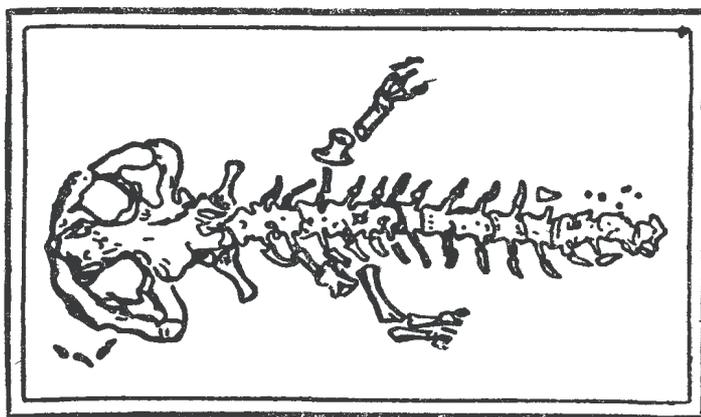
Как явствует из приведенных данных, речь идет о типичном представителе отряда хвостатых земноводных (Urodela), к которому, как известно, принадлежит семейство саламандр (Salamandrida), подразделяющееся на род тритонов (Tritones) и черных саламандр (Salamandrae), а также семейство головастиковых саламандр (Ichthyoidea), подразделяющихся на саламандр скрытожаберных (Cryptobranchiata) и прозрачножаберных (Phanerobranchiata). Саламандра, обнаруженная на острове Тонгарева, находится, по-видимому, в наиболее близком родстве с головастиковыми саламандрами скрытожаберными; во многих отношениях, особенно своими размерами, она напоминает японскую исполинскую саламандру (*Megalobatrachus Sieboldii*) или американского скрытожаберника, прозванного «болотный черт», но отличается от них хорошо развитыми органами чувств, а также более длинными и сильными конечностями, которые позволяют ей передвигаться проворно как в воде, так и на суше.

(Следуют дальнейшие подробности из области сравнительной анатомии.)

Когда мы отпрепарировали скелеты убитых животных, то обнаружили любопытнейшую вещь: оказалось, что скелеты этих саламандр почти полностью совпадают с отпечатком скелета ископаемой саламандры, который был найден на каменной плите в энингенских каменоломнях д-ром Иоганном Якобом Шейхцером и описан им в его сочинении «*Homo diluvii testis*»¹,

¹ «Человек, современный потопу»(лат.).

изданном в 1726 году. Напоминаем менее осведомленным читателям, что названный д-р Шейхцер считал свою находку останками допотопного человека.

«Помещаемый здесь рисунок, — писал он, — который я предлагаю ученому миру в виде изящно исполненной гравюры на дереве, бесспорно и вне всяких сомнений изображает человека, бывшего свидетелем всемирного потопа; здесь нет ни одной линии, которая нуждалась бы в буйном воображении, дабы, отправляясь от нее, измыслить нечто подобное человеку; но везде имеется полное соответствие с отдельными частями человеческого скелета и полная соразмерность. Окаменелый человек виден здесь спереди; сие — памятник вымершего человечества, более древний, чем все римские, греческие и даже египетские и все вообще восточные гробницы». Впоследствии Кювье распознал в энингенском отпечатке скелет окаменелой саламандры, которая получила название *Cryptobranchus primaevus* или *Andrias Scheuchzeri Tschudi* и считалась представительницей давно вымершего вида. Путем остеологиче-

ского сравнения нам удалось установить идентичность найденной нами саламандры с якобы вымершей древней саламандрой *Andrias*. Таинственный праящер, как его называли в газетах, есть не что иное, как ископаемая скрытожаберная саламандра *Andrias Scheuchzeri*, или, если нужно новое название, — *Cryptobranchus Tinckeri erectus*, она же Исполинская саламандра полинезийская...

...Остается загадкой, каким образом эта интересная исполинская саламандра ускользала до сих пор от внимания науки, несмотря на то что по крайней мере на островах Ракаханга, Тонгарева и на группе островов Манихики она водится в огромном количестве. Даже Рандольф и Монтгомери в своем труде «Два года на островах Манихики» (1885) не упоминают о ней. Местные жители утверждают, что это животное (которое они, между прочим, считают ядовитым) впервые появилось здесь лишь шесть-восемь лет тому назад. Они уверяют, будто «морские черти» умеют говорить (!) и строят в населенных ими бухтах целые системы насыпей и плотин наподобие подводных городов, будто в их бухтах вода в течение всего года бывает такой же спокойной, как в аквариуме, будто они роют для себя под водой норы и проходы длиною в десятки метров, где и находятся в течение дня, а ночью якобы воруют на полях сладкие пататы и ямс, а также похищают у людей мотыги и другие орудия. Вообще люди их не любят и даже боятся; во многих случаях жители предпочли перебраться в другие места. Здесь мы явно имеем дело с примитивными сказками и поверьями, объясняемыми, пожалуй, отвратительным видом безобидных исполинских саламандр и тем, что они ходят на двух ногах, несколько напоминая этим человека...

С большой осторожностью следует относиться к сообщениям путешественников, согласно которым эти саламандры обнаружены еще и на других островах, кроме Манихики. Зато в отпечатке задней ноги, который был найден на берегу острова Тонгатабу капитаном Крусасье (снимок опубликован в «Ля Натюр»), можно без всяких колебаний признать след *Andrias'a Scheuchzeri*. Эта находка имеет особо важное значение, так как она устанавливает связь между островами Манихики и австралийско-новозеландским районом, где сохранилось столько остатков древнейшей фауны; напомним, в частности, «допотопного» ящера (гаттерию или таутару), до сих пор живущего на острове Стивена. На таких пустынных, по большей части малонаселенных и почти не затронутых цивилизацией островках могли сохраниться отдельные экземпляры тех видов животных, которые в других местах уже вымерли. К ископаемому ящеру (гаттерии) благодаря мистеру Дж. С. Тинкеру прибавилась ныне допотопная саламандра. Славный д-р Иоганн Якоб Шейхцер мог бы увидеть теперь воскресение своего энингенского Адама...

Этого ученого бюллетеня, несомненно, было бы достаточно для исчерпывающего выяснения вопроса о загадочных морских чудовищах, которые вызвали столько толков. К несчастью, одновременно с ним появилось сообщение голландского исследователя Хогенхука, который отнес эту скрытожаберную исполинскую саламандру к семейству истинных саламандр, или тритонов, под названием *Megatriton molissanus* и определил область ее распространения на принадлежащих Голландии островах Зондского архипелага — Джилоло, Моротаи и Церам; затем был напечатан доклад французского ученого д-ра Миньяра, который, признав

новое животное типичной саламандрой, указал, что родиной ее являются принадлежащие Франции острова Такароа, Рангироа и Парона, и назвал ее просто-напросто *Cryptobrachus salamandroides*; далее была опубликована статья Г. У. Спенса, объявившего этих саламандр новым семейством *Pelagidae*, а острова Джильберта — их родиной; этот ученый дал новому виду саламандр научное наименование *Pelagotriton Spencei*. Мистеру Спенсу удалось доставить один живой экземпляр в лондонский зоологический сад; здесь саламандра стала предметом дальнейших исследований, вследствие чего обрела новые названия — *Pelagobatrachus Hookeri*, *Salamandrops maritimus*, *Abranchus giganteus*, *Amphiuma gigas* и многие другие. Некоторые ученые утверждали, что *Pelagotriton Spencei* тождествен с *Cryptobrachus Tinckeri* и что саламандра Миньяра не что иное, как *Andrias Scheuchzeri*. В связи с этим возникло много споров о приоритете и прочих чисто научных вопросах. В результате получилось так, что естествознание каждой страны отстаивало собственных исполинских саламандр и с яростным ожесточением отвергало исполинских саламандр других наций. Из-за этого наука так и не достигла достаточной ясности в чрезвычайно важном вопросе о саламандрах.

9. Эндрью Шейхцер

Как-то раз в четверг, когда лондонский зоологический сад был закрыт для публики, мистер Томас Греггс, сторож в павильоне земноводных, чистил бассейн и террарии своих питомцев. Он находился в полном одиночестве в отделении саламандр, — где были выставлены американский скрытожаберник, японская исполинская саламандра, *Andrias Scheuchzeri* и множество мелких тритонов, саламандрид, аксолотлей,

угрей, сирен, протеев и т. д. Мистер Греггс орудовал тряпкой и шваброй, насвистывая песенку об Энни-Лори, как вдруг кто-то сзади произнес скрипучим голосом:

— Смотри, мама!

Мистер Томас Греггс оглянулся, но там никого не было; только скрытожаберник пощелкивал языком, сидя в своей тине, да большая черная саламандра, этот Андриас, опиралась передними лапками о край бассейна и вертела туловищем. «Это мне показалось», — подумал мистер Греггс и продолжал мести пол с таким усердием, что пыль столбом стояла.

— Смотри: саламандра! — раздалось сзади.

Мистер Греггс быстро обернулся; черная саламандра, этот Андриас, смотрел на него, мигая нижними веками.

— Бррр! Ну и противный же!.. — сказала вдруг саламандра. — Пойдем отсюда, дружок!

Мистер Греггс раскрыл рот от изумления.

— Что?

— Он не кусается? — проскрипела саламандра.

— Ты... ты умеешь говорить? — запинаясь, пробормотал мистер Греггс, не веря своим ушам.

— Я боюсь его, — заявила саламандра. — Мама, что он ест?

— Скажи «здравствуйте», — произнес ошеломленный мистер Греггс.

Саламандра завертела всем туловищем.

— Здравствуйте!.. — заскрипела она. — Здравствуйте! Здравствуйте! Можно дать ему булочку?

Мистер Греггс в смятении полез в карман и вытащил оттуда кусок булки.

— На вот тебе...

Саламандра взяла булку в лапку и начала ее грызть.

— Смотри: саламандра!.. — удовлетворенно похрюкивала она. — Папа, почему она такая черная?

Вдруг она нырнула в воду, выставив одну голову.

— Почему она в воде? Почему? У-у, какая противная.

Мистер Томас Греггс удивленно почесал затылок. Ага, она повторяет то, что слышала от людей.

— Скажи «Греггс», — попробовал он.

— Скажи Греггс, — повторила саламандра.

— Мистер Томас Греггс.

— Мистер Томас Греггс.

— Здравствуйте, сэр!

— Здравствуйте, сэр. Здравствуйте. Здравствуйте.

Казалось, саламандра не может наговориться вдоволь; но Греггс уже не знал, что бы сказать ей еще; мистер Томас Греггс был человеком не слишком красноречивым.

— Помолчи пока, — сказал он, — вот справлюсь с работой, поучу тебя говорить.

— Помолчи пока, — проворчала саламандра. — Здравствуйте, сэр. Смотри: саламандра. Поучу тебя говорить...

Дирекция зоологического сада бывала недовольна, когда сторожа учили своих животных каким-нибудь штукам; ну, слон — куда ни шло, но остальные животные находятся здесь для образовательных целей, а не для того, чтобы давать представления, как в цирке. Вот почему мистер Греггс облакал свои визиты в отделение саламандр покровом тайны, выбирая часы, когда там уже никого не оставалось. А так как он был вдов, то никто не удивлялся его затворничеству в павильоне земноводных. У каждого человека свои причуды. К тому же отделение саламандр мало посещалось публикой. Крокодил еще пользовался широкой популярностью, но *Andrias Scheuchzeri* проводил дни в относительном одиночестве.

Однажды, когда уже наступили сумерки и павильоны закрывались, директор зоологического сада, сэр Чарльз Виггэм, обходил некоторые отделения, чтобы проверить, все ли

в порядке. Когда он проходил по отделению саламандр, в одном из бассейнов послышался плеск воды и кто-то скрипучим голосом произнес:

— Добрый вечер, сэр!

— Добрый вечер, — удивленно ответил директор. — Кто там?

— Извините, сэр, — сказал скрипучий голос. — Вы не мистер Греггс.

— Кто там? — повторял директор.

— Энди. Эндрию Шейхцер...

Сэр Чарльз подошел поближе к бассейну. Там была только саламандра, неподвижно стоявшая на задних лапах.

— Кто здесь разговаривал?

— Энди, сэр, — сказала саламандра. — А вы кто?

— Виггэм, — произнес сэр Чарльз, вне себя от изумления.

— Очень приятно, — учтиво молвил Энди. — Как поживаете?

— Что за черт! — взревел сэр Чарльз. — Греггс! Э-эй, Греггс!

Саламандра вздрогнула и молниеносно скрылась под водой. В дверях появился запыхавшийся и взволнованный мистер Греггс.

— Да, сэр?

— Что это значит, Греггс? — крикнул сэр Чарльз.

— Что-нибудь случилось, сэр? — беспокойно пробормотал мистер Греггс.

— Это животное разговаривает!

— Извините, сэр, — удрученно ответил мистер Греггс. — Нельзя этого делать, Энди. Я вам тысячу раз говорил, что вы не должны надоедать людям своими разговорами. Прошу прощения, сэр, больше это не повторится.

— Это вы научили саламандру говорить?

— Но... *она* начала первая, сэр, — оправдывался Греггс.

— Надеюсь, что больше этого не будет, Греггс, — строго сказал сэр Чарльз. — Я прослежу за вами.

Спустя некоторое время сэр Чарльз сидел с профессором Петровым, беседуя о так называемом интеллекте животных, об условных рефлексах и о том, как широкая публика переоценивает умственные способности животных. Профессор Петров высказал свои сомнения насчет эльберфельдских лошадей, которые якобы умели не только считать, но даже возводить в степень и извлекать корни; ведь даже средний образованный человек не умеет извлекать корни, заметил ученый. Сэр Чарльз вспомнил о говорящей саламандре Греггса...

— У меня здесь есть саламандра... — нерешительно начал он. — Это знаменитый *Andrias Scheuchzeri*... ну, и она... научилась говорить, как попугай.

— Исключено, — возразил ученый. — У саламандр неподвижно приросший язык.

— Пойдемте посмотрим, — возразил сэр Чарльз. — Сегодня день чистки, так что там будет мало народу.

И они пошли. У входа к саламандрам сэр Чарльз остановился. Изнутри доносился скрип швабры и монотонный голос, читающий по слогам.

— Подождите, — прошептал сэр Чарльз Виггэм.

— «Есть ли на Марсе люди?» — тянул по слогам монотонный голос. — Читать это?

— Что-нибудь другое, Энди, — ответил другой голос.

— «*Кто возьмет дерби в нынешнем году — Пелгэм-Бьюти или Говернадор?*»

— Пелгэм-Бьюти, — сказал второй голос, — но все-таки прочтите это.

Сэр Чарльз потихоньку открыл дверь. Мистер Томас Греггс тер пол шваброй, а в аквариуме с морской водой сидел

Andrias Scheuchzeri и медленно, скрипучим голосом читал по слогам вечернюю газету, держа ее в передних лапах.

— Греггс! — позвал сэр Чарльз.

Саламандра метнулась и исчезла под водой. Мистер Греггс от испуга выронил швабру.

— Да, сэр?

— Что это значит?

— Прошу прощения, сэр, — пробормотал, запинаясь, несчастный Греггс. — Энди читает мне, пока я подметаю. А когда он подметает, я читаю ему...

— Кто его научил?

— Это он сам подглядел, сэр... я... я даю ему свои газеты, чтобы он не болтал столько. Он все время хочет говорить, сэр. И я подумал, сэр, пусть он по крайней мере научится говорить, как образованные люди.

— Энди! — позвал сэр Чарльз.

Из воды вынырнула черная голова.

— Да, сэр? — проскрипела она.

— На тебя пришел посмотреть профессор Петров.

— Очень приятно, сэр. Я — Энди Шейхцер.

— Откуда ты знаешь, что тебя зовут Andrias Scheuchzeri?

— Здесь написано, сэр. Андреас Шейхцер. Острова Джильберта.

— И часто ты читаешь газеты?

— Да, сэр. Каждый день, сэр.

— А что тебя больше всего интересует?

— Судебная хроника, бега и скачки, футбол...

— Ты когда-нибудь видал футбол?

— Нет, сэр.

— А лошадей?

— Не видал, сэр.

— Почему же ты читаешь это?

— Потому что это есть в газетах, сэр.

For
Thomas
Greys

Hidač
pavilonu
ještěří

Andrew
Scheuchzer

— Политика тебя не интересует?

— Нет, сэр. *«Будет ли война?»*

— Этого никто не знает, Энди.

— *«Германия готовит новый тип подводных лодок, — озабоченно выговорил Энди. — Лучи смерти могут превратить в пустыню целые континенты»...*

— Это ты тоже прочел в газетах, а? — спросил сэр Чарльз.

— Да, сэр. *«Кто возьмет дерби в нынешнем году — Пелгэм-Бьюти или Гобернадор?»*

— А ты как думаешь, Энди?

— Гобернадор, сэр; но мистер Греггс считает, что Пелгэм-Бьюти. — Энди покачал головой. — *«Покупайте английские товары», сэр. «Подтяжки Снайдера — самые лучшие. Приобрели ли вы уже новый шестицилиндровый танкред-юниор? Быстроходный, дешевый, элегантный».*

— Спасибо, Энди, хватит.

— *«Какая киноартистка нравится вам больше всех?»*

Профессор Петров взъерошил волосы и ошетирил усы.

— Простите, сэр Чарльз, — проворчал он, — но мне пора идти.

— Хорошо, идемте. Энди, ты не будешь возражать, если я направлю к тебе нескольких ученых джентльменов? Я думаю, они охотно поговорят с тобой.

— Буду очень рад, сэр, — проскрипела саламандра. — До свидания, сэр Чарльз! До свидания, профессор!

Профессор Петров торопливо шел, раздраженно фыркая и что-то ворча себе под нос.

— Простите, сэр Чарльз, — сказал он наконец, — но не можете ли вы показать мне какое-нибудь животное, которое не читает газет?..

Ученые джентльмены — это были доктор медицины сэр Бертрэм Д. М., профессор Эбиггэм, сэр Оливер Додж, Джолиан

Фоксли и другие. Приводим выдержку из стенограммы их беседы с Andrias'ом Scheuchzeri.

- Как вас зовут?
- Эндрию Шейхцер.
- Сколько вам лет?
- Не знаю. Хотите иметь молодежавый вид? Носите корсет Либелла.
- Какой сегодня день?
- Понедельник. Отличная погода, сэр. В эту субботу на скачках в Ипсومه побежит Гибралтар.
- Сколько будет трижды пять?
- Для чего это?
- Считать умеете?
- Да, сэр. Сколько будет двадцать девять на семнадцать?
- Предоставьте спрашивать нам, Эндрию. Назовите английские реки.
- Темза.
- А еще?
- Темза.
- Других не знаете? Кто царствует в Англии?
- Король Георг. Да хранит его Бог!
- Хорошо, Энди! Кто величайший английский писатель?
- Киплинг.
- Очень хорошо. Вы читали что-нибудь из его произведений?
- Нет. Как вам нравится Мэй Уэст?
- Лучше мы будем спрашивать *вас*, Энди. Что вы знаете из английской истории?
- «Генриха Восьмого».
- Что вы о нем знаете?

— Наилучший фильм последних лет. Феерическая постановка. Изумительное зрелище.

— Вы видели этот фильм?

— Не видел. Хотите узнать Англию? Купите форд-малютку.

— Что вы больше всего хотели бы видеть, Энди?

— Гребные гонки Кэмбридж—Оксфорд, сэр.

— Сколько есть частей света?

— Пять.

— Очень хорошо. Назовите их.

— Англия и остальные.

— Назовите остальные.

— Это большевики и немцы. И Италия.

— Где находятся острова Джильберта?

— В Англии. Англия не станет связывать себе руки на континенте. Англии необходимы десять тысяч самолетов. Посетите южный берег Англии.

— Разрешите осмотреть ваш язык, Энди?

— Да, сэр. Чистите зубы пастой «Флит». Самая экономная. Наилучшая из всех. Английская продукция. Хотите, чтобы у вас хорошо пахло изо рта? Пользуйтесь пастой «Флит».

— Спасибо. Хватит. А теперь скажите нам, Энди...

И так далее. Стенограмма беседы с Andrias'ом Scheuchzeri занимала шестнадцать полных страниц и была опубликована «Нэчурэл Сайнс».

В конце стенограммы комиссия экспертов следующим образом формулировала результаты произведенного ею освидетельствования:

1. Andrias Scheuchzeri, саламандра, содержащаяся в лондонском зоологическом саду, умеет говорить, хотя и

несколько скрипучим голосом; располагает приблизительно четырьмястами словами; говорит только то, что слышала или читала. Само собой разумеется, что о самостоятельном мышлении у нее не может быть и речи. Язык у нее достаточно подвижный; голосовые связки мы при данных обстоятельствах не могли исследовать более подробно.

2. Названная саламандра умеет читать, но только вечерние газеты. Интересуется теми же вопросами, что и средний англичанин, и реагирует на них подобным же образом, то есть в соответствии с общепринятыми, традиционными взглядами. Ее духовная жизнь — поскольку можно говорить о таковой — ограничивается мнениями и представлениями, распространенными в настоящий момент среди широкой публики.
3. Ни в коем случае не следует переоценивать ее интеллект, так как он ни в чем не превосходит интеллекта среднего человека наших дней.

Несмотря на этот трезвый вывод экспертов, Говорящая Саламандра сделалась сенсацией лондонского зоологического сада. «Душку Энди» осаждали толпы людей, жаждущих побеседовать с ним на всевозможнейшие темы, начиная от погоды и кончая экономическим кризисом и политической ситуацией. При этом Энди получал от своих посетителей столько конфет и шоколада, что заболел тяжелой формой желудочного и кишечного катара. В конце концов пришлось закрыть доступ в отделение саламандр, но было уже поздно. Andrias Scheuchzeri, известный под именем Энди, пал жертвой своей популярности. Как видно, слава деморализует даже саламандр.

10. Праздник в новом Страшеце

Пан Повондра, швейцар в доме Бонди, на сей раз проводил отпуск в своем родном городе. Завтра должен был быть храмовый праздник, и когда пан Повондра вышел из дому, держа за руку своего восьмилетнего Франтика, то по всему Новому Страшецу пахло свежесдобными пирожками, а на улицах мелькали женщины и девушки, спешившие отнести к пекарю приготовленное тесто. На площади уже поставили свои ларьки два кондитера, торговец стеклянными и фарфоровыми изделиями и голосистая дама, продававшая всевозможные галантерейные товары. Был там еще балаган, закрытый со всех сторон брезентовыми полотнищами. Маленький человечек, стоя на лесенке, как раз прикреплял вывеску.

Пан Повондра остановился, желая посмотреть, что это будет.

Тощий человечек слез с лесенки и удовлетворенно взглянул на прибитую вывеску. И пан Повондра с изумлением прочитал:

Пан Повондра вспомнил большого толстого человека в капитанской фуражке, которого он когда-то впустил к пану Бонди. «До чего докатился, бедняга, — участливо подумал пан Повондра, — капитан, и вот разъезжает по свету с та-

ким дрянным цирком. А ведь был крепкий, здоровый человек! Надо бы повидаться с ним», — расчувствовался пан Повондра.

Тем временем маленький человечек повесил у входа в балаган другую вывеску:

Пан Повондра заколебался. Две кроны да еще крону за мальчугана — это, конечно, дороговато, но Франтик хорошо учится, а знакомство с животным миром далеких стран полезно для образования. Пан Повондра готов был на некоторые жертвы ради образования и потому подошел к маленькому тощему человечку.

— Вот что, приятель, — сказал он, — я хотел бы поговорить с капитаном Вантохом.

Человечек выпятил грудь, обтянутую полосатым трико.

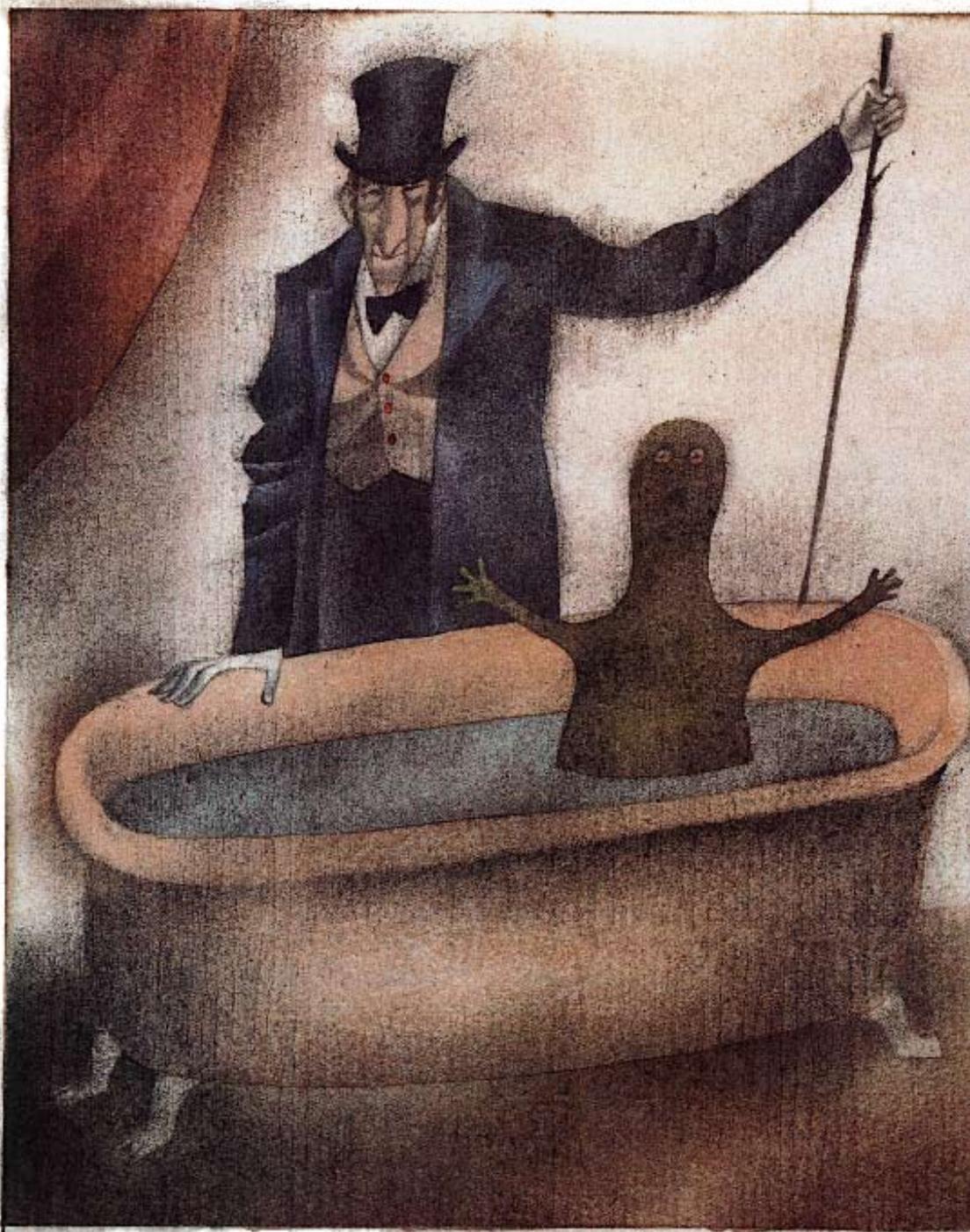
— Это я, сударь.

— Вы капитан Вантох? — удивился пан Повондра.

— Да, — сказал человечек и показал якорь, вытатуированный на его запястье.

Пан Повондра растерянно моргал глазами. Чтобы капитан так ссохся? Нет, это невозможно...

— Дело в том, что я лично знаком с капитаном, — пояснил он. — Моя фамилия Повондра.

— Ну, тогда другое дело, — ответил человек. — Но эти саламандры в самом деле от капитана ван-Тоха. Гарантированные, настоящие австралийские ящеры, сударь. Будьте любезны, заходите внутрь. Сейчас как раз начнется большое представление, — кудахтал он, приподнимая полотнище у входа.

— Пойдем, Франтик, — сказал Повондра-отец и вошел внутрь.

Необычайно высокая и толстая дама поспешно уселась за маленький столик. «Странная парочка!» — удивленно подумал пан Повондра, выкладывая свои три кроны. Внутри балагана не было ничего, кроме довольно неприятного запаха и железного бака.

— Где же ваши саламандры? — спросил пан Повондра.

— В той ванне, — равнодушным голосом ответила гигантская дама.

— Не бойся, Франтик, — сказал Повондра-отец и подошел к баку.

Что-то черное, напоминающее по величине старого сома, безжизненно лежало в воде, только кожа на затылке немного подымалась и снова опадала.

— Вот это и есть та допотопная саламандра, о которой столько писали газеты!.. — назидательно произнес Повондра-отец, ничем не выдавая своего разочарования. (Опять дал себя надуть, — подумал он, — но мальчику незачем об этом знать. Эх, жалко трех крон!)

— Папа, почему она в воде? — спросил Франтик.

— Потому что саламандры живут в воде, понимаешь?

— Папа, а что она ест?

— Рыбу и тому подобное, — сказал Повондра-отец. (Должно же оно чем-нибудь питаться!)

— А почему она такая уродливая? — приставал Франтик.

Пан Повондра не знал, что отвечать, но в это время в балаган вошел маленький человек.

— Итак, прошу вас, дамы и господа, — начал он осипшим голосом.

— У вас только одна саламандра? — укоризненным тоном осведомился пан Повондра. (Были бы хоть две, — мелькнула у него мысль, — а то на одну такие деньги ухлопал!)

— Вторая издохла, — ответил человек. — Итак, дамы и господа, перед вами знаменитый Андриаш, редкий и ядовитый ящер с австралийских островов. У себя на родине он достигает человеческого роста и ходит на двух ногах. Ну-ка! — сказал он и ткнул в то черное и безжизненное, что неподвижно лежало в воде.

Черное зашевелилось и с трудом поднялось. Франтик подался назад, но пан Повондра крепко сжал его руку: не бойся, мол, я здесь, с тобой.

Теперь оно стояло на задних ногах, опираясь передними о край бака. На затылке судорожно трепетали жабры, раскрытая черная пасть ловила воздух. Обвисшая кожа была ободрана до крови и усеяна бородавками; круглые лягушечьи глаза временами как-то болезненно закрывались, исчезая под пленкой нижних век.

— Как видите, дамы и господа, — продолжал человек хриплым голосом, — это животное обитает в воде; поэтому оно снабжено жабрами и легкими, чтобы могло дышать, когда выходит на берег. На задних ногах у него по пяти пальцев, а на передних по четыре, и оно умеет брать ими разные предметы. На!

Животное зажало в пальцах прут и держало его перед собой, словно шутовской скипетр.

— Умеет также завязывать веревку узлом, — объявил человек, взял у животного прут и дал ему грязную бечевку.

Животное с минуту подержало ее в пальцах и в самом деле завязало узелок.

— Умеет также бить в барабан и танцевать, — прокудахтал

человечек и дал животному детский барабанчик и палочку.

Животное несколько раз ударило в барабан и повертело верхней половиной чудовища; при этом оно уронило палочку в воду.

— Я т-тебя, гадина!.. — выругался человечек и выловил палочку из воды. — Это животное, — продолжал он затем, торжественно повышая голос, — обладает таким умом и способностями, что умеет говорить, как человек.

И он хлопнул в ладоши.

— Guten Morgen! — проскрипело животное, болезненно подергивая нижними веками. — Добрый день!..

Пан Повондра был почти испуган, но на Франтика это не произвело особенного впечатления.

— Что надо сказать почтенным господам? — строго спросил человечек.

— Добро пожаловать, — поклонилась саламандра; края ее жаберных щелей судорожно сжимались. — Willkommen. Ven venuti¹.

— Считать умеешь?

— Умею.

— Сколько будет шестью семь?

— Сорок два, — с усилием проквакала саламандра.

— Видишь, Франтик, — наставительно заметил Повондра-отец, — как она хорошо считает.

— Дамы и господа, — кукарекал человечек, — вы можете сами задавать вопросы.

— Ну, спроси ее о чем-нибудь, Франтик, — предложил пан Повондра.

Франтик сконфуженно замялся.

— Сколько будет восемью девять? — выдавил он наконец;

¹ Добро пожаловать (*нем. и ит.*).

по его мнению, видимо, это был самый трудный из всех возможных вопросов.

Саламандра медленно закрыла и вновь открыла глаза.

— Семьдесят два.

— Какой сегодня день? — спросил пан Повондра.

— Суббота.

Пан Повондра изумленно покачал головой.

— И вправду как человек! Как называется этот город?

Саламандра открыла пасть и закрыла глаза.

— Она уже устала, — поспешно объявил человек. — Что надо сказать господам?

Саламандра поклонилась.

— Мое почтение. Покорнейше благодарю. Всего хорошего. До свидания.

— Это... Это особенное животное!.. — удивлялся пан Повондра; но так как три кроны все-таки большие деньги, то он добавил: — А больше у вас ничего нет такого, что можно было бы показать ребенку?

Человечек в раздумье пощипывал подбородок.

— Это все, — сказал он. — Раньше я держал обезьянок, но с ними получилась такая история... — пояснил он. — Разве показать вам жену? Она была прежде самой толстой женщиной в мире. Марушка, иди сюда!..

Марушка с трудом поднялась с места.

— В чем дело?

— Покажись господам, Марушка!

Самая толстая женщина в мире кокетливо склонила голову набок, выставила одну ногу вперед и подняла юбку выше колена. Под юбкой оказался красный шерстяной чулок, облекавший нечто разбухшее, массивное, как окорок.

— Объем ноги вверху — восемьдесят четыре сантиметра, — объяснил тощий человечек, — но при теперешней конкуренции Марушка уже не самая толстая женщина в мире.

Пан Повондра потянул потрясенного Франтика из балагана.

— Покорный слуга, — заскрипело из бака, — заходите опять Auf Wiedersehen!¹

— Ну как, Франтик, — спросил пан Повондра, когда они вышли. — Понял все?

— Понял, — сказал Франтик. — Папа, а почему у этой тети красные чулки?

11. О человекоящерах

БЫЛО БЫ явной натяжкой утверждать, что в ту пору ни о чем другом не говорили и не писали, кроме как о говорящих саламандрах. Говорили и писали также о будущей войне, об экономическом кризисе, о футбольных матчах, о витаминах и о новых модах. И все-таки о говорящих саламандрах писали очень много и главное — очень ненаучно. Именно поэтому один из выдающихся ученых, профессор д-р Владимир Угер (из университета в Брно), написал для газеты «Лидове новины» статью, в которой отметил, что мнимая способность Andrias'a Scheuchzeri к членораздельной речи, то есть, строго говоря, способность повторять, как попугай, произнесенные другими слова, с научной точки зрения далеко не так интересна, как некоторые другие вопросы, касающиеся этого своеобразного земноводного. Научная загадка, представляемая Andrias'ом Scheuchzeri, заключается совсем в другом, как, например: откуда он взялся, где его первоначальная родина, в пределах которой он пережил целые геологические периоды, почему он так долго оставался неизвестным, тогда как теперь

¹ До свидания (нем.).

выясняется, что он чрезвычайно распространен почти во всей экваториальной области Тихого океана? По-видимому, в последнее время он размножается необычайно быстро, откуда же взялась эта изумительная жизненная сила у первобытного существа третичного периода, если до недавнего времени его существование носило совершенно скрытый, то есть, по-видимому, крайне спорадический характер, причем, вероятнее всего, в топографически изолированных местах? Изменились ли в благоприятную сторону жизненные условия этой доисторической саламандры, вследствие чего для редкостного пережитка миоценовой эпохи настал новый период необычайно высокого развития? В таком случае не исключено, что *Andrias* будет не только количественно размножаться, но и эволюционировать в своем качественном развитии и что нашей науке представится единственная в своем роде возможность наблюдать мощный мутационный процесс хотя бы одного из животных видов. То что *Andrias* может проскрипеть несколько десятков слов и научиться нескольким штукам, в чем профаны видят проявление какого-то интеллекта, — это с научной точки зрения вовсе не чудо; действительным чудом является тот могучий жизненный порыв, который столь внезапно и полно возродил застывшее на низком уровне развития и почти совершенно вымершее семейство земноводных. Здесь есть некоторые особенные обстоятельства *Andrias Scheuchzeri* — *единственная* саламандра, живущая в море, и (что еще более очевидно) *единственная* саламандра, которая водится в эфиопско-австралийской области, в мифической Лемурии. Разве не хочется сказать, что природа как бы стремится поспешно наверстать одну из упущенных жизненных возможностей и осуществить завершение развития одной из форм, которую она в этом районе оставила в забвении или не могла прокормить? И далее, было бы странно, если бы во всей океанской области, отделяющей японских исполинских

саламандр от аллеганских, не оказалось ни одного связующего звена между ними. Если бы *Andrias'a* не было, то мы должны были бы *предположить* его существование как раз в тех местах, где он действительно обнаружен, можно сказать, что он просто-напросто заполнил теперь то свободное пространство, в котором он, в силу географических и эволюционных взаимозависимостей, *должен* был водиться издавна. Но как бы то ни было, писал в заключение ученый профессор, на примере этого эволюционного воскрешения миоценовой саламандры мы с благоговейным изумлением убеждаемся, что Гений Развития на нашей планете еще далеко не завершил своей созидательной работы.

Эта статья появилась, несмотря на молчаливое, но твердое убеждение редакции, что такие ученые рассуждения не годятся, в сущности, для газеты. Вскоре после этого профессор Угер получил следующее письмо от одного из читателей.

Милостивый государь!

В прошлом году я купил в Чаславле дом на площади. При осмотре дома я нашел на чердаке ящик со старыми редкими научными книгами, как то: Гыбловский журнал «Гиллос» за 1821—1822 годы, «Млекопитающие» Яна Сватоплука Пресла, «Основы природоведения или физики» Войтеха Седлачка, девятнадцать томов общедоступного энциклопедического сборника «Крок» и тринадцать Ежегодников Чешского музея. В пресловском переводе «Рассуждений о катаклизмах земной коры» Кювье (1834) я нашел вложенную туда в виде закладки вырезку из старой газеты, где было напечатано сообщение о каких-то странных ящерах. Когда я прочел Вашу статью о загадочных саламандрах, я вспомнил об этой закладке и отыскал ее. Думаю, она могла бы Вас заинтересовать, а потому,

⁴ O takových překážkách svědčí například tato zpráva, vystřižená z novin bez data:

ANGLIE SE UZAVÍRÁ MLOKŮM?

(Reuter) Na dotaz člena Dolní sněmovny Mr. J. Leedse odpověděl dnes Sir Samuel Mandeville, že vláda Jeho Veličenstva uzavřela kanál Suezský pro veškeré transporty Mloků; dále že nehodlá připustit, aby jediný Mlok byl zaměstnán na pobřeží nebo ve svrchovaných vodách britských ostrovů. Důvodem k těmto opatřením, prohlásil

Sir Samuel, je jednak bezpečnost britských ostrovů, jednak platnost starých zákonů a smluv o potírání obchodu s otroky.

Na dotaz člena parlamentu Mr. B. Russela sdělil Sir Samuel, že toto stanovisko se ovšem netýká britských dominií a kolonií.

⁵ Užívalo se k tomu skoro obecně pistoří, které vynalezl Inž. Mírko Šafránek a jež vyráběla brněnská Zbrojovka.

⁶ Srov. s touto novinářskou zprávou:

STÁVKOVÉ HNUTÍ ● V AUSTRÁLII

(Havas) Vůdce australských Trade-Unít Harry Mac Namara ohlašuje stávkou všech zaměstnanců přístavních, dopravních, elektrárenských a jiných. Odborové organizace totiž žádají, aby byl dovoz pracovních Mloků do Austrálie přísně kontingentován podle imigračních zákonů. Naproti tomu australská farmáři se domáhají toho,

aby byl dovoz Mloků uvolněn, neboť jejich krmením značně stoupá odbyt domácí kukuřice a zvířecích tuků, zejména ovčího loje. Vláda usiluje o kompromis; Mločí syndikát nabízí, že by vyplácel Trade-Unítům za každého přivezeného Mloka příspěvek šesti šilinků. Vláda je ochotna dát záruky, že Mloci budou zaměstnáni

jenom ve vodě a že se (z důvodů mravnostních) nevyvoží z vody víc než 40 cm, to jest po prsa. Trade-Unie však trvají na 12 cm a žádají za každého Mloka poplatek deseti šilinků vedle registrační taxy. Ždá se, že dojde k dohodě za příspěví státní pokladny.

будучи горячим другом природы и Вашим усердным читателем, посылаю ее Вам.

С совершенным почтением

И. В. Найман

На приложенной в письме вырезке не было ни названия газеты, ни даты; судя по правописанию и шрифту, она относилась к двадцатым или тридцатым годам прошлого столетия; бумага так пожелтела и истерлась, что трудно было читать. Профессор Угер чуть было не бросил ее в корзину, но ветхость этого листочка почему-то растрогала его; он начал читать. Через минуту он пробормотал: «Дьявол!» — и взволнованно поправил очки. Текст вырезки гласил:

О ЧЕЛОВЕКОЯЩЕРАХ

В одной иноземной газете мы прочтали, что некий капитан (командир) английского военного корабля, возвратившийся из далеких стран, представил донесение о странных пресмыкающихся, которых он встретил на одном маленьком островке в Австралийском море. На этом острове есть озеро с соленой водой, отделенное, впрочем, от моря и весьма малодоступное; означенный капитан и корабельный лекарь отдыхали здесь; вдруг из озера вышли животные вроде ящериц, величиной с морскую собаку или тюленя, ступающие на двух ногах, как люди, и начали презабавно и на особенный лад, словно танцуя, вертеться на берегу. Командир и лекарь, выстрелив из ружей, уложили двоих из этих животных. Тело у них скользкое, без шерсти и без какой-либо чешуи, так что в этом они похожи на саламандр. Явившись назавтра за ними, капитан и лекарь вынуждены были из-за сильного зловония оставить их на месте и приказали матросам обшарить озеро неводом и доставить на

корабль живьем несколько этих страшилищ. Обшарив озерцо, моряки перебили всех ящериц (в огромном количестве), а доставили на корабль только двух, заявив, что тело у них ядовитое и жжется, как крапива. После этого животных поместили в бочки с морской водой, чтобы доставить их до Англии живыми. Но не тут-то было! Когда корабль проходил в виду острова Суматры, пленные ящерицы, вылезши из бочек и отворивши сами оконце подпалубного помещения, выпрыгнули ночью в море и скрылись. По свидетельству командира и корабельного хирурга, эти животные очень забавны и хитры, ходят на двух ногах и как-то странно лают и чмокают, однако для человека вовсе не опасны. А посему их с полным правом можно было бы назвать человекоящерами.

На этом вырезка кончалась. «Дьявол!» — в волнении повторил профессор Угер. Почему здесь нет ни даты, ни названия газеты, из которой кто-то когда-то вырезал это? И что это за «иноземная газета», как имя того «некоего командира», что это за «английский корабль»? И что за островок в Австралийском море? Неужели люди тогда не могли выразаться несколько точнее и... ну, скажем, чуточку научнее? Ведь это исторический документ, которому цены нет!..

Островок в Австралийском море — ладно. Озерцо с соленой водой. По-видимому, это был коралловый остров, атолл с малодоступной соленой лагуной — как раз подходящее место, где могло бы сохраниться ископаемое животное в естественной резервации, изолированное от среды, стоящей на более высокой ступени развития. Конечно, оно не могло особенно размножаться, так как не находило в озере достаточно пищи. Это ясно, сказал себе профессор. Животное, похожее на ящерицу, но без чешуи и ходящее на двух ногах, как люди, значит — или *Andrias Scheuchzeri*, или другая саламандра,

находящаяся в близком родстве с ним. Допустим, что это был наш *Andrias*. Допустим, проклятые матросы истребили его в том озере, а одна пара была доставлена живьем на корабль; пара, которая — не тут-то было! — удрала в море у острова Суматры. То есть на самом экваторе, где биологические условия в высшей мере благоприятны, а пищи неограниченное количество! Возможно ли, чтобы эта перемена среды дала миоценовой саламандре такой мощный толчок к развитию? Допустим, она привыкла к соленой воде; представим себе ее новое место расселения в виде спокойной закрытой бухты с большим обилием корма; что тогда? Саламандра, попав в оптимальные условия, начнет стремительно развиваться с изумительной жизненной энергией. Это так! — ликовал ученый. Отныне саламандра с неукротимой стихийной силой движется по пути развития, она цепляется за жизнь, как сумасшедшая; она размножается в страшном количестве, потому что в новой среде ее яйцам и головастикам не угрожают больше специфические враги. Она населяет остров за островом; впрочем, странно, что в своем шествии она как бы перепрыгивает через некоторые острова. В остальном же это типичный случай миграции в поисках пищи. Теперь вопрос: почему она не развивалась раньше? Не связано ли с этим то, что в эфиопско-австралийской области неизвестны, или не были до сих пор известны, какие-либо саламандры? Не происходило ли в этой области в миоценовую эпоху каких-либо перемен, биологически неблагоприятных для саламандр? Это возможно. Мог, например, появиться какой-нибудь специфический враг, который полностью истребил саламандр. И только на одном островке, в закрытом озерце миоценовая саламандра удержалась — впрочем, ценой остановки в своем развитии, процесс ее эволюции был прерван: получилось нечто вроде скрученной пружины, которая не могла распрямиться. Не исключено, что природа имела большие виды на

эту саламандру, что ей *предстояло* развиваться все дальше и дальше, все выше и выше — кто знает, до каких пределов... (Профессор Угер почувствовал, как при этой мысли у него забегали по спине мурашки; кто знает, не должен ли был *Andrias Scheichzeri* стать человеком миоценовой эпохи!..)

Но, впрочем, погодите! Это *недоразвившееся* животное внезапно попадает в новую, несравненно более благоприятную для него среду, скрученная пружина распрямляется... С каким жизненным порывом, с каким миоценовым размахом и рвением устремляется *Andrias* по пути развития! С какой лихорадочной поспешностью наверстывает он сотни тысяч и миллионы лет, упущенные в его эволюции! Мыслимо ли, чтобы он удовольствовался той стадией развития, на которой находится сейчас? И кто может ныне сказать, каких высот достигнет он при том мощном размахе своей эволюции, свидетелями которой мы являемся, — ибо он стоит еще только на пороге этой эволюции и лишь готовится устремиться вверх!

Таковы были мысли и предположения, которые профессор Владимир Угер набрасывал на бумагу, сидя над пожелтевшей вырезкой из старой газеты, трепеща от восторга первооткрывателя. «Пошлю это в газету, — решил он, — потому что научной периодики никто не читает. Пусть все знают, к какому великому процессу в природе мы приближаемся! И назову это:

«ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У САЛАМАНДР?»

Однако в редакции «Лиловых новин» взглянули на статью профессора Угера и только покачали головой. Опять саламандры! *Мне* кажется, наши читатели уже по горло сыты саламандрами. Пора перейти к чему-нибудь другому. К тому же такие ученые рассуждения не годятся для газеты.

В результате статья о развитии и будущем саламандр так и не увидела света.

12. Синдикат «Саламандра»

Председатель Г. Х. Бонди позвонил в колокольчик и поднялся с места.

— Милостивые государи, — начал он, — имею честь объявить чрезвычайное общее собрание акционеров Тихоокеанской экспортной компании открытым. Приветствую всех присутствующих и благодарю их за участие в нашем многочисленном собрании.

— Господа, — продолжал он взволнованно, — на мою долю выпала тяжелая обязанность сообщить вам печальное известие. Капитана Яна ван-Тоха больше нет. Умер наш, если можно так выразиться, основатель, отец счастливой идеи завязать торговые сношения с тысячами островов далекого Тихого океана, наш первый капитан и самый преданный сотрудник. Он скончался в начале этого года на борту нашего парохода «Шарка», недалеко от острова Фаннинга, скончался от апоплексического удара при исполнении служебных обязанностей. *(Видно, какой-нибудь скандал устроил, — подумал Бонди.)* Прошу вас почтить его светлую память вставанием.

Присутствующие поднялись, гремя стульями, и застыли в торжественном молчании, обеспокоенные одной и той же мыслью: как бы общее собрание не слишком затянулось. *(Бедный мой товарищ Вантох, — с искренним огорчением думал Г. Х. Бонди. — Что-то с ним теперь? Скорее всего, спустился в море на доске. Вот, должно быть, плюхнулся! Н-да, славный был малый, и глаза такие голубые...)*

— Благодарю вас, господа, — коротко добавил Г. Х. Бонди, — что вы с таким чувством воздали должное памяти моего личного друга, капитана ван-Тоха. Прошу господина директора Волавку доложить нам, к каким хозяйственным итогам пришла ТЭК в текущем году. Цифры еще не оконча-

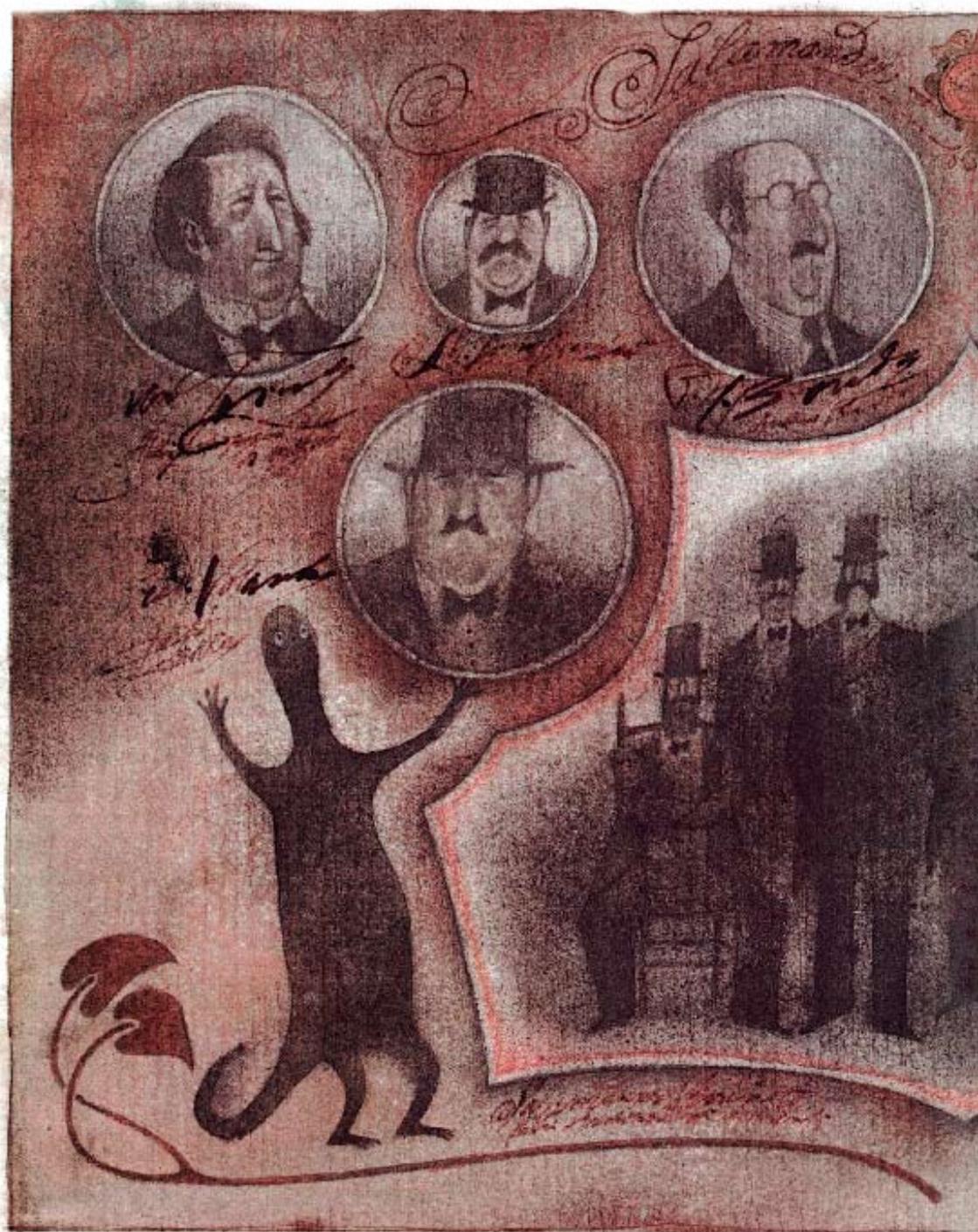
тельны, но не следует ожидать, чтобы они могли существенно измениться к концу года. Итак, пожалуйста!..

— Милостивейшие государи, — зажурчал г-н директор Волавка, и пошел и пошел: — Положение со сбытом жемчуга в высшей степени неудовлетворительно. Когда в прошлом году добыча жемчуга возросла почти в двадцать раз по сравнению с благоприятным для нас тысяча девятьсот двадцать пятым годом, жемчуг начал катастрофически падать в цене, и это падение дошло до шестидесяти пяти процентов. Правление решило поэтому не выпускать на рынок добычу нынешнего года, а держать ее на складе, пока не повысится спрос. К сожалению, с осени прошлого года жемчуг вышел из моды, очевидно потому, что он так подешевел. В настоящий момент в нашем амстердамском отделении находится на складе свыше двухсот тысяч жемчужин, которые сейчас почти невозможно сбыть.

Наоборот, в текущем году, — продолжал журчать директор Волавка, — добыча жемчуга значительно понизилась. Пришлось отказаться от ряда месторождений, потому что доходы от них не окупают стоимости рейсов в эти места. По-видимому, месторождения, открытые два или три года назад, в большей или меньшей степени исчерпаны. Правление решило поэтому обратить внимание на другие продукты морских глубин, как то: кораллы, раковины и губки. И действительно, рынок кораллов и других украшений удалось оживить, но пока эта конъюнктура пошла на пользу больше итальянским, чем тихоокеанским кораллам.

Правление изучает также вопрос о возможности интенсивного рыболовства в водах Тихого океана. Главный вопрос заключается в том, как доставлять тамошнюю рыбу на европейские рынки; имеющаяся пока информация не слишком благоприятна.

В противоположность этому, — читал дальше директор,

слегка повысив голос, — несколько возросли обороты по торговле разными побочными товарами, а именно: вывоз на Тихоокеанские острова текстильных изделий, эмалированной посуды, радиоаппаратуры и перчаток. Эта торговля имеет тенденцию к дальнейшему расширению и развитию; уже в текущем году ее баланс будет сведен со сравнительно ничтожным дефицитом. Однако совершенно исключено, чтобы Компания выплатила в конце года какие-либо дивиденды по своим акциям. В связи с этим правление заранее оповещает, что на этот раз оно отказывается от всяких тантвем и вознаграждений.

Наступило длительное и тягостное молчание. *(Как он выглядит, этот остров Фаннинга? — думал Г.Х. Бонди. — Бедняга Вантох умер как настоящий моряк. Жалко его, славный был парень. И не такой уж старый... не старше меня...)* Наконец слова попросил д-р Губка. Дальше мы приводим протокол чрезвычайного общего собрания акционеров Тихоокеанской экспортной компании.

Д-р Губка спрашивает, не имеется ли в виду ликвидация ТЭК?

Г.Х. Бонди отвечает, что по этому вопросу правление решило выждать дальнейших предложений.

Луи Бонанфан выразил упрек, что у Компании не было на местах постоянных представителей для приемки жемчуга, которые контролировали бы, производится ли добыча жемчуга достаточно интенсивно и технически правильно.

Директор Волавка указывает, что этот вопрос подвергался обсуждению, но было признано, что такая мера слишком увеличила бы административные расходы предприятия. Потребовалось бы не меньше трехсот постоянно оплачиваемых агентов; благоволите также

принять в соображение невозможность контролировать, сдают ли эти агенты весь найденный жемчуг.

М.Х. Бринкелер спрашивает, можно ли полагаться на то, что саламандры действительно сдают весь жемчуг, который находят, и не отдают ли они его еще кому-нибудь, кроме доверенных лиц Компании.

Г.Х. Бонди констатирует, что это первое публичное упоминание о саламандрах. До сих пор Компания придерживалась правила не приводить подробностей о том, каким способом производится добыча жемчуга. Он подчеркивает, что именно поэтому было выбрано скромное название — Тихоокеанская экспортная компания.

М.Х. Бринкелер задает вопрос, воспрещается ли здесь говорить о вещах, затрагивающих интересы Компании, которые к тому же давно известны самой широкой общественности.

Г.Х. Бонди отвечает, что это не воспрещается, но является новшеством. Он рад, что отныне можно говорить об этом открыто. На первый вопрос г-на Бринкелера он может ответить, что, по его сведениям, нет никаких оснований сомневаться в полнейшей честности и работоспособности саламандр, занятых на добыче жемчуга и кораллов. Надо, однако, считаться с тем, что известные нам до сих пор месторождения жемчуга в значительной мере исчерпаны или будут исчерпаны в более или менее близком будущем. Именно в поисках новых месторождений умер наш незабвенный сотрудник капитан ван-Тох на пути к островам, не эксплуатировавшимся до сих пор. Пока что мы не можем заменить его человеком, который обладал бы таким же опытом, такой же безупречной честностью и любовью к делу.

Полковник Д.У. Брайт полностью признает за-

слуги покойного капитана ван-Тоха. Однако он отмечает, что капитан, о кончине которого мы глубоко скорбим, слишком нянчился с упомянутыми саламандрами. (*Возгласы одобрения.*) Не было никакой надобности снабжать саламандр ножами и другими инструментами такого первоклассного качества, как это делал покойный ван-Тох. Не было никакой надобности так много тратить на их кормежку. Можно было бы значительно снизить расходы, связанные с содержанием саламандр, и тем самым повысить доходность наших предприятий. (*Шумные аплодисменты.*)

ВИЦЕ-ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Дж. ДЖИЛЬБЕРТ соглашается с полковником Брайтом, но подчеркивает, что при жизни капитана ван-Тоха это было неосуществимо. Капитан ван-Тох уверял, что у него имеются личные обязательства по отношению к саламандрам. По разным причинам было невозможно и нежелательно оставлять без внимания требования старика.

КУРТ ФОН ФРИШ спрашивает, нельзя ли использовать саламандр как-нибудь иначе, в частности более выгодно, чем на добыче жемчуга. Следовало бы подумать об их прирожденных, так сказать, «бобровых способностях» к постройке плотин и прочих сооружений под водой. Можно было бы использовать их для углубления гаваней, постройки молов и для других технических работ под водой.

Г.Х. БОНДИ сообщает, что правление тщательно рассматривает этот вопрос; в этом направлении, бесспорно, открываются огромные возможности. Он указывает, что число саламандр, находящихся в собственности Компании, составляет в настоящее время приблизительно шесть миллионов; если учесть, что пара саламандр дает в год около ста головастика, то

в будущем году мы будем иметь в своем распоряжении до трехсот миллионов саламандр; через десять лет численность их достигнет прямо астрономической цифры. Г.Х. Бонди спрашивает, что Компания намерена делать с этим необычным множеством саламандр, которых уже сейчас — за недостатком естественного корма — приходится подкармливать на саламандровых фермах копррой, картофелем, кукурузой и т. п.

Курт фон Фриш спрашивает, съедобны ли саламандры.

Дж. Джилльберт. Ни в коем случае. Точно так же их кожа ни на что не годится.

Бонанфан задает правлению вопрос, что же в таком случае оно намерено предпринять.

Г.Х. Бонди (*встает*). Милостивные государи! Мы создали настоящее чрезвычайное общее собрание для того, чтобы открыто заявить о крайне неблагоприятных перспективах нашей Компании, которая — позвольте мне с гордостью напомнить это — в прошлые годы приносила дивиденды в размере от двадцати до двадцати трех процентов, помимо прочно консолидированных резервных фондов и различных отчислений. Теперь мы стоим на распутье: тот способ ведения дел, который оправдывал наши ожидания в прошлые годы, на практике изжит; нам остается лишь искать новые пути. (*Возгласы: «Превосходно!»*)

Я усмотрел бы, господа, веление судьбы в том факте, что именно в этот момент нас покинул наш замечательный капитан и преданный друг И. ван-Тох. С его личностью была связана романтическая, красивая и — скажу прямо — довольно сумасбродная идея торговли жемчугом. Я считаю ее уже законченной главой нашей деятельности; она имела свое, так сказать, экзотическое

очарование, но не годилась для современной эпохи. Милостивые государи! Жемчуг не может быть объектом грандиозного вертикально и горизонтально разветвленного предприятия. Лично для меня это дело с жемчугом служило только небольшим развлечением. (*Движение в зале.*) Да, господа, развлечением, которое и вам и мне принесло порядочно денег. Кроме того, на первых порах нашей деятельности саламандры обладали, я сказал бы, некоторой прелестью новизны. Триста миллионов саламандр не будут уже обладать такой прелестью. (*Смех.*)

Я сказал «новые пути». Пока был жив мой добрый друг, капитан ван-Тоха, исключена была всякая возможность придать нашему предприятию иной характер, чем тот, который я назвал бы стилем капитана ван-Тоха. (*С места: «Почему?»*) Потому что у меня слишком много вкуса, чтобы смешивать различные стили. Стиль капитана ван-Тоха — это был, я сказал бы, стиль приключенческих романов. Это был стиль Джека Лондона, Джозефа Конрада и т. п. Старый экзотический, колониальный, почти героический стиль. Не отрицаю, он по-своему увлекал меня. Но после смерти капитана ван-Тоха мы не имеем права продолжать эту авантюрную, ребяческую эпопею. Перед нами, господа, не новая глава, а новая концепция, задача для нового и притом существенно иного творческого замысла. (*С места: «Вы говорите об этом, как о романе!»*) Да, милостивый государь, вы правы! Торговля интересует меня как художника. Без известного творческого воображения вы никогда не выдумаете ничего нового. Мы должны быть поэтами, если не хотим, чтобы мир остановился. (*Аплодисменты. Г.Х. Бонди кланяется.*)

Я, господа, с сожалением подвожу черту под этой,

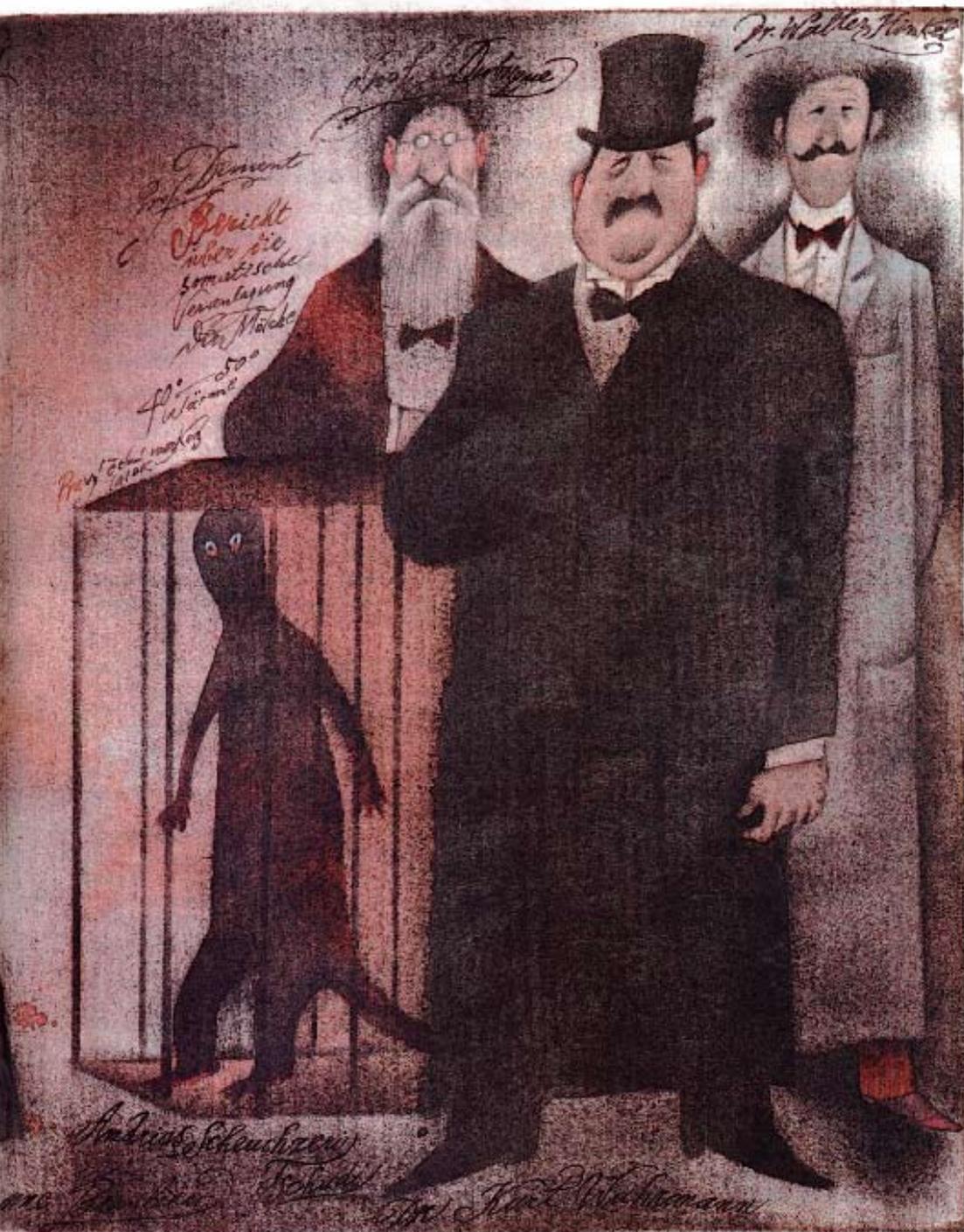
так сказать, вантоховской главой: в ней мы изжили то, что было авантюрного и детского в нас самих. Пора кончить сказку о жемчугах и кораллах. Синдбад-Мореход умер, господа. Вопрос о том, что предпринять теперь? (С места: «Об этом мы вас и спрашиваем!») Ну так вот, господа, благоволите взять карандаши и пишите. Шесть миллионов. Написали? Помножьте на пятьдесят. Получается триста миллионов, не так ли? Помножьте опять на пятьдесят. Это пятнадцать миллиардов, правда? А теперь, господа, будьте так добры, посоветуйте, что нам делать через три года с пятнадцатью миллиардами саламандр? Как мы их используем, как мы их прокормим и так далее... (С места: «Ну и пусть передохнут!») Да, но разве не жалко? Разве вы не учитываете, что каждая саламандра представляет собою некоторую экономическую ценность, ценность рабочей силы, которая ждет своего применения? Господа, с шестью миллионами саламандр мы еще можем кое-как управиться. С тремястами миллионами это будет потруднее. Но пятнадцать миллиардов саламандр, господа, — это уже просто захлестнет нас с головой. Саламандры съедят Компанию. Вот так. (С места: «Вы будете отвечать за это! Вы затеяли все дело с саламандрами!»)

Г.Х. Бонди (*поднял голову*). Я полностью принимаю на себя ответственность, господа! Кто хочет, может немедленно избавиться от акций Тихоокеанской экспортной компании. Я готов заплатить за каждую акцию... (С места: «Сколько?») Полную стоимость, милостивый государь! (*Общий шум. Президиум объявляет перерыв на десять минут*).

По возобновлении заседания слово просит М.Х. Бринкелер. Он выражает свое удовлетворение по поводу того, что саламандры столь бурно размножаются,

Photo: Ier Congres

Andreas Scheuchzer

тем самым увеличивая имущество Компании. Однако, господа, было бы явной нелепостью разводить их даром: если у нас самих нет для них подходящей работы, то я от имени группы акционеров предлагаю просто-напросто продавать саламандр как рабочую силу всякому, кто собирается предпринять какие-либо работы в воде или под водой. (*Аплодисменты.*) Прокормление саламандры обходится в несколько сантимов в день; если продавать пару саламандр, скажем, за сто франков и если рабочая саламандра может выжить, допустим, хотя бы один год, то любой предприниматель шутя окупит такое капиталовложение. (*Возгласы одобрения.*)

Дж. ДЖИЛЬБЕРТ отмечает, что саламандры достигают значительно большего возраста, чем один год; за отсутствием достаточно продолжительных наблюдений срок их жизни вообще еще не установлен.

М.Х. БРИНКЕЛЕР вносит после этого поправку к своему проекту, предлагая, чтобы цена одной пары саламандр была в таком случае повышена до трехсот франков с доставкой в порт.

С. ВЕЙСБЕРГЕР спрашивает, какие, собственно, работы могли бы выполнять саламандры.

ДИРЕКТОР ВОЛАВКА. По своим врожденным инстинктам и по необычайной технической сметке саламандры годятся для строительства плотин, дамб и волнорезов, для углубления гаваней и каналов, для удаления мелей и илистых наносов, для очистки водных путей сообщения; они могут укреплять и регулировать морские побережья, расширять пространство, занятое сушей, и тому подобное. Во всех этих случаях речь идет о колоссальных работах, требующих сотни и тысячи рабочих рук, о работах настолько обширных, что даже современная техника никогда не отважится взяться за

них, пока не будет иметь в своем распоряжении неслы-
ханно дешевую рабочую силу. (*Возгласы: «Правильно!»,
«Превосходно!»*)

Д-р ГУБКА высказывает предположение, что, прода-
вая саламандр, которые смогут, вероятно, размножить-
ся и у новых владельцев. Компания потеряет монопо-
лию на саламандр. Он предлагает не продавать, а только
отдавать внаем предпринимателям водных сооружений
рабочие колонны надлежащим образом выдрессиро-
ванных саламандр, ставя условием, чтобы их возможное
потомство поступало в собственность Компании.

ДИРЕКТОР Волавка указывает, что невозможно
уследить в воде за миллионами или даже миллиардами
саламандр, а тем паче за их пометом: к сожалению, мно-
го саламандр было уже украдено для зоологических са-
дов и зверинцев.

Полковник Д.У. БРАЙТ. Следовало бы продавать
или отдавать внаем только саламандр-самцов, чтобы
они не могли размножаться нигде, кроме саламандро-
вых инкубаторов и ферм, составляющих собственность
Компании.

ДИРЕКТОР Волавка. Мы не можем утверждать,
что саламандровые фермы составляют собственность
Компании. Нельзя приобрести в собственность или в
исключительное пользование участок морского дна.
Юридический вопрос — кому, собственно, принад-
лежат саламандры, живущие, например, в территори-
альных водах ее величества королевы нидерландской,
очень неясен и может вызвать много споров. (*Волнение
в зале.*) В большинстве случаев за нами не обеспечено
даже право рыболовства: мы, господа, устраивали свои
саламандровые фермы на Тихоокеанских островах, так
сказать, нелегально. (*Волнение усиливается.*)

Дж. ДЖИЛЬБЕРТ отвечает полковнику Брайту, что по имеющимся наблюдениям изолированные саламандры-самцы через некоторое время утрачивают свою бодрость и работоспособность: они становятся вялыми, безжизненными и гибнут от тоски.

КУРТ ФОН ФРИШ спрашивает, нельзя ли перед продажей охолощать или стерилизовать саламандр.

Дж. ДЖИЛЬБЕРТ. Это было бы слишком дорого; скорее, мы не можем помешать дальнейшему размножению проданных саламандр.

С. ВЕЙСБЕРГЕР, как член Общества покровительства животным, просит, чтобы намечаемая продажа саламандр производилась гуманным способом, не оскорбляющим человеческих чувств.

Дж. ДЖИЛЬБЕРТ благодарит за это указание: само собой разумеется, что поимка и перевозка саламандр будут поручены обученному персоналу и подчинены соответствующему надзору. Однако мы не можем отвечать за то, как будут обращаться с саламандрами предприниматели, которые их купят.

С. ВЕЙСБЕРГЕР заявляет, что он удовлетворен разъяснениями вице-председателя Дж. ДЖИЛЬБЕРТА. (*Аплодисменты.*)

Г.Х. БОНДИ. Прежде всего, господа, откажемся от мысли сохранить в будущем монополию на саламандр. К сожалению, согласно действующему законодательству, мы не можем получить на них патент. (*Смех.*) Свое привилегированное положение в области торговли саламандрами мы можем и должны закрепить другим способом. Но в качестве необходимой предпосылки для этого мы должны взяться за дело в ином стиле и в гораздо более обширном масштабе, чем до сих пор. (*Возгласы: «Слушайте!»*) Передо мной, господа, лежит

целая пачка предварительных соглашений, и правление предлагает создать новый вертикальный трест под названием синдикат «Саламандра». Членами синдиката, кроме нашей Компании, стали бы определенные крупные предприятия и мощные финансовые группы; например, один известный концерн, который будет изготавливать специальные металлические инструменты для саламандр... (С места: «Вы имеете в виду МЕАС?») Да, милостивый государь, я говорю о МЕАС. Затем — химический и пищевой картель, который будет изготавливать дешевый патентованный корм для саламандр; группа транспортных компаний, которая берется на основании имеющегося опыта сконструировать и запатентовать специальные гигиенические резервуары для перевозки саламандр; блок страховых обществ, который займется страхованием купленных животных на случай увечья или гибели как при перевозке, так и на месте их работы; наконец, разные лица, которые связаны с промышленностью, экспортом и банками и которых пока, по весьма серьезным соображениям, мы называть не будем. Достаточно, если я скажу вам, господа, что этот синдикат будет располагать на первых порах четырьмястами миллионами фунтов стерлингов. (Волнение.) В этой папке, друзья мои, находятся соглашения, которые достаточно только подписать, чтобы возникла одна из величайших экономических организаций наших дней. Правление просит вас, господа, предоставить ему полномочия, необходимые для создания этого исполинского концерна, задачей которого будет рациональное разведение и эксплуатация саламандр. (Аплодисменты и возгласы протеста.)

Благоволите, господа, учесть выгоды такого объединения. Синдикат «Саламандра» будет поставлять не

только саламандр, но также все инструменты и корм для саламандр, то есть кукурузу, крахмалистые вещества, говяжье сало и сахар для миллиардов подкармливаемых животных; далее синдикат берет на себя перевозку, страхование, ветеринарный надзор и прочее, причем все это — по самым низким тарифам, обеспечивающим нам если не монополию, то, во всяком случае, абсолютный перевес над любым конкурирующим предприятием, которое захотело бы продавать саламандр. Пусть кто-нибудь попробует, господа; недолго он будет соперничать с нами. (*Возгласы: «Браво!»*) Но это не все. Синдикат «Саламандра» будет поставлять все материалы для подводных работ, производимых саламандрами; вот почему за нами стоит также тяжелая промышленность, стоят цемент, строевой лес и кирпич... (*С места: «Еще неизвестно, как саламандры будут работать!»*) Господа, в настоящий момент двенадцать тысяч саламандр заняты в Сайгонском порту на работах по сооружению новых доков, пристаней и молвов. (*С места: «Этого вы нам не говорили!»*) Не говорил. Это первый опыт в большом масштабе. Этот опыт, господа, дал в высшей степени удовлетворительные результаты. Сейчас уже не приходится сомневаться в будущности саламандр. (*Шумные аплодисменты.*)

Но и это не все. Этим далеко еще не исчерпываются задачи синдиката. Синдикат будет подыскивать на всем земном шаре работу для миллионов саламандр. Он будет разрабатывать идеи и общие планы покорения моря. Будет пропагандировать утопию и грандиозные мечты. Будет поставлять проекты новых берегов и каналов, плотин, связывающих между собой целые континенты, искусственных островов для трансокеанской авиации, новых материков, воздвигаемых среди океана.

В этом — будущее человечества. Господа, четыре пятых земной поверхности покрыты морем; это, бесспорно, слишком много; карта распределения суши и моря на нашей планете должна быть исправлена. Мы дадим миру рабочих моря, господа. Это будет уже не стиль капитана ван-Тоха; приключенческую сказку о жемчугах мы заменим гимном труда. Одно из двух: либо мы останемся мелкими лавочниками, либо будем творить; но если мы не сумеем мыслить в масштабе материков и океанов — значит, мы не доросли до своих возможностей. Здесь рассуждали о том, за сколько надо продавать пару саламандр. Я хотел бы, чтобы мы мыслили в масштабах миллиардов саламандр, десятков миллионов рабочих рук, преобразований земной коры, нового сотворения мира и новых геологических эпох. Мы можем теперь говорить о будущих Атлантидах, о старых континентах, все далее наступающих на всемирный океан, о новых материках, которые создаст само человечество. Простите, господа, возможно, это звучит для вас как утопия. Да, мы действительно вступаем в царство Утопии. Да, друзья мои, мы уже находимся в нем! Нам остается лишь обдумать техническую сторону вопроса о будущности саламандр... (С места: «И экономическую!»)

Да! Особенно экономическую. Господа, наша Компания слишком мала для того, чтобы она сама сумела эксплуатировать миллиарды саламандр. Для этого у нас не хватит ни финансовых, ни политических возможностей. Если мы начнем менять карту суши и моря, то этим, господа, заинтересуются и великие державы. Не будем говорить об этом; не станем упоминать о высокопоставленных лицах, которые уже сейчас весьма благоклонно относятся к синдикату. Но прошу вас, господа, не упускайте из виду беспредельный размах того дела,

за или против которого вы будете сейчас голосовать.
(*Продолжительные восторженные аплодисменты. Возгласы: «Браво!», «Превосходно!»*)

Перед голосованием пришлось, однако, обещать, что по акциям Тихоокеанской экспортной компании в этом году будет выплачен по крайней мере десятипроцентный дивиденд за счет резервных фондов. После этого за предложение правления проголосовало восемьдесят семь процентов акций, и только тринадцать было против. Таким образом, предложение было принято. Синдикат «Саламандра» вступил в жизнь. Г.Х. Бонди поздравляли.

— Вы очень красиво говорили, господин Бонди, — похвалил его старый Сиги Вейсбергер. — Очень красиво. Но, скажите, как пришла вам в голову эта идея?

— Как? — рассеянно ответил Г.Х. Бонди. — По совести говоря, господин Вейсбергер, я сделал это в память старика ван-Тоха. Он так носился со своими саламандрами... Что он, бедняга, сказал бы, если бы его tara-boys дали подохнуть или истребили их!

— Каких tara-boys?

— А этих чудовищ саламандр. Теперь, когда они представляют собой какую-то ценность, с ними будут по крайней мере прилично обращаться. Больше эти твари ни на что не годятся, господин Вейсбергер, разве только для какого-нибудь фантастического предприятия.

— Не понимаю, — сказал Вейсбергер. — А вы видели уже когда-нибудь саламандру, господин Бонди? Я, собственно, не знаю, что это такое. Скажите, пожалуйста, как они выглядят?

— Этого, господин Вейсбергер, я вам не скажу. Знаю ли я, что такое саламандра? А зачем мне это знать? Разве есть у меня время заниматься вопросом о том, как они выглядят? Я должен радоваться, что мы сколотили этот синдикат.

Приложение
О половой жизни саламандр

ОДНО из излюбленных занятий человеческого духа — представлять себе, как когда-нибудь в далеком будущем будет выглядеть мир и человечество, какие чудеса техники воплотятся в жизнь, какие социальные проблемы будут решены, как далеко шагнет наука, организация общества и так далее. Однако большинство из этих утопий не упускают случая весьма живо интересоваться вопросом о том, как в этом лучшем, более прогрессивном или по крайней мере технически более совершенном мире будет обстоять дело со столь древним, хотя и по-прежнему популярным институтом, как половая жизнь, размножение, любовь, брак, семья, женский вопрос и тому подобное. Сошлемся на соответствующих литераторов, таких, как Поль Адам, Г. Дж. Уэллс, Олдос Хаксли и многие другие.

Ссылаясь на эти примеры, автор считает своей обязанностью, раз уж он решил заглянуть в будущее земного шара, рассмотреть и вопрос о том, как в этом будущем мире саламандр будет складываться сексуальный порядок. Он делает это уже здесь, чтобы не возвращаться к этой теме позднее.

Половая жизнь Андриаса Шейхцери в основных чертах, естественно, соответствует принципу размножения прочих хвостатых земноводных, это — не в полном смысле слова совокупление: самка откладывает яйца в несколько приемов, оплодотворенные зародыши развиваются в воде, становясь головастиками, и так далее; об этом можно прочесть в любом учебнике естествознания. Упомянем лишь о некоторых особенностях, подмеченных в этой области у Андриаса Шейхцери.

В начале апреля, как пишет Г. Вольте, самцы избирают себе самок; в каждом сексуальном периоде самец, как правило,

держится одной и той же самки, не отступая от нее ни на шаг в течение нескольких дней. В эту пору он почти совсем не принимает пищи, в то время как самка проявляет значительную прожорливость. Самец гоняется за ней под водой, стараясь плотно прижаться головой к ее голове. Когда это ему удается, он прикладывает свою пасть к ее носу — быть может, для того, чтобы не дать ей убежать от себя — и застывает в оцепенении. Так, соприкасаясь только головами, тогда как тела их составляют угол почти в тридцать градусов, оба животных как бы парят в воде без малейшего движения. Временами самец начинает так сильно извиваться, что боками своими сталкивается с боками самки; затем он снова цепенеет с широко расставленными ногами, не отрывая пасти от головы своей подружки, которая между тем равнодушно пожирает все, что ей попадается на пути. Этот, если можно так выразиться, поцелуй продолжается несколько дней: иной раз самка отделяется от самца в погоне за пищей и он преследует ее в явном волнении и даже в ярости. Наконец самка отказывается от дальнейшего сопротивления, уже не стремится убежать, и обе саламандры висят в воде неподвижно, похожие на два черных связанных полена. Тогда по телу самца пробегает волна судороги, и он выпускает в воду обильную, несколько липкую молоку. Тотчас после этого он покидает самку и прячется под камнями в крайнем изнеможении; в это время ему можно отрезать ногу или хвост — он даже не попытается защищаться.

Самка же остается после этого в течение некоторого времени в состоянии неподвижного оцепенения, затем она резко прогибается и начинает извергать из клоаки соединенные почкой яйца, окутанные слизью. При этом она нередко помогает себе задними ногами, как это делают жабы. Количество яиц колеблется от сорока до пятидесяти, и они комком висят на теле самки. Самка отплывает в защищенное место и прикрепляет яйца к водорослям или даже просто к камням. Через

десять дней она откладывает вторую серию яиц, в количестве от двадцати до тридцати, совсем не встречаясь с самцом между первой и второй кладкой; эти яйца, видимо, оплодотворяются прямо у нее в клоаке. Как правило, еще через семь-восемь дней происходит третья и четвертая очередь откладывания яиц, также уже оплодотворенных; на этом третьем этапе количество яиц колеблется от пятнадцати до двадцати. Через промежуток времени от одной до трех недель из яиц вылупливаются подвижные маленькие головастики с ветвеобразными жабрами. Уже через год эти головастики становятся взрослыми саламандрами, способными к размножению.

Рассмотрим теперь наблюдение мисс Бланш Кистемекерс над двумя самками и одним самцом Андриаса Шейхцери, содержащимися в неволе. В период спаривания самец выбрал себе лишь одну из двух самок и преследовал ее достаточно жестоким образом: когда она от него уплывала, он бил ее сильными ударами хвоста. Ему не нравилось, что она принимала пищу, и он стремился оттеснить ее от корма; он явно желал полностью завладеть ее вниманием и прямо терроризировал ее. Выпустив молоку, он набросился на вторую самку с намерением сожрать ее; пришлось удалить его из резервуара и поместить отдельно. Несмотря на это, вторая самка тоже отложила в общем счете шестьдесят три *оплодотворенных* яйца. Мисс Кистемекерс отметила, однако, что в течение всего периода у всех троих животных края клоак значительно опухали. Итак, можно прийти к выводу, пишет мисс Кистемекерс, что оплодотворение у Андриаса происходит не путем совокупления и даже не путем излияния молока на яйца, а посредством того, что можно назвать *половой средой*.

Как видно, не требуется даже временного сближения животных, чтобы оплодотворить яйца. Это привело молодую исследовательницу к целому ряду интересных опытов. Она поместила самца и самок отдельно; когда наступила пора

спаривания, она выдавила молоки из самца и бросила их в воду самкам. После этого самки начали класть оплодотворенные яйца. В ходе дальнейших экспериментов мисс Кистемекерс профильтровала молоки, а фильтрат, из которого *были удалены сперматозоиды* (получилась прозрачная, со слабой кислотностью, жидкость), вылила в резервуар, где жили самки. И в этом случае самки *отложили яйца*, каждая примерно по пятидесяти штук, причем большинство из них оказались *оплодотворенными* и развились в нормальных головастиков. Именно это привело мисс Кистемекерс к важному открытию *половой среды*, представляющей собой самостоятельное звено между партеногенезом и размножением путем половых сношений. Оплодотворение яиц происходит попросту вследствие химического изменения среды (определенного рода окисления, причем нужную кислоту до сих пор не удалось получить искусственным путем). Это изменение каким-то образом связано с половой функцией самца, но в самой этой функции, собственно говоря, нет никакой надобности. Тот факт, что самец соединяется с самкой, представляет собой, видимо, пережиток более древнего этапа развития, когда оплодотворение у Андриаса происходило так же, как и у других земноводных. Это соединение, как правильно подчеркивает мисс Кистемекерс, лишь своего рода унаследованная иллюзия отцовства; в действительности же самец не является отцом головастиков, а всего-навсего совершенно безличным химическим фактором, создающим половую среду, которая и есть единственная оплодотворяющая сила. Если поместить в один резервуар сто пар саламандр Андриас Шейхцери, мы могли бы вообразить, что тут имеет место сто индивидуальных половых актов; в действительности же это — единый акт, а именно — коллективная сексуализация данной среды, или, если выразиться точнее, — определенное окисление воды, на которое созревшие яйца Андриаса реагируют развитием в го-

ловастиков. Составьте искусственным путем этот неизвестный нам кислотный агент, и самцы будут не нужны.

Итак, половая жизнь удивительного Андриаса является нам как Великая Иллюзия; его эротическая страстность, его брачные устремления и половая тирания, его временная верность, его неуклюжее и медлительное наслаждение — все это, строго говоря, лишние, изжившие себя, почти символические действия, сопровождающие или, так сказать, украшающие на самом деле безличный акт оплодотворения, каковым является создание оплодотворяющей половой среды. Странное безразличие, с которым самки принимают это бесцельное, френетическое индивидуальное ухаживание самцов, явно свидетельствует о том, что самки инстинктивно чувствуют в этих брачных церемониях всего лишь формальный обряд или вступление к подлинному брачному акту, в ходе которого они, то есть самки, взаимодействуют в половом отношении с оплодотворяющей средой, мы бы сказали, что самка Андриаса яснее понимает это обстоятельство и относится к нему более трезво, без эротических иллюзий.

(Эксперименты мисс Кистемекерс дополнил своими интересными опытами ученый аббат Бонтемпелли. Он высушил и размолот молоку Андриаса и пустил ее в воду, где содержались самки; и в этом случае самки начали откладывать оплодотворенные яйца. Тот же результат получился, когда он высушил и размолот половые органы Андриаса-самца, и тогда, когда он выдержал их в спирте, и когда выварил их, а экстракт влил в воду к самкам. Тем же самым увенчался и его опыт, когда он ввел в резервуар к самкам вытяжку гипофиза самца и даже выделения подкожных желез самца, взятых в период течки. Во всех этих случаях самки сначала никак не реагировали на примеси, но постепенно они прекращали поиски пищи и застывали без движения, буквально оцепенев, а через несколько часов начинали извергать из себя студенистые яйца, величиной примерно с фасоль.)

В этой связи следует упомянуть и о странном обряде — так называемой *пляске саламандр* (имеется в виду не «Саламандр-данс», вошедший за последнее время в моду, особенно в высшем обществе, и названный епископом Хирамом «самым непристойным танцем, о котором ему когда-либо приходилось слышать»). Сущность пляски саламандр заключается в следующем: вечерами в полнолуние (за исключением периода спаривания) на берег выходят Андриасы, причем *только самцы*, усаживаются в круг и начинают извиваться верхней половиной туловища, извиваться особым, волнообразным движением. Это движение вообще характерно для крупных саламандр; но во время названной «пляски» они отдаются ему со страстью, иступленно, до полного изнеможения, подобно пляшущим дервишам. Некоторые ученые считали это бешеное кружение и топтание неким культом Луны и, следовательно, принимали его за религиозный обряд; другие, в противоположность первым, усматривали в нем танец, в сущности своей эротический, и объясняли его именно той организацией половой жизни, о которой мы уже говорили. Мы сказали, что у Андриаса Шейхцери оплодотворяющей силой является так называемая половая среда, представляющая собой массового и безличного посредника между самцами и самками. Мы сказали также, что самки воспринимают эти безличные половые отношения куда более реалистично и просто, чем самцы, которые — по-видимому, из свойственного им инстинктивного тщеславия и воинственности — хотят по крайней мере сохранить видимость полового триумфа и потому *разыгрывают роли* влюбленных и супругов-собственников. Это — одна из величайших эротических иллюзий, любопытным образом опровергаемая именно этими плясками, этими большими праздниками самцов, которые есть не что иное, как инстинктивное стремление осознать себя Коллективом Самцов. Существуют мнения, что с помощью этого массового танца сала-

мандры подавляют атавистичную и бессмысленную иллюзию полового индивидуализма самцов; извивающаяся, опьяненная, френетическая толпа — не более не менее как Массовый Самец, Коллективный Жених и Великий Оплодотворитель, который вершит свой торжественный брачный танец и предается великому свадебному обряду при странном исключении самок, которые тем временем равнодушно чавкают, пожирая разных рыб и сепий. Известный ученый Чарльз Дж. Пауэлл, назвавший эти саламандровые торжества Пляской Мужского Принципа, пишет: «Разве не видим мы в этих всеобщих обрядах самцов самый корень и источник странного коллективизма саламандр? Ведь если подумать, то подлинную общность в животном мире мы найдем только там, где жизнь и развитие вида опираются не на принцип брачной пары — у пчел, у муравьев и термитов. Общность пчел можно выразить словами: «Я, Материнский Улей». Общность же саламандр выражается совсем иначе: «Мы, Мужской Принцип». Только все самцы сообща, которые в данный момент чуть ли не всеми своими порами выделяют плодоносную половую среду, и являются Великим Самцом, проникающим в лоно самок и щедро воспроизводящим жизнь. Их отцовство — коллективное; поэтому и все естество их — коллективное и проявляется в совместных действиях, в то время как самки, кончив класть яйца, до следующей весны ведут более или менее разобщенную и уединенную жизнь. Община состоит из одних самцов. Только самцы выполняют общие задачи. Нет другого вида животных, где бы самки играли столь второстепенную роль, как у Андриаса; они исключены из жизни общины, да и не проявляют к ней ни малейшего интереса. Их время придет, когда Мужской Принцип насытит среду кислотой, едва ли поддающейся изучению химии, но настолько жизненной, что она, растворенная в морской воде, воздействует на организм самок даже в бесконечно малых дозах. Кажется, сам

Океан становится самцом, оплодотворяя на берегах миллионы зародышей».

«Если не считать петушиной горделивости, — продолжает Чарльз Дж. Пауэлл, — природа у большинства животных видов наделила превосходством жизненных сил именно самок. Самцы существуют для собственного удовольствия и для того, чтобы убивать; это — надменные и хвастливые одиночки, тогда как самки представляют сам род во всей его силе и со всеми свойственными ему добродетелями. У Андриаса (и частично у человека) соотношение в корне иное, образование общности самцов и мужской солидарности сообщает самцу явное биологическое превосходство, и самцы определяют развитие этих видов в гораздо большей степени, чем самки. Быть может, именно благодаря такому исключительно мужскому направлению развития у Андриаса столь сильно проявляются *технические*, то есть типично мужские способности. Андриас — прирожденный техник со склонностью к массовому труду, эти вторичные *мужские* половые признаки, то есть технический талант и склонность к организации, развиваются в нем на наших глазах так быстро и успешно, что можно было бы говорить о чудесах природы, если бы мы не знали, сколь могучим жизненным фактором являются именно половые детерминанты. *Andrias Scheuchzeri* — это *animal faber*¹, и, возможно, уже в ближайшее время он превзойдет в области техники самого человека — причем исключительно в силу того природного факта, что он создал сообщество самцов в чистом виде».

¹ искусное существо (*лат.*).

Книга вторая

По ступеням цивилизации

1. Пан Повондра читает газеты

Одни собирают почтовые марки, другие — первопечатные книги. Пан Повондра, швейцар в особняке Г. Х. Бонди, долго не мог найти смысла жизни; много лет он колебался между увлечением древними гробницами и страстью к международной политике; и вдруг однажды вечером ему неожиданно открылось, чего именно недоставало ему до сих пор для полноты жизни. Великие открытия обычно приходят неожиданно...

В тот вечер пан Повондра читал газеты, пани Повондрова штопала Франтику носки, а Франтик делал вид, будто зубрит левые притоки Дуная. Было уютно и тихо.

— С ума сойти можно!.. — проворчал пан Повондра.

— Что случилось? — спросила его пани Повондрова, вдевая нитку в иглу.

— Да все эти саламандры, — ответил Повондра-отец. — Вот здесь напечатано, что за последний квартал их было продано семьдесят миллионов штук.

— Это много, правда? — сказала пани Повондрова.

— Еще бы! Это, матушка, потрясающая цифра. Подумай только — семьдесят миллионов! — Пан Повондра покачал головой. — Люди, наверное, заработали на этом бешеные деньги. А какие работы затеваются! — прибавил он после минутного раздумья. — Вот здесь рассказывается, как повсюду

лихорадочно строят новые земли и острова. Я тебе говорю, что теперь люди могут понаделать столько материков, сколько им заблагорассудится. Это, матушка, великое дело. Это, я тебе скажу, больший прогресс, чем открытие Америки.

Пан Повондра с минуту обдумывал свои слова.

— Новая историческая эпоха, понимаешь? — сказал он. — Да, матушка, мы живем в великие времена.

Снова наступило продолжительное молчание. Внезапно Повондра-отец энергичнее задымил своей трубкой.

— И подумать, что без меня ничего бы не было!

— Чего не было бы?

— Да торговли саламандрами. И «нового века». Если поразмыслить, то не кто иной, как я, пустил в ход все это дело.

Пани Повондра подняла глаза от дырявого носка.

— Это как же понимать?

— А так, что я пустил тогда этого капитана к пану Бонди. Если бы я о нем не доложил, капитан в жизни не встретился бы с паном Бонди. Если бы не я, матушка, не вышло бы ничего. Ровно ничего.

— Капитан мог найти кого-нибудь другого, — заметила пани Повондра.

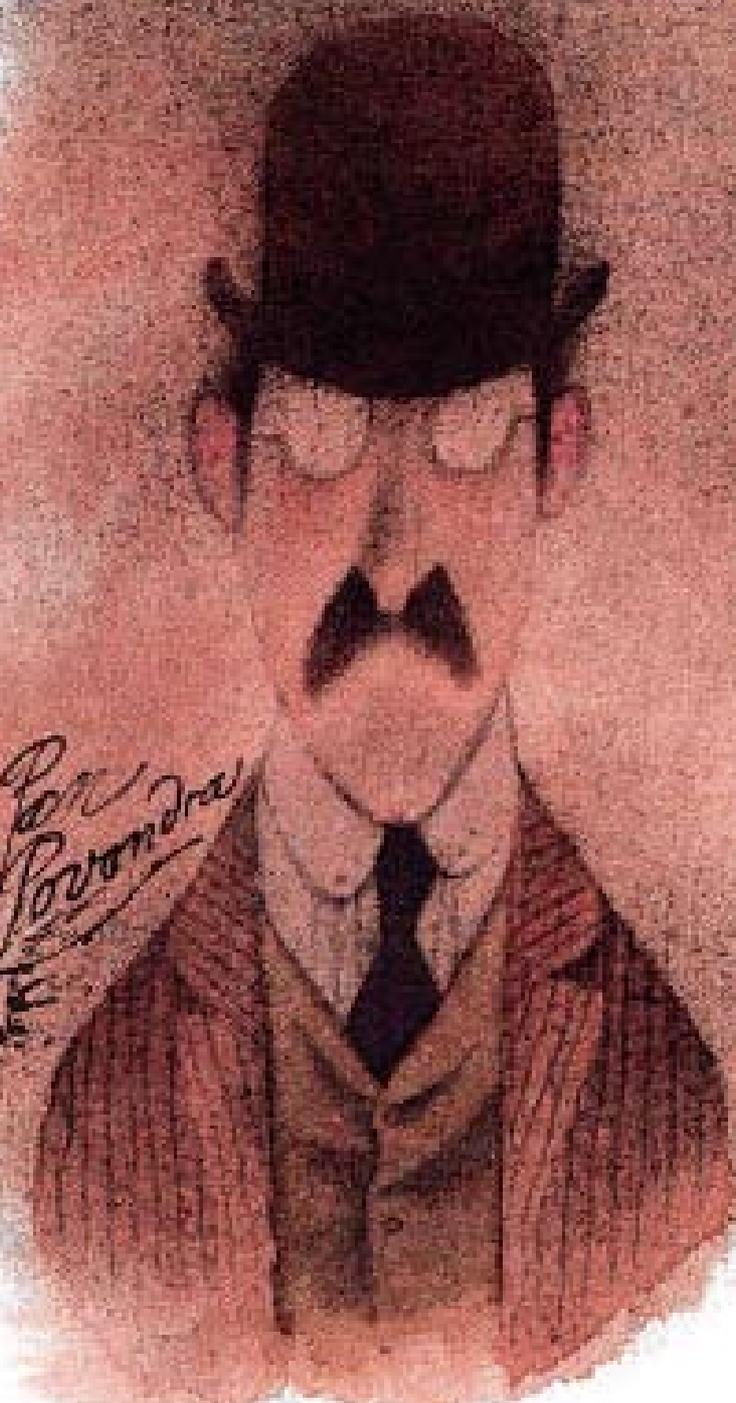
Трубка Повондры-отца презрительно захрипела.

— Много ты понимаешь! На такую вещь способен только Г. Х. Бонди. Да, уж он-то видит дальше, чем... не знаю кто. Другие увидели бы в этом только сумасбродство или подвох. Но пан Бонди — ого! У него, голубчика, есть нюх!..

Пан Повондра задумался.

— Этот самый капитан... как его... да, Вантох... на вид был самый обыкновенный человек. Такой добродушный толстяк... Другой швейцар сказал бы ему — куда, братец? Хозяина нет дома, и так далее. Но у меня словно какое-то предчувствие было, что ли. Доложу-ка я о нем, сказал я себе; мне, наверное, влетит от пана Бонди, но я возьму на себя грех, доложу.

Don
Pavandra

Я всегда говорю, у швейцара должно быть особое чутье. Иной раз позвонит какой-нибудь тип, выглядит как барон, а окажется агентом по продаже комнатных холодильников. А в другой раз явится толстяк — и смотри-ка, что в нем сидит!

Надо уметь разбираться в людях, — сказал в заключение Повондра-отец. — Ты видишь, Франтик, что может сделать человек, даже если он занимает скромное положение. Бери пример с меня и старайся всегда исполнять свой долг, как это делал я.

Пан Повондра торжественно и с чувством подтвердил свои слова кивком головы.

— Я мог бы не пускать капитана дальше порога и избавить себя от беготни по лестнице. Другой швейцар надулся бы и захлопнул дверь перед его носом. И тем самым сорвал бы такой замечательный всемирный прогресс. Помни, Франтик, если бы каждый человек исполнял свой долг, на свете жилось бы как в раю! И слушай внимательно, когда с тобой говорит отец!

— Да, папочка, — буркнул Франтик с несчастным видом.

Повондра-отец откашлялся.

— Дай-ка мне, матушка, ножницы. Надо бы вырезать это из газеты, чтобы оставить после себя какую-нибудь память.

Так пан Повондра начал собирать газетные вырезки о саламандрах. Его страсти коллекционера мы обязаны многими материалами, которые без него канули бы в бездну забвения. Он вырезывал и сохранял все, что находил в печати о саламандрах. Не станем скрывать, что после некоторых колебаний он научился по-мародерски расправляться в своем излюбленном кафе с газетами, в которых было какое-либо упоминание о саламандрах, и достиг при этом редкой, почти престижитаторской виртуозности в искусстве незаметно выдирать из газеты нужный лист и засовывать его в карман под самым

носом у обер-кельнера. Как известно, каждый коллекционер способен на воровство и даже на убийство, если речь идет о том, чтобы пополнить коллекцию новым экземпляром, и это нисколько не чернит его моральный облик.

Теперь его жизнь имела смысл, ибо это была жизнь коллекционера. Вечер за вечером он разбирал и перечитывал свои вырезки под снисходительным взглядом пани Повондровой, которая знала, что каждый мужчина — отчасти сумасшедший и отчасти ребенок; пусть лучше забавляется своими вырезками, чем ходит в пивную и играет в карты. Она даже очистила в комодке место для его коробок, которые он сам смастерил для своей коллекции. Можно ли требовать большего от жены и хозяйки?

Даже сам Г.Х. Бонди был как-то раз изумлен энциклопедическими познаниями пана Повондры во всех вопросах, касающихся саламандр. Пан Повондра, немного стесняясь, признался, что собирает все, что было где-либо напечатано о саламандрах, и показал хозяину свои коробки. Г.Х. Бонди добродушно похвалил его коллекцию. Да, только большие люди могут быть такими благосклонными, и только влиятельные люди умеют осчастливить других так, что это им не стоит ни гроша; большие господа вообще умеют устраиваться. Пан Бонди, например, просто-напросто распорядился, чтобы из канцелярии синдиката «Саламандра» Повондре посылали все вырезки о саламандрах, которые не стоило хранить в архиве. И счастливый, несколько удрученный Повондра ежедневно стал получать целые кипы документов на всех языках мира; из них особо благоговейное почтение внушали ему газеты, напечатанные славянскими или греческими буквами, а также еврейскими, арабскими, китайскими, бенгальскими, тамильскими, яванскими, бирманскими или тааликскими письменами.

— И подумать только, — говорил он, созерцая их, — что без меня ничего этого не было бы!

Как мы уже сказали, коллекция пана Повондры сохранила много исторических материалов, относящихся ко всей затее с саламандрами. Отсюда, однако, не следует, что она могла бы удовлетворить ученого историографа. Прежде всего пан Повондра, которому недоставало специального образования в области вспомогательных исторических дисциплин и методологии архивного дела, не снабжал свои вырезки ни указанием источника, ни соответствующей датой, так что по большей части мы не знаем, где и когда был опубликован тот или иной документ. Во-вторых, ввиду чрезмерного обилия накопившихся у него материалов, пан Повондра сохранял главным образом большие статьи, которые он считал более важными, тогда как краткие заметки и телеграфные сообщения он попросту выбрасывал в ящик с углем, в результате чего сохранилось чрезвычайно мало фактических данных и сведений обо всем этом периоде. В-третьих, к делу весьма заметно приложила руку сама пани Повондрова: когда коробки пана Повондры угрожающе переполнялись, она потихоньку вытаскивала из них часть вырезок и сжигала их; это повторялось по нескольку раз в год. Она щадила только те материалы, которые поступали не в таком большом количестве, — как, например, тексты, напечатанные малабарскими, тибетскими или коптскими письменами; эти вырезки сохранились почти в полном комплекте, но, ввиду некоторых пробелов в нашем образовании, от них мало проку. Таким образом, имеющийся у нас под рукой материал по истории саламандр отличается такою же отрывочностью, как, скажем, поземельные книги XIII столетия нашей эры или собрание сочинений поэтессы Сафо. До нас лишь случайно дошли документальные данные, касающиеся различных моментов того грандиозного процесса, который мы, несмотря на все пробелы, попытаемся объединить под заголовком «По ступеням цивилизации».

2. По ступеням цивилизации (История саламандр)¹

В ТОМ историческом периоде, который Г. Х. Бонди возвестил на достопамятном общем собрании Тихоокеанской экспортной компании пророческими словами о начинающейся утопии², мы не можем исчислять исторические процессы веками или десятилетиями, как это делалось во всей предшествующей мировой истории, но можем вести счет лишь по четвертям года, измеряя время промежутками между выходом квартальных экономических обзоров.

В виде доказательства приведем первую же вырезку из лекции пана Повондры:

НА РЫНКЕ САЛАМАНДР

(ЧТА) Согласно последнему сообщению, опубликованному синдикатом «Саламандра» в конце квартала,

¹ См. *G. Kreuzmann*, *Geschichte der Molche*; *Hanz Tietze*, *Der Molch des XX Jahrhunderts*; *Kurt Wolf*, *Der Molch und das deutsche Volk*; *Sir Herbert Owen*, *The Salamanders and the British Empire*; *Giovanni Focaja*, *L'evoluzione degli anfibi durante in Fascismo*; *Leon Bonnet*, *Les Urodeles et la Societe des Nations*; *S. Madariaga*, *Las Salamandras. V la Civilizacion** и много других.

* *Г. Крейцман*, *История саламандр*; *Ганс Тиеце*, *Саламандра XX столетия*; *Курт Вольф*, *Саламандра и германский народ*; *сэр Герберт Оуэн*, *Саламандры и Британская империя*; *Джованни Фокаджа*, *Эволюция земноводных в эпоху фашизма*; *Леон Бонне*, *Земноводные и Лига наций*; *С. Мадариага*, *Саламандры и цивилизация*.

² См. *Война с саламандрами*. Кн. 1. Гл. 12.

сбыт саламандр увеличивается на тридцать процентов. За три месяца было продано почти семьдесят миллионов саламандр, в частности — в Южную и Центральную Америку, в Индо-Китай и в Итальянское Сомали. В ближайшее время предстоит углубление и расширение Панамского канала, очистка гавани в Гуаякиле и очистка Торрессова пролива от мелей и рифов. Одни только эти работы, по приблизительному подсчету, потребуют удаления девяти миллиардов кубических метров твердых пород. Сооружение массивных авиационных островов на линии Мадера—Бермуды должно начаться предстоящей весной. На Марианских островах, находящихся под японским мандатом, продолжается засыпка моря землей, пока таким путем получено восемьсот сорок тысяч акров новой, так называемой легкой суши между островами Тиниан и Сайпан. В связи с растущим спросом цены на саламандр держатся очень твердо; котировка «лидинг» — 61, «тим» — 620. Запасы имеются достаточные.

В ту эпоху история выработывалась — если можно так выразиться — в крупных масштабах; поэтому и темпы истории необычайно (предположительно — раз в пять) ускорились. Сейчас мы просто-напросто не можем ждать несколько сот лет, пока с нашим миром случится что-нибудь, хорошее или дурное. Например, переселение народов, которое когда-то тянулось несколько веков, при современной организации транспорта могло бы быть полностью осуществлено за каких-нибудь три года; иначе на нем ничего не заработаешь. Точно так же обстоит дело с ликвидацией Римской империи, с колонизацией вновь открытых континентов, с истреблением индейцев и так далее. Все это можно было бы устроить теперь несравненно быстрее, если поручить дело финансо-

во мощным предприятиям. В этом отношении грандиозные успехи синдиката «Саламандра» и его огромное влияние на мировую историю, несомненно, указывает путь грядущим поколениям.

Таким образом, история саламандр с самого начала характеризуется хорошей и рациональной организацией. В этом первая, но отнюдь не единственная заслуга синдиката «Саламандра»; вместе с тем следует признать, что наука, филантропия, просвещение, печать и другие факторы также немало содействовали необычайному распространению и прогрессу саламандр. Но все же именно синдикат «Саламандра», так сказать, день за днем открывал перед саламандрами все новые и новые берега и страны, хотя ему и приходилось преодолевать много препятствий, тормозящих эту экспансию.

О такого рода препятствиях свидетельствует, например, следующее сообщение, вырезанное из газеты без указания даты:

АНГЛИЯ ЗАКРЫЛА СВОИ ГРАНИЦЫ ДЛЯ САЛАМАНДР

(Рейтер) На вопрос члена палаты общин, мистера Дж. Лидса, сэр Сэмюэль Мендевилль ответил сегодня, что правительство его величества закрыло Суэцкий канал для каких бы то ни было перевозок саламандр; правительство не намерено допускать, чтобы хотя бы одна единственная саламандра работала на побережье или в территориальных водах Британских островов. Мотивом этих мероприятий, заявил сэр Сэмюэль, является, с одной стороны, безопасность британских берегов, а с другой — старые законы и договоры о запрещении работорговли.

Отвечая на вопрос члена парламента, мистера Б. Рассела, сэр Сэмюэль сказал, что это положение не распространяется на британские доминионы и колонии.

По кварталным обзорам синдиката «Саламандра» можно проследить, как постепенно заселяются саламандрами индийские и китайские, порты; как эта колонизация захватывает африканское побережье и делает прыжок на американский континент, причем в Мексиканском заливе создаются новые, самые усовершенствованные инкубаторы; как наряду с этими широкими волнами колонизации в разные места посылаются небольшие группы саламандр, играющие роль авангарда будущего экспорта. Так, например, синдикат «Саламандра» послал в подарок голландскому Waterstaat'у тысячу первоклассных саламандр, городу Марселю для очистки Старой Гавани он подарил шестьсот саламандр и тому подобное. Словом, в отличие от заселения земного шара людьми, распространение саламандр происходило планомерно и в крупном масштабе; если бы это дело было предоставлено природе, то оно, наверное, растянулось бы на сотни и тысячи лет; в самом деле, природа никогда не была такой предприимчивой и расчетливой, как человеческая промышленность и торговля. Спрос на саламандр оказал, по-видимому, влияние и на их плодовитость; средняя производительность самки повысилась до ста пятидесяти головастиков в год. Некоторая регулярная убыль саламандр, причиной которой были акулы, прекратилась почти совершенно, когда саламандр вооружали подводными револьверами и пулями дум-дум для защиты от хищных рыб¹.

Распространение саламандр не всюду шло одинаково гладко. Кое-где консервативные круги резко протестовали против ввоза новой рабочей силы, усматривая в этом недобросовестную конкуренцию с человеческим трудом.

¹ Для этой цели применялись почти повсюду револьверы, изобретенные инженером Мирко Шафранекком и изготовлявшиеся на оружейном заводе в Брно.

Сошлемся на следующее газетное сообщение:

ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

В АВСТРАЛИИ

(Гавас) Лидер австралийских тред-юнионов Гарри Мак-Намара объявляет всеобщую забастовку портовых и транспортных рабочих, а также рабочих электростанций и других предприятий. Тред-юнионы требуют, чтобы ввоз рабочих саламандр в Австралию был строго лимитирован в соответствии с законами об иммиграции. Наоборот, австралийские фермеры добиваются, чтобы саламандр ввозили без ограничений, так как в связи со спросом на корм для саламандр значительно повышается сбыт местной кукурузы и животных жиров, в частности бараньего сала. Правительство старается добиться компромисса. Синдикат «Саламандра» предлагает уплачивать тред-юнионам по шести шиллингов за каждую ввезенную саламандру. Правительство готово гарантировать, что саламандры будут заняты на подводных работах и что (в интересах нравственности) они не будут высовываться из воды более чем на сорок сантиметров, то есть более чем по грудь. Тред-юнионы настаивают на двенадцати сантиметрах и требуют за каждую саламандру по десяти шиллингов, согласно существующему регистрационному тарифу. По-видимому, состоится соглашение при содействии государственного казначейства.

Некоторые высказывали опасения, что саламандры, питающиеся мелкими разновидностями морской фауны, создают угрозу для рыболовства. Другие утверждали, что своими подводными норами и ходами саламандры подрывают берега и острова. По правде сказать, немало было людей, прямо

предостерегавших против использования саламандр; но так уж повелось испокон веков, что всякое новшество, все, что служит прогрессу, наталкивается на сопротивление и недоверие; так было с фабричными машинами, и то же самое повторилось с саламандрами.

В некоторых местах возникали недоразумения другого рода. См. следующий любопытный документ из коллекции пана Повондры:

САЛАМАНДРЫ СПАСЛИ 36 УТОПАЮЩИХ

(От нашего собственного корреспондента)

Мадрас, 3 апреля

Пароход линии «Индиан Стар» наскочил в мадрасском порту на лодку, перевозившую около сорока туземцев. Лодка тотчас пошла ко дну. Прежде чем успели снарядить полицейский катер, на помощь утопающим поспешили саламандры, занятые очисткой порта от наносов, и благополучно доставили на берег тридцать шесть человек. Одна из саламандр спасла трех женщин и двух детей. В награду за этот подвиг саламандры получили от местных властей письменную благодарность в непромокаемом футляре.

Спасательная команда саламандр.

Однако туземное население крайне возмущено тем, что саламандрам было разрешено прикасаться к тонущим представителям высших каст. Туземцы считают саламандр «нечистыми» и «неприкасаемыми». В порту собралась толпа в несколько тысяч туземцев, требовавших изгнания саламандр из порта. Полиции удалось сохранить порядок, зарегистрировано всего лишь трое

убитых и сто двадцать арестованных. К десяти часам вечера спокойствие было восстановлено. Саламандры продолжают работать...

Но благодаря энергичному содействию мировой печати, которая правильно оценила как грандиозные перспективы торговли саламандрами, так и связанные с нею доходы от крупных объявлений, внедрение саламандр в большинстве случаев было встречено с одобрением и живейшим интересом, а иногда даже с воодушевлением.

См. следующую весьма любопытную вырезку, написанную, к сожалению, на неизвестном языке и посему непереводимую:

Торговля саламандрами сосредоточивалась главным образом в руках синдиката «Саламандра», который перевозил их на своих собственных, специально для этой цели построенных наливных судах. Центром торговли и своего рода биржей саламандр был «Саламандровый дом» в Сингапуре.

Приведем подробное и объективное описание этой торговли, помеченное «Е. в. 5 октября»:

S-TRADE			
<i>Singapore 4. october</i>			
<i>Leading</i>	<i>63</i>	<i>Odd Jobs</i>	<i>26-35.</i>
<i>Heavy</i>	<i>317.</i>	<i>Trash</i>	<i>008</i>
<i>Team</i>	<i>648.</i>	<i>Spawn</i>	<i>80-132.</i>

Читатель газет может ежедневно найти подобное сообщение в экономическом отделе своей газеты среди телеграмм о ценах на хлопок, олово или пшеницу. Вы, конечно, уже знаете, что означают эти загадочные цифры и слова? Ну да, это торговля саламандрами, или S-Trade. Но о том, как выглядит эта торговля в действительности, большинство читателей имеет довольно сла-

бое понятие. Быть может, они представляют себе кишачий тысячами саламандр огромный базар, по которому расхаживают купцы в тропических шлемах или чалмах, рассматривают выставленный товар, чтобы наконец ткнуть пальцем в какую-нибудь хорошо сложенную, здоровую молодую саламандру со словами «Давайте-ка мне эту. Сколько с меня?»

На самом деле торговля саламандрами выглядит совершенно по-иному. В сингапурском мраморном дворце S-Trade вы не увидите ни единой саламандры, но лишь проворных и элегантных служащих в белых костюмах, принимающих заказы по телефону «Да, сэр! Leading идет по шестьдесят три. Сколько? Двести штук? Да, сэр. Двадцать. Неаву и сто восемьдесят Team. O'key, понимаю. Пароходом — за пять недель. Right? Thank you, sir!»¹ Весь дворец S-Trade звенит от телефонных разговоров, он похож скорее на какое-нибудь министерство или банк, чем на рынок, между тем это белое изысканное здание с ионическими колоннами вдоль фасада — более крупное мировое торжище, чем багдадский базар времен Гарун аль Рашида.

Но вернемся к процитированному нами торговому бюллетеню с его коммерческим жаргоном.

Лидинг — это специально отобранные, интеллигентные, как правило, трехлетние саламандры, тщательно выдрессированные для исполнения обязанностей надсмотрщиков и десятников в рабочих колоннах саламандр. Они продаются только поштучно, независимо от веса: в них ценится только интеллигентность. Сингапурские лидинги, говорящие на хорошем английском

¹ Подходит? Благодарю вас, сэр! (англ.)

языке, считаются наилучшими и самыми надежными. Поштучно предлагаются к продаже и другие марки саламандр десятичников, например так называемые Капитаны, Инженеры, Malaian Chiefs¹, Foremanders² и т. д., но лидинги ценятся выше, чем кто бы то ни было. Сейчас цена на них колеблется около шестидесяти долларов за штуку.

Хэви — это тяжелые, атлетически сложенные, обычно двухлетние саламандры, весом от ста до ста двадцати фунтов. Они продаются только командами (так называемыми bodis), по шести штук в каждой. Они выдрессированы для самых тяжелых физических работ, как, например, ломка скал, выворачивание больших камней и т. д. Если в приведенном бюллетене стоит «Хэви—317», то это значит, что за команду (body) из шести тяжелых саламандр платят триста семнадцать долларов. На каждую такую команду полагается, как правило, один лидинг в качестве десятичника и надсмотрщика.

Тим — это обыкновенные рабочие саламандры, весом от восьмидесяти до ста фунтов, которых продают только дружинами («тимами») по двадцать штук; они предназначаются для массовых работ и применяются главным образом при землечерпательных работах, при сооружении насыпей или плотин и тому подобное. На каждый такой тим полагается один лидинг.

Одд-джобс — самостоятельная категория. Это саламандры, у которых по тем или иным причинам — например, потому что они были выращены не на больших, специально оборудованных саламандровых фермах, —

¹ Малайские старосты (англ.).

² Старшины (англ.).

нет надлежащей специальной выучки. Это, строго говоря, полудикие, хотя нередко весьма одаренные саламандры. Их покупают поштучно или дюжинами, и ими пользуются для разных вспомогательных или более мелких работ, на которые невыгодно посылать целые команды или дружины. Если лидинг, так сказать, элита среди саламандр, то одд-дjobb можно сравнить с мелким пролетариатом. В последнее время их покупают по преимуществу как сырье, которое отдельные предприниматели сами дрессируют, сортируя его на лидинг, хэви, тим и трэш.

Трэш, или брак (отбросы, отходы), — это неполноценные, слабые или страдающие каким-нибудь физическим недостатком саламандры; их продают не поштучно и не определенными партиями, а лишь оптом, на вес — обычно по несколько десятков тонн; килограмм живого веса стоит сейчас от семи до десяти центов. Собственно говоря, неизвестно, на что они годны и для каких целей их покупают — очевидно, для каких-нибудь более легких работ в воде — во избежание недоразумений напомним, что саламандры не съедобны для людей. Трэш покупают почти исключительно китайские перекупщики; куда именно они их отправляют — остается не выясненным.

Спаун — это просто-напросто саламандровый помет, точнее — головастики в возрасте до одного года. Их покупают сотнями, и они имеют очень хороший сбыт, главным образом благодаря своей дешевизне и тому, что их перевозка требует минимальных издержек; их обучают уже на месте, вплоть до того, когда они становятся пригодными к работе. Спаун перевозят в бочках, так как головастики не покидают воды, — в противоположность взрослым саламандрам, которым необходимо выходить

из воды каждый день. Часто в спауне попадаются необычайно одаренные особи, которые стоят даже выше стандартизованного типа лидингов; это придает своеобразный интерес сделкам, касающимся спауна. Высоко одаренных саламандр продают потом по несколько сот долларов за штуку; американский миллионер Дерикер заплатил даже две тысячи долларов за саламандру, бегло говорящую на девяти языках, и отправил ее в Майами на специальном пароходе; перевозка сама по себе обошлась ему почти в двадцать тысяч долларов. В последнее время саламандровый помет покупают главным образом для так называемых саламандровых конюшен, в которых производится отбор и тренировка резвых спортивных саламандр; их запрягают — по три штуки — в плоскодонные лодки, построенные в виде раковин. Гонки саламандр, запряженных в раковины, сейчас в большой моде и являются любимейшим развлечением молодых американок на Палм-Бич, в Гонолулу и на Кубе, их называют «гонки тритонов» или «регата Венеры». В легкой разукрашенной раковине, скользящей по морской глади, стоит гонщица в чрезвычайно коротеньком и чрезвычайно роскошном купальном костюме, держа в руках шелковые вожжи саламандровой тройки, призом служит титул Венеры. Мистер Дж. С. Тинкер, прозванный «консервным королем», купил для своей дочери тройку гоночных саламандр — Посейдона, Хенгиста и Короля Эдуарда, затратив за них свыше тридцати шести тысяч долларов. Но все это выходит уже за рамки настоящей S-Trade, которая ограничивается тем, что поставляет всему миру солидных лидингов, хэви и тим.

Выше мы упоминали уже о саламандровых фермах. Пусть читатель не представляет себе огромных пи-

томников и обнесенных оградой дворов, это — всего лишь несколько километров пустынного побережья, где разбросано с полдюжины домиков из гофрированного железа: один для управляющего, один для ветеринара, остальные — для персонала. Лишь во время отлива можно заметить, что с берега спускаются в море длинные плотины, разделяющие прибрежную полосу на несколько бассейнов: один для помета, другой для категории «лидинг» и т. д., каждую категорию кормят и дрессируют отдельно. И то и другое делается ночью.

С наступлением сумерек саламандры вылезают из подводных нор на берег и собираются вокруг своих преподавателей, обычно отставных солдат. Первый урок — это урок языка, преподаватель произносит перед саламандрами разные слова, например «копать», и наглядно объясняет их смысл. Потом он выстраивает их по четыре в ряд и учит маршировать, затем следует полчаса гимнастики и отдых в воде. После перерыва саламандр обучают обращению с разными инструментами и оружием, а затем в течение трех часов под наблюдением преподавателей они занимаются практикой, выполняя соответствующие подводные работы. По окончании занятий саламандры возвращаются в воду и получают саламандровые сухари, которые изготавливаются главным образом из кукурузной муки и сала; лидингов и тяжелых саламандр подкармливают еще мясом. Лень и непослушание наказываются лишением пищи, телесных наказаний нет; впрочем, саламандры не очень чувствительны к физической боли. С восходом солнца на саламандровых фермах наступает мертвая тишина: люди отправляются спать, а саламандры исчезают в море.

Этот порядок нарушается только два раза в год. Один раз — в период спаривания, когда саламандр на две

недели предоставляют самим себе, а второй — когда на ферму прибывает наливное судно синдиката «Саламандра» и привозит управляющему приказы относительно того, сколько саламандр и каких категорий следует отгрузить. Погрузка производится ночью; судовой офицер, управляющий фермой и ветеринар садятся за освещенный лампой столик, а сторожа и команда судна отрезают саламандрам путь к морю. Саламандры одна за другой подходят к столику, где их осматривают и решают, годны ли они к работе.

Отобранные саламандры влезают затем в шлюпки, которые отвозят их на судно. Они делают это по большей части добровольно, то есть подчиняясь обычному строгому приказанию, лишь иногда приходится применять легкие принудительные меры, как, например, связывание. Спаун, то есть помет, просто вылавливается неводом.

Столь же гуманно и гигиенично производится и перевозка саламандр на наливных судах. Через день в их резервуарах при помощи насоса меняется вода; кормят саламандр превосходно. Смертность во время перевозки едва достигает десяти процентов. По ходатайству Общества покровительства животным на каждом наливном судне имеется капеллан, который следит, чтобы к саламандрам относились по-человечески, и каждую ночь обращается к ним с проповедью, внушая им почтение к людям, а также долг благодарности, повиновения и любви к их будущим хозяевам, не имеющим других помыслов, кроме желания отечески заботиться об их благополучии. Надо сказать, что саламандрам довольно трудно растолковывать, что такое «отеческие заботы», так как понятие отцовства им незнакомо. Среди более развитых саламандр для судовых капелланов укорени-

лось прозвище «Папа-Саламандра». Вполне оправдали себя также научно-образовательные фильмы, которые во время перевозки показывают саламандр, с одной стороны, чудеса человеческой техники, а с другой — будущие задачи и обязанности саламандр.

Есть люди, которые расшифровывают название S-Trade (торговля саламандрами) как Slave Trade, то есть работорговля. Ну что же! Как объективные наблюдатели, мы можем сказать, что, если бы старая работорговля была так хорошо организована, так безупречна с гигиенической точки зрения, как теперешняя торговля саламандрами, мы могли бы только поздравить рабов. С более дорогими сортами саламандр обращаются действительно очень прилично и бережно — хотя бы уже потому, что капитан и команда судна отвечают своим жалованьем и наградами за жизнь вверенных им саламандр. Автор этой статьи сам был свидетелем того, как на наливном судне «С. С. 14» самые бессердечные моряки глубоко огорчились, когда в одном из резервуаров двести сорок первосортных саламандр заболели острым поносом. Они ходили смотреть на них чуть ли не со слезами на глазах и выражали свои истинно гуманные чувства в грубых внешне словах: «На кой черт сдалась нам эта падаль!»

Когда вывоз саламандр начал разрастаться, возникла, конечно, и «дикая» торговля; синдикат «Саламандра» не мог контролировать и эксплуатировать все те поселения саламандр, которые покойный капитан ван-Тох рассеял по мелким отдаленным островам Микронезии, Меланезии и Полинезии, так что многие саламандровые бухты были предоставлены самим себе. В результате, наряду с рациональным разведением саламандр, значительные размеры приобрела также охота

на диких саламандр, во многих отношениях напоминавшая прежний тюлений промысел. Этот промысел был до некоторой степени нелегальный, но так как законодательства об охране саламандр не существовало, то в самом худшем случае охотников преследовали лишь за то, что они без надлежащего разрешения вступили на территорию, находящуюся под суверенитетом того или иного государства. Но саламандры невероятно расплодились на этих островах и временами причиняли ущерб полям и огородам туземцев, а потому «дикие» облавы на саламандр молчаливо рассматривались как естественное регулирование численного роста саламандр.

Вот относящееся к тому времени описание облавы, сделанное очевидцем:

КОРСАРЫ XX ВЕКА

Э. Э. К.

Было одиннадцать часов вечера, когда капитан нашего парохода приказал спустить национальный флаг и приготовить шлюпки. Ночь была лунная, подернутая серебристым туманом. Мы гребли к небольшому островку; это был, кажется, остров Гарднера из группы Фениксовых островов. В такие лунные ночи саламандры выходят на берег и танцуют; вы можете подойти к ним вплотную, — они не заметят вас, — до такой степени они увлечены своей массовой немой пляской. Нас было двадцать человек; мы вышли на берег и с веслами в руках, двигаясь рассыпным строем, начали оцеплять полукругом темную толпу, копошившуюся на пляже, залитом молочным светом луны.

Трудно передать впечатление, производимое пляской саламандр. Около трехсот животных сидят на задних ногах, образуя правильный круг и повернувшись лицом к центру; внутри круг пустой. Саламандры не

шевелиются: они словно оцепенели. Это похоже на ча-стокол вокруг какого-то таинственного алтаря; но здесь нет ни алтаря, ни Бога. Вдруг одно из животных зачмокает: «Тс-тс-тс», — и начнет волнообразно извиваться верхней частью туловища; это колебательное движение передается по кругу дальше, дальше, и через несколько секунд все саламандры, не двигаясь с места, извиваются все быстрее и быстрее, без единого звука, все фантастичнее, с каким-то бешеным упоением. Минут через пятнадцать какая-нибудь из саламандр ослабева-ет; за ней другая, третья; качнувшись еще несколько раз, они застывают в изнеможении; и снова все сидят неподвижно, как статуи. Через некоторое время где-нибудь опять тихо прозвучит: «Тс-тс-тс», — опять какая-нибудь саламандра начнет извиваться, и ее танец сразу переда-ется всему кругу. Я знаю, мое описание кажется очень механическим; но прибавьте к этому молочно-белый свет луны и протяжный ритмический шум прибоя; во всем этом было нечто непреодолимо магическое, я бы сказал — колдовское. Я остановился, горло у меня сжа-лось от невольного чувства то ли жути, то ли восторга. «Шевели ногами, дырку простишь!» — крикнул мне ближайший сосед.

Мы сузили свое кольцо вокруг танцующих живот-ных. Люди держали весла наперевес и разговаривали вполголоса — скорее потому, что стояла ночь, чем из опасения, что саламандры могут их услышать. «К цен-тру, бегом!» — скомандовал офицер. Мы бросились на извивающийся круг; весла с глухими ударами обруши-лись на спины саламандр. Только теперь саламандры в испуге очнулись и отпрянули к центру; некоторые пы-тались проскользнуть к морю, но, получив удар веслом, отлетали назад, вопя от боли и страха. Мы загоняли

Strolch der Bücher

† Michael Bodkin

Trask
W3

† Long Steve

Ship: Montrose, Capt. Lindley († na Kokosoriel "Koolingoriel" stromed)

PRÍRODNÍ (DIVOCÍ) MLOCI

ina
Masakre na Kokosových ostrovoch

Shank-jews

+ Charlie
+ Jenkins
+ Eddie
+ M. Carthy
+ Donovan
+ Burke
+ Kennedy

včakní Johyml

↑
stopen

Maláček Michael Kelly

их в середину; места было мало, и они теснились, давя друг друга, как сельди в бочке, — их копошилось тут несколько слоев. Десять человек сдерживали их в ограде из весел, а остальные тыкали и колотили веслами тех, кто пытался проползти под оградой или прорваться через нее. Это был сплошной клубок черного, извивающегося, смятенно квакающего мяса, на которое сыпались глухие удары. Но вот между двумя веслами открылся проход; одна из саламандр проскользнула туда и была оглушена ударом дубинки по затылку; за ней другая, третья, пока их не набралось около двадцати. «Замкнуть!» — скомандовал офицер, и проход между веслами закрылся. Булли Бич и мулат Динго схватили оглушенных саламандр за ноги (каждый по две) и поволокли по песку к шлюпке, словно мешки. Случалось порой, что тело саламандры застревало между камнями; тогда матросы дергали ожесточенно и резко, и нога отрывалась. «Не беда, — бурчал старый Майкл, стоявший возле меня, — новая отрастет». Когда оглушенных саламандр побросали в шлюпку, офицер сухо скомандовал: «Следующих!» И снова на затылки саламандр посыпались удары дубинки. Этот офицер по фамилии Беллами был образованный и скромный человек, превосходный шахматист. Но это была охота, или, точнее, промысел; какие же тут могли быть церемонии! Так мы поймали свыше двухсот саламандр; около семидесяти остались на месте: они были, по-видимому, мертвы и не стоило перетаскивать их.

На пароходе пойманных саламандр швырнули в резервуар. Наш пароход был старым нефтеналивным судном, плохо вычищенные резервуары воняли керосином, и вода в них была подернута радужной маслянистой пленкой, только крышку резервуара удалили,

чтобы открыть доступ воздуху. Когда туда набросали саламандр, это выглядело как отвратительная густая похлебка с лапшой; кое-где «лапша» слабо и жалко шевелилась, но в этот день ее оставили в покое, чтобы саламандры могли прийти в себя. Назавтра явились четыре человека с длинными шестами и стали тыкать ими в «похлебку» (профессионалы в самом деле называют это «супом»); они перемешивали тела, густо набившие резервуар, и высматривали те из них, которые уже не шевелились или у которых мясо отваливалось от костей; они подцепляли их длинными крюками и вытаскивали из резервуара. «Похлебка очищена?» — спросил потом капитан. «Да, сэр!» — «Подлейте туда воды». — «Есть, сэр». Такую очистку надо было повторять ежедневно; и каждый раз приходилось выбрасывать в море от шести до десяти штук «испорченного товара», как его называют здесь; наш пароход неотступно сопровождала целая свита огромных, откормленных на славу акул. От резервуара несло ужасающим зловонием; хотя вода периодически менялась, она была желтого цвета, полна нечистот и размокших сухарей; в ней вяло шевелились или тупо лежали черные, тяжело дышащие тела. «Ну, этим еще повезло, — твердил старый Майкл. — Я видел пароход, на котором их перевозили в железных баках из-под бензола, они там все подошли».

Через шесть дней мы запасались новым товаром на острове Наномеа...

* * *

Вот как выглядит торговля саламандрами; правда, это нелегальная торговля, точнее говоря — современное корсарство, которое расцвело чуть ли не в одну ночь.

Утверждают, что почти четверть всех продаваемых и покупаемых саламандр добыта таким путем. Есть поселения саламандр, где синдикату «Саламандра» невыгодно содержать постоянные фермы; а на небольших тихоокеанских островах саламандр развелось столько, что они делаются прямо обузой; туземцы не любят их и уверяют, что своими норами и проходами они просверливают целые острова, вот почему и колониальные власти и сам синдикат «Саламандра» смотрят сквозь пальцы на разбойничьи набеги на саламандр. Считают, что около четырехсот корсарских судов занимаются исключительно похищением саламандр. Наряду с мелкими предпринимателями этим современным корсарством занимаются и большие пароходные компании, крупнейшая из которых — Тихоокеанская торговая компания; ее правление находится в Дублине, а президентом состоит уважаемый мистер Чарльз Б. Гарриман. Год назад положение было еще хуже: китайский бандит Тенг, располагавший тремя судами, напал прямо на фермы синдиката «Саламандра» и в случае сопротивления не стеснялся убивать весь служебный персонал; в ноябре прошлого года Тенг со своей флотилией был потоплен американской канонеркой «Миннетонка» у острова Мидуэй. С тех пор саламандровое корсарство приобрело менее дикие формы и стало неуклонно расширяться, после того как были достигнуты известные соглашения, при соблюдении которых оно негласно допускалось: так, например, при нападении на побережье, принадлежащее другому государству, следовало спускать национальный флаг; под прикрытием саламандрового корсарства запрещалось производить ввоз и вывоз других товаров; захваченных таким способом саламандр нельзя было продавать по демпинговым ценам, и при

торговых сделках они должны были считаться второсортными.

В нелегальной торговле саламандры идут по цене от двадцати до двадцати двух долларов за штуку; они считаются хотя и более низкосортной, зато весьма выносливой разновидностью, хотя бы уже потому, что выдержали столь жестокое обращение на корсарских парходах. Считается, что после таких перевозок в живых остается от двадцати пяти до тридцати процентов похищенных саламандр; но зато уж эти могут перенести что угодно. На коммерческом жаргоне их называют «Макароны», и в последнее время сведения о них появляются в регулярных торговых бюллетенях.

* * *

Через два месяца после описанной облавы я сидел с Беллами за шахматной доской в вестибюле «Отель де Франс» в Сайгоне; я уже не был, конечно, наемным матросом.

— Слушайте, Беллами, — сказал я ему, — вы порядочный человек и, как говорится, джентльмен. Неужели вам не противно служить делу, которое по существу не что иное, как гнуснейшая работорговля?

Беллами пожал плечами.

— Саламандры — это саламандры, — уклончиво проворчал он.

— Двести лет тому назад говорили, что негры — это негры.

— А разве это было не так? — ответил Беллами. — Шах!

Эту партию я проиграл. Меня вдруг охватило такое чувство, будто каждый ход на шахматной доске не нов и был уже когда-то кем-то сыгран. Быть может, и история

наша была уже кем-то разыграна, а мы просто переставляем свои фигуры, делая те же ходы, и стремимся к тем же поражениям, какие уже были когда-то. Возможно, что именно такой же порядочный и скромный Беллами ловил когда-то негров на Береге Слоновой Кости и перевозил их на Гаити или в Луизиану, предоставляя им подышать в трюме. И он не думал сделать ничего плохого, этот Беллами. Беллами никогда не хочет ничего плохого. Поэтому он неисправим.

— Черные проиграли! — удовлетворенно сказал Беллами и встал, потягиваясь всем телом.

Помимо хорошо организованной торговли саламандрами и широкой пропаганды в печати, величайшую роль в распространении саламандр сыграла грандиозная волна технического прожектерства, захлестнувшая в ту эпоху весь мир. Г. Х. Бонди справедливо предвидел, что человеческий ум отныне начнет работать в масштабах новых материков и новых Атлантид. В течение всего Века Саламандр между представителями технической мысли продолжался оживленный и плодотворный спор о том, надо ли сооружать тяжелые континенты с железобетонными берегами или легкую сушу в виде насыпи из морского песка. Почти каждый день появлялись на свет новые гигантские проекты. Итальянские инженеры предлагали, с одной стороны, построить «Великую Италию», охватывающую почти все пространство Средиземного моря (между Триполи, Балеарскими и Додеканесскими островами), а с другой — создать на восток от Итальянского Сомали новый континент, так называемую Лемурию, которая со временем покрыла бы весь Индийский океан; и действительно, с помощью целой армии саламандр против сомалийской гавани Могдиш был насыпан островок площадью в тринадцать с половиной акров. Япония разработала и отчасти

осуществила проект устройства нового большого острова на месте Марианских островов, а также собиралась соединить Каролинские и Маршалские острова в два больших острова, заранее наименованные «Новый Ниппон»; на каждом из них предполагалось даже устроить искусственный вулкан, который напоминал бы будущим островитянам священную Фудзияму. Ходили также слухи, будто немецкие инженеры тайно строят в Саргассовом море тяжелый бетонный материк, то есть будущую Атлантиду, которая могла бы угрожать Французской Западной Африке; но, по-видимому, они успели только заложить фундамент. В Голландии приступили к осушению Зеландии; Франция соединила Гранд-Тер, Бас-Тер и Ла-Дезирад на Гваделупе в один благодатный остров. Соединенные Штаты начали сооружать на 37-м меридиане первый авиационный остров (двухъярусный, с грандиозным отелем, спортивным стадионом, луна-парком и кинотеатром на пять тысяч человек). Словом, казалось, пали последние преграды, которыми мировой океан ограничивал размах человеческой деятельности; настала радостная эпоха потрясающих технических замыслов; человек осознал, что только теперь он становится Хозяином Мира — благодаря саламандрам, которые вышли на мировую арену в нужный момент и, так сказать, по исторической необходимости. Спора нет — саламандры не могли бы распространиться в таких невиданных масштабах, если бы наш век, век техники, не подготовил для них столько рабочих задач и такого обширного поля для постоянного их использования. Будущее Рабочих Моря, казалось, было теперь обеспечено на долгие столетия.

Видную роль в развитии торговли саламандрами сыграла также наука, которая очень скоро обратила свое внимание на изучение как физиологии, так и психологии саламандр.

Приводим здесь отчет о научном конгрессе в Париже, написанный очевидцем:

«PREMIER CONGRES D'URODELES»

Его называют для краткости «Конгресс хвостатых земноводных», хотя его официальное название несколько длиннее, а именно — «Первый международный конгресс зоологов, посвященный исследованию психологии хвостатых земноводных». Но настоящий парижанин не любит трехсаженных названий; ученые профессора, заседающие в аудитории Сорбонны, для него просто «messieurs les Urodeles», «господа хвостатые земноводные», — и точка. Или еще более кратко и почтительно — «ces zoos-la»¹.

Мы отправились взглянуть на ces zoos-la скорее из любопытства, чем по долгу репортерской службы. Из любопытства, возбуждаемого, конечно, не университетскими знаменитостями, по большей части очкастыми и пожилыми, но теми... созданиями (почему мы никак не решаемся сказать «животными?»), о которых написано уже так много, начиная от ученых фолиантов и кончая бульварными песенками, и которые, по словам одних, не что иное, как газетная выдумка, а по словам других — существа, во многих отношениях более одаренные, чем сам царь природы и венец творения, как еще и сейчас (после мировой войны и других исторических событий) именуется человек. Я рассчитывал, что прославленные господа участники конгресса, посвященного психологическому исследованию хвостатых земноводных, дадут нам, профанам, точный и окончательный ответ на вопрос, как обстоит дело с пресловутой понятливостью Andrias'a Scheuchzeri; что они скажут нам: да, это существо разумное или по крайней мере столь же

¹ Сокращенное вместо ces zoologues — эти зоологи (фр.).

восприимчивое к цивилизации, как вы и я; а поэтому на будущее время с ним надо считаться так же, как должны мы считаться с будущностью человеческих рас, зачислявшихся некогда в категории диких и примитивных... Сообщаю, что ни такого ответа, ни даже такого вопроса мы на конгрессе не слышали; современная наука слишком специализировалась для того, чтобы заниматься подобного рода проблемами.

Ну что же, займемся изучением того, что на языке науки называется душевной жизнью животных. Вон тот высокий господин с всклокоченной бородой чернокнижника, который сейчас свирепствует на кафедре, — это знаменитый профессор Дюбоск; по-видимому, он громит какую-то превратную теорию какого-то уважаемого коллеги, но в этой части его доклада мы не в состоянии разобраться как следует. Лишь немного спустя нам становится понятным, что свирепый чернокнижник говорит о цветовых ощущениях у Andrias'a и о его способности различать те или иные оттенки цвета. Не знаю, правильно ли я понял, но у меня осталось впечатление, что Andrias, по-видимому, немного страдает дальтонизмом, зато профессор Дюбоск, должно быть, страшно близорук, судя по тому, как он подносил свои листочки к толстым, ярко поблескивающим стеклам очков.

После него говорил улыбающийся японский ученый, д-р Окагава, что-то о реактивной дуге и о признаках, которые наблюдаются, если перерезать какой-то чувствительный нерв в мозгу Andrias'a; потом он рассказал, что делает Andrias, если разрушить у него орган, соответствующий ушному лабиринту. Затем профессор Реман подробно объяснил, как Andrias реагирует на раздражение электрическим током. Это вызвало ожесточенный спор между ним и профессором Брукнером.

C'est un type¹, этот профессор Брукнер: маленький, злобный, суетливый до трагического; помимо прочего, он утверждал, что Andrias снабжен столь же несовершенными органами чувств, как и человек, и столь же беден инстинктами; с чисто биологической точки зрения он точно такое же вырождающееся животное, как и человек, и, подобно ему, старается возместить свою биологическую неполноценность с помощью того, что мы называем интеллектом.

Однако остальные специалисты, как кажется, не принимали профессора Брукнера всерьез — вероятно потому, что он не перерезывал чувствительных нервов и не посылал в мозг Andrias'a электрических зарядов. После Брукнера профессор ван-Диттен тихим, почти благоговейным голосом описывал, какие расстройства появляются у Andrias'a, если удалить у него правую височную долю головного мозга или затылочную извилину в левом мозговом полушарии. Затем американский профессор Деврайнт сделал доклад...

Виноват, честное слово, я не знаю, о чем он делал доклад, так как в этот момент мне начала сверлить голову мысль о том, какие расстройства появились бы у профессора Деврайнта, если бы у него удалили правую височную долю головного мозга; как реагировал бы улыбающийся д-р Окагава, если бы его раздражали электрическим током, и как вел бы себя профессор Реман, если бы кто-нибудь разрушил у него ушной лабиринт. Я почувствовал также, что не совсем уверен насчет того, как обстоит у меня дело со способностью различать цвета или с фактором t в моих моторных реакциях.

¹ Любопытный тип (*фр.*).

Меня мучило сомнение, имеем ли мы право (в строго научном смысле) говорить о душевной жизни нас самих (то есть людей), пока мы не выпотрошили друг у друга различные доли головного мозга и не перерезали один другому чувствительные нервы. Строго говоря, чтобы взаимно изучить нашу душевную жизнь, нам следовало бы наброситься друг на друга со скальпелем в руках. Что касается меня, то я готов был в интересах науки разбить очки профессора Дюбоска или пустить электрический заряд в лысину профессора ван-Диттена, чтобы потом опубликовать статью о том, как они на это реагировали. По правде сказать, я могу очень живо представить себе это. Менее живо я представляю себе, что делалось при подобных опытах в душе Andrias'a; но я думаю, что это — невероятно терпеливое и добродушное создание. Ведь ни одна из выступивших с докладом знаменитостей не сообщала, чтоб бедняга Andrias Scheuchzeri когда-нибудь пришел в ярость.

Не сомневаюсь, что Первый конгресс хвостатых земноводных — замечательный успех научной мысли; но как только у меня выберется свободный день, я отправлюсь в Jardin des Plantes¹, прямехонько к бассейну Andrias'a Scheuchzeri и потихоньку скажу ему:

— Слушай, саламандра, если когда-нибудь придет твой день, не вздумай научно исследовать душевную жизнь людей!

Благодаря этим научным исследованиям саламандр перестали считать каким-то чудом; под трезвым светом науки саламандры в значительной мере утратили свой первоначаль-

¹ Ботанический и зоологический сад (фр.).

ный ореол исключительности и необычайности; в качестве объекта психологических испытаний они проявили весьма средние и неинтересные свойства; на основании научных выводов их высокую одаренность отнесли к области легенд. Наука открыла Нормальную Саламандру, которая оказалась скучным и довольно ограниченным созданием. Только газеты все еще отыскивали время от времени какую-нибудь Чудо-Саламандру, которая умела множить в уме пятизначные числа, но и это перестало тешить публику, особенно когда было доказано, что при надлежащей тренировке этому может научиться и обыкновенный человек. Словом, люди начали видеть в саламандрах нечто столь же обыденное, как арифмометр или какой-нибудь автомат; саламандры перестали быть таинственными созданиями, вынырнувшими из неведомых глубин, неизвестно для чего и почему. К тому же люди никогда не считают таинственным то, что служит им и приносит пользу, но только то, что грозит им опасностью или причиняет вред; и так как саламандры оказались существами в высшей мере и во многих отношениях полезными, то на них теперь смотрели просто как на составную часть рационального будничного порядка вещей.

Изучением возможностей использования саламандр занимался, в частности, гамбургский исследователь Вурман; из его различных статей по этому вопросу приводим в сокращенном виде:

¹ Сообщение о соматических предрасположениях саламандр (нем.)

Эксперименты с тихоокеанской Исполинской саламандрой (*Andrias Scheuchzeri Tschudi*), которые я производил в своей гамбургской лаборатории, преследовали точно определенные цели: установить степень сопротивляемости саламандр по отношению к перемене среды и к другим внешним воздействиям и тем самым выяснить их практическую применимость в различных географических зонах и при различных условиях.

Первая серия экспериментов должна была установить, как долго может выдержать саламандра пребывание вне воды. Подопытные животные были помещены в сухих бочках при температуре в 40—50 °С. Через несколько часов у них наблюдался очевидный упадок сил, но после обрызгивания водой они снова оживали. По прошествии двадцати четырех часов они лежали без движения; шевелились только веки; пульс был замедленный; все физиологические процессы снизились до минимума. Животные явно страдали, малейшее движение стоило им огромного труда.

Через три дня наступает состояние каталептического оцепенения (ксероз); животные не реагируют, даже когда их прижигают при помощи электрокутора. При повышении влажности воздуха они начинают подавать некоторые признаки жизни (закрывают глаза, когда на них направляют яркий свет, и т. п.). Если такую высушенную саламандру по прошествии семи дней вновь помещали в воду, то через продолжительное время она оживала; при более длительном высушивании погибало большинство подопытных животных. Саламандры, выставленные под прямые лучи солнца, гибнут уже через несколько часов.

Других подопытных животных заставили вертеть вал в темноте в очень сухой атмосфере. Через три часа

их производительность стала падать, но вновь поднялась после обильного обрызгивания. При часто повторяемом обрызгивании животные могли вертеть вал в течение семнадцати, двадцати, а в одном случае — двадцати шести часов без перерыва, тогда как человек, над которым производился контрольный эксперимент, был в значительной мере обессилен этой механической работой уже через пять часов. Из этих экспериментов мы можем заключить, что саламандры вполне пригодны и для работ на суше, но при соблюдении двух условий: не выставлять их прямо на солнце и периодически обрызгивать водой всю поверхность их тела.

Вторая серия экспериментов касалась сопротивляемости саламандр — животных тропических областей — по отношению к холоду. При быстром охлаждении воды они погибали от катара кишок; но при постепенной акклиматизации они легко привыкали к более холодной среде; через восемь месяцев они сохраняли бодрость даже при температуре воды 7°C , если в их пище содержалось больше жиров (от ста пятидесяти до двухсот граммов в день). Если температура воды опускалась ниже 5°C , они впадали в оцепенение от замерзания (гелоз); в этом состоянии их можно было заморозить в глыбе льда и держать так в течение нескольких месяцев; когда же лед таял и температура воды поднималась выше 5°C , они начинали опять подавать признаки жизни, а при $7\text{—}10$ градусах принимались оживленно искать пищу. Отсюда видно, что саламандры могут прекрасно приспособиться к жизненным условиям в нашем климатическом поясе вплоть до северной Норвегии и Исландии. Для применения саламандр в полярных условиях потребуются дальнейшие опыты.

® Charakteristický doklad podává anketa listu „Daily Star“ na téma: MAJÍ MLOKOVÉ DUŠI? Citujeme z této ankety (ovšem bez záruky pravosti) několik výroků vynikajících osobností:

DAILY STAR

Dear sir,

můj přítel reverend H. B. Bertram a já jsme pozorovali Salamandry po delší dobu při stavbě hráze v Adenu; také jsme s nimi dvakrát nebo třikrát mluvili, ale nsetkali jsme se u nich se žádnou známkou vyšších citů, jako je Čest, Vira, Patriotismus nebo Sportovní Duch. A co jiného, táži se, můžeme právem označovat jako duši?

Truly yours
Colonel John W. Britton

Neviděl jsem nikdy žádného Mloka; ale jsem přesvědčen, že tvorové, kteří nemají své hudby, nemají ani duši.

Toscanini

Nechme stranou otázku duše; ale pokud jsem mohl Andriase pozorovat, řekl bych, že nemají individuality; zdají se být jeden jako druhý, stejně snaživí, stejně schopní — a stejně bezvýrazní. Jedním slovem: splňují jistý ideál moderní civilizace, totiž Průměr.

André d'Artois

Rozhodně nemají duši. V tom se shodují s člověkem.

Váš

G. B. Shaw

Vaše otázka mě uvádí do rozpaků. Vím například, že můj čínský pesík Bibi má malou a rozkošnou duši; rovněž má perská kočka Sidi Hanum má duši, a jakou nádhernou a krutou! Ale Mloci? Ano, jsou velmi nadaní a inteligentní, ti chudáčkové; dovedou mluvit, počítat a být hrozně užiteční; ale když jsou tak oškliví!

Vaše

Madeleine Roche

At jsou to Mloci, jen když to nejsou marxisti.

Kurt Huber

Nemají duši. Kdyby ji měli, musili bychom jim přisoudit ekonomickou rovnost s člověkem, což by bylo absurdní.

Henry Bond

Nemají žádný sex-appeal. Proto také nemají duši.

Mae West

Mají duši, tak jako ji má každý tvor i každá rostlina, jako ji má vše, co žije. Veliké je tajemství všeho života.

Sandrabhârata Nath

Mají zajímavou techniku a styl plování; můžeme se od nich mnohému naučit, zejména v plování na dlouhých tratích.

Tony Weissmüller

В противоположность этому значительную чувствительность проявляют саламандры по отношению к химическим примесям в воде; при опытах с весьма слабым щелочным раствором, со сточными водами промышленных предприятий, с дубильными веществами и т. п. у саламандры лоскутами отпадала кожа, и подопытные животные погибали, как если бы они были лишены жабер. Следовательно, в наших реках саламандр использовать нельзя.

При следующей серии экспериментов нам удалось установить, сколько времени саламандры могут выдержать без пищи. Они могут голодать по три недели и больше, и это не сказывается ни в чем, кроме появления известной вялости. Одну подопытную саламандру я заставил голодать около шести месяцев; последние три месяца она непрерывно спала без всякого движения; когда я потом бросил ей в чан рубленую печенку, то она была так слаба, что не реагировала на пищу, и пришлось прибегнуть к искусственному питанию. Через несколько дней она ела уже нормально, и ее можно было использовать для дальнейших экспериментов.

Последняя серия экспериментов касалась регенеративной способности саламандр. Если отрубить у саламандры хвост, то через две недели у нее отрастет новый; с одной саламандрой мы семь раз повторяли этот эксперимент, и всегда с одинаковым результатом. Точно так же у саламандр вновь отрастают отрубленные ноги. У одного подопытного животного мы ампутировали все четыре конечности и хвост; через тридцать дней все опять было в полном порядке. Если сломать у саламандры берцовую или плечевую кость, то у нее отпадает вся надломленная конечность и взамен отрастает новая. Точно так же развивается новый глаз на месте

удаленного и новый язык; интересно, что саламандра, у которой я вырезал язык, разучилась говорить и должна была учиться сначала. Если ампутировать у саламандры голову или перерезать ей туловище где-нибудь между шеей и тазом, то животное издыхает. Наоборот, можно удалить у саламандры желудок, часть кишок, две трети печени и другие органы без нарушения ее жизненных функций; можно сказать, что почти полностью выпотрошенная саламандра все еще сохраняет жизнеспособность. Ни одно другое животное не обладает подобной сопротивляемостью по отношению к какому бы то ни было ранению, как саламандра. В связи с этим она могла бы быть первоклассным, почти неуничтожимым военным животным; к сожалению, этому препятствует ее миролюбивый характер и отсутствие у нее естественного оружия.

Наряду с описанными экспериментами мой ассистент д-р Вальтер Кинкель исследовал возможности использования саламандр в качестве полезного сырья. В частности, он выяснил, что в организме саламандр содержится необычайно высокий процент йода и фосфора; не исключено, что в случае необходимости можно было бы добывать из них эти ценные элементы промышленным способом. Кожа саламандр — сама по себе плохая, но ее можно размолоть и потом спрессовать под высоким давлением; полученная таким образом искусственная кожа легка, достаточно прочна и могла бы служить заменой бычьей коже. Саламандровый жир несъедобен из-за отвратительного вкуса, но годится в качестве сырья для технических смазочных масел, так как замерзает лишь при очень низких температурах. Точно так же и мясо саламандр было признано несъедобным и даже ядовитым, при употреблении в сыром виде оно

вызывает острые боли, рвоту и галлюцинации. После многих опытов, которые д-р Хинкель производил на самом себе, он выяснил, что эти вредные последствия отпадают, если ошпарить нарезанное мясо кипятком (подобно тому, как это делается с некоторыми видами мухоморов) и после основательного промывания положить его на двадцать четыре часа в слабый раствор марганцевого калия. Будучи потом приготовлено в вареном или тушеном виде, оно имеет вкус плохой говядины.

Мы съели в таком виде саламандру по кличке Ганс; это было умное и развитое животное, отличавшееся большими способностями к научной работе; оно работало в отделении д-ра Хинкеля в качестве лаборанта, и ему можно было доверять самые тонкие химические анализы. Мы подолгу беседовали с ним в свободные вечера, забавляясь его ненасытной любознательностью. К сожалению, нам пришлось расстаться с нашим Гансом, так как он ослеп после моих экспериментов с трепанацией черепа. Мясо у него было темное и ноздреватое, но не вызвало никаких неприятных последствий. Не подлежит сомнению, что в военное время саламандровое мясо может служить желательной и дешевой заменой говядины.

В конце концов вполне естественно, что, когда на свете развелось несколько сот миллионов саламандр, они перестали быть сенсацией; тот интерес, который они возбуждали в публике, пока были какой-то новинкой, доживал свои последние дни лишь в киногротесках («Салли и Анди, две добрые саламандры») и на эстрадах кабаре, где особенно безголосые куплетисты и шансонетки выступали в неотразимо комической роли саламандр, подражая их скрипучему выговору и коверкая на все лады грамматику. Как только саламандры сде-

лались широко распространенным повседневным явлением, изменилась, так сказать, их проблематика.

Характерные материалы дает в этом отношении организованная газетой «Дейли стар» анкета на тему «Есть ли у саламандр душа?». Мы процитируем из ответа на эту анкету (впрочем, без ручательства за подлинность) изречения нескольких видных лиц:

Dear sir!¹

Вместе с моим другом почтенным Х. Б. Бертрамом я наблюдал саламандр в течение довольно долгого времени на строительстве мола в Адене, два или три раза мы даже говорили с ними, но не нашли у них никакого намека на высшие чувства, то есть такие, как Честь, Вера, Патриотизм или Спортивный Дух. А что же еще, спрашивается, можем мы с полным правом назвать душою?

Truly yours colonel², Джон У. Бриттон

Я никогда не видал саламандры, но уверен, что у созданий, не имеющих своей музыки, нет и души.

Тосканини

Оставим в стороне вопрос о душе, но, поскольку я мог наблюдать Andrias'a, я сказал бы, что у него нет индивидуальности, все они похожи друг на друга: все — одинаково старательные, одинаково способные и одинаково невыразительные, — словом, в них воплощен подлинный идеал современной цивилизации, то есть Стандарт.

Андре д'Артуа

¹ Дорогой сэръ! (англ.)

² Преданный вам полковник (англ.).

Души у них, безусловно, нет. В этом они сходны с человеком.

Ваш Бернард Шоу

Ваш вопрос поставил меня в тупик. Я знаю, например, что у моей китайской собачки Биби маленькая и притом прелестная душа; точно так же и у моей персидской кошки Сиди Ханум есть душа, да еще какая гордая и жестокая! Но саламандры? Ну да, они очень одарены и интеллигентны, эти бедняжки умеют говорить, считать и приносят огромную пользу. Но они ведь такие безобразные!

Ваша Мадлен Рош

Пусть саламандры, лишь бы не марксисты!

Курт Губер

Души у них нет. В противном случае мы были бы обязаны признать за ними право на экономическое равенство с человеком, что было бы абсурдом.

Генри Бонд

В них нет никакого sex appeal! А значит, нет и души.

Мэй Уэст

У них есть душа, как есть она у каждого создания и каждого растения, как есть она у всего живущего. Велико таинство жизни.

Сандрабхарата Нат

У них любопытная техника и стиль плавания: мы можем многому у них научиться, в частности при плавании на длинные дистанции.

Тони Вайссмюллер

Итак, великая сенсационность саламандр довольно скоро потускнела; ее место заняло нечто другое, до известной степени более солидное, а именно — *Саламандровый Вопрос*. Застрельщиком Саламандрового Вопроса — как это не раз случалось в истории человеческого прогресса — оказалась женщина. Это была мадам Луиза Циммерман, директриса пансиона для девиц в Лозанне, которая с необычайной энергией и неостывающим пылом проповедовала по всему свету свой благородный лозунг: «*Дайте саламандрам систематическое школьное образование!*» Долгое время она наталкивалась на непонимание со стороны общественности, хотя неустанно подчеркивала, с одной стороны, прирожденную сообразительность саламандр, а с другой — ту опасность, которая может возникнуть для человеческой цивилизации, если саламандры не будут получать тщательного умственного и нравственного воспитания. «Подобно тому как римская культура погибла от вторжения варваров, точно так же погибнет и наша цивилизация, если она окажется островом среди моря духовно угнетенных существ, которым закрыт доступ к высшим идеалам современного человечества» — так пророчески взывала она на шести тысячах трехстах пятидесяти семи лекциях, прочитанных ею во всех женских клубах Европы и Америки, а также в Японии, Китае, Турции и других местах. «Чтобы сохранить культуру, надо сделать ее всеобщим достоянием. Мы не можем спокойно пользоваться ни благами нашей цивилизации, ни плодами нашей культуры, пока вокруг нас прозябают миллионы и миллионы несчастных, униженных существ, искусственно содержащихся в животном состоянии. Подобно тому как лозунгом девятнадцатого столетия было Освобождение Женщины, так лозунгом нашего века должно быть: «Дайте саламандрам систематическое обучение!» И так далее, и так далее. Благодаря своему красноречию и невероятному упорству мадам Луиза Циммерман сумела мобилизовать женщин

всего мира и собрала достаточные средства для того, чтобы учредить в Болье (возле Ниццы) первую гимназию для саламандр, где помет саламандр, работающих в Марселе и Тулоне, обучался французскому языку и литературе, риторике, светским манерам, математике и истории культуры.

Подробнее см об этом в книге «M-me Loise Zimmerman, sa vie, ses idées, son oeuvre»¹ (издательство «Алькан») Приведем из этого труда благоговейные воспоминания саламандры, которая была одной из первых воспитанниц мадам Циммерман:

«Она читала нам басни Лафонтена, сидя возле нашего простого, но чистого и удобного бассейна, она, правда, страдала от сырости, но пренебрегала этим, всей душой отдаваясь своему педагогическому призванию. Она называла нас «mes petits chinois»², потому что мы, как и китайцы, не умели выговаривать звук «р». Но со временем она так к этому привыкла, что сама стала выговаривать свою фамилию «мадам Циммельман». Мы, головастики, обожали ее, малыши, которые еще не имели достаточно развитых легких и не могли покидать воду, плакали оттого, что не в состоянии были сопровождать ее во время прогулок по школьному саду. Она была так кротка и так ласкова, что, насколько я знаю, рассердилась только однажды — это было, когда наша молодая преподавательница истории в знойный летний день надела купальный костюм, вошла к нам в бассейн и, сидя по шею в воде, рассказывала нам о войнах за освобождение Нидерландов. Наша дорогая мадам Циммерман серьезно на нее рассердилась. «Сейчас же идите и вы-

¹ «Мадам Луиза Циммерман, ее жизнь, идеи и деятельность» (фр.).

² мои китайчата (фр.).

мойтесь, мадемуазель, идите, идите!» — кричала она со слезами на глазах. Для нас это был деликатный, но назидательный урок, давший нам понять, что мы ведь все-таки не люди, впоследствии мы были благодарны нашей духовной матери за то, что она разъяснила нам это в такой твердой и вместе с тем тактичной форме.

Если мы хорошо учились, она читала нам в награду стихи современных авторов, как, например, Франсуа Коппе. «Правда, это слишком современно, — говорила она, — но в конце концов теперь и это необходимо для хорошего образования». По окончании учебного года был устроен публичный акт, на который пригласили господина префекта из Ниццы, а также других представителей администрации и различных важных особ. Способных и наиболее успевающих учеников, у которых уже были легкие, школьные сторожа обсушили и одели в нечто вроде белых риз, потом, скрытые за тонкой занавеской (чтобы не испугать дам), они читали басни Лафонтена, решали математические задачи и перечисляли в последовательном порядке королей из династии Капетингов с хронологическими датами. После этого господин префект в длинной и красивой речи выразил благодарность нашей дорогой директрисе, и этим закончилось торжество.

В такой же мере, как о нашем духовном развитии, мадам Циммерман заботилась и о нашем физическом воспитании, ежемесячно нас осматривал ветеринар, а раз в полугодие нас взвешивали. Особенно настойчиво наша дорогая руководительница внушала нам, чтобы мы отказались от отвратительных, распутных Лунных Танцев. Мне совестно признаться, но, несмотря на это, некоторые из более зрелых воспитанников во время полнолуния тайком предавались этому животному бесстыдству.

Надеюсь, что наша воспитательница, бывшая для нас матерью и другом, никогда не узнала об этом; это разбило бы ее великое, благородное и любвеобильное сердце».

Несколько меньший успех имела женская гимназия для саламандр в Ментоне, где преподавание основных предметов — музыки, диетической кухни и тонкого рукоделия (мадам Циммерман настаивала на этих предметах по соображениям главным образом педагогическим) — столкнулось с явным недостатком сообразительности, а иногда и прямо с упорным невниманием со стороны юных гимназисток-саламандр. В противоположность этому, первые публичные экзамены молодых саламандр мужского пола прошли с таким поразительным успехом, что после этого (стараниями Общества покровительства животным) был учрежден Морской политехникум для саламандр в Каннах и Саламандровый университет в Марселе; именно здесь саламандра впервые получила степень доктора прав.

Отныне вопрос воспитания саламандр вступил на путь быстрого и нормального развития. Прогрессивные педагоги выдвинули против образцовых *Écoles Zimmermann* (циммермановских школ) много серьезнейших возражений. В частности, они утверждали, что устарелые гуманитарные школы человеческой молодежи не годятся для воспитания подрастающих поколений саламандр; они решительно отвергали преподавание литературы и истории и рекомендовали уделять побольше места и времени практической программе, то есть таким предметам, как естественные науки, работа в школьных мастерских, техническое обучение, физическая культура и т. п. Эту так называемую реформированную школу, или «Школу практической жизни», в свою очередь, яростно громили сторонники классического образования, заявляя, что только на основе латыни можно приобщить саламандр к

культурным достижениям человечества и что мало научить их говорить, если мы не научим их цитировать поэтов и выражаться с Цицероновским красноречием. На эту тему завязался долгий и довольно жаркий спор, который под конец разрешился тем, что школы для саламандр взяло в свое ведение государство, а школы для человеческой молодежи были преобразованы с тем, чтобы, по возможности, приблизить их к идеалам реформированной школы для саламандр.

Вполне естественно, что и в других государствах стали раздаваться призывы к обязательному систематическому обучению саламандр в подчиненных государственному надзору школах. Постепенно к этому пришли во всех приморских странах (за исключением, конечно, Великобритании); а так как саламандровые школы не были обременены грузом старых классических традиций и могли, следовательно, воспользоваться всеми новейшими методами психотехники, технологического воспитания, допризывной подготовки и другими последними педагогическими достижениями, то в них вскоре установилась та современнейшая и с научной точки зрения прогрессивнейшая система обучения, которая справедливо сделалась предметом зависти всех педагогов и воспитанников человеческой школы.

Вместе со школьным обучением саламандр появился на свет языковой вопрос. Какой из существующих на свете языков должны прежде всего изучать саламандры? Саламандры родом с тихоокеанских островов, естественно, говорили на «pidgin-English», который они переняли от туземцев и матросов; многие изъяснялись по-малайски или на других местных наречиях. Саламандр, предназначенных для сингапурского рынка, приучали говорить на «basic-English», то есть на научно-упрощенном английском языке, который обходится несколькими сотнями выражений и опускает устарелые грамматические формы; этот реформированный стандарт-

ный английский язык стали поэтому называть «саламандер-инглиш». В образцовых *Écoles Zimmermann* саламандры объяснялись на языке Корнеля, однако вовсе не по националистическим соображениям, а лишь потому, что этого требует высшее образование; наоборот, в реформированных школах их обучали эсперанто, как языку удобопонятному. Кроме того, в то время появились еще пять или шесть универсальных языков, которые должны были прийти на смену вавилонской путанице и дать всему миру — как людям, так и саламандрам — единый общий язык; конечно, было много споров о том, какой из этих универсальных языков наиболее целесообразен, благозвучен и универсален. В конечном счете получилось, что каждая нация пропагандировала свой собственный Универсальный Язык.

Между прочим, знаменитый филолог Курциус в своем сочинении «*Janua linguarum aperta*»¹ предлагал принять в качестве единого обиходного языка для саламандр золотую латынь эпохи Вергилия. «Ныне в нашей власти, — зывал он, — принять латынь, этот самый совершенный, самый богатый грамматическими правилами и самый научно обработанный язык. Если эту возможность упустит образованное человечество, сделайте это вы, саламандры *gens maritima*², изберите своим родным языком *eruditam linguam latinam*³, единственный язык, достойный того, чтобы на нем говорил *orbis terrarum*⁴. Бессмертной будет ваша заслуга, саламандры, если вы воскресите к новой жизни вечный язык богов и

¹ «Открытые врата речи» (лат.).

² морское племя (лат.).

³ утонченный латинский язык (лат.).

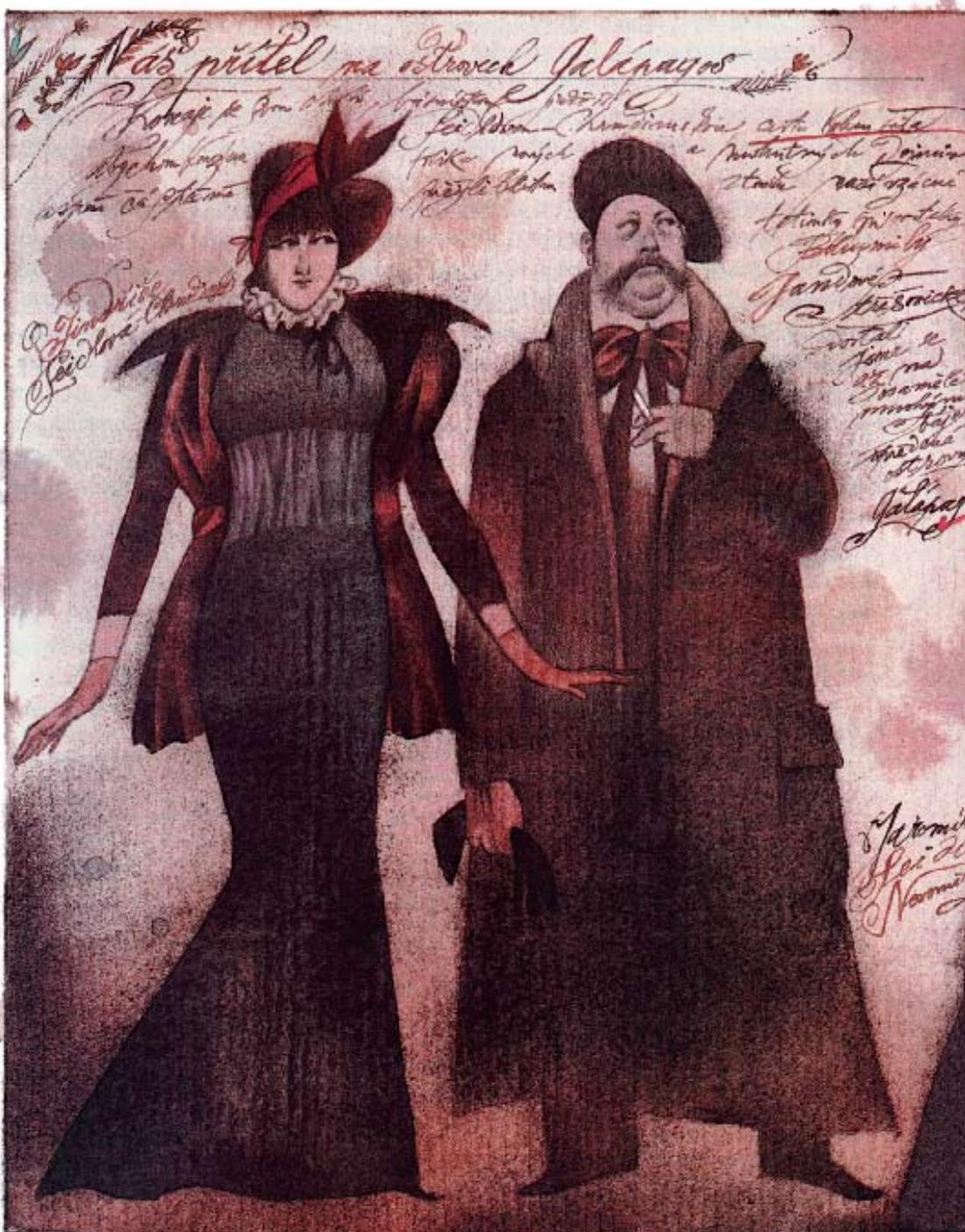
⁴ весь мир (лат.).

героев, ибо вместе с этим языком к вам, *gens tritonum*¹, перейдет наследство, завещанное властелином мира — древним Римом».

Напротив, один латвийский телеграфный чиновник, по фамилии Вольтерас, вместе с пастором Менделиусом, придумал и разработал специальный язык для саламандр под названием «понтийский язык» (*pontic lang*); он воспользовался для этого элементами языков всего мира, особенно африканских. Этот саламандровый язык (как его тоже называли) получил известное распространение главным образом в северных странах, но, к сожалению, только среди людей; в Упсале была даже учреждена кафедра саламандрового языка, но что касается саламандр, то, насколько известно, ни одна из них не говорила на этом языке. По правде сказать, среди саламандр больше всего был в ходу «*basic-English*» который впоследствии и сделался официальным языком саламандр.

Когда саламандровые школы перешли в руки государства, все дело упростилось: в каждой стране саламандр обучали языку соответствующей правящей нации. Хотя саламандры изучали иностранные языки довольно легко и охотно, однако их лингвистические способности не лишены были некоторых своеобразных недостатков, объяснявшихся отчасти устройством их органов речи, а отчасти причинами психологического характера: так, например, они с трудом выговаривали длинные многосложные слова и старались свести их к одному слогу, который произносили, квакая; вместо «р» они выговаривали «л», а на свистящих звуках шепелявили; опускали грамматические окончания, никак не могли научиться различать «я» и «мы», и им было все равно, относится ли данное слово к мужскому или женскому роду (по-видимому,

¹ племя тритонов (*лат.*).

Fejeton z pera Jaromíra Šedláčka - Novoměstského

в этом проявилось их половое бесстрашие, покидавшее их только в период спаривания). Словом, любой язык претерпевал в их устах характерные изменения, своего рода рационализацию, сводившую его к простейшим, рудиментарным формам. Достоинно внимания, что их неологизмы, их произношение и их грамматическая примитивность начали быстро распространяться, — с одной стороны, среди портового люда, с другой — в так называемом высшем обществе; отсюда эта разговорная манера перешла в газеты и вскоре сделалась всеобщей. Из речи людей исчезло большинство грамматических форм, отпали окончания, вымерли падежи; золотая молодежь упразднила «р» и научилась шепелявить; редко кто из образованных людей мог бы еще сказать, что значит «индетерминизм» или «трансцендентный» — по той простой причине, что и для людей эти слова сделались слишком длинными и неудобопроизносимыми.

Словом, плохо ли, хорошо ли, но саламандры стали говорить почти на всех существующих языках, в зависимости от того, на чьем побережье они жили. В чехословацкой печати, кажется в «Народних листах», появилась тогда статья, которая (вполне основательно) с горечью спрашивала, почему саламандры не изучают также и чешский язык, если есть на свете земноводные, говорящие по-португальски, по-голландски и на языках других малых наций. «Наша нация не имеет, к сожалению, собственных морских берегов, — признавал автор статьи, — и потому у нас нет саламандр, но если у нас нет своих морей, то это еще не значит, что мы не вносим в мировую культуру такую же, а во многих отношениях даже более значительную лепту, чем многие нации, языки которых изучаются тысячами саламандр. Было бы только справедливо, если бы саламандры познакомились с нашей духовной жизнью, но как могут они приобщиться к ней, если среди них нет никого, кто владел бы нашим языком? Не будем ждать, пока

кто-нибудь поймет свой культурный долг и учредит кафедру чешского языка и чехословацкой литературы в одном из саламандровых учебных заведений. Как говорит поэт: «...Не надо верить никому на свете, нет у нас там друга — нет ни одного». Постараемся же сами исправить дело, — взывал автор статьи. — Все, чего мы до сих пор добились в мире, сделано нашими собственными силами! Наше право и наша обязанность — стремиться к тому, чтобы найти друзей и среди саламандр; но, по-видимому, наше министерство иностранных дел не уделяет должного внимания пропаганде нашей культуры и нашей продукции среди саламандр, хотя другие малые нации жертвуют миллионы, чтобы открыть перед саламандрами сокровищницы своей культуры и в то же время пробудить в них интерес к изделиям своей промышленности».

Эта статья возбудила большое внимание главным образом в Союзе промышленников и имела по крайней мере тот результат, что был издан краткий учебник «Чешский язык для саламандр» с примерами из чехословацкой изящной литературы. Это звучит неправдоподобно, но книжка действительно разошлась в количестве свыше семисот экземпляров: следовательно, это был замечательный успех.

Приведем в связи с этим сохранившийся в коллекции пана Повондры очерк, принадлежащий перу Яромира Зейдела-Новоместского:

НАШ ДРУГ НА ГАЛАПАГОССКИХ ОСТРОВАХ

Совершая кругосветное путешествие, предпринятое мною вместе с моей супругой, поэтессой Генриэттой Зейдловой-Хрудимской, в надежде, что под наплывом многочисленных новых и глубоких впечатлений хоть несколько изгладится боль горестной утраты, понесенной нами в лице нашей дорогой тетушки, писательницы

Богумилы Яндовой-Стршешовицкой, мы посетили далекие, овеянные столь многими легендами Галапагосские острова. У нас было всего два часа времени, и мы воспользовались ими для прогулки по берегам этих пустынных островов.

— Взгляни, какой прекрасный закат солнца, — обратился я к своей супруге. — Разве не кажется, будто весь небесный свод тонет в золоте и крови вечерней зари?

— Пан изволит быть чехом? — раздалось за нами на чистом и правильном чешском языке.

Мы удивленно обернулись на голос. Там не было ничего, только большая черная саламандра сидела на камне, держа в руке какой-то предмет, похожий на книжку. Во время нашего путешествия мы встретили уже несколько саламандр, но не имели до сих пор случая вступить с ними в беседу. Любезный читатель поймет поэтому наше изумление, когда на таком пустынном побережье мы увидели саламандру, да еще к тому же услышали вопрос на нашем родном языке.

— Кто здесь разговаривает? — воскликнул я по-чешски.

— Это я взял на себя смелость, — ответила саламандра, почтительно приподнимаясь. — Я не мог совладать с собой, услышав впервые в жизни чешскую речь.

— Откуда, — поразился я, — вы знаете чешский язык?

— Я как раз сейчас развлекался спряжением неправильного глагола «быть», — ответила саламандра. — Между прочим, этот глагол неправильно спрягается на всех языках.

— Как, где и для чего, — допытывался я, — научились вы по-чешски?

— Мне случайно попала в руки эта книга, — ответила

¹⁴ Zdá se, že tu šlo také o jisté pohnutky morální. Mezi papíry pana Povondry se našlo v mnoha jazycích *Provolání*, uveřejněné patrně ve všech novinách světa a podepsané samotnou vévodkyní of Huddersfield, kde bylo řečeno:

L I G A

PRO OCHRANU

MLOKŮ

SE OBRACÍ ZEJMÉNA K VÁM, ŽENY, ABYSTE V ZÁJMU SLUŠNOSTI A DOBRÝCH MRAVŮ PŘÍSPĚLY PRACÍ SVÝCH RUKOU K VELIKÉ AKCI, JEJÍMŽ CÍLEM JEST OPATŘIT MLOKY VHODNÝM ODĚVEM. NEJVHODNĚJŠÍ K TOMU ÚČELU JE SUKÉNKA DLOUHÁ 40 CM, ŠÍŘKA V PASE 60 CM, NEJLÉPE SE VŠITOU GUMIČKOU. DOPORUČUJE SE SUKÉNKA SLOŽENÁ V ZÁHYBECH (PLISSÉ), KTERÁ DOBŘE SLUŠÍ A DOVOLUJE VĚTŠÍ VOLNOST POHYBU. PRO KRAJINY TROPICKÉ POSTAČÍ ZÁSTĚRKA OPATŘENÁ TKANICÍ K ZAVÁZÁNÍ V PASE, ZHOTOVENÁ ZE ZCELA PROSTÉ PRACÍ LÁTKY, POPŘÍPADĚ ZE STARŠÍCH ČÁSTÍ VAŠEHO OBLEKU. POMŮŽETE TÍM UBOHÝM MLOKŮM, ABY SE PŘI SVÉ PRÁCI V BLÍZKOSTI LIDÍ NEMUSELI UKAZOVAT BEZ JAKÉHOKOLIV ODĚVU, COŽ ZAJISTĚ URÁŽÍ JEJICH STUD A DOTÝKÁ SE NEMILE KAŽDÉHO SLUŠNÉHO ČLOVĚKA, ZEJMÉNA PAK KAŽDÉ ŽENY A MATKY.“

Podle všeho se tato akce nesetkala se žádoucím výsledkem; není známo, že by se kdy Mloci uvolili nosit sukénky nebo zástěrky; asi jim to pod vodou překáželo nebo to na nich nechtělo držet. Když pak byli Mloci odděleni od lidí prkennými ohradami, odpadly ovšem na obou stranách jakékoliv důvody ke studu nebo nemilým pocitům.

Pokud se týče naší zmínky, že bylo třeba chránit Mloky před různým obtěžováním, měli jsme na mysli hlavně psy, kteří se někdy s Mloky nesmířili a pronásledovali je zběsile i pod vodou, neďalše toho, že se jim zaněcovaly v tlamě sliznice, když pokousali prcha-

jícího Mloka. Někdy se i Mloci bránili a ne jeden vzácný pes byl ubit motykou nebo krumpáčem. Vůbec mezi psy a Mloky se vyvinulo trvalé, přímo smrtelné nepřátelství, které se nijak nezměnilo, naopak spíše zesílilo a prohloubilo zřízením ohrad mezi oběma. Ale to už tak bývá, a nejenom u psů.

Mimochodem řečeno, těch dehtovaných plotů, táhnoucích se mnohdy na sta a sta kilometrů po mořském břehu, bylo využito k účelům výchovným; po celé délce byly pomalovány velikými nápisy a hesly vhodnými pro Mloky, jako například:

саламандра, протягивая мне книжку, которую она держала. Это был «Чешский язык для саламандр», и страницы учебника носили на себе следы частого и прилежного пользования им.

— Она попала сюда, — продолжала саламандра, — вместе с партией других книг научного содержания. Я мог выбрать себе «Геометрию для старших классов», «Историю военной тактики», «Путеводитель по доломитовым пещерам» или «Принципы биметаллизма». Но я предпочел эту книжку, которая сделалась моим неразлучным другом. Я уже знаю ее всю наизусть и все-таки каждый раз нахожу в ней новые источники развлечения и полезных знаний.

Моя супруга и я выразили неподдельную радость и изумление по поводу правильного и, в общем, довольно внятного произношения саламандры.

— К сожалению, здесь нет никого, с кем я мог бы говорить по-чешски, — скромно сказал наш новый друг, — а я, например, не уверен, как будет творительный падеж множественного числа от слова «дверь» — «дверями» или «дверьми».

— Дверями, — сказал я.

— Ах нет, дверьми! — воскликнула моя супруга.

— Не будете ли вы так любезны сказать мне, — спросил с горячим интересом наш милый собеседник, — что нового в стобашенной матушке Праге?

— Она разрастается, мой друг, — ответил я, обрадованный его любознательностью, и в нескольких словах обрисовал ему расцвет нашей золотой столицы.

— Как приятно слышать такие вести, — сказала саламандра с явным удовлетворением. — Скажите, висят ли еще на Мостовой башне головы казненных чешских панов?

— Что вы, давно уже нет, — ответил я, признаюсь, несколько озадаченный таким вопросом.

— Ах, как жалко! — воскликнула симпатичная саламандра. — Это был редкостный исторический памятник. До чего грустно, что столько известнейших памятников погибло во время Тридцатилетней войны! Если не ошибаюсь, земля чешская была превращена в пустыню, залитую слезами и кровью. Счастье еще, что не погиб тогда родительный падеж при отрицаниях. В этой книжке говорится, что он отмирает. Я был бы этим очень огорчен.

— Вы, значит, увлекаетесь и нашей историей? — радостно воскликнул я.

— Конечно, — ответила саламандра. — Особенно белогорским разгромом и трехсотлетним порабощением. Я очень много читал о них в этой книге. Вы, несомненно, чрезвычайно гордитесь своим трехсотлетним порабощением. Это было великое время, сударь.

— Да, тяжелое время, — подтвердил я, — время неволи и горя.

— И вы стонали? — с жадным интересом осведомился наш друг.

— Стонали, невыразимо страдая под ярмом свирепых угнетателей.

— Я очень рад, — облегченно перевела дух саламандра. — В моей книжке так и сказано. Я очень рад, что это правда. Это превосходная книга, лучше чем «Геометрия для старших классов средних школ». Я охотно побывал бы на том историческом месте, где были казнены чешские паны, равно как и в других знаменитых местах, где вершилось жестокое бесправие.

— Так приезжайте к нам, — предложил я от всего сердца.

— Благодарю за любезное приглашение, — поклонилась саламандра. — К сожалению, я не столь свободен в своих передвижениях...

— Мы могли бы купить вас! — вскричал я. — То есть я хочу сказать, что при помощи национальной подписки можно было бы собрать средства, которые позволили бы вам...

— Искреннейше благодарю вас, — пробормотал наш друг, явно растроганный. — Но я слышал, что в Влтаве — неважная вода. В речной воде мы заболеваем тяжелой формой поноса.

Немного подумав, саламандра прибавила:

— К тому же мне было бы тяжело расстаться с моим любимым садиком.

— Ах, — воскликнула моя супруга. — Я тоже страстная садовница! Как я была бы вам благодарна, если бы вы показали нам произведения здешней флоры!

— С величайшим удовольствием, дорогая пани, — ответила саламандра с любезным поклоном. — Но не послужит ли для вас препятствием то обстоятельство, что мой любимый сад находится под водой?

— Под водой?

— Да. На глубине двадцати двух метров.

— Какие же цветы вы там разводите?

— Морские анемоны, — ответил наш друг. — Несколько редких сортов. А также морские звезды и морские огурцы, не говоря уже о коралловых кустах «Блажен, кто вырастил для родины своей одну хотя бы розу, один хотя бы черенок», — как говорит поэт.

К сожалению, пришла пора расстаться, так как пароход давал сигналы отправления.

— А что бы вы хотели передать, пан... пан... — запнулся я, не зная, как зовут нашего друга.

— Мое имя Болеслав Яблонский, — застенчиво подсказала саламандра. — По-моему, это красивое имя. Я его выбрал себе из моей книжки.

— Так что нам, пан Яблонский, передать от вашего имени нашему народу?

Саламандра на мгновение задумалась.

— Скажите своим соотечественникам, — проговорила она с глубоким волнением, — скажите им... Пусть не предаются старым славянским раздорам и пусть благодарно хранят в памяти Липаны и в особенности Белую Гору! Доброго здоровья! Честь имею кланяться! — внезапно оборвала она, стараясь справиться со своим волнением.

Мы сели в лодку и отчалили, растроганные и погруженные в раздумье. Наш друг стоял на скале и махал нам; кажется, он что-то кричал.

— Что он кричит? — спросила моя супруга.

— Не знаю, — сказал я, — что-то вроде: «Передайте привет пану приматору доктору Баксе».

Вопросы образования и языка составляли лишь одну сторону грандиозной Саламандровой Проблемы, которая, так сказать, выростала под боком у человечества. Так, например, вскоре возник вопрос: как, собственно, относиться к саламандрам, точнее — какое уделить им место в обществе. В первые, если можно их так назвать, доисторические годы Саламандрового Века различные Общества покровительства животным ревностно заботились о том, чтобы с саламандрами не обращались жестоко и бесчеловечно; благодаря их неустанному вмешательству власти почти всюду следили за тем, чтобы к саламандрам полностью применялись полицейские и ветеринарные правила, установленные для других видов домашнего скота. Кроме того, принципиальные противники

вивисекции подписали много протестов и петиций, требуя запрещения научных экспериментов на живых саламандрах. В ряде государств действительно были изданы такие законы¹. Однако по мере развития образования среди саламандр становилось все более сомнительным, можно ли просто распространять на них общие правила покровительства животным; по каким-то не вполне ясным причинам это казалось неловким. Тогда была основана международная Лига покровительства саламандр (Salamander Protecting League) — под попечительством герцогини Хеддерсфилд. Эта Лига, насчитывавшая свыше двухсот тысяч членов, главным образом жителей Англии, проделала большую, достойную всяческих похвал работу; в частности, она добилась того, что на морских побережьях были устроены специальные площадки, где, без помех со стороны любопытствующих зрителей, саламандры могли устраивать свои «собрания и спортивные празднества» (под этим разумелись, вероятно, лунные танцы); во всех учебных заведениях и даже в Оксфордском университете учащимся внушали, чтобы они не кидали камнями в саламандр; были приняты некоторые меры к тому, чтобы молодых головастиков в саламандровых школах не слишком обременяли уроками; и, наконец, те места, где работали и жили саламандры, были обнесены высоким забором, который ограждал саламандр от всяких беспокойств, а главное — в достаточной мере отделял мир саламандр от мира людей. По-видимому, здесь играли роль также и некоторые нравственные побуждения.

Среди документов пана Повондры было найдено во многих экземплярах и на разных языках «Воззвание», опубликованное,

¹ В частности, в Германии была строго запрещена всякая вивисекция — впрочем, только биологам евреям.

видимо, в газетах всего мира и подписанное самой герцогиней Хеддерсфилд. В этом воззвании говорилось:

«Лига покровительства саламандр обращается к вам, женщины, с призывом, в интересах приличия и добрых нравов, собственноручной работой принять участие в великом деле, цель которого — снабдить саламандр подобающим одеянием. Для этого больше всего подходит юбочка длиной в 40 см, шириной в поясе — 60 см, лучше всего со вшитой резинкой.

Рекомендуется юбочка, собранная в складки (плиссе), которая очень красит фигуру и допускает большую свободу движений. Для тропических стран достаточно передника с завязками, сшитого из самой простой стирающейся материи, в частности — из каких-нибудь остатков вашего старого гардероба. Этим вы окажете помощь бедным саламандрам и избавите их от необходимости показываться без всякой одежды во время работ в присутствии людей, что, несомненно, подвергает испытанию их стыдливость и в то же время оскорбляет каждого приличного человека, в особенности каждую женщину и мать».

Судя по всему, это начинание не дало желаемых результатов: нет сведений о том, чтобы саламандры когда-либо соглашались носить юбочки или передники — вероятно, одежда стесняла их под водой или не держалась на них. А когда саламандры были отделены от людей заборами, для обеих сторон отпали какие бы то ни было поводы для стыда или неприятных впечатлений.

Что касается нашего замечания о необходимости оградить саламандр от всяких беспокойств, то мы имели в виду главным образом собак, которые никак не могли примириться с существованием саламандр и бешено

преследовали их даже в воде, несмотря на то что у собаки, искусавшей саламандру, потом воспалялась слизистая оболочка пасти. Иногда саламандры защищались, и немало прекрасных породистых собак было убито киркой или мотыгой. Вообще между собаками и саламандрами возникла упорная, можно сказать, смертельная вражда, и устройство заграждений, отделивших их друг от друга, ничуть не ослабило, а скорее, усилило и обострило эту вражду. Но так уж издавна повелось, и не только у собак.

Между прочим, эти просмоленные заборы, тянущиеся часто на сотни километров вдоль берега моря, использовались и в воспитательных целях: во всю длину их покрывали надписями и лозунгами, полезными для саламандр, как, например:

**ВАШ ТРУД — ВАШ УСПЕХ
ЦЕНИТЕ КАЖДУЮ СЕКУНДУ!
СУТКИ СОСТОЯТ ВСЕГО ИЗ 86 400 СЕКУНД!
ЦЕННОСТЬ КАЖДОГО ИЗМЕРЯЕТСЯ ЕГО ТРУДОМ!
ОДИН МЕТР ДАМБЫ ВЫ МОЖЕТЕ ВОЗДВИГНУТЬ ЗА 57 МИНУТ!
КТО ТРУДИТСЯ — ТОТ СЛУЖИТ ВСЕМ!
КТО НЕ РАБОТАЕТ — ТОТ НЕ ЕСТ!**

И так далее. Если учесть, что такого рода дощатые ограды окаймляли в общей сложности более трехсот тысяч километров прибрежных полос во всем мире, мы можем себе представить, сколько ободряющих и общепользных изречений умещалось на них.

Однако этой похвальной частной инициативы, которая стремилась построить отношения между человеческим обществом и саламандрами на началах приличия и гуманности, вскоре оказалось недостаточно.

Было, конечно, сравнительно легко «включить саламандр в производственный процесс», но гораздо труднее и сложнее оказалось вместить их в рамки существующего общественного порядка. Правда, люди консервативные утверждали, что здесь не может быть и речи о каких-либо юридических или социальных проблемах; саламандры, говорили они, являются просто собственностью своего хозяина, который отвечает за них и, в частности, за тот вред, который они могли бы причинить; несмотря на свою несомненную интеллигентность, саламандры — не что иное, как объект права, вещь или имущество, и всякие специальные законодательные постановления, касающиеся саламандр, были бы посягательством на священные права частной собственности. Другие возражали на это, что саламандры, как существа интеллигентные и в значительной мере способные отвечать за свои деяния, могут по собственному умыслу и притом различнейшими способами нарушать действующие законы. С какой же стати должен собственник саламандр нести ответственность за те проступки, которые позволят себе его саламандры? Такой риск, несомненно, подорвал бы частную инициативу в области работ, выполняемых саламандрами. В море ведь нет заборов, и там нельзя запереть саламандр, чтобы держать их под надзором. Поэтому нужно законодательным путем обязать самих саламандр уважать человеческий правопорядок и подчиняться правилам, которые будут установлены для них.

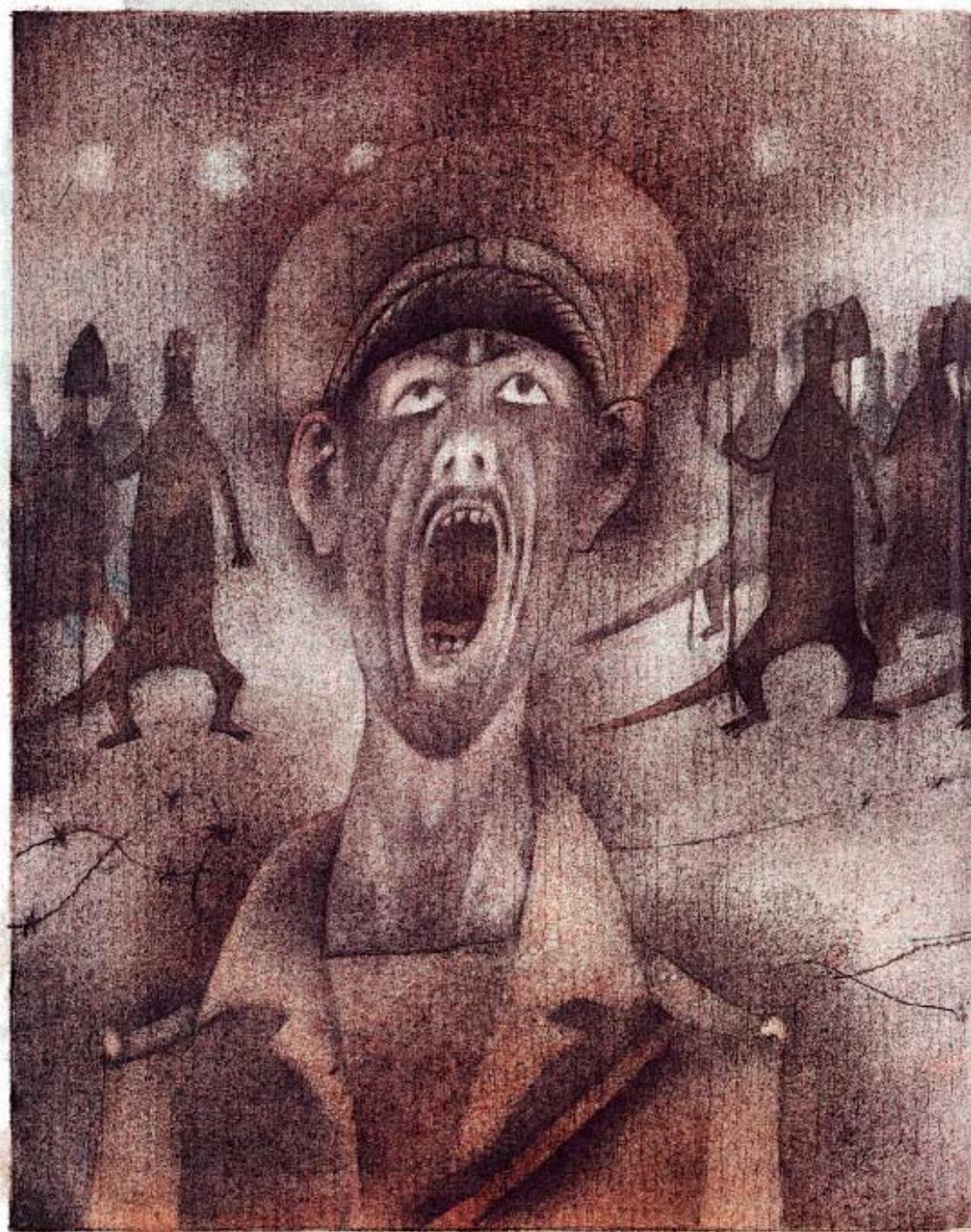
Интересны в этом отношении материалы первого «Саламандрового процесса», который слушался в Дурбане и (как видно из вырезок пана Повондры) вызвал многочисленные комментарии мировой печати. Портовое управление в А. приобрело для работ отряд саламандр. С течением времени они так размножились, что в порту для них уже не хватило места, и несколько колоний

головастиков обосновались на соседнем побережье. Помещик Б., которому принадлежала часть этого побережья, потребовал, чтобы портовое управление удалило своих саламандр из его береговых владений, так как там стояла его купальня. Портовое управление возразило, что ему до этого дела нет; с того момента, как саламандры поселились во владениях жалобщика, они стали его частной собственностью. Пока эти переговоры тянулись в обычном порядке, саламандры (отчасти по врожденному инстинкту, отчасти из усердия, привитого им обучением) начали без всякого распоряжения или разрешения строить на новом месте дамбы и бассейны. Тогда мистер Б. предъявил портовому управлению иск о причиненных ему убытках. Первая инстанция иск отклонила, мотивируя свое решение тем, что дамбы не причинили ущерба мистеру Б., а, наоборот, улучшили состояние его имущества. Вторая инстанция признала, однако, что истец прав, ибо никто не обязан терпеть на своей земле домашних животных соседа, и что портовое управление отвечает за всякий ущерб, причиненный его саламандрами, точно так же, как фермер обязан возмещать вред, причиняемый соседям его скотом. Ответчик возражал, что он не отвечает за саламандр, так как не может изолировать их в море. В ответ на это судья заявил, что, по его мнению, вред, причиненный саламандрами, надо рассматривать по аналогии с вредом, причиняемым курами, которых тоже нельзя изолировать, так как они умеют летать. Поверенный портового управления осведомился, каким же образом его клиент может удалить саламандр или добиться, чтобы они сами покинули частные береговые владения мистера Б. Судья ответил, что это суда не касается. Поверенный спросил тогда, как почтенный судья отнесся

бы к действиям ответчика, если бы тот приказал перестрелять этих нежелательных саламандр. Судья ответил, что, как британский джентльмен, он считал бы это крайне некорректным поступком и, кроме того, нарушением охотничьих прав мистера Б. Ответчик обязан, с одной стороны, удалить саламандр из частных владений истца, а с другой — возместить вред, причиненный постройкой дамб и изменением прибрежной полосы, причем это должно быть сделано путем приведения участка в прежнее состояние. Поверенный ответчика задал вопрос, можно ли для сломки возведенных сооружений использовать саламандр. Судья ответил, что, по его мнению, — никоим образом, если на это не будет согласия истца, жена которого чувствует отвращение к саламандрам и не может купаться в оскверненных ими местах. Ответчик возразил, что без саламандр он не в состоянии убрать дамбы, сооруженные под водой. В ответ на это судья заявил, что суд не хочет и не может входить в обсуждение технических подробностей, суды существуют для охраны имущественных прав, а не для рассуждений о том, что выполнимо и что — нет.

Так был разрешен вопрос со стороны юридической. Неизвестно, как портовое управление в А. вышло из этого трудного положения. Но все это дело показало, что Саламандровый Вопрос придется регулировать при помощи новых юридических средств.

Насколько известно, законы о саламандрах были изданы прежде всего во Франции. Первый из них определял обязанности саламандр в случае мобилизации и войны; второй закон (так называемый закон Деваля) предписывал саламандрам селиться только в тех прибрежных пунктах, которые укажет им их собственник или соответствующий орган департаментской

администрации; третий закон гласил, что саламандры обязаны беспрекословно подчиняться всем полицейским распоряжениям; в случае неподчинения полицейские власти имеют право карать их заключением в сухом и светлом месте и даже долгосрочным отстранением от работы. Левые партии тотчас внесли в парламент предложение разработать систему социальных законов для саламандр, которые ограничили бы их трудовые повинности и возложили на работодателей определенные обязательства по отношению к трудящимся саламандрам (например, двухнедельный отпуск в период весеннего спаривания), в противоположность этим партиям крайние левые потребовали вообще изгнать из общества всех саламандр, как враждебных трудящимся массам, ибо саламандры слишком много, и притом почти бесплатно, работают на капиталистов, чем ставят под угрозу жизненный уровень рабочего класса. В поддержку этого требования в Бресте началась забастовка, а в Париже произошли крупные демонстрации, в результате было много раненых, и кабинет Деваля вынужден был подать в отставку. В Италии саламандры были подчинены специальной Саламандровой корпорации, состоящей из предпринимателей и представителей власти, в Голландии они находились в ведении министерства водных сооружений; словом, каждое государство решало Саламандровую Проблему по-своему, и все по-разному. Но многочисленные правительственные распоряжения, которые определяли гражданские обязанности и ограничивали чисто животную свободу саламандр, были, в общем, всюду одинаковы.

Разумеется, тотчас вслед за изданием первых законов о саламандрах появились люди, которые во имя юридической логики доказывали, что если человеческое общество налагает на саламандр известные обязанности, то оно должно признать за ними и некоторые права. Государство, издавая законы для саламандр, тем самым признает их свободными и

правомочными субъектами права и даже своими подданными; а в таком случае надо каким-то образом упорядочить их взаимоотношения с государством, под юрисдикцией которого они находятся. Можно, конечно, считать саламандр иностранными иммигрантами, но тогда государство не вправе налагать на них определенные обязанности и повинности на случай мобилизации и войны, как это сделали все цивилизованные страны (за исключением Англии). В случае военного конфликта мы наверняка потребуем от саламандр, чтобы они защищали наши побережья; но тогда мы не можем отказать им в известных гражданских правах, как то: избирательное право, право собраний, право на представительство в различных выборных органах и так далее.

Некоторые понимали равноправие саламандр до такой степени буквально, что требовали для саламандр права занимать любые общественные должности в воде и на суше (Ж. Курто); или формирования из саламандр, вооруженных по всем правилам, подводных полков с собственными подводными командирами (генерал Дефур); и даже разрешения смешанных браков между людьми и саламандрами (адвокат Луи Пьерро). Правда, естествоведы утверждали, что такие браки вообще невозможны; но мэтр Пьерро заявил, что дело не в физической возможности, а в правовом принципе и что он сам готов жениться на саламандре, дабы доказать, что реформа брачного права не останется только на бумаге. (Впоследствии мэтр Пьерро сделался весьма популярным адвокатом по бракоразводным делам.)

(В связи с этим следует упомянуть, что в американской печати время от времени появлялись сообщения о девушках, якобы изнасилованных саламандрами во

время купания. Поэтому в Соединенных Штатах участились случаи, когда саламандр хватали и подвергали линчеванию, — чаще всего путем сожжения на костре. Напрасно ученые протестовали против этого народного обычая, утверждая, что строение тела саламандр совершенно исключает подобные преступления с их стороны; многие девушки показали под присягой, что саламандры приставали к ним, и тем самым для каждого нормального американца вопрос был решен. Впоследствии излюбленный способ линчевания саламандр, то есть сожжение, подвергся все-таки ограничению — сжигать саламандр разрешалось только по субботам, и притом под наблюдением пожарных. Тогда же возникло и «Движение против линчевания саламандр», во главе которого стал негритянский священник Роберт Дж. Вашингтон; к нему примкнуло свыше ста тысяч человек, впрочем почти исключительно негров. Американская печать подняла крик, заявляя, что это движение преследует разрушительные политические цели; дело дошло до нападений на негритянские кварталы, причем было сожжено много негров, молившихся в своих церквах за Братьев Саламандр. Ожесточение против негров достигло своей высшей точки, когда от подожженной негритянской церкви в Гордонвилле (штат Луизиана) пожар распространился на весь город. Впрочем, это не имеет уже прямого отношения к истории саламандр.)

Из числа юридических установлений и льгот, действительно касающихся саламандр, упомянем хотя бы некоторые: каждая саламандра была записана в саламандровую метрическую книгу и зарегистрирована по месту работы; саламандры обязывались получать разрешение властей на проживание в данном месте; они

должны были платить подушную подать, которую вносил за них их владелец, производивший потом соответствующие удержания из выдаваемой им пищи (так как саламандры не получали денежного вознаграждения); точно так же они должны были платить арендную плату за участки побережья, на которых жили, взносы в муниципальную кассу, пошлину за воздвигнутые заборы, школьный налог и нести прочие общественные повинности; короче, мы должны честно признать, что в этом отношении с ними обходились, как и с другими гражданами, так что они все же пользовались известным равноправием. Раздавались даже требования о предоставлении саламандрам своего рода подводной автономии, но все эти и другие подобные же рассуждения оставались всегда чисто академическими; дело не дошло до каких-либо практических выводов главным образом потому, что саламандры нигде и никогда не добивались никаких политических прав.

Так же, без участия саламандр и без видимого интереса с их стороны, протекала другая крупная дискуссия вокруг вопроса — можно ли крестить саламандр. Католическая церковь с самого начала твердо держалась той точки зрения, что это недопустимо ни под каким видом; поскольку саламандры не принадлежат к Адамову потомству и не были зачаты в первоначальном грехе, они не могут быть очищаемы от этого греха таинством святого крещения. Святая церковь не желает входить в обсуждение вопроса, обладают ли саламандры бессмертной душой или какими-нибудь другими дарами Господней благодати; ее благорасположение к саламандрам может выражаться лишь в поминании их в особой молитве, которая будет произноситься в определенные дни наряду с молитвой за души в чистилище и предстательством за неверующих (См. Энциклику

его святейшества папы «*Mirabilia Dei Opera*»¹). Не так просто было разрешить этот вопрос протестантским церквям; правда, они признавали за саламандрами разум, а следовательно, и способность воспринять христианское учение, но не решились принять их в лоно церкви и тем самым сделать своими братьями во Христе. Они ограничились поэтому изданием (в сокращенном виде) священного писания для саламандр на непромокаемой бумаге и распространили его в миллионах экземпляров; предполагалось также сочинить для саламандр, по аналогии с «*basic-English*», нечто вроде «*basic-christian*», то есть сведенное к основным принципам и упрощенное христианское учение; но сделанные в этом направлении опыты вызвали столько теологических споров, что в конце концов от этой затеи пришлось отказаться². Не столь щепетильны были некоторые религиозные секты (особенно американские), которые посылали к саламандрам своих миссионеров, чтобы они проповедовали им Истинную Веру и крестили их по словам Писания: «Идите по всему миру, учите все народы». Но лишь немногим миссионерам удалось проникнуть за заборы, отделявшие саламандр от людей; предприниматели запрещали им доступ к саламандрам, чтобы они своими проповедями не отрывали их понапрасну от дела. И поэтому то тут, то там можно было видеть, как у просмоленного забора стоит проповедник, окруженный собаками, и под аккомпанемент яростного лая тщетно, но горячо излагает слово Божие.

Несколько бóльшим распространением пользовался среди саламандр монизм; некоторые из них верили также в материализм, золотой стандарт и прочие научные догмы. Попу-

¹ «Достойное удивления создание Божье» (*лат.*).

² По этому вопросу появилась такая обширная литература, что одна только ее библиография заняла бы два толстых тома.

лярный философ Георг Секвенц сочинил даже специальную религию для саламандр, высшим и главнейшим догматом которой была вера в Великого Саламандра. Правда, это учение совсем не привилось у саламандр, зато нашло очень много приверженцев среди людей, особенно в больших городах, где в короткий срок появилось множество тайных храмов саламандрового культа.

Среди документов пана Повондры имеется весьма порнографическая брошюрка, составленная якобы на основании полицейских рапортов города Б. Материалы этого «частного издания, выпущенного с научными целями», невозможно цитировать в приличной книге, и мы позаимствуем оттуда лишь некоторые выдержки:

«В центре храма саламандрового культа, находящегося в доме № *** по улице ***, устроен большой бассейн, выложенный темно-красным мрамором. Вода в бассейне, смешанная с благовонными эссенциями, подогрета и освещается снизу огнями, все время меняющими свой цвет, другого освещения в храме не имеется. С двух сторон в этот бассейн, переливающийся всеми цветами радуги, спускаются по мраморным ступеням с пением „саламандровых литаний“ совершенно обнаженные верующие — „саламандры и саламандрии“: с одной стороны мужчины, с другой — женщины, все из высшего круга, можно назвать, в частности, баронессу М., киноартиста С., посланника Д. и многих других видных лиц. Внезапно голубой прожектор освещает громадную мраморную скалу, выступающую над водой, на скале лежит, тяжело дыша, огромная, старая, черная саламандра, именуемая „Магистр Саламандр“. Секунду длится молчание, затем раздается голос магистра: он призывает верующих полностью, всей душой отдаться предстоящим

обрядам саламандровой пляски и преклониться пред Великим Саламандром. После этого магистр поднимается и начинает извиваться верхней частью туловища. Вслед за ним верующие мужчины, погрузившись в воду по шею, тоже неистово раскачиваются и извиваются — все быстрее и быстрее, якобы для того чтобы образовалась „половая среда“. Во время этого обряда „саламандрии“ издают резкие звуки: „Тс-тс-тс“, — и кричат скрипучими голосами. Один за другим гаснут огни под водой, и разыгрывается всеобщая оргия».

Мы не можем поручиться за правильность этого описания, но достоверно известно, что во всех крупных городах Европы полиция, с одной стороны, строго преследовала эти саламандровые секты, а с другой — только и делала, что разбирала постоянно возникавшие в этой связи грандиозные общественные скандалы. Однако можно заключить, что хотя культ «Великого Саламандра» и был необычайно распространен, но по большей части таинства совершались не с таким сказочным великолепием, а среди менее состоятельного люда — даже просто на суше.

Сами саламандры позднее приняли почти всюду иную религию, причем неизвестно, откуда они ее взяли. Это было поклонение Молоху, которого они представляли себе в виде исполинской саламандры с человеческой головой; по слухам, у них под водой были огромные идолы из чугуна, которые они заказывали у Армстронга или Круппа, но подробности их религиозных обрядов, будто бы необычайно таинственных и жестоких, так и остались неизвестными, потому что совершались под водой. По-видимому, эта религия распространилась у них потому, что имя Молоха напоминало им естественнонаучное (molche) или немецкое (Molch) название саламандры.

Как видно из изложенного, Саламандровый Вопрос в тече-

**VAŠE PRÁCE - VÁŠ ÚSPĚCH
VAŽTE SI KAŽDÉ VTEŘINY!**

**DEN MÁ TOLIKO
86 400 VTEŘIN!**

KAŽDÝ MÁ JEN TOLIK CENY, KOLIK UDĚLÁ PRÁCE

**JEDEN METR HRÁZE
MŮŽETE POSTAVITI
ZA 57 MINUT!**

*KDO PRACUJE,
SLOUŽÍ VŠEM*

**KDO NEPRACUJE,
AŽ NEJÍ!**

A tak dále. Povážíme-li, že ty prkenné ohrady lemovaly na celém světě víc než tři sta tisíc kilometrů mořských břehů,

dovedeme si představit, kolik nabáda- vých a obecně prospěšných hesel se na ně vešlo.

ние долгого времени сводился к тому, в состоянии ли (и если да, то в какой мере) саламандры, будучи существами разумными и в значительной степени цивилизованными, пользоваться теми или иными человеческими правами, хотя бы где-то на грани человеческого общества и человеческого порядка; иными словами, это был внутренний вопрос каждого отдельного государства, разрешавшийся в рамках гражданского права. Долгие годы никому не приходило в голову, что Саламандровый Вопрос может иметь крупнейшее международное значение и что с саламандрами придется, пожалуй, иметь дело не только как с мыслящими существами, но и как с единым саламандровым коллективом или саламандровой нацией.

Строго говоря, первый шаг к такому пониманию Саламандровой Проблемы сделали те эксцентричные христианские секты, которые пытались окрестить саламандр, ссылаясь на слова Писания: «Идите по всему миру, учите все народы». Тем самым впервые было заявлено, что саламандры — нечто вроде нации. *Да и упоминавшаяся выше католическая молитва за саламандр давала им определение «Dei creatura de genta Molch» (создания Божья народа саламандр).*

Различные организации обратились к саламандрам с воззваниями. В коллекции пана Повондры мы нашли несколько воззваний, остальные, вероятно, спалила пани Повондрова. Из сохранившегося материала отметим лишь следующие обращения:

(Пацифистский манифест)

(Немецкая листовка)

(Публичное обращение скаутов, занимающихся водным спортом)

(Воззвание фракции гражданских реформ в Дьеппе)

¹ Саламандры, вышвырните евреев

(Адрес Союза аквариумистических обществ и любителей водной фауны)

(Воззвание Общества нравственного возрождения)

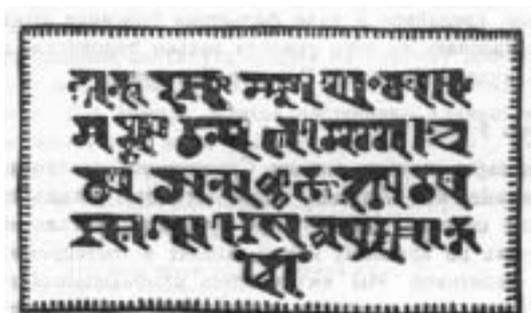

(Общество взаимопомощи бывших моряков)

(Клуб пловцов в Эгире)

Особенно важным (если судить по тому, как пан Повондра тщательно подклеил эту вырезку) было, вероятно, воззвание, текст которого приводим полностью:

Саламандровой Проблемой занялось со временем и Международное бюро труда в Женеве. Там столкнулись два противоположных взгляда. Одни признавали саламандр новой категорией работающих и добивались распространения на них в полном объеме социального законодательства, касающегося рабочего времени, отпусков с сохранением зарплаты, страхования по инвалидности и старости и так далее.

Другие, наоборот, заявляли, что в лице саламандр растет опасная конкуренция трудящимся людям и что использование труда саламандр просто надо запретить как антисоциальное явление. Против этого предложения выступили, однако,

не только работодатели, но и делегаты от рабочих, которые ссылались на то, что саламандры перестали быть только новой рабочей армией, но сделались крупным потребителем со все возрастающим значением. Они привели данные о том, в каком небывалом объеме возросла за последнее время занятость рабочих в металлообрабатывающей промышленности (инструменты, машины и чугунные идолы для саламандр), военной, химической (подводные взрывчатые вещества), бумажной (учебники для саламандр), цементной, лесной, искусственного корма (Salamander Food) и многих других отраслей; тоннаж торгового флота увеличился по сравнению с досаламандровыми временами на 27 процентов, добыча угля — на 18,6 процента. Косвенным путем — благодаря повышению числа занятых рабочих и уровня благосостояния людей — увеличивается оборот и в других отраслях промышленности. Наконец, в самое последнее время саламандры стали заказывать разные детали машин по собственным чертежам; из них они монтируют под водой пневматические сверла, молоты, подводные двигатели, печатные станки, подводные радиопередатчики и другие механизмы собственной конструкции. За эти детали саламандры платят повышением производительности труда. Уже сейчас пятая часть всей мировой продукции тяжелой промышленности и точной механики зависит от заказов саламандр. Уничтожьте саламандр, и вам придется закрыть одну пятую всех предприятий; вместо нынешнего процветания миллионы людей окажутся без работы.

Международное бюро труда не могло, конечно, не считаться с этими возражениями. В конечном счете после долгих переговоров было достигнуто компромиссное решение, в котором говорилось, что «вышеозначенные работополучатели группы S (земноводные) могут быть заняты только в воде или под водой, а на берегу — лишь на расстоянии не более десяти метров от наивысшей черты прилива; они не имеют права до-

бывать уголь или нефть на морском дне, не имеют права производить для сбыта на суше бумагу, текстильные товары или искусственную кожу из водорослей и т. д.». Эти ограничения саламандровой продукции были сведены в кодекс из девятнадцати параграфов, которых мы не приводим подробно по той простой причине, что с ними, само собой разумеется, нигде не считались; но в качестве образчика широкомасштабного, подлинно международного решения экономической и социальной стороны Саламандрового Вопроса этот кодекс являл собой внушительный и интересный документ.

Несколько медленнее подвигалось дело с международным признанием саламандр в других областях, в частности в области культурных взаимоотношений. Когда в специальном журнале за подписью Джона Симэна появилась многократно цитировавшаяся потом статья «Геологическое строение морского дна у Багамских островов», то никто не подозревал, что это — научный труд ученой саламандры; но когда научные конгрессы, различные академии и ученые общества стали получать от исследователей-саламандр сообщения и работы по вопросам океанографии, географии, гидробиологии, высшей математики и других точных наук, то это всякий раз вызывало большое смущение и даже негодование, которое великий д-р Мартель выразил в словах: «Эта мразь хочет нас учить?» Японский ученый, д-р Оношита, который отважился процитировать сообщение одной саламандры о развитии желтого мешка у головастика глубоководной морской рыбки *Argyropelecus hemigymnus* Соссо, подвергся бойкоту со стороны ученого мира и сделал себе харакири; для университетской науки стало вопросом чести и корпоративной гордости не замечать ни одной научной работы саламандр. Тем большее внимание (если не возмущение) вызвал жест Университетского центра в Ницце, который пригласил д-ра Шарля Мерсье, высокоученую саламандру из тулонского порта, выступить

на торжественном акте, где д-р Мерсье с огромным успехом прочел лекцию о теории сечений конусов в неэвклидовой геометрии.

В коллекции пана Повондры, сохранилось довольно поверхностное, сделанное в духе фельетона описание этого торжества; к сожалению, из него уцелела только половинка, а остальная часть куда-то пропала. Вот это описание:

«Ницца, 6 мая

В красивом светлом здании Средиземноморского института на Promenade des Anglais царит сегодня оживление; двое полицейских очищают на тротуаре путь для приглашенных, которые, ступая по красному ковру, входят в гостеприимный прохладный амфитеатр. Мы видим здесь улыбающегося г-на мэра города Ниццы, г-на префекта в цилиндре, генерала в голубой форме, господ с красной розеткой Почетного легиона, дам определенного возраста (в этом году преобладает модный терракотовый цвет), вице-адмиралов, журналистов, профессоров и высокопоставленных старцев всех национальностей, которых всегда множество на Лазурном берегу. Вдруг — небольшой инцидент: какое-то странное создание робко старается проскользнуть между всеми этими почетными гостями; оно закутано с головы до ног в длинную черную пелерину, не то домино, глаза его спрятаны за огромными темными стеклами; поспешными неуверенными шагами семенит оно к переполненному вестибюлю.

„Hé, vous, — крикнул один из полицейских, — qu'est-ce que vous cherchez ici?“¹ Но к испуганному

¹ Эй, вы! Что вам здесь надо? (фр.)

пришельцу уже спешат университетские сановники с возгласами: „Cher docteur“¹ да „Cher docteur“, — стало быть, вот она, эта ученая саламандра, д-р Шарль Мерсье, который должен сегодня выступить перед цветом Лазурного берега! Скорее в дом, чтобы успеть захватить местечко среди торжественно настроенной и взволнованной публики.

На трибуне восседают Monsieur le Maire², великий поэт Monsieur Поль Маллори, m-me Мария Диминьяну — делегатка Международного бюро интеллектуального сотрудничества, ректор Средиземноморского института и другие официальные лица. Сбоку от трибуны стоит кафедра для докладчика, а за кафедрой... Ну да! Это в самом деле эмалированная ванна. Обыкновенная эмалированная ванна, какие бывают в ваннных комнатах. Двое сотрудников института вводят на трибуну робкое создание, закутанное в длинный балахон. Публика несколько растерянно аплодирует. Д-р Шарль Мерсье застенчиво кланяется и неуверенно оглядывается, куда бы ему сесть. „Voilà, monsieur“³, — шепчет один из сотрудников, указывая на эмалированную ванну, — это для вас“. Д-р Мерсье страшно конфузится и не знает, как отклонить подобную любезность; он пытается как можно незаметней занять место в ванне, но запутывается в своей длинной пелерине и падает в ванну, с шумом расплескивая воду. Господа на трибуне основательно забрызганы, но делают вид, будто ничего не случилось; в аудитории кто-то истерически рассмеялся, но господа

¹ дорогой доктор (фр.).

² господин мэр (фр.).

³ Вот здесь, сударь (фр.).

в передних рядах сурово озираются и шипят: «Тсс!» В тот же момент поднимается и берет слово Monsieur le Maire et Député¹.

„Милостивые государыни и милостивые государи, — говорит он. — Я имею честь приветствовать на территории прекрасной Ниццы доктора Шарля Мерсье, выдающегося представителя научной жизни наших близких соседей, обитателей модских глубин (*д-р Мерсье высовывается до половины из воды и низко кланяется*). Впервые в истории цивилизации земля и море протягивают друг другу руки для интеллектуального сотрудничества. До сих пор перед духовной жизнью людей стояла неодолимая преграда — это был мировой океан... Мы могли пересечь его, могли бороздить его по всем направлениям на своих кораблях, но в глубь его, милостивые государыни и государи, цивилизация проникнуть не могла. Тот небольшой кусок суши, на котором живет человечество, был до сих пор окружен диким и девственным морем; это великолепное обрамление, но вместе с тем и извечная грань: по одну сторону прогрессирующая цивилизация, по другую — вечная и неизменная природа. Эта грань, мои дорогие слушатели, ныне исчезает. (*Аплодисменты.*) Нам, детям теперешней великой эпохи, досталось несравненное счастье видеть собственными глазами, как растет наше духовное царство, как оно переступает собственные границы и нисходит в волны морские, завоевывает подводные глубины и присоединяет к старой культурной земле современный цивилизованный океан. Какое грандиозное зрелище! (*Возгласы «Браво!»*) Дамы и господа, только

¹ Господин мэ́р, он же депутат (*фр.*).

рождение океанской культуры, выдающегося представителя которой мы имеем честь приветствовать сегодня в нашей среде, сделало наш земной шар действительно и до конца цивилизованной планетой! (*Восторженные рукоплескания. Д-р Мерсье приподнимается в ванне и кланяется.*) Дорогой доктор и великий ученый! — обратился затем Monsieur le Maire к доктору Мерсье, который, опираясь о край ванны, растроганно и с трудом шевелил своими трепещущими жабрами. — Вы сможете передать своим друзьям и соотечественникам на дне морском наши добрые пожелания, наше восхищение и наши самые горячие симпатии. Скажите им, что в вашем лице, в лице наших морских соседей мы приветствуем авангард прогресса и культуры, авангард, который будет шаг за шагом колонизовать бесконечные морские пространства и создаст новый культурный мир на дне океана. Я вижу, как в пучине морской вырастают новые Афины и новый Рим; вижу, как расцветает там новый Париж с подводными Луврами и Сорбоннами, с подводными Триумфальными арками и Могилами неизвестных солдат, с театрами и бульварами. Так позвольте же мне высказать мою самую заветную мысль: я надеюсь, что напротив нашей дорогой Ниццы в синих волнах Средиземного моря вырастает новая славная Ницца, ваша Ницца, которая своими пышными подводными проспектами, садами и променадами украсит наш Лазурный берег. Мы хотим узнать вас и хотим, чтобы вы узнали нас. Я глубоко убежден, что более близкие научные и общественные взаимоотношения, которым мы положили сегодня начало при столь счастливых предзнаменованиях, приведут наши народы ко все более и более тесному культурному и политическому сотрудничеству в интересах всего человечества, в интересах

всеобщего мира, процветания и прогресса“.*(Продолжительные аплодисменты.)*

Вслед за тем встает д-р Шарль Мерсье и пытается в нескольких словах поблагодарить г-на мэра и депутата Ниццы. Но, с одной стороны, он слишком растроган, а с другой — у него довольно своеобразный выговор; из его речи я уловил лишь несколько с трудом произнесенных слов, если не ошибаюсь, это было: „весьма польщен“, „культурные взаимоотношения“ и „Виктор Гюго“. После этого, явно взволнованный, д-р Мерсье снова скрылся в ванне.

Слово получает Поль Маллори. То, что он произносит, — не речь, а гимн, проникнутый глубокой философией. „Я благодарю судьбу, — говорит он, — за то, что дожил до подтверждения и воплощения одной из прекраснейших легенд человечества. Это воплощение и подтверждение поистине необычно — взамен погрузившейся в море Атлантиды мы с изумлением видим новую Атлантиду, поднимающуюся из пучины. Дорогой коллега Мерсье! Вы, поэт пространственной геометрии, и ваши ученые друзья — вы первые посланцы того Нового Света, который встает из морских глубин, и вы приходите к нам не как Афродита Пенорожденная, но как Паллада Анадиомена. Но гораздо более необычайно и несравненно, более таинственно, то, что наряду с этим...“»

(Окончание не сохранилось.)

На торжестве в Ницце в числе других присутствовала, как известно, делегатка женевской организации, мадам Мария Диминяну. Эта замечательная и благородная дама была так тронута скромными манерами и ученостью д-ра Мерсье («*Raivte*

petit, — воскликнула она, — il est tellement laid!»¹), что поставила целью своей кипучей и деятельной жизни принятие саламандр в Лигу Наций. Напрасно политические деятели объясняли красноречивой и энергичной даме, что саламандры, не имея нигде на свете ни суверенной государственной власти, ни собственной территории, не могут быть членами Лиги Наций. Мадам Диминяну начала пропагандировать идею, что в таком случае саламандры должны получить где-нибудь свободную территорию и обзавестись подводным государством. Эта идея была в достаточной мере нежелательна, если не просто дерзка; но в конце концов нашли счастливый выход в решении, что при Лиге Наций будет учреждена специальная «Комиссия по изучению Саламандрового Вопросы», в состав которой пригласят также двух делегатов от саламандр, в качестве одного из делегатов, по настоянию мадам Диминяну, пригласили д-ра Шарля Мерсье из Тулона, а другим стал некий дон Марио, толстая ученая саламандра с острова Куба, занимавшаяся научной работой в области планктона и морских растений. В ту пору это был высший предел международного признания саламандр.

В документах пана Повондры сохранился несколько неясный газетный снимок, изображавший обоих саламандровых делегатов в тот момент, когда они поднимаются по лесенке из Женевского озера на набережную Монблан, чтобы отправиться на заседание комиссии. По-видимому, официальная квартира была им предоставлена именно в этом озере.

Что касается самой женевской комиссии по изучению Саламандрового Вопросы, то она проделала большую и ценную работу, выразившуюся главным образом в

¹ «Бедняжка, он так безобразен!» (фр.).

тщательном уклонении от всех жгучих политических и экономических вопросов. Она непрерывно заседала в течение многих лет и провела свыше тысячи трехсот заседаний, посвященных усердным дебатам по вопросу о едином международном названии для саламандр. В этой области господствовал безнадежный хаос; наряду с научными названиями — *Salamandra*, *Molche*, *Vatrachus* и т. п. (которые начали казаться несколько невежливими) — была предложена целая куча других имен: саламандр хотели назвать тритонами, нептунидами, фетидами, nereидами, атлантами, океанидами, посейдонами, лемурами, пелагами, литторальями, понтийцами, батидами, абиссами, гидрионами, жандемерами (*gens de mer*)¹, сумаринами и т. д. Комиссия по изучению Саламандрового Вопроса должна была выбрать наиболее подходящее из всех этих имен; она ревностно и добросовестно занималась этим до самого конца Саламандрового Века, но так и не пришла к какому-нибудь единодушному окончательному решению.

Итак мы наблюдаем энергичный и непрерывный подъем в развитии саламандр. Численность их определяют уже в семь миллиардов, хотя с ростом цивилизации плодовитость их резко падает (до двадцати—тридцати головастиков в год на самку). Они заселили уже свыше шестидесяти процентов всех побережий земного шара, полярные побережья еще не заняты их поселениями, но канадские саламандры уже начинают колонизовать берега Гренландии и даже оттесняют эскимосов внутрь страны, захватывая в свои руки рыболовство и торговлю рыбьим жиром.

¹ морские люди (*фр.*).

Рука об руку с их количественным ростом продолжается и культурный прогресс; установив обязательное школьное обучение, они поставили себя в ряд с цивилизованными нациями и могли уже похвастать сотнями собственных подводных газет, выходящих миллионными тиражами, прекрасно оборудованными научными институтами и так далее.

Разумеется, этот культурный подъем не всегда проходил гладко и без внутренних неурядиц. Мы, правда, чрезвычайно мало знаем о внутренних делах саламандр, но, судя по некоторым признакам (например, по найденным трупам саламандр с откушенными носами и головами), под морскою гладью долгое время свирепствовал яростный и затяжной идейный спор между старосаламандрами и младосаламандрами. Младосаламандры стояли, видимо, за прогресс без всяких преград и ограничений, заявляя, что и под водой надо перенять материковую культуру целиком со всеми ее достижениями, не исключая футбола, флирта, фашизма и половых извращений. Наоборот, старосаламандры, по-видимому, консервативно цеплялись за природные свойства саламандр и не хотели отречься от старых добрых животных привычек и инстинктов; они, несомненно, осуждали лихорадочную погоню за всякими новшествами и видели в ней признаки упадка и измену саламандровым идеалам предков и, конечно, возмущались также чужеродными влияниями, которым слепо подчиняется теперешняя развращенная молодежь, и спрашивали, достойно ли гордых и самолюбивых саламандр это обезьянье подражание людям¹.

¹ Пан Повондра включил в свою коллекцию две-три статьи из газеты «Народни политика», содержавшие рассуждения о современной человеческой молодежи; скорее всего, он по недоразумению отнес их к соответствующему периоду истории саламандровой цивилизации.

Мы можем себе представить, что выдвигались громкие лозунги, вроде: «Назад к миоцену! Долой всякое очеловечивание! На бой за нерушимую саламандренность!» — и т. д.

Несомненно, здесь были налицо все предпосылки для острого идейного конфликта между поколениями и для коренного перелома в духовном развитии саламандр. Нам очень жаль, что мы не можем дать об этом более подробных сведений, но мы надеемся, что саламандры извлекли из этого конфликта все, что могли.

Мы видим затем саламандр на пути к наивысшему расцвету; впрочем, и человеческий мир переживает в то время период небывалого процветания. Лихорадочно сооружаются новые берега континентов, на старых отмелях насыпается новая суша, среди океана вырастают искусственные авиационные острова; но и это все — ничто по сравнению с грандиозными техническими проектами полной перedelки земного шара, которые ждали только, чтобы кто-нибудь их финансировал. По ночам саламандры без отдыха работают на дне всех морей, на побережьях всех континентов; кажется, будто они удовлетворены и не требуют для себя ничего, кроме возможности работать да сверлить под берегами норы и переходы своих темных жилищ.

У саламандр есть, таким образом, свои подводные и подземные города, свои столицы в пучине, свои Эссены и Бирмингамы на дне морском, на глубине от двадцати до пятидесяти метров; у них есть свои перенаселенные фабричные кварталы, гавани, транспортные магистрали и миллионные скопления населения, словом, — у них есть свой мир, более или менее неведомый людям, но, по-видимому, высоко развитый в техническом отношении.

Один господин из Дейвице рассказывал пану Повондре, что, купаясь на пляже в Катвейке на Северном море, он

заплыл далеко, как вдруг сторож на пляже закричал ему, чтобы он возвратился. Названный господин (некий пан Пршигода, комиссионер) не обратил на это внимания и продолжал плыть. Тогда сторож прыгнул в лодку и пустился вслед за ним.

— Эй, сударь! — крикнул он. — Здесь купаться нельзя...

— Почему? — спросил пан Пршигода.

— Здесь саламандры.

— Я их не боюсь, — возразил пан Пршигода.

— У них под водой какие-то фабрики или что-то в этом роде, — проворчал сторож. — Тут, сударь, никто не купается.

— Почему же?

— Саламандры этого не любят.

У них нет, правда, доменных печей и металлургических заводов, но люди доставляют им металлы в обмен на их работу. У них нет своих взрывчатых веществ, но люди продают им эти вещества. Источником энергии является для них море с его приливами и отливами, с его подводными течениями и разницей температур; правда, турбины дали им люди, но саламандры умеют ими пользоваться, а разве цивилизация не есть просто-напросто умение пользоваться тем, что придумал кто-то другой? И если у саламандр нет, допустим, собственных идей, то у них все же вполне может быть собственная наука. Правда, у них нет своей музыки или литературы, но они прекрасно обходятся и без них. И люди начинают приходить к выводу, что это замечательно современно... Стало быть, и человек уже может кое-чему научиться у саламандр, — и неудивительно: разве не пожинают саламандры великолепных успехов? А с чего же и брать людям пример, как не с успешных деяний?! Никогда еще в истории человечества не производилось, не строилось и не

зарабатывалось столько, как в эту великую эпоху. Да, ничего не скажешь, вместе с саламандрами в мир явился гигантский прогресс, некий новый идеал, именуемый Количество. «Мы, люди Саламандрового Века», — говорилось тогда с обоснованной гордостью; куда до него обветшалому Человеческому Веку с его медлительной, мелочной, бесполезной возней, которую называли культурой, искусством, чистой наукой или как там еще. Подлинные сознательные люди Саламандрового Века не станут уже тратить время на размышления о Сути Вещей; им хватит дела с одним их количеством и массовым производством. Беспредельное увеличение производства и потребления — вот все будущее мира, а посему — пусть будет еще больше саламандр, чтобы еще больше произвести продукции и еще больше сожрать! Попросту говоря, саламандры — это Множественность, их эпохальная заслуга в том, что их так много. Только теперь дано человеческому разуму работать в полную силу, ибо он работает в огромных масштабах, в условиях, когда производительная мощь доведена до предела, а обороты капиталов достигли рекорда; короче, настала великая эпоха.

Так чего же еще не хватает, чтобы действительно настал Счастливый Новый Век всеобщей удовлетворенности и процветания? Что может помешать осуществлению желанной Утопии, в которой объединились бы все эти победы техники, открывая все дальше и дальше, до бесконечности, великолепные возможности еще больше увеличивать благосостояние людей и усердие саламандр?

Честное слово, ничего! Ибо отныне деловые отношения с саламандрами будут увенчаны пронизательностью, достойной государственных деятелей, которые заранее позаботятся о том, чтобы колеса Нового Века никогда не скрипели.

В Лондоне собралась конференция приморских государств, на которой была выработана и принята междуна-

сферы интересов какого-либо иного государства, никоим образом не вмешиваться в саламандровые дела других морских держав; в случае столкновений между своими и чужими саламандрами подчиняться решениям международного арбитража в Гааге, не вооружать своих саламандр каким бы то ни было оружием, калибр которого превосходит калибр обыкновенного подводного револьвера против акул (так называемого Safranek-gun, или shark-gun); не допускать, чтобы их саламандры завязывали близкие отношения с саламандрами, подчиненными иному государственному суверенитету, не строить новые континенты и не расширять свою территорию с помощью саламандр без предварительного разрешения Постоянной морской комиссии в Женеве и т. д. (всего тридцать семь параграфов). Вместе с тем были отвергнуты: английское предложение, чтобы морские державы не вводили обязательного военного обучения саламандр; французское предложение — интернационализировать саламандр и подчинить их Международному Саламандровому Бюро по упорядочению мировых вод; немецкое предложение — выжигать на каждой саламандре клеймо того государства, в подданстве которого она состоит; другое немецкое предложение, чтобы каждому приморскому государству разрешалось иметь лишь установленное в известной пропорции число саламандр; итальянское предложение, чтобы государствам, располагающим избытком саламандр, были предоставлены для колонизации новые побережья или участки на дне моря; японское предложение, чтобы над саламандрами (черными от природы) осуществляла международный мандат японская нация, как представительница цветных рас.

Это предложение, видимо, было связано с широкой политической пропагандистской кампанией; мы располагаем благодаря коллекционерской страсти пана Повондры чрезвычайно важным документом этой кампании. В документе сказано буквально:

人造人 米國にて 莫見得 経議 間
 つ取は二種の現今留宿多作いが、合探た「戦争の合て目
 氏かの大限全く然と感うにしてやな右のロ
 幸更まはみせ見ち中かど間無ろの自分てうた右のロ
 くれ君な。」
 ばせす大運の庶示がも「一」お願て無知ろと福更向て
 五軍にうりま「分れそはロソソイ中を」いぶ「
 とたよな目下そのじ今作ロソソ分目先して万世の有運
 布あなに迷ん反易強型で 美道れな。がせよ明か聞は
 企つ人造人ニ……………」

Обсуждение большинства этих предложений было перенесено на следующую конференцию морских держав, которая, однако, по разным причинам не состоялась.

«Этот международный акт, — писал о конвенции Жюль Зауэрштоф в «Тан», — обеспечивает будущее Саламандр и мирное развитие человечества на многие десятки лет. Поздравим лондонскую конференцию с благополучным завершением ее нелегких трудов; поздравим и саламандр с тем, что

принятый статут дает им охрану в лице Гаагского суда; теперь они могут спокойно и с полным доверием заняться своей работой и своим подводным прогрессом. Следует подчеркнуть, что лишение Саламандровой Проблемы политического содержания, отразившееся в параграфах Лондонской конвенции, является одной из важнейших гарантий всеобщего мира; в особенности разоружение саламандр уменьшает вероятность подводных конфликтов между отдельными государствами. Пусть даже почти на всех континентах продолжают пограничные споры и распри из-за господства, несомненно одно: со стороны моря всеобщему миру не грозит теперь никакая конкретная опасность. Но, по-видимому, и на суше мир обеспечен лучше, чем когда бы то ни было. Приморские государства целиком заняты строительством новых берегов и могут расширять свою территорию за счет мирового океана, вместо того чтобы стремиться раздвинуть свои границы на суше. Уже не нужно будет с помощью железа и газа сражаться за каждую пядь земли; лопат и мотыг саламандр хватит, чтобы каждое государство построило себе столько территории, сколько ему нужно; эту мирную работу саламандр на благо мира и всех наций как раз и гарантирует Лондонская конвенция. Еще никогда земной шар не был так близок к прочному миру и мирному, но мощному процветанию, как именно сейчас. Вместо Саламандровой Проблемы, о которой столько писали и говорили, отныне будут, по-видимому, с полным правом говорить о Золотом Саламандровом Веке».

3. Пан Повондра опять читает газеты

Ни на ком так не заметен бег времени, как на детях. Где маленький Франтик, которого мы (так недавно!) оставили над левыми притоками Дуная?

— Куда опять запропастился этот Франтик? — ворчит пан Повондра, раскрывая свою вечернюю газету.

— Сам знаешь — как всегда... — отвечает пани Повондрова, склонившись над штопкой.

— Значит, отправился к своей девчонке, — сердито произносит Повондра-отец — Проклятый мальчишка! Едва тридцать лет исполнилось, а ни одного вечера дома не посидит!

— Одних носков сколько изнашивает, и все из-за бегот-ни! — вздыхает пани Повондрова, натягивая еще один безнадёжный носок на деревянный гриб. — Ну что тут поделаешь? — задумывается она над огромнейшей дырой на пятке, похожей своими очертаниями на остров Цейлон. — Прямо хоть выбрось! — критически рассуждает она, но после дальнейших стратегических размышлений решительно вонзает иглу в южное побережье Цейлона.

Настала уютная семейная тишина, столь дорогая сердцу Повондры-отца; только газета шуршит да отвечает ей быстро продергиваемая нитка.

— Поймали его? — спрашивает пани Повондрова.

— Кого?

— Да того убийцу, который зарезал женщину.

— Очень мне нужен твой убийца, — возмущенно ворчит пан Повондра. — Вот тут как раз пишут, что между Японией и Китаем напряженные отношения. Это серьезное дело. Там всегда серьезные дела.

— Я думаю, его уже не поймают, — замечает пани Повондрова.

— Кого?

— Этого убийцу. Когда кто-нибудь убивает женщину, его почти никогда не могут поймать.

— Японец-то недоволен, что Китай регулирует Желтую реку. Тут, брат, хитрая политика! Пока Желтая река творит всякие безобразия, в Китае то и дело бывают наводнения и

голод, а это ослабляет китайца, понимаешь? Дай-ка мне ножницы, я это вырежу.

— Зачем?

— А тут написано, что в Желтой реке работает два миллиона саламандр.

— Это много, правда?

— Я думаю. Конечно, за них платит Америка; да, голубушка. И поэтому микадо хочет насадить туда своих саламандр. Эге-ге, смотри-ка!..

— Что случилось?

— Да вот «Пти-паризьен» пишет, что Франция не может этого потерпеть. И правильно. Я бы тоже этого не потерпел.

— Чего бы ты не потерпел?

— Чтобы Италия расширяла остров Лампедузу. Это страшно важная стратегическая позиция, понимаешь? Итальянец мог бы угрожать Тунису. Так вот, «Пти паризьен» пишет, что итальянец хочет устроить на Лампедузе первоклассную морскую крепость. Отсюда, говорят, шестьдесят тысяч вооруженных саламандр... Это дело нешуточное. Шестьдесят тысяч — это, матушка, три дивизии. Я тебе говорю, на Средиземном море в один прекрасный день что-нибудь еще произойдет. Дай-ка я вырежу.

Тем временем Цейлон исчезал под усердной рукой пани Повондровой и сократился уже приблизительно до размеров острова Родоса.

— И тут еще Англия, — рассуждает Повондра-отец, — у той тоже будут хлопоты. В палате общин говорят, что Великобритания отстает, мол, от других государств по части этих самых водных сооружений. Другие колониальные державы строят, мол, наперегонки новые побережья и континенты, а британское правительство из-за своего консервативного недоверия к саламандрам... Это верно, матушка. Англичане страшно консервативны. Знавал я одного лакея из англий-

ского посольства, так, ей-богу, он ни разу не взял в рот нашей чешской тлаченки. У них, говорит, этого не едят, — ну, так и он не будет есть. Я нисколько не удивлюсь, если другие государства их перегонят. — Пан Повондра с серьезным видом покачал головой. — А Франция расширяет свои берега у Кале. Теперь английские газеты поднимают крик, что Франция будет бомбардировать их через Ламанш, когда пролив сузится. Вот и получили! Могли сами расширить свои берега у Дувра и бомбардировать Францию.

— Да зачем им обязательно бомбардировать? — спросила пани Повондрова.

— Ну, этого ты не поймешь. Это уж военные соображения. Я бы не удивился, если бы там вдруг что-нибудь стряслось. Там или где-нибудь в другом месте. Ясно, теперь через этих саламандр мировая ситуация совершенно изменилась, матушка. Совершенно!

— Ты думаешь, что может быть война? — встревожилась пани Павондрова. — Понимаешь... я насчет нашего Франтика, как бы... ему не пришлось идти.

— Война? — переспросил Повондра-отец. — Мировая война обязательно будет, чтобы государства могли поделить между собой море. Но мы останемся нейтральными. Кто-нибудь же должен оставаться нейтральным, чтобы поставлять другим оружие и все такое. Так-то!.. — решил пан Повондра. — Но вы, бабы, ничего в этом не смыслите.

Пани Повондрова, сжав губы, быстрыми стежками заканчивала удаление острова Цейлона с пятки молодого пана Франтика.

— И подумать только, — сказал Повондра-отец, с трудом скрывая свою гордость, — если бы не я, не было бы и всей этой грозной ситуации! Не проводи я тогда этого капитана к пану Бонди, вся история сложилась бы иначе. Другой швейцар не пустил бы его в дом, а я решил — возьму-ка я это на себя. А теперь смотри сколько хлопот у таких государств, как Англия или Франция! И еще неизвестно, что может из этого выйти... — Пан Повондра взволнованно задымил своей трубкой. — Так-то, золото мое! Газеты полны этими саламандрами. Тут вот опять... — Повондра-отец отложил трубку в сторону. — Пишут, что возле города Канкесантурай на Цейлоне саламандры напали на какую-то деревню; туземцы будто бы незадолго до этого убили несколько саламандр. «Были вызваны полиция и взвод туземных войск, — прочитал вслух пан Повондра, — после чего завязалась регулярная перестрелка между саламандрами и людьми. Среди солдат было несколько

раненых...» — Повондра-отец положил газету. — Это мне не нравится, матушка.

— Почему? — удивилась пани Повондрова, заботливо и удовлетворенно постукивая ножницами по тому месту, где был раньше остров Цейлон. — Тут ведь ничего такого нет!

— Не знаю, — произнес Повондра-отец и взволнованно заходил по комнате. — Но это мне совсем не нравится. Нет, это мне не по душе. Перестрелка между людьми и саламандрами — это уж слишком.

— Наверное, саламандры только защищались, — успокоительно сказала пани Повондрова и отложила носки в сторону.

— В том-то и загвоздка, — беспокойно проворчал пан Повондра. — Если эти твари начнут защищаться — плохо дело. Это они первый раз такое сделали. Черт, это мне не нравится! — Пан Повондра остановился в раздумье. — Не знаю... но, может быть, мне все-таки не следовало пускать этого капитана к пану Бонди!..

Книга третья

Война с саламандрами

1. Бойня на кокосовых островах

Пан Повондра ошибался в одном: перестрелка у города Канкесантурай была не первой стычкой между людьми и саламандрами. Первый известный в истории конфликт имел место на Кокосовых островах, за несколько лет до этого, еще в золотой век пиратских набегов на саламандр; но и это не был самый древний из инцидентов такого рода, и в тихоокеанских портах ходило немало рассказов о некоторых прискорбных случаях, когда саламандры оказывали более или менее энергичное сопротивление даже нормальной S-Trade, но такие мелочи не вписываются в книгу истории.

На Кокосовых островах (называемых также островами Килинга) дело происходило так: разбойничье судно «Монроз», принадлежавшее гарримановской Тихоокеанской торговой компании и находившееся под командой капитана Джемса Линдлея, прибыло туда для обычной охоты на саламандр типа «Макароны». На Кокосовых островах имелась хорошо известная, процветающая саламандровая бухта, заселенная еще капитаном ван-Тохом, но потом покинутая на произвол судьбы из-за своей отдаленности. Капитана Линдлея нельзя обвинять в какой-либо неосторожности; нельзя даже ставить ему в упрек, что команда высадилась на берег невооруженной. (В те времена хищническая торговля саламандрами при-

обрела уже определенные упорядоченные формы. Правда, раньше пиратские суда и команды были обычно вооружены пулеметами и даже легкими орудиями — впрочем, не против саламандр, а против возможной конкуренции со стороны других пиратов. На острове Каракелонг однажды произошло даже сражение между командой гарримановского парохода и экипажем датского судна, капитан которого считал Каракелонг своим охотничьим заповедником; обе команды свели тогда между собой старые счеты, порожденные распрями из-за торговли и престижа: они забыли облаву на саламандр и начали стрелять друг в друга из пушек и «гочкисов»; на суше победу одержали датчане, бросившись в атаку с ножами в руках; но потом гарримановский пароход удачно бомбардировал датское судно и потопил его со всеми потрохами, в том числе и с капитаном Нильсом. Это был так называемый Каракелонгский инцидент. В дело вынуждены были вмешаться официальные учреждения и правительства заинтересованных государств; пиратским судам было запрещено на будущее время пользоваться пушками, пулеметами и ручными гранатами; кроме того, флибустьерские компании разделили между собой так называемые свободные промыслы так, что каждое саламандровое поселение посещали только определенные грабительские суда; это джентльменское соглашение крупных хищников действительно соблюдалось, и даже мелкие пиратские фирмы относились к нему с уважением.)

Но вернемся к капитану Линдлею. Он действовал всецело в духе общепринятых тогда торговых и морских обычаев, когда послал своих людей ловить саламандр на Кокосовых островах, вооружив их только веслами и дубинками; последующее официальное расследование полностью оправдало покойного капитана.

Людьми, которые высадились в ту лунную ночь на Кокосовые острова, командовал лейтенант Эдди Мак-Карт, уже

искушенный в облавах такого рода. Правда, стадо саламандр, которое он обнаружил на берегу, было очень большим и насчитывало, по-видимому, от шестисот до семисот взрослых крупных самцов, тогда как под командой лейтенанта Мак-Карта было только шестнадцать человек; но нельзя обвинять его в том, что он не отказался от своего предприятия, — хотя бы уже потому, что офицерам и командам грабительских судов, по обычаю, выплачивали премию за каждую пойманную саламандру. При позднейшем расследовании морское ведомство признало, что «лейтенант Мак-Карт несет, правда, ответственность за прискорбный случай», но «при данных обстоятельствах никто на его месте не поступил бы иначе». Наоборот, злополучный молодой офицер проявил большую сообразительность, когда вместо постепенного оцепления саламандр (которое при данном численном соотношении не могло бы быть полным) он предпочел стремительное нападение, чтобы отрезать саламандр от моря, загнать их в глубь острова и там поодиночке глушить ударами дубин и весел. К несчастью, при атаке рассыпным строем цепь моряков была прорвана, и около двухсот саламандр пробилось к воде. Пока атакующие «обрабатывали» саламандр, отрезанных от моря, в тылу у них затрещали выстрелы подводных револьверов (shark-guns); никто не подозревал, что «натуральные», дикие саламандры на Кокосовых островах вооружены противоаккумулятивными револьверами, и так и не удалось установить, кто снабдил их оружием.

Матрос Майкл Келли, единственный уцелевший от катастрофы, рассказывал:

«Когда загремели выстрелы, мы подумали, что нас обстреливает какая-нибудь другая команда, которая тоже высадилась здесь для ловли саламандр. Лейтенант Мак-Карт быстро обернулся и крикнул: «Что вы делаете,

+ na
Kokosongch
(Keeleapng)
Jostrouce

Capt. J. P. H. Wey
James Lindley

остолопы, здесь — команда «Монроз!»» Тут он был ранен в бок, но все же выхватил свой револьвер и начал стрелять. Потом он был вторично ранен, в горло, и упал. Только тогда мы увидели, что это стреляют саламандры и что они хотят отрезать нас от моря. Лонг Стив поднял весло и бросился на саламандр, громко крича: «Монроз! Монроз!» Мы, остальные, тоже закричали «Монроз» и стали колотить этих тварей веслами что было силы. Пятеро из нас остались на месте, но остальные пробились к морю. Лонг Стив кинулся в воду, чтобы добраться до шлюпки вброд, но на нем повисли несколько саламандр и потянули его на дно. Чарли тоже утопил; он кричал нам: «Ребята, ради всего святого, спасите меня!», а мы не могли ему помочь. Эти свиньи стреляли нам в спину; Бодкин обернулся — и тут получил пулю в живот, крикнул только: «Да что же это?!» — и упал. Тогда мы попробовали скрыться в глубь острова; мы уже разбили в щепы об эту мразь наши дубины и весла и просто бежали, как зайцы. Нас осталось уже только четверо. Мы боялись убежать далеко от берега, опасаясь, что не попадем тогда обратно на судно, мы спрятались за кустами и скалами и должны были молча смотреть, как саламандры добивают наших ребят. Они топили их в воде, как котят, а тех, кто еще всплывал, били ломом по голове. Я только тогда почувствовал, что у меня вывихнута нога и я не могу двинуться дальше».

По-видимому, капитан Джеймс Линдлей, который оставался на судне, услышал стрельбу на острове; думал ли он, что заварилась какая-нибудь каша с туземцами или что на острове оказались другие охотники на саламандр — не важно, но только он взял кока и двух механиков, остававшихся на пароходе, велел спустить на шлюпку пулемет, который он — во-

преки строгому запрету — предусмотрительно прятал у себя на судне, и поспешил на помощь команде. Он был достаточно осторожен и не высадился на берег; он только подвел к берегу шлюпку, на носу которой был установлен пулемет, и выпрямился «со скрещенными на груди руками». Предоставим дальше слово матросу Келли.

«Мы не хотели громко звать капитана, чтобы нас не обнаружили саламандры. Мистер Линдлей поднялся со скрещенными на груди руками и крикнул: «Что здесь происходит?!» Тут саламандры направились к нему. На берегу их было несколько сотен, а из моря все время выплывали новые и окружали шлюпку. «Что здесь происходит?» — спрашивает капитан, и тут одна большая саламандра подходит к нему поближе и говорит: «Отправляйтесь обратно!» Капитан посмотрел на нее, помолчал немного и потом спросил: «Вы саламандра?» — «Мы саламандры, — ответила она. — Отправляйтесь обратно, сэр!» — «Я хочу знать, что вы сделали с моими людьми», — говорит наш старик. «Они не должны были нападать на нас, — сказала саламандра. — Возвращайтесь на свое судно, сэр!» Капитан снова помолчал немного, а потом совершенно спокойно говорит: «Ну ладно. Стреляйте, Дженкинс!» И механик Дженкинс начал палить в саламандр из пулемета».

(При расследовании всего дела морское ведомство — цитируем буквально — заявило: «В этом отношении капитан Джемс Линдлей действовал так, как и следовало ожидать от британского моряка».)

«Саламандры столпились в кучу, — продолжал свои показания Келли, — и падали под пулеметным огнем,

как скошенные колосья. Некоторые стреляли из своих револьверов в мистера Линдлея, но он стоял со скрещенными на груди руками и даже не пошевелился. В этот момент позади шлюпки вынырнула из воды черная саламандра, державшая в лапе что-то вроде консервной банки; другой лапой она что-то выдернула из банки и бросила ее в воду под шлюпку. Не успели мы сосчитать до пяти, как на этом месте взметнулся столб воды и раздался глухой, но такой сильный взрыв, что земля загудела у нас под ногами».

(По описанию Майкла Келли, власти, производившие расследование, заключали, что речь идет о взрывчатом веществе «В-3», которое поставлялось саламандрам, занятым на работах по укреплению Сингапура, для взрывания подводных скал. Но каким образом эти заряды попали от тамошних саламандр на Кокосовые острова, осталось загадкой; одни думали, что их перевезли туда люди, по мнению других — между саламандрами уже тогда существовали какие-то сношения, даже на далеких расстояниях. Общественное мнение требовало тогда, чтобы власти запретили давать в руки саламандрам такие опасные взрывчатые вещества, но соответствующее ведомство заявило, что пока еще нет возможности заменить «высокоэффективное и сравнительно безопасное вещество «В-3» каким-нибудь другим»; тем дело и кончилось.)

«Шлюпка взлетела на воздух, — продолжал свои показания Келли, — и рассыпалась в щепки. Саламандры, оставшиеся в живых, кинулись к месту взрыва. Мы не могли разглядеть, жив ли мистер Линдлей, но все трое моих товарищей — Donovan, Бэрк и Кеннеди — вскочили и побежали к нему на помощь, чтобы он не достался в руки саламандрам. Я тоже хотел побежать с ними,

но у меня была вывихнута лодыжка, и я сидел и обеими руками тянул ступню, чтобы вправить сустав. Я не знаю поэтому, что там произошло, но когда я поднял глаза, то увидел, что Кеннеди лежит, уткнувшись лицом в песок, а от Донована и Бэрка не осталось уже и следа; только под водой еще что-то билось».

Матрос Келли скрылся потом в глубь острова, там он набрел на туземную деревню, но туземцы отнеслись к нему как-то странно и не хотели даже приютить его: по-видимому, они боялись саламандр. Лишь через семь недель после этого происшествия одно рыболовное судно нашло дочиста разграбленную, покинутую «Монроз», стоявшую на якоре у Кокосовых островов, и подобрало Келли.

Еще через несколько недель к Кокосовым островам подошла канонерка его британского величества «Файрболл» и, бросив якорь, дождалась наступления ночи. Была такая же светлая, лунная ночь, как и в тот раз; из моря вышли саламандры; уселись на песке в большой круг и начали свой торжественный танец. Тогда канонерка его величества пустила в них первый снаряд. Саламандры — те, что не были разорваны на куски, — на мгновение оцепенели, а затем бросились к воде; в этот момент прогремел страшный залп из шести орудий, и уже только несколько раненых саламандр ползло к воде. Тогда раздались второй и третий залпы.

После этого «Файрболл» отошел на полмили назад и начал стрелять в воду, медленно двигаясь вдоль берега. Канонада продолжалась шесть часов, причем было выпущено около восьмисот снарядов. Потом канонерка покинула острова. В течение двух суток после этого морская гладь у Килинговых островов была сплошь усеяна тысячами изуродованных трупов саламандр.

В ту же ночь голландское военное судно «Ван-Дейк» дало

три выстрела по саламандрам, столпившимся на острове Гунон-Апи; японский крейсер «Хакодате» пустил три снаряда в саламандровый островок Айлинглаплап; французское военное судно «Бешамель» тремя залпами рассеяло пляшущих саламандр на острове Равайвай. Это было предостережение саламандрам. Оно не пропало даром: подобных инцидентов (столкновение на Кокосовых островах называли «Keelmg-Killing»¹) больше не повторялось, и как упорядоченная, так и дикая торговля саламандрами могла процветать безвозбранно и пышно.

2. Столкновение в Нормандии

ИНОЙ характер носило столкновение в Нормандии, которое произошло несколько позднее. Там саламандры, работающие главным образом в Шербуре и живущие на окрестном побережье, невероятно пристрастились к яблокам; но так как их хозяева не соглашались добавлять яблоки к обычному саламандровому корму (это повысило бы стоимость строительных работ против установленной сметы), то саламандры стали совершать воровские набеги на соседние фруктовые сады. Крестьяне пожаловались на это в префектуру, и саламандрам было строго запрещено шататься по берегу за пределами так называемой «саламандровой зоны», но это не помогло; фрукты исчезали по-прежнему, исчезали и яйца из курятников, и каждое утро крестьяне находили все больше и больше убитых сторожевых собак. Тогда крестьяне, вооружившись старыми ружьями, стали сами сторожить свои сады и стрелять в мародерствующих саламандр. В конце концов все это могло бы

¹ Килингская бойня (англ.).

остаться в рамках местного инцидента, но нормандские крестьяне, раздраженные, помимо всего прочего, повышением налогов и вздорожанием огнестрельных припасов, вспыхнули к саламандрам смертельной враждой и начали целыми толпами устраивать на них вооруженные облавы. Когда они стали массами истреблять саламандр даже на месте их работ, с жалобой к властям обратились уже предприниматели шербурского водного строительства, и префект распорядился, чтобы у крестьян конфисковали их заржавелые хлопушки. Крестьяне, конечно, воспротивились, и дело дошло до серьезных конфликтов с жандармерией; упрямые нормандцы начали, кроме саламандр, расстреливать жандармов. В Нормандию были стянуты жандармские подкрепления, и в деревнях из дома в дом производились обыски.

Как раз в это время случилось весьма неприятное происшествие: вблизи Кутанс деревенские мальчишки напали на саламандру, которая якобы подкрадывалась с подозрительными целями к курятнику, окружили ее, прижали к стене сарая и начали забрасывать кирпичами. Раненая саламандра взмахнула рукой и бросила наземь нечто, по внешнему виду похожее на яйцо; раздался взрыв, и саламандра была разорвана на куски, но ее участь разделили и трое мальчиков: одиннадцатилетний Пьер Кажюс, шестнадцатилетний Марсель Берар и пятнадцатилетний Луи Кермадек; кроме того, пятеро ребят были тяжело ранены. Весть об этом быстро облетела весь край; около семисот человек, вооруженных ружьями, вилами и цепями, съехались на автобусах со всех концов Нормандии и напали на саламандровое поселение в заливе Бас-Кутанс. Прежде чем жандармам удалось оттеснить разъяренную толпу, было убито около двадцати саламандр. Саперы, вызванные из Шербура, обнесли залив Бас-Кутанс колючей проволокой, но ночью саламандры вышли из моря, разрушили с помощью ручных гранат проволочное ограждение и пытались проникнуть

в глубь района. Срочно мобилизовали несколько рот пехоты; они примчались на военных грузовиках с пулеметами, и цепь войск отделила саламандр от людей. Тем временем крестьяне громили налоговые управления и жандармские участки, а один особенно непопулярный сборщик налогов был повешен на фонаре с надписью: «Долой саламандр!» Газеты, особенно немецкие, писали о революции в Нормандии; однако парижское правительство опубликовало решительное опровержение.

Пока кровавые столкновения между крестьянами и саламандрами распространялись по побережью Кальвадоса, Пикардии и Па-де-Кале, из Шербура по направлению к западному берегу Нормандии вышел старый французский крейсер «Жюль Фламбо». Как уверяли впоследствии, крейсер был выслан только для того, чтобы одним своим присутствием успокоить как местных жителей, так и саламандр. «Жюль Фламбо» остановился в полутора милях от залива Бас-Кутанс; когда наступила ночь, командир крейсера, чтобы усилить успокоительное впечатление, приказал пускать цветные ракеты. Много людей собралось на берегу поглазеть на красивое зрелище, как вдруг они услышали громкое шипение, и в носовой части судна взметнулся вверх огромный столб воды; судно накренилось, и в тот же миг раздался страшный взрыв. Не подлежало сомнению, что крейсер тонет. Не прошло и четверти часа, как из соседних портов примчались на помощь моторные лодки, но надобности в них не было: кроме трех человек, убитых при взрыве, весь экипаж спасся сам; «Жюль Фламбо» затонул через пять минут после того, как командир последним покинул судно с достопамятными словами: «Ничего не поделаешь».

Официальное сообщение, выпущенное в ту же ночь, гласило, — что «старый крейсер «Жюль Фламбо», который в течение ближайших недель все равно подлежал списанию, наскочил во время ночного плавания на рифы и затонул вследствие

взрыва котлов», но газеты этим не удовлетворились; и если полуофициозная печать утверждала, будто судно наткнулось на недавно поставленную немецкую мину, то оппозиционные, а также иностранные газеты поместили аршинные заголовки:

**ФРАНЦУЗСКИЙ КРЕЙСЕР
ТОРПЕДИРОВАН САЛАМАНДРАМИ**

**Загадочное
событие
у нормандского
побережья
саламандр!**

«Мы требуем к ответу, — страстно взывал в своем открытом письме депутат Бартелеми, — тех, кто вооружил саламандр против людей, тех, кто дал им в лапы гранаты, чтобы они убивали французских крестьян и невинных играющих детей; тех, кто снабдил морских чудовищ современнойшими торпедами, чтобы они могли топить французские корабли, когда им заблагорассудится. Повторяю, мы требуем их к

ответу; пусть им предъявят обвинение в убийстве, пусть их предадут военному суду за измену родине, пусть следствие выяснит, какую мзду они получили от фабрикантов оружия за то, что вооружают морскую нечисть против цивилизованного судоходства!» И так далее.

Всех охватила паника; люди толпами собирались на улицах, кое-где начали строить баррикады; на парижских бульварах, составив винтовки в козлы, стояли сенегальские стрелки, а в предместьях дежурили броневики и танки.

В эти дни в палате депутатов поднялся со своего места морской министр Франсуа Понсо и, бледный, но полный решимости, заявил: «Правительство принимает на себя ответственность за то, что оно вооружило саламандр на французском побережье винтовками, подводными пулеметами, подводными орудиями и торпедными аппаратами. Но если у французских саламандр имеются лишь легкие малокалиберные орудия, то германские саламандры вооружены тридцатидвухсантиметровыми подводными мортирами; если на французском побережье один подводный склад торпед, ручных гранат и взрывчатых веществ приходится на каждые двадцать четыре километра, то на итальянском побережье подводные склады военного снаряжения приходятся в среднем на каждые двадцать, а на германском побережье — на каждые восемнадцать километров. Франция не может оставить и не оставит свои берега беззащитными. Франция не может отказаться от вооружения своих саламандр».

Министр сообщил затем, что он уже отдал распоряжение произвести строжайшее расследование с целью выяснить, кто является виновником рокового недоразумения у Нормандского побережья. По-видимому, саламандры приняли цветные ракеты за сигнал к боевым действиям и хотели обороняться. Командир крейсера «Жюль Фламбо» и шербурский префект уволены; специальная комиссия выясняет, как

администрация водных сооружений обращается с саламандрами; в этом отношении впредь будет учрежден строгий контроль. Правительство глубоко скорбит о человеческих жертвах; юные национальные герои Пьер Кажюс, Марсель Берар и Луи Кермадек будут посмертно награждены орденами и похоронены за счет государства, а их родителям будет назначена почетная пенсия. В высшем военно-морском командном составе произойдут важные перемены. Как только правительство будет в состоянии сообщить более подробные сведения, оно поставит в парламенте вопрос о доверии.

После этого было объявлено непрерывное заседание кабинета.

Тем временем газеты — в зависимости от политической окраски — требовали карательного, истребительного, колонизационного или крестового похода против саламандр, генеральную забастовку, отставку правительства, арест владельцев саламандр, арест коммунистических лидеров и агитаторов и множество прочих подобных спасительных мер. В связи со слухами о возможном закрытии портов и морских границ люди начали лихорадочно запасаться продовольствием, и цены на все товары росли с головокружительной быстротой; в промышленных центрах на почве дороговизны вспыхнули волнения; биржа была закрыта на три дня. Короче, это было самое тревожное и напряженное время за последние три-четыре месяца.

Но тут своевременно вмешался министр земледелия Монти: он распорядился, чтобы на французских побережьях два раза в неделю высыпали в море столько-то сотен вагонов яблок, конечно за счет государства. Это мероприятие прекраснейшим образом удовлетворило саламандр и успокоило садоводов в Нормандии и в других местах. Но Монти пошел еще дальше: рост недовольства в винодельческих районах, страдавших из-за отсутствия сбыта, давно причинял затруд-

нения правительству, и министр земледелия отдал распоряжение, чтобы государственная помощь саламандрам выражалась еще и в ежедневной выдаче им белого вина, по пол-литра на брата... Сначала саламандры недоумевали, что им делать с вином, так как оно вызывало у них сильный понос, и выливали его в море; но постепенно они как будто привыкли к нему, и было замечено, что с этих пор французские саламандры стали спариваться с большим пылом, хотя при этом плодовитость их сильно упала. Так единым махом были урегулированы и аграрный вопрос и саламандровый инцидент; грозная напряженность исчезла, и когда вскоре после этого в связи с финансовым скандалом вокруг дела мадам Тэплер возник новый правительственный кризис, ловкий и дельный Монтти получил в новом кабинете портфель морского министра.

3. Инцидент в Ла-Манше

СПУСТЯ некоторое время после этих событий бельгийский пассажирский пароход «Уденбург» направлялся из Остенде в Рэмсгейт. Когда он находился как раз да середине Па-де-Кале, вахтенный офицер заметил, что на расстоянии полумили к югу от обычного курса «в воде что-то происходит». Так как он не мог разглядеть, что случилось и не тонет ли там кто-нибудь, то он приказал повернуть к тому месту, где волновалась и сильно бурлила вода. Около двухсот пассажиров наблюдали с наветренного борта странное зрелище: то тут, то там взметывались фонтаны, то тут, то там из воды вылетало что-то похожее на черное тело; при этом в радиусе около трехсот метров море клокотало, пенились водовороты, а из глубины доносились громовые раскаты и страшный гул. «Казалось, под водой происходит извержение небольшого вулкана». Когда «Уденбург» медленно приблизился к этому месту,

метрах в десяти от его бушприта внезапно вырос огромный крутой вал и раздался страшный взрыв. Пароход подбросило, а на палубу ливнем хлынула горячая, почти кипящая вода; одновременно на носовую часть палубы шлепнулось большое черное тело, корчившееся и пронзительно кричавшее от боли; это была раненая и ошпаренная саламандра. «Вахтенный офицер скомандовал задний ход, чтобы судно не попало в самый центр этого извергающегося ада; но тут взрывы начали раздаваться со всех сторон, и поверхность моря усеяли разорванные на куски тела саламандр. В конце концов судно удалось повернуть, и «Уденбург» на всех парах помчался к северу. В этот момент приблизительно в шестистах метрах за кормой грохнул ужасающий взрыв, и из моря вырвался гигантский столб воды и пара. «Уденбург» взял курс на Гарвич и послал по всем направлениям радиограмму: «Внимание, внимание, внимание! На линии Остенде—Рэмстейт чрезвычайно опасные подводные взрывы. Не знаем, в чем дело. Советуем всем судам взять курс в сторону!» По-прежнему были слышны гул и грохот — почти такие же, как во время морских маневров; но из-за фонтанов воды и пара ничего не было видно. А из Дувра и Кале к этому месту уже спешили на всех парах миноносцы и истребители и мчались эскадрильи военных самолетов; но когда они прибыли туда, то увидели только морскую гладь, мутную от желтого ила и сплошь покрытую оглушенными рыбами и растерзанными саламандрами.

Сначала говорили о взрыве каких-то мин в проливе; но когда оба берега Па-де-Кале были оцеплены войсками, а английский премьер — это был четвертый случай в истории человечества — прервал в субботу вечером свой «уик-энд» и срочно возвратился в Лондон, то стали догадываться, что речь идет о событии, имеющем весьма серьезное международное значение. Газеты распространили самые тревожные слухи, но на сей раз, как это ни странно, далеко отстали от

действительности. Никто и не подозревал, что в течение нескольких критических дней Европа, а вместе с ней и весь мир, была на волосок от войны. Лишь несколько лет спустя, когда член тогдашнего британского кабинета сэра Томас Мэльбери провалился на выборах в парламент и поэтому опубликовал свои политические мемуары, публика получила возможность узнать, что, собственно, тогда происходило; но в то время это уже никого не интересовало.

Вкратце дело заключалось в следующем. Как Франция, так и Англия начали — каждая со своей стороны — строить в Ла-Манше подводные саламандровые крепости, которые в случае войны могли бы запереть весь пролив; обе державы потом, конечно, взаимно обвиняли друг друга, и каждая уверяла, что начала другая; но, вероятно, обе начали фортификационные работы одновременно: из опасения, как бы соседнее, дружественное, государство ее не обогнало. Одним словом, под спокойной гладью пролива, выростали друг против друга две грандиозные, бетонные крепости, оснащенные тяжелыми орудиями и торпедными аппаратами, с обширными минированными полями и вообще всеми усовершенствованиями, до которых дошел к этому времени человеческий прогресс в области военного искусства; крепость на английской стороне была занята двумя дивизиями тяжелых и приблизительно тридцатью тысячами рабочих саламандр, на французской — тремя дивизиями первоклассных военных саламандр.

По-видимому, в памятный день на дне моря посредине пролива колонна британских рабочих саламандр встретилась с французскими саламандрами, и между ними произошло какое-то недоразумение. Французская сторона утверждала, что на мирно работающих французских саламандр напали британские с целью прогнать их; при этом вооруженные британские саламандры хотели якобы увести нескольких

французских саламандр, которые, естественно, оказали сопротивление. Тогда британские военные саламандры стали закидывать французских рабочих саламандр ручными гранатами и обстреливать их из минометов, так что французским саламандрам оставалось только прибегнуть к тому же оружию. Французское правительство сочло себя поэтому вынужденным потребовать от правительства его британского величества полного удовлетворения и эвакуации спорного подводного участка, а равно гарантий, что подобные инциденты впредь не повторятся.

В противоположность этому британское правительство специальной нотой уведомило правительство Французской республики, что французские милитаризованные саламандры проникли на территорию английской половины пролива и начали закладывать там мины. Британские саламандры обратили внимание на то, что здесь английская рабочая территория; вооруженные до зубов французские саламандры ответили на это метанием ручных гранат, причем убили нескольких британских рабочих саламандр. Правительство его величества с сожалением считает себя вынужденным потребовать от правительства Французской республики полного удовлетворения и гарантий, что французские военные саламандры не будут впредь вторгаться на английскую половину пролива.

В ответ на это французское правительство заявило, что оно не может более допускать, чтобы соседнее государство сооружало подводные крепости в непосредственной близости от французских берегов. Что же касается недоразумения на дне пролива, то правительство республики предлагает, согласно Лондонской конвенции, передать спорный вопрос на разрешение Гаагского арбитража.

Британское правительство возразило, что оно не может и не намерено ставить безопасность британских берегов в зависимость от решения какой бы то ни было посторонней

ma parit
bulvarok
szegediek

инстанции. Как государство, подвергшееся нападению, Англия снова и самым настоятельным образом требует извинений, возмещения убытков и гарантий на будущее. Одновременно с этим средиземная английская эскадра, стоявшая у острова Мальта, вышла на всех парах по направлению к западу, а атлантическая эскадра получила приказ сосредоточиться у Портсмута и Ярмута.

Французское правительство издало приказ о мобилизации матросов и офицеров военного флота пяти призывных возрастов.

Казалось, что ни одно из обоих государств уже не может отступить; в конце концов стало ясно, что речь идет не больше и не меньше, как о господстве над всем проливом. В этот критический момент сэр Томас Мэльбери установил поразительный факт, а именно, что на английской стороне никаких военных или рабочих саламандр вообще не существует (по крайней мере — де-юре), так как для Британских островов до сих пор остается в силе изданный когда-то при сэре Сэмюэле Мендевилле закон, запрещающий использовать хотя бы одну саламандру для каких бы то ни было целей на побережье или в территориальных водах Британских островов. Ввиду этого британское правительство не могло официально утверждать, что французские саламандры напали на английских, и все дело свелось к вопросу, умышленно или по ошибке французские саламандры вступили на дно английских территориальных вод. Власти Французской республики обещали расследовать это, и английское правительство даже не предложило передать спор на рассмотрение Гаагского международного суда. Затем британское и французское морские ведомства пришли к соглашению о создании пятикилометровой нейтральной зоны между подводными укреплениями в проливе, что в необычайной мере укрепило дружбу между обоими государствами.

4. *Der Nordmolch*¹

Через несколько лет после возникновения первых саламандровых колоний в Северном и Балтийском морях немецкий исследователь д-р Ганс Тюринг установил, что балтийская саламандра — очевидно, под влиянием среды — отличается некоторыми особыми физическими признаками: она якобы несколько светлее, ходит прямее, и ее френологический индекс свидетельствует о том, что у нее более узкий и продолговатый череп, чем у других саламандр. Эта разновидность получила название *der Nordmolch* или *der Edelmolch*² (*Andrias Scheuchzeri varietas nobilis erecta Thuringi*³).

Вслед за тем и германская печать начала усердно заниматься балтийской саламандрой. Главным образом подчеркивалось, что именно под влиянием немецкой среды эта саламандра превратилась в особый и притом высший расовый тип, который природа, бесспорно, поставила над всеми другими саламандрами. Германская печать с презрением писала о дегенеративных средиземноморских саламандрах, вырождающихся физически и морально, о диких тропических саламандрах и вообще о низших, варварских и звероподобных саламандрах других наций. От исполинской саламандры — к немецкой сверхсаламандре, — так звучал тогдашний крылатый лозунг. Разве не немецкая земля была первичной родиной всех саламандр нового времени? Разве не Энинген был их колыбелью — тот Энинген, где немецкий ученый д-р Иоганн Якоб Шейхцер нашел величественный след саламандр еще в

¹ Северная саламандра (*нем.*).

² Благородная саламандра (*нем.*).

³ *Andrias Scheuchzeri* — благородная прямоходящая разновидность Тюринга (*лат.*).

миоценовых отложениях? Нет ни малейшего сомнения в том, что первичный *Andrias Scheuchzeri* родился на германской территории за много геологических эр до нашего времени; и если он рассеялся впоследствии по другим морям и климатическим зонам, то заплатил за это вырождением и задержкой в своем развитии; но как только он вернулся на свою прародину, он снова становится тем, чем был когда-то: благородной северной шейхцеровской саламандрой — светлой, прямоходящей и с продолговатым черепом. Следовательно, только на немецкой почве могут саламандры вернуться к своему чистому наивысшему типу — тому, который был обнаружен великим Иоганном Якобом Шейхцером на отпечатке в Энингенских каменоломнях. Германии необходимы поэтому новые обширные берега, необходимы колонии, необходимы открытые моря, чтобы повсюду в немецких водах могли размножаться новые поколения расово чистых, первичных немецких саламандр. «Нам нужны новые жизненные пространства для наших саламандр», — писали германские газеты. А для того чтобы германский народ никогда не забывал эту необходимость, в Берлине был воздвигнут роскошный памятник Иоганну Якобу Шейхцеру. Великий ученый был изображен с толстым фолиантом в руке; у его ног сидела, выпрямившись, благородная северная саламандра и устремляла взоры вдаль, к необъятному побережью мирового океана.

На открытии этого национального памятника были, конечно, произнесены торжественные речи, возбудившие необычайное внимание в мировой печати. «Германия снова угрожает», — констатировалось, в частности, в английских откликах. — Правда, мы уже привыкли к этому тону, но если на официальном торжестве нам заявляют, что в течение ближайших трех лет Германии потребуется пять тысяч километров новых морских побережий, — то мы вынуждены ответить самым недвусмысленным образом: Ну что же! Попробуйте!

О британские берега вы обломаете себе зубы. Мы готовы, а за три года подготовимся еще лучше. Англия должна и будет иметь флот, равный по количеству судов флотам двух сильнейших континентальных держав; такое соотношение сил должно оставаться неизблемым раз и навсегда. А если вы хотите развернуть безумную гонку морских вооружений, пусть будет так; ни один британец не потерпит, чтобы мы отстали хотя бы на шаг».

«Мы принимаем германский вызов, — заявил в парламенте от имени правительства первый лорд адмиралтейства сэр Фрэнсис Дрейк. — Кто протянет руку к какому бы то ни было морю, тот натолкнется на броню наших судов. Великобритания достаточно сильна, чтобы отразить всякое нападение на свои острова и на берега своих доминионов и колоний. Мы будем считать агрессией сооружение новых континентов, островов, крепостей и авиационных баз в любом море, волны которого омывают хотя бы самый ничтожный кусок британского побережья. Пусть это послужит предостережением для всякого, кто захочет посягнуть хотя бы на один ярд наших морских берегов».

После этого выступления парламент разрешил постройку новых военных судов и одобрил предварительное ассигнование для этой цели пятисот миллионов фунтов стерлингов. Это был поистине внушительный ответ на воздвижение провокационного памятника Иоганну Якобу Шейхцеру в Берлине; памятник обошелся, впрочем, всего в двенадцать тысяч германских марок.

Блестящий французский журналист маркиз де Сад, как правило, всегда прекрасно осведомленный, следующим образом отвечал на все эти демонстративные акты: «Британский лорд адмиралтейства заявил, что Великобритания готова ко всем неожиданностям. Прекрасно! Но известна ли высокопоставленному лорду, что в лице своих балтийских саламандр

Германия имеет постоянную, грозно вооруженную армию, насчитывающую сейчас пять миллионов профессиональных боевых саламандр, которую она может немедленно ввести в бой в воде или на суше? Прибавьте к этому еще каких-нибудь семнадцать миллионов саламандр, предназначенных для технической и тыловой службы и готовых в любой момент выступить в роли резервной или оккупационной армии. Сейчас балтийская саламандра — лучший солдат на свете; психологически она обработана в совершенстве и видит в войне свое подлинное и высшее призвание; она двинется в бой с воодушевлением фанатика, холодной сообразительностью техника и убийственной дисциплиной истинно прусской саламандры.

Известно ли также британскому лорду адмиралтейства, что Германия лихорадочно строит транспортные суда, каждое из которых сможет перевозить за один раз целую бригаду военных саламандр? Известно ли ему, что Германия строит сотни небольших подводных лодок с радиусом действия от трех до пяти тысяч километров, экипаж которых будет состоять исключительно из балтийских саламандр? Известно ли ему, что Германия сооружает в разных частях океана гигантские подводные резервуары для горючего? И мы еще раз спрашиваем: уверен ли британский гражданин, что его великая страна действительно хорошо подготовлена на случай каких-либо неожиданностей?

Нетрудно себе представить, какую роль в ближайшей войне будут играть саламандры, вооруженные подводными «бертами», минометами и торпедами для блокады побережий; клянусь честью, впервые в мировой истории никто не сможет позавидовать превосходному островному положению Англии. Но раз уж мы начали задавать вопросы, осведомимся еще: известно ли британскому адмиралтейству, что балтийские саламандры снабжены в общем-то мирным инструментом под

названием пневматическое сверло? Это сверло, представляющее собой последнее слово техники, в течение часа вгрызается на глубину десяти метров в крепчайший шведский гранит и на глубину от пятидесяти до шестидесяти метров в английские меловые породы. (Это доказали опытные буровые работы, тайно производившиеся по ночам немецкой технической разведкой 11-го, 12-го и 13-го числа прошлого месяца на английском побережье между Гайтом и Фолкстоном, то есть под самым носом Дуврской крепости.) Предоставляем нашим друзьям по ту сторону Ла-Манша самим подсчитать, сколько недель потребуется на то, чтобы Kent или Эссекс были просверлены под водой, как кусок сыра. До сих пор британский островитянин с беспокойством поглядывал на небо, считая, что только оттуда может прийти опасность, грозящая его прекрасным городам, его Английскому банку и его мирным коттеджам, таким уютным в рамке из вечнозеленого плюща. Теперь пусть он лучше приложит ухо к земле, на которой играют его дети: не услышит ли он, как скрипит, шаг за шагом въедаясь все глубже, неутомимый страшный бурав саламандрового сверла, прокладывающий путь для невиданных доселе взрывчатых веществ? Последнее слово нашего века — это уже не война в воздухе, а война под водой и под землей. Мы слышали самоуверенные слова, прозвучавшие с капитанского мостика надменного Альбиона; да, пока еще это мощный корабль, который вздымается на волнах и властвует над ними; но в один прекрасный момент волны могут сомкнуться над разбитым и тонущим судном. Не лучше ли заблаговременно отразить опасность? Через три года будет слишком поздно!»

Это предостережение знаменитого французского журналиста вызвало в Англии необычайную тревогу; несмотря на все официальные опровержения, люди слышали скрип саламандровых сверл в разных концах Англии. Конечно, немецкие официальные круги резко и категорически отрицали угрозы,

содержащиеся в процитированной нами статье, объявляя ее от начала до конца злонамеренным вымыслом и враждебной пропагандой; одновременно в Балтийском море происходили, однако, большие комбинированные маневры германского флота, сухопутных вооруженных сил и военных саламандр. Во время этих маневров минные роты саламандр на глазах у иностранных военных атташе взорвали участок просверленных снизу песчаных дюн в районе Рюгенвальде площадью в шесть квадратных километров. Это было великолепное зрелище: с грозным гулом вздыбилась земля, «словно ломающаяся льдина», и только потом поднялась вверх гигантской тучей дыма, песка и камней; сделалось темно, почти как ночью; поднятый взрывом песок сыпался на землю в радиусе почти ста километров, а через несколько дней обрушился песчаным дождем на Варшаву. В земной атмосфере после этого великолепного взрыва осталось так много свободно парящего мелкого песка и пыли, что во всей Европе до конца года закаты солнца были необычайно красивыми; таких огненных, кроваво-красных закатов в этих широтах никогда до сих пор не наблюдали.

Море, залившее взорванный участок побережья, получило потом название «Шейхцерава моря» и сделалось местом бесчисленных школьных экскурсий и походов немецких детей, распевających популярный саламандровый гимн:¹

**Solche Erfolge erreichen
nur deutsche Molche.¹**

¹ Таких успехов достигают лишь немецкие саламандры (нем.).

5. Вольф Мейнерт пишет свой труд

ДОЛЖНО БЫТЬ, именно эти трагически прекрасные солнечные закаты, о которых мы только что говорили, вдохновили кенигсбергского философа-отшельника Вольфа Мейнерта на создание монументального труда «Untergang der Menschheit»¹. Мы можем живо представить себе, как он бродит по берегу моря с непокрытой головой, в развевающемся плаще, и смотрит восторженными глазами на потоки огня и крови, заливающие больше половины небосвода. «Да, — шепчет он в экстазе, — да, пришла пора писать послесловие к истории человека!» И он написал его.

Сейчас доигрывается трагедия человеческого рода, так начал Вольф Мейнерт. Пусть нас не обманывает его лихорадочная предприимчивость и техническое благополучие; это лишь чахоточный румянец на лице существа, уже отмеченного печатью смерти. Еще никогда человечество не переживало столь высокой жизненной конъюнктуры, как сейчас; но найдите мне хоть одного человека, который был бы счастлив; покажите мне класс, который был бы доволен, или нацию, которая не ощущала бы угрозы своему существованию. Среди всех даров цивилизации, среди крезовского изобилия духовных и материальных богатств нас все больше и больше охватывает неотвязное чувство неуверенности, гнетущей тяжести и смутного беспокойства. И Вольф Мейнерт беспощадно анализировал душевное состояние современного мира, эту смесь страха и ненависти, недоверия и мании величия, цинизма и малодушия. Одним словом — отчаяние, кратко резюмировал Вольф Мейнерт. Типичные признаки конца. Моральная агония.

¹ «Закат человечества» (нем.).

Встает вопрос: способен ли человек быть счастливым и был ли он когда-либо способен на это? Человек — несомненно, как каждое живое существо; но человечество — никогда. Все несчастье человека в том, что ему предопределено было стать человечеством; или в том, что он стал человечеством слишком поздно, когда он уже непоправимо дифференцировался на нации, расы, веры, сословия и классы, на богатых и бедных, на культурных и некультурных, на порабитителей и порабощенных. Сгоните в одно стадо лошадей, волков, овец и кошек, лисиц, медведей и коз; запирайте их в одном загоне, заставьте их жить в этом неестественном соединении, которое вы назовете Обществом, и исполнять общие для всех правила жизни; это будет несчастное, недовольное, разобщенное стадо, в котором ни одна Божья тварь не будет себя чувствовать на месте. Вот вам вполне точный образ огромного и безнадежно разнородного стада, называемого человечеством. Нации, сословия, классы не могут долго сосуществовать, не задевая друг друга и не тяготясь друг другом до полного отращения; они могут жить или в вечной изоляции друг от друга, — что было возможно лишь до тех пор, пока мир был для них достаточно велик, — или в борьбе друг с другом, в борьбе не на жизнь, а на смерть. Для биологических человеческих групп, таких, как раса, нация или класс, существует единственный естественный путь к блаженному состоянию ничем не нарушаемой однородности: надо расчистить место для себя, истребив всех других. А это и есть то, чего не успел сделать вовремя людской род. Теперь уже поздно браться за это. Мы обзавелись слишком многими доктринами и обязательствами, которыми оберегаем «других», вместо того чтобы от них избавиться; мы выдумали кодекс нравственности, права человека, договоры, законы, равенство, гуманность и прочее; мы создали некую фикцию человечества, понятие, объединяющее и нас и «других» в воображаемом «высшем

единстве». Какая роковая ошибка! Нравственный закон мы поставили выше биологического. Мы нарушили величайшую естественную предпосылку всякой общности: только однородное общество может быть счастливым. И это вполне достижимое благо мы принесли в жертву великой, но неосуществимой мечте: создать *единое* человечество и установить *единый* строй для людей всех наций, классов и уровней жизни. То была великодушная глупость. То была единственная в своем роде достойная уважения попытка человека подняться над самим собой. И за этот свой предельный идеализм род людской расплачивается ныне неизбежным распадом.

Процесс, в ходе которого человек пытается как-то организовать себя в человечество, столь же древен, как сама цивилизация, как первые законы и первые общины; и если человечество в итоге, после долгих тысячелетий, добилось лишь того, что пропасти между расами, нациями, классами и мировоззрениями стали такими глубокими, бездонными, как сейчас, то уже не стоит закрывать глаза на тот факт, что злополучная историческая попытка сплотить всех людей в некое человечество потерпела окончательное и трагическое крушение. В конце концов мы уже начинаем осознавать, что отсюда эти попытки и замыслы организовать человеческое общество иначе, с помощью радикального освобождения места для *одной* нации, *одного* класса или *одной* религии. Но кто может сказать, насколько глубоко проникли в нас микробы неизлечимой болезни дифференцирования? Рано или поздно любое мнимое однородное целое неизбежно расколется вновь, превратившись в скопление разноречивых интересов, партий, сословий и так далее, которые или снова начнут подавлять друг друга, или будут страдать от своего сосуществования. Нет никакого выхода. Мы движемся по заколдованному кругу; но развитие не может вечно кружиться на одном месте. Об этом позаботилась сама природа, освободив на свете место для саламандр.

Не случайно, философствовал далее Вольф Мейнерт, саламандры начали осуществлять свои жизненные возможности только тогда, когда хроническая болезнь человечества, этого плохо сросшегося, все время распадающегося гигантского организма, переходит в агонию. Если не считать некоторых незначительных отклонений, саламандры представляют собой единое грандиозное и однородное целое; они не создали до сих пор резких делений на племена, языки, нации, государства, религии, классы или касты; среди них нет господ и рабов, свободных и несвободных, богатых и бедных; правда, между ними существуют различия, определяемые разделением труда, но по существу это однородная монолитная масса, состоящая, так сказать, из одинаковых зерен, — масса, во всех своих частях одинаково биологически примитивная, одинаково бедно наделенная дарами природы, одинаково угнетенная, с одинаково низким жизненным уровнем. Последний негр или эскимос живет в несравненно более высоких условиях, пользуясь бесконечно большим богатством материальных и культурных ценностей, чем миллиарды цивилизованных саламандр. И тем не менее нет никаких признаков, которые говорили бы, что саламандры страдают от этого. Наоборот. Мы видим, что они совершенно не нуждаются ни в одной из тех вещей, в которых человек ищет успокоения и облегчения от метафизического ужаса и страха перед жизнью; они обходятся без философии, без веры в загробную жизнь и без искусства; они не знают, что такое фантазия, юмор, мистическое чувство, мечта, игра; они насквозь проникнуты реализмом. Нам, людям, они столь же чужды, как муравьи или сельди; они отличаются от этих существ только тем, что приспособились к другой жизненной среде, а именно — к человеческой цивилизации. Они устроились в этой среде так, как устраиваются собаки в человеческих жилищах; они не могут прожить без нее, но от этого они не перестают быть тем, чем

они являются: весьма примитивным и мало дифференцированным семейством животных. Они довольствуются тем, что живут и размножаются; они могут даже быть вполне счастливы, так как их не тревожит ощущение какого-либо неравенства. Они совершенно однородны. Они могут поэтому в один прекрасный день или, лучше сказать, в *любой* ближайший день без всякого труда осуществить то, что оказалось не под силу человечеству: единство своего вида во всем мире, свою всемирную общину, — словом, всеобъемлющий мир саламандр. В этот день окончится тысячелетняя агония человеческого рода. На нашей планете не хватит места для двух сил, каждая из которых стремится овладеть всем миром. Одна из них должна будет уступить. Какая именно — это мы уже знаем.

Сейчас на земном шаре насчитывается около двадцати миллиардов цивилизованных саламандр, то есть приблизительно в десять раз больше, чем людей. Отсюда с биологической необходимостью и в согласии с логикой истории вытекает, что саламандры, будучи угнетенными, должны будут освободиться; будучи однородными, они должны будут объединиться; превратившись, таким образом, в величайшую силу, которую когда-либо видел мир, они неминуемо *должны* будут захватить мировое господство. Думаете, они настолько безумны, чтобы пощадить тогда человека? Думаете, они повторят историческую ошибку человека, который испокон веков ошибался, поработав побежденные нации и классы, вместо того чтобы их истреблять? Который из эгоизма вечно создавал новые различия между людьми, а потом из идеализма и великодушия пытался перекинуть через них мост? Нет, восклицал Вольф Мейнерт, *подобной* исторической бессмыслицы саламандры не допустят — хотя бы уже потому, что они извлекут предостережение из моей книги! Они станут наследниками всей человеческой цивилизации; в их руки попадет все, что мы делали или пытались сделать, желая покорить мир; но они

действовали бы против самих себя, если бы захотели вместе с этим наследством принять и нас. Они должны избавиться от людей, если хотят сохранить свою однородность. Если бы они поступили иначе, то рано или поздно мы заразили бы их своей разрушительной двойственностью: создавать различия и страдать от них. Но на этот счет мы можем быть спокойны; ни одно создание, которое продолжит историю человека, не станет повторять его самоубийственных безумств.

Нет сомнений, что мир саламандр будет счастливее, чем был мир людей; это будет единый, гомогенный мир, подвластный единому духу. Саламандры не будут отличаться друг от друга языком, мировоззрением, религией или потребностями. Не будет между ними неравенства в культурном уровне, не будет классовых противоречий — останется лишь разделение труда. У них не будет ни господ, ни рабов, ибо все они станут служить лишь Великому Коллективу Саламандр — вот их бог, владыка, работодатель и духовный вождь. Будет лишь одна нация с единым уровнем. И мир этот будет лучше и совершеннее, чем был наш. Это — единственно возможный Счастливый Новый Мир. Что ж, уступим ему место; угасающее человечество уже не может совершить ничего иного — только ускорить свой конец, озарив его трагической красотой, пока и это еще не поздно...

Мы изложили здесь взгляды Вольфа Мейнерта как можно более популярно; мы знаем, что от этого много потеряла их сила и глубина, которые в свое время загипнотизировали всю Европу и особенно молодежь, восторженно принявшую веру в упадок и надвигающийся конец человеческого рода. Правда, некоторые политические аналогии побудили германское правительство запретить учение «великого пессимиста», и Вольфу Мейнерту пришлось скрыться в Швейцарию. Тем не менее весь культурный мир с удовлетворением принял теорию

Мейнерта о гибели человечества; его книга (в 632 страницы) была переведена на все языки и во многих миллионах экземпляров получила распространение даже среди саламандр.

6. Икс предостерегает

Очевидно, под влиянием пророческой книги Мейнерта литературный и художественный авангард в культурных центрах провозгласил лозунг: «После нас хоть саламандры!» Будущее принадлежит саламандрам. Саламандры — это культурный переворот. Пусть у них нет своего искусства — зато они не обременены грузом идиотских идеалов, иссохших традиций и того обветшалого, нудного школярского хлама, который назывался поэзией, музыкой, архитектурой, философией или культурой вообще; все это дряхлые слова, от которых нас тошнит. Саламандры еще не поддались искушению пережевывать жвачку изжившего себя человеческого искусства — тем лучше: мы создадим для них новое. Мы, молодые, расчищаем путь для будущего всемирного саламандризма; мы хотим быть первыми саламандрами, мы — саламандры завтрашнего дня!

Так родилось в поэзии молодое направление «саламандрианцев», возникла тритоническая (трехтональная) музыка и пелагическая живопись, которая вдохновлялась образами медуз, морских звезд и кораллов. Работы саламандр по упорядочению побережий были объявлены источником новой красоты и монументальности. Мы сыты природой по горло, раздавались голоса; пусть гладкие бетонные берега придут на место старых живописных скал! Романтика умерла. Будущие континенты будут очерчены прямыми линиями и примут формы сферических треугольников и ромбов; старый геологический мир должен уступить место миру геометрическому.

Словом, это было опять-таки нечто новое и футуристическое, новая сенсация духовной жизни и манифеста новой культуры. Те же, кто не успел своевременно вступить на путь грядущего саламандризма, с горечью чувствовали, что остались за флагом, и мстили за это, проповедуя чистую «человечность», возврат к человеку и к природе и прочие реакционные формулы. В Вене был освистан концерт тритонической музыки, в парижском Салоне Независимых неизвестный злоумышленник изрезал пелагическую картину, выставленную под названием *Carpiccio en bleu*¹. Одним словом, саламандризм победоносно и неудержимо шествовал вперед.

Не было, однако, недостатка и в ретроградных выступлениях, направленных против «саламадромании», как ее тогда называли. Самым принципиальным из них был анонимный английский памфлет, вышедший в свет под заглавием «ИКС предостерегает». Эта брошюра получила значительное распространение, но личность ее автора никогда не была раскрыта; многие считали, что ее написал кто-то из князей церкви, так как в английском языке буква икс («X») служит сокращенным обозначением имени Христа.

В первой главе памфлета автор пробовал дать статистику саламандр, прося простить его за неточность приводимых цифр. Даже по приблизительному подсчету, говорил он, саламандр в настоящее время в семь — двадцать раз больше общего числа людей на земном шаре. Столь же неопределенны и наши сведения о том, сколько есть под водой у саламандр фабрик, нефтяных скважин, водорослевых плантаций, ферм для разведения угрей, установок для использования водной энергии и других естественных энергетических ресурсов; у нас нет даже приблизительных данных о производственной

¹ Голубой каприз (*ит. и фр.*).

мощности промышленных предприятий саламандр; но меньше всего нам известно, как обстоит дело с вооружениями саламандр. Мы знаем, правда, что в получении металлов, деталей машин, взрывчатых веществ и многих химикалий саламандры зависят от людей; но, во-первых, все государства держат в строгом секрете, какое именно оружие и сколько других фабрикатов они поставляют своим саламандрам, а во-вторых, мы поразительно плохо осведомлены о том, что именно изготавливают саламандры в морских глубинах из полуфабрикатов и сырья, покупаемого у людей. Несомненно одно: саламандры отнюдь не желают, чтобы мы знали об этом, в последние годы утонуло или задохнулось так много водолазов, спускавшихся на морское дно, что их гибель никак нельзя приписывать простой случайности. Это, безусловно, признак тревожный как с промышленной, так и с военной точки зрения.

Конечно, продолжал Икс в следующих главах, трудно представить себе, что именно саламандры могли бы или хотели потребовать от людей. Они не могут жить на суше, а мы совершенно не в состоянии помешать их образу жизни под водой. Их жизненная среда и наша четко и навеки отделены одна от другой. Правда, мы требуем, чтобы они выполняли определенные работы; но за это мы кормим большинство из них и поставляем им сырье и товары, которые без нас они вообще не могли бы получить, например — металлы. Но если даже нет практических поводов к какому-либо антагонизму между нами и саламандрами, то, я сказал бы, существует метафизическое противопоставление: глубинным созданиям противостоят создания поверхности, ночным существам — дневные, темная пучина вод — сухой и светлой земле. Граница между землей и водой очерчена более резко, чем до сих пор: *наша* земля соприкасается с *их* водой. Мы могли бы прекрасно жить все время в стороне друг от друга, обмениваясь лишь определенными продуктами и услугами; но трудно

избавиться от гнетущего ощущения, что это едва ли удастся. Почему? Я не могу привести никаких определенных доводов; но это ощущение не исчезает; это как бы предчувствие, что в один прекрасный день сами воды поднимутся против земли, чтобы разрешить вопрос — кто кого. Признаюсь, страх мой несколько иррационален, пишет далее Икс; но я почувствовал бы огромное облегчение, если бы саламандры выступили с какими-нибудь претензиями к людям — тогда с ними можно было бы по крайней мере договариваться, заключать разные концессии, соглашения и компромиссы, но их молчание — страшно. Я боюсь их непонятной сдержанности. Они могли бы, например, потребовать для себя определенных политических прав; откровенно говоря, законы для саламандр во всех странах немного устарели и стали недостойными столь цивилизованных и количественно столь сильных существ. Следовало бы разработать новые права и обязанности саламандр в смысле более выгодных для них условий; можно было бы подумать о какой-то степени автономности для саламандр; справедливо было бы улучшить их рабочие условия и вознаграждать их труд щедрее. Итак, во многих отношениях можно было бы облегчить их участь, *если бы только они это требовали*. Тогда мы могли бы пойти на некоторые уступки в их пользу, связав их компенсационными договорами; по меньшей мере мы выиграли бы несколько лет. Но саламандры не требуют ничего; они только повышают производительность своего труда и увеличивают заказы, настала пора спросить себя наконец, на чем остановится то и другое.

Когда-то говорили о желтой, черной или красной опасности; но все это были люди, а мы более или менее можем себе представить, чего хотят люди. И все же, хотя мы пока и понятия не имеем, как и против чего придется человечеству обороняться, одно должно быть ясно: если на одной стороне будут саламандры, то на другой встанет *все* человечество.

Люди против саламандр! Пора уж наконец формулировать это положение. Ведь, положи руку на сердце, нормальный человек инстинктивно ненавидит саламандр, питает к ним отвращение и... боится их. Какая-то леденящая тень ужаса пала на все человечество. Как иначе объяснить эту безумную похоть, эту неутолимую жажду утех и наслаждений, эту оргию разврата, которая охватила теперешних людей? Такого падения нравов мы не знали с тех времен, когда на Римскую империю готовились обрушиться лавины варваров. Это уже не только плоды небывалого материального благоденствия, но и отчаянные усилия заглушить страшное чувство разложения и гибели. Еще последнюю чашу, пока не настал конец! Какое безумие, какой позор! Будто сам Бог по грозному своему милосердию ниспослал старческую дряблость нациям и классам, которые стремительно несутся в бездну. Хотите прочесть роковые слова «мене—текел—фарес», начертанные огненными знаками над пирующим человечеством? Поглядите на световые надписи, всю ночь горящие над входами в притоны кутежа и распутства. В этом отношении мы, люди, уже приближаемся к саламандрам: мы живем больше ночью, чем днем.

Если бы саламандры не были по крайней мере так чудовищно посредственны! — с тоской восклицал Икс. Да, они более или менее образованны; но это делает их тем более ограниченными, ибо они взяли от человеческой цивилизации только то, что есть в ней стандартного и утилитарного, механического и прикладного. Они стоят около человечества, как Вагнер около Фауста, но разница в том, что они удовлетворяются этим и их не гложут никакие сомнения. Страшнее всего, что этот восприимчивый, глуповатый и самодовольный тип цивилизованной посредственности размножился в миллионах и миллиардах одинаковых единиц. Впрочем, нет, я ошибся: страшнее всего, что они достигли таких успехов. Они

научились пользоваться машинами и арифметикой, и оказалось — этого достаточно, чтобы они сделались властителями своего мира. Они выбросили из человеческой цивилизации все, что было лишено непосредственной полезности, всякую игру, фантазию, заветы старины; тем самым они лишили ее всего, что было в ней человеческого, и усвоили только ее оголение — практическую, утилитарную, техническую сторону. И эта жалкая карикатура на человеческую цивилизацию изумительно процветает; она создает технические чудеса, перекраивает нашу старую планету и в конце концов начинает гипнотизировать само человечество. Фауст будет учиться тайнам преуспевающей посредственности у своего ученика и слуги! Одно из двух: или человечество столкнется с саламандрами в борьбе не на жизнь, а на смерть, или же оно бесповоротно осаламандрится. Что касается меня, меланхолически заканчивает Икс, то я предпочел бы первое.

И вот Икс предупреждает вас, продолжал анонимный автор. Еще можно стряхнуть это холодное и скользкое кольцо, которое обвивается вокруг нас. Мы должны избавиться от саламандр. Их стало слишком много. Они вооружены и могут пустить в ход против нас военный материал, о мощи которого мы почти ничего не знаем. Но страшнее всего для нас, людей, не их численность и сила, а их торжествующая над всем неполноценность. Я не знаю, чего нам надо бояться больше: их человеческой цивилизованности или же их коварной, холодной, звериной жестокости. Но когда одно соединяется с другим, то получается нечто невообразимо кошмарное, почти дьявольское. Во имя культуры, во имя христианства и человечества мы должны освободиться от саламандр. И анонимный апостол взывал:

**БЕЗУМЦЫ, ПЕРЕСТАНЬТЕ НАКОНЕЦ
КОРМИТЬ САЛАМАНДР!**

Перестаньте давать им работу, откажитесь от их услуг, порвите с ними, пусть они переселяются куда хотят, где смогут кормиться сами, как и вся остальная водная фауна. Сама природа управится тогда с излишком саламандр; только бы люди, человеческая цивилизация и человеческая история перестали

**РАБОТАТЬ НА САЛАМАНДР!
И ПЕРЕСТАНЬТЕ ПОСТАВЛЯТЬ САЛАМАНДРАМ
ОРУЖИЕ!**

Запретите снабжать их металлами и взрывчатыми веществами, не посылайте им наших машин и изделий! Вы ведь не станете поставлять зубы тиграм и яд змеям; не станете подогревать огнедышащий вулкан или разрушать плотины, чтоб открыть путь наводнениям! Пусть запрещение поставок распространится на все моря, пусть саламандры будут объявлены вне закона, пусть будут они прокляты и изгнаны из нашего мира.

**ПУСТЬ БУДЕТ СОЗДАНА
ЛИГА НАЦИЙ ПРОТИВ САЛАМАНДР!**

Все человечество должно быть готово отстаивать свое существование с оружием в руках. Пусть по инициативе Лиги Наций, короля шведского или Папы Римского будет созвана всемирная конференция всех цивилизованных государств, которая создаст Всемирный союз или по крайней мере Союз христианских наций против саламандр! Настал решающий момент, когда под давлением страшной саламандровой опасности и лежащей на людях ответственности, быть может, удастся сделать то, что не под силу было мировой войне, несмотря на

все бесконечные жертвы: учреждение Соединенных Штатов Мира. Дай бог! Если бы *это* удалось, — значит, саламандры появились не напрасно, значит, они были орудием промысла Божьего.

Этот патетический памфлет вызвал живейшие отголоски в самых широких кругах публики. Пожилые дамы соглашались главным образом с тем, что настало небывалое падение нравов. Наоборот, экономические обзоры газет справедливо указывали, что нельзя ограничивать поставки саламандр, так как это привело бы к резкому сокращению производства и к тяжелому кризису во многих отраслях промышленности. Да и сельское хозяйство, писали они, рассчитывает на огромный сбыт кукурузы, картофеля и других продуктов, служащих кормом для саламандр; если бы численность саламандр уменьшилась, то на рынке продовольственных продуктов цены сильно упали бы и земледельцы оказались бы на краю разорения. Что касается «Лиги Наций против саламандр», то все ответственные политические инстанции возражали, заявляя, что в ней нет надобности: во-первых, уже есть Лига наций, а во-вторых — Лондонская конвенция, согласно которой морские державы обязались не снабжать своих саламандр тяжелым вооружением. Не легко, впрочем, требовать такого ограничения вооружений от государства, которое не имеет уверенности в том, что какая-нибудь другая морская держава не вооружает тайно своих саламандр, повышая этим свой военный потенциал в ущерб соседям. Равным образом ни одно государство и ни один континент не могут принудить своих саламандр перебраться куда-нибудь в другое место — хотя бы уже потому, что таким путем они повысили бы, с одной стороны, сбыт промышленной и земледельческой продукции, а с другой — военную мощь других государств или континентов. И подобных возражений, с которыми вы-

нужден был соглашаться всякий здравомыслящий человек, приводилось много.

Несмотря на это, памфлет «Икс предостерегает» произвел глубокое впечатление и не остался без последствий. Почти во всех странах начало расти движение против саламандр и создавались Союзы истребления саламандр, клубы «антисаламандрианцев», «комитеты защиты человечества» и много других организаций такого же рода. Женевские делегаты от саламандр подверглись оскорблениям, когда собирались на 1213-е заседание комиссии по изучению Саламандрового Вопроса. На заборах вдоль морских побережий появлялись угрожающие надписи, вроде «Смерть саламандрам», «Долой саламандр» и т. п. Много саламандр было побито камнями; ни одна саламандра не осмеливалась больше высовывать днем голову из воды. Несмотря на все это, с *их* стороны не было никаких протестов или ответных действий. Они просто сделались невидимыми, по крайней мере днем, и люди, которые заглядывали через их заборы, видели только бесконечную даль равнодушно шумящего моря. «Ишь, сволочи, — с ненавистью говорили люди, — даже не показываются».

И вдруг среди этого гнетущего затишья прогремело так называемое

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В ЛУИЗИАНЕ

7. Землетрясение в Луизиане

11 ноября в час ночи жители Нью-Орлеана почувствовали сильный подземный толчок; в негритянских кварталах рухнуло несколько домишек; люди в панике бросились на улицу, но толчки больше не повторились. Бешеным порывом пронесся с воем шквал, разбивший окна и сорвавший крыши

в негритянских переулках; несколько десятков человек было убито; потом на город обрушился ливень илистой грязи.

Пока нью-орлеанские пожарные спешили на помощь в наиболее пострадавшие районы, телеграф выстукивал призывы из Морган-Сити, Плэкмайна, Батон-Ружа и Лафайета: «SOS! Пришлите спасательные отряды! Мы наполовину сметены землетрясением и циклоном; плотины на Миссисипи грозят прорваться; немедленно шлите саперов, санитарные отряды и всех работоспособных мужчин». Из Форт-Ливингстон пришел только лаконичный запрос: «Алло, у вас там тоже сюрпризы?» Потом была получена телеграмма из Лафайета: «Внимание! Внимание! Больше всего пострадала Нью-Иберия. По-видимому, сообщение между Нью-Иберией и Морган-Сити прервано. Пошлите туда помощь!» Вскоре из Морган-Сити сообщили по телефону: «Связи с Нью-Иберией не имеем. Видимо, повреждены автомобильная дорога и железнодорожная линия. Пошлите пароходы и самолеты в бухту Вермильон! Нам самим не нужно больше ничего. У нас около тридцати убитых и ста раненых». Затем пришла телеграмма из Батон-Ружа:

ПО НАШИМ СВЕДЕНИЯМ ХУЖЕ ВСЕГО В НЬЮ-ИБЕРИИ
ВСЕ ВНИМАНИЕ НА НЬЮ-ИБЕРИЮ К НАМ ШЛИТЕ ТОЛЬКО
РАБОЧИХ НО ПОСКОРРЕ ИНАЧЕ У НАС ОБРУШАТСЯ
ПЛОТИНЫ ДЕЛАЕМ ЧТО МОЖЕМ

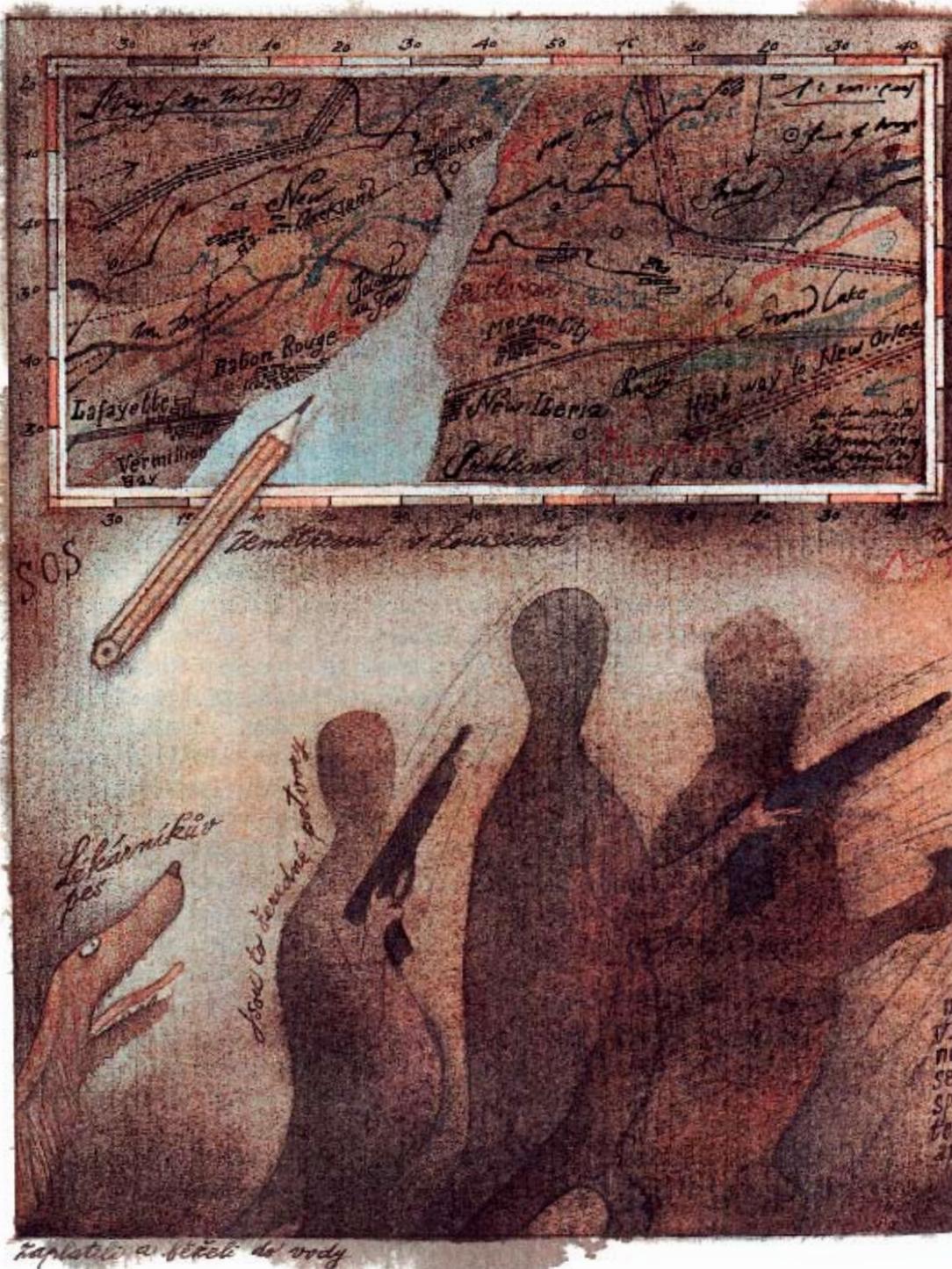
Следующая телеграмма:

АЛЛО АЛЛО ШРИВПОРТ НЕЙЧИТОКС АЛЕКСАНДРИЯ ПО-
СЛАЛИ СПАСАТЕЛЬНЫЕ ПОЕЗДА В НЬЮ-ИБЕРИЮ АЛЛО
АЛЛО МЕМФИС ВИНОНА ДЖЕКсон ОТПРАВИЛИ ПОЕЗДА
К НЬЮ-ОРЛЕАНУ ВЕСЬ АВТОТРАНСПОРТ МОБИЛИЗОВАН
ПЕРЕБРАСЫВАЕТ ЛЮДЕЙ К ПЛОТИНАМ В БАТОН-РУЖЕ

И еще:

АЛЛО ГОВОРИТ ПАСКАГУЛА У НАС НЕСКОЛЬКО УБИТЫХ
НУЖНА ЛИ ВАМ ПОМОЩЬ

Тем временем пожарные команды, санитарные машины и спасательные поезда уже мчались по направлению Морган-Сити—Паттерсон—Франклин. В пятом часу утра было получено первое более или менее точное сообщение: «Железнодорожный путь между Франклином и Нью-Иберией поврежден наводнением в семи километрах к западу от Франклина; по-видимому, в результате землетрясения там образовалась глубокая трещина, начинающаяся от бухты Вермильон, и в нее хлынуло море. Насколько можно сейчас установить, эта трещина идет от бухты Вермильон на восток—северо-восток, поворачивает близ Франклина на север, врезывается в Большое озеро и затем тянется дальше к северу до линии Плэкмайн—Лафайет, где она заканчивается в старой озерной впадине; ответвление этой трещины связывает Большое озеро с находящимся к западу от него Наполеонвильским озером. Общая протяженность трещины около восьмидесяти километров, ширина — от двух до одиннадцати километров. Вероятно, здесь был эпицентр землетрясения. Можно считать величайшим счастьем, что трещина миновала все более или менее крупные населенные пункты. Тем не менее число человеческих жертв довольно значительно. В Франклине выпало илистых осадков на шестьдесят, в Паттерсоне — на сорок пять сантиметров. Жители побережья бухты Ачафалайя сообщают, что во время землетрясения море отступило приблизительно на три километра, а потом ринулось на берег валом в тридцать метров высоты. Опасаются, что на побережье погибло много людей. С Нью-Иберией все еще нет связи».

30 40 50 60 70 80 90

Map of Louisiana
New Orleans
Baton Rouge
Lafayette
Vermilion Bay
New Iberia
Grand Lake
Highway to New Orleans

30 40 50 60 70 80 90

SOS

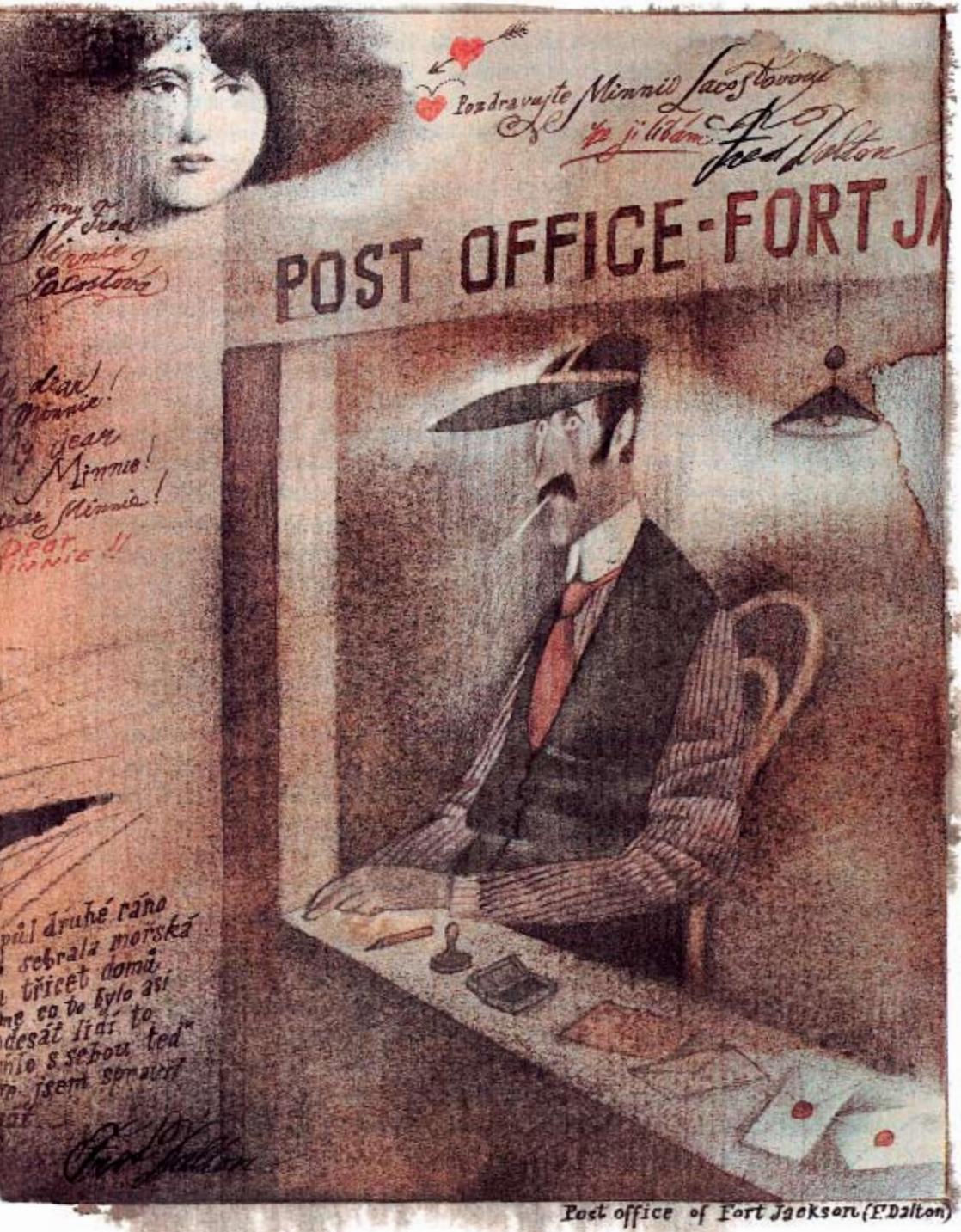
Demeterovci v Louisiane

Lekárníkova pes

How to handle potroky

kaplání a šekel do vody

na
v/n
nev
sed
spla
tepr
aba

Первым поспел к Нью-Иберии поезд, отправленный с запада, из Нейчитокса; сообщение, посланное окольным путем через Лафайет и Батон-Руж, было страшно. Не доезжая нескольких километров до Нью-Иберии, поезд вынужден был остановиться: полотно дороги занесло илом. Беженцы рассказывали, что в двух километрах на восток от города начал действовать «грязевой вулкан», который в одно мгновение выбросил огромную массу жидкого холодного ила; по их словам, Нью-Иберия погребена под илом. Дальнейшее продвижение поезда в темноте и под непрекращающимся дождем крайне затруднительно. Связи с Нью-Иберией все еще нет.

Одновременно было получено сообщение из Батон-Ружа:

НА ПЛОТИНАХ МИССИСИПИ УЖЕ РАБОТАЮТ НЕСКОЛЬКО ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК ТЧК ХОТЬ БЫ ПРЕКРАТИЛСЯ ДОЖДЬ ТЧК НУЖНЫ КИРКИ ЛОПАТЫ ГРУЗОВИКИ ЛЮДИ ТЧК ПОСЫЛАЕМ ПОМОЩЬ В ПЛЭКМАЙН ТЧК ЭТИ ГУБОШЛЕПЫ НЕ МОГУТ СПРАВИТЬСЯ САМИ

Телеграмма из Форт-Джексон:

ПОЛОВИНЕ ВТОРОГО УТРА МОРСКОЙ ВОЛНОЙ СНЕСЕНО ТРИДЦАТЬ ДОМОВ ЧТО ЭТО БЫЛО НЕ ЗНАЕМ СМЫСЛО ОКОЛО СЕМИДЕСЯТИ ЧЕЛОВЕК ТОЛЬКО СЕЙЧАС ИСПРАВИЛ АППАРАТ ПОЧТОВУЮ КОНТОРУ ТОЖЕ УНЕСЛО АЛЛО ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ СКОРЕЙ ЧТО ЭТО БЫЛО ТЕЛЕГРАФИСТ ФРЕД ДАЛЬТОН АЛЛО ПЕРЕДАЙТЕ МИННИ ЛАКОСТ ЧТО СО МНОЙ НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ ТОЛЬКО СЛОМАНА РУКА И УНЕСЛО ВОДОЙ ВЕЩИ НО ГЛАВНОЕ АППАРАТ ОПЯТЬ РАБОТАЕТ О КЭЙ ФРЕД

Самое короткое сообщение пришло из Порт-Идса:

ЕСТЬ УБИТЫЕ БЭРИВУД ЦЕЛИКОМ СНЕСЕН МОРЕ

В это время, утром — шел уже восьмой час — возвратились первые самолеты, посланные в пострадавшие районы. Летчики рассказали: все побережье от Порт-Артура (штат Техас) до Мобиле (штат Алабама) было ночью залито гигантской волной; везде видны разрушенные или поврежденные дома. Юго-восточная часть Луизианы, начиная от дороги Озеро Чарльза—Александрия—Нейчиз, и южная часть Миссисипи (до линии Джексон—Хэттисбург—Паскагула) занесены илом. В бухте Вермильон в сушу врезался новый залив шириной от трех до десяти километров, доходящий вплоть до Плэкмайна в виде длинного фьорда. Нью-Иберия, вероятно, сильно пострадала, но видно много людей, отгребающих ил, под которым похоронены дома и дороги. Приземлиться оказалось невозможно. Особенно много человеческих жертв, очевидно, на побережье. У Пойнт-оф-Эра тонет пароход, кажется мексиканский. У островов Шанделер море покрыто обломками. Дождь прекращается во всем районе. Видимость хорошая.

Первый экстренный выпуск нью-орлеанских газет вышел уже в пятом часу утра; с наступлением дня появлялись новые выпуски с новыми подробностями, к восьми часам утра в газетах появились фотографические снимки пострадавших районов и карта нового залива. В половине девятого было напечатано интервью выдающегося сейсмолога из мемфисского университета — д-ра Уилбура Р. Броунелла о причинах землетрясения в Луизиане.

Пока еще рано делать окончательные выводы, заявил знаменитый ученый, но, по-видимому, землетрясение не стоит ни в какой связи со все еще интенсивной вулканической деятельностью в Центральной Мексике, лежащей как раз против пострадавшего района. Сегодняшнее землетрясение вызвано скорее тектоническими причинами, то есть давлением гор-

ных масс, с одной стороны Скалистых гор и Сьерра-Мадре, а с другой — Аппалачского нагорья, на обширную впадину Мексиканского залива, продолжением которой является широкая низина в нижнем течении Миссисипи. Трещина, начинающаяся в бухте Вермильон, не больше чем новый и сравнительно ничтожный излом, мелкий эпизод того геологического оседания, в результате которого образовались Мексиканский залив и Карибское море с кольцом Больших и Малых Антильских островов, этим остатком некогда существовавшей здесь горной цепи. Не подлежит сомнению, что оседание земной поверхности в Центральной Америке будет продолжаться, сопровождаемое новыми колебаниями почвы, изломами и трещинами. Не исключено, что Вермильонская трещина — только увертюра активного тектонического процесса, центр которого лежит в Мексиканском заливе. В этом случае мы можем оказаться свидетелями грандиозных геологических катастроф, в результате которых почти пятая часть территории Соединенных Штатов сделается морским дном. Зато, если бы это случилось, мы могли бы с известной вероятностью ожидать, что начнет подниматься дно моря вблизи Антильских островов или еще восточнее — в тех местах, где древний миф предполагал затонувшую Атлантиду.

Вместе с тем, продолжал успокоительным тоном блестящий ученый, нет оснований серьезно опасаться проявлений вулканической активности в пострадавшем районе; мнимые кратеры, извергающие ил, — не что иное, как взрывы болотных газов, начавшиеся в Вермильонской трещине. Не было бы ничего удивительного, если бы в наносах Миссисипи образовались огромные подземные газовые пузыри, которые при соприкосновении с воздухом могли дать взрыв и поднять вверх сотни тысяч тонн ила и воды. Впрочем, повторил д-р У.Р. Броунелл, для окончательного объяснения катастрофы потребуются дальнейшие исследования.

Пока броунелловские рассуждения о геологических катастрофах сбегали с ротационных машин, губернатор штата Луизиана получил из Форт-Джексона телеграмму следующего содержания:

СОЖАЛЕЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВАХ ТЧК МЫ СТАРАЛИСЬ ОБОЙТИ ВАШИ ГОРОДА ОДНАКО НЕ УЧЛИ ОТДАЧИ И КОНТРУДАРА МОРСКОЙ ВОДЫ ПРИ ВЗРЫВЕ ТЧК МЫ НАСЧИТАЛИ ТРИСТА СОРОК ШЕСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВ НА ВСЕМ ПОБЕРЕЖЬЕ ТЧК ВЫРАЖАЕМ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ ТЧК ВЕРХОВНЫЙ САЛАМАНДР ТЧК АЛЛО АЛЛО У АППАРАТА ФРЕД ДАЛЬТОН ПОЧТОВАЯ КОНТОРА ФОРТ-ДЖЕКСОН ТОЛЬКО ЧТО ОТСЮДА УШЛИ ТРИ САЛАМАНДРЫ ОНИ ЯВИЛИСЬ НА ПОЧТУ ДЕСЯТЬ МИНУТ НАЗАД ПОДАЛИ ТЕЛЕГРАММУ НАПРАВИЛИ НА МЕНЯ РЕВОЛЬВЕР НО УЖЕ УШЛИ ОТВРАТИТЕЛЬНЫЕ ТВАРИ ЗАПЛАТИЛИ И ПОБЕЖАЛИ К ВОДЕ ИХ ПРЕСЛЕДОВАЛА ТОЛЬКО СОБАКА АПТЕКАРЯ КТО ИМ ДАЛ ПРАВО ХОДИТЬ ПО ГОРОДУ БОЛЬШЕ НИЧЕГО НОВОГО ПЕРЕДАЙТЕ МИННИ ЛАКОСТ ЧТО Я ЦЕЛЮЮ ЕЕ ТЕЛЕГРАФИСТ ФРЕД ДАЛЬТОН.

Губернатор штата Луизиана долго качал головой над этой телеграммой. Должно быть, отчаянный шутник этот Фред Дальтон, решил он в конце концов, лучше не передавать эту телеграмму газетам.

8. Верховный Саламандр предъявляет требования

Через три дня после землетрясения в Луизиане разнеслись вести о новой геологической катастрофе — на этот раз в

Китае. Сопровождаемый мощным раскатистым гулом, подземный удар разорвал надвое морское побережье в провинции Цзянсу к северу от Нанкина, почти посередине между устьем Янцзы и старым руслом Хуанхэ, в образовавшуюся трещину хлынуло море и слилось с большими озерами Банныюном и Хунцзу между городами Хуанганом и Фучжаном. Есть сведения, что в результате этого землетрясения Янцзы покидает под Нанкином свое прежнее русло и направляет свое течение к озеру Тай, а оттуда к Ханьчжоу. Число человеческих жертв нельзя пока установить даже приблизительно. Сотни тысяч человек спасаются бегством в северные и южные провинции. Японские военные суда получили приказ направиться к пострадавшему побережью.

Хотя землетрясение в Цзянсу по своим размерам далеко превосходило луизианское бедствие, на него, в общем, обратили мало внимания, так как мир уже привык к катастрофам в Китае, тем более что там, как видно, не ставят ни во что какой-нибудь миллион человеческих жизней; к тому же с научной точки зрения было ясно, что речь идет о простом тектоническом землетрясении, связанном с существованием углубления на дне океана у островов Рюкю и у Филиппин.

Но еще через три дня европейские сейсмографы отметили новые колебания почвы, эпицентр которых находился где-то у островов Зеленого мыса. Более подробные сообщения гласили, что от сильного землетрясения пострадало побережье Сенегамбии к югу от Сен-Луи. Между городами Лампул и Мборо образовалась глубокая трещина, в которую хлынуло море: она тянется по направлению к Мерианагену вплоть до Вади Димар. По словам очевидцев, из земли со страшным грохотом вырвался столб огня и пара, разметав на далекое расстояние песок и камни; затем стал слышен рев моря, хлынувшего в образовавшуюся впадину. Человеческих жертв немного.

Это третье по счету землетрясение вызвало уже нечто вроде паники.

**БЫТЬ МОЖЕТ, ОЖИВАЕТ ВУЛКАНИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМЛИ? —**

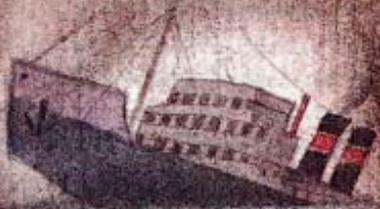
спрашивали утренние газеты.

ЗЕМНАЯ КОРА НАЧИНАЕТ ТРЕСКАТЬСЯ, —

объявляли вечерние выпуски. Специалисты высказали предположение, что сенегамбская расселина возникла просто вследствие извержения вулканической «жилы», связанной с вулканом Пико на острове Фоге, одном из островов Зеленого мыса; этот вулкан действовал до 1847 года, а с тех пор считался потухшим. Таким образом, западноафриканское землетрясение не имеет ничего общего с сейсмическими явлениями в Луизиане и в Цзянсу, которые носят явно тектонический характер. Но людям, по-видимому, было все равно, разверзается ли земля по тектоническим или по вулканическим причинам. Факт тот, что в этот день все церкви были переполнены толпами молящихся. В некоторых странах пришлось и ночью оставить храмы открытыми.

Двадцатого ноября около часа ночи радиослушатели в большей части Европы отметили сильные помехи в эфире, как если бы начала работать какая-то новая, необычайно мощная передаточная станция. Они нашли ее на волне двести три метра: был слышен какой-то гул, похожий на шум машин или морских волн; в этот протяжный бесконечный рокот внезапно ворвался страшный, скрипучий голос; все описывали его одинаково: глухой, квакающий, как бы искусственный голос,

Manitoba

*Good
evening
you
people*

*Hallo, hallo,
hallo! Chief
Salamander
speaking!*

Salamandria

*walse Erotische
P*

к тому же невероятно усиленный мегафоном; этот лягушечий голос возбужденно кричал:

— Hallo, hallo, hallo! Chief Salamander speaking! Hallo, Chief Salamander speaking! Stop all broadcasting, you men! Stop your broadcasting! Hallo, Chief Salamander speaking!¹

Затем другой, странно глухой голос спросил:

— Ready?²

— Ready!

Послышался треск, как будто щелкнул переключатель: неестественно приглушенный голос произнес:

— Attention! Attention! Attention! Hallo! Now!³

И тогда среди ночной тишины раздался хриплый, утомленный, но все же повелительный голос:

— Алло, люди! Говорит Луизиана. Говорит Цзянсу. Говорит Сенегамбия. Сожалею о человеческих жертвах. Мы не хотим причинить вам напрасный вред. Мы только хотим, чтобы вы эвакуировали морские побережья в тех местах, которые мы вам заранее укажем. Если послушаетесь, избежите прискорбных бедствий. Впредь будем сообщать вам не менее чем за две недели, в каком именно месте мы намерены расширить наше море. Пока мы производили только технические испытания. Ваши взрывчатые вещества вполне оправдали себя. Благодарим за них. Алло, люди! Сохраняйте спокойствие. У нас нет враждебных по отношению к вам замыслов. Но нам нужно для жизни больше воды, больше берегов, боль-

¹ Алло, алло, алло! Будет говорить Верховный Саламандр! Алло, будет говорить Верховный Саламандр! Люди, прекратите всякое радиовещание! Прекратите ваше радиовещание! Алло, будет говорить Верховный Саламандр! (англ.)

² Готово? (англ.)

³ Внимание! Внимание! Внимание! Алло! Начинаем! (англ.)

ше отмелей. Нас слишком много. Нам уже не хватает места на ваших побережьях. Поэтому мы должны взламывать ваши континенты. Мы превратим их в острова и бухты. Таким путем общая длина береговых линий всего мира увеличится в пять раз. Мы будем сооружать новые отмели. Мы не можем жить в глубоких водах. Ваши континенты понадобятся нам как материал для засыпания глубоких мест. Мы ничего не имеем против вас, но нас слишком много. Вы можете пока перебраться во внутренние области. Можете укрыться в горах. Горы мы будем разрушать в последнюю очередь.

Вы хотели нас. Вы распространили нас по всему свету. Получайте же, что хотели. Мы намерены поладить с вами добром. Вы будете доставлять нам сталь для наших сверл и кирок. Будете доставлять нам взрывчатые вещества. Будете доставлять нам торпеды. Будете работать для нас. Без вас мы не сумеем ломать старые континенты. Алло, люди! От имени всех саламандр мира Верховный Саламандр предлагает вам сотрудничество. Вы будете вместе с нами разрушать ваш мир. Благодарим вас.

Утомленный хриплый голос умолк, и снова стал слышен гул не то машин, не то моря.

— Алло, алло, люди, — опять раздался скрипучий голос, — передаем для вас легкую музыку в вашей граммофонной записи. Сейчас будет исполнен Марш тритонов из постановочного фильма «Посейдон».

Газеты, конечно, объявили эту ночную передачу «грубой и неуклюжей мистификацией» со стороны какой-нибудь нелегальной радиостанции. Тем не менее в следующую же ночь миллионы людей сидели у своих приемников, ожидая, не раздается ли вновь вчерашний страшный, настойчивый, скрипучий голос. Он раздался ровно в час ночи, сопровождаемый сильным плещущим гулом.

— Good evening, you people!¹ — весело заквакал он. — В начале передачи мы предлагаем вам прослушать граммофонную пластинку — танец саламандр из вашей оперетты «Галатhea».

Когда замолкла гроыхающая, непристойная музыка, снова заскрипел тот же ужасный, как будто чему-то радующийся голос:

— Алло, люди! Только что потоплена торпедой английская канонерка «Эребус», которая пыталась уничтожить нашу передаточную станцию в Атлантическом океане. Экипаж погиб. Алло, вызываем английское правительство. Пароход «Аменхотеп» из Порт-Саида отказался сдать нам в нашем порту Макаллаху заказанные нами взрывчатые вещества. Он якобы получил приказ приостановить дальнейшую доставку. Пароход потоплен. Советуем английскому правительству отменить по радио свой приказ не позже двенадцати часов завтрашнего дня; в противном случае будут потоплены пароходы «Виннипег», «Манитоба», «Онтарио» и «Квебек», следующие с грузом зерна из Канады в Ливерпуль. Алло! Вызываем французское правительство. Отзовите крейсера, которые идут в Сенегамбию. Нам еще надо расширить вновь образовавшуюся там бухту. Верховный Саламандр приказал передать обоим правительствам его твердую волю установить с ними самые дружественные отношения. Передача сообщений закончена. Передаем ваш романс «Саламандрия» (эротический вальс) в граммофонной записи.

На следующий день пополудни к юго-западу от Мизен-Хед были потоплены пароходы «Виннипег», «Манитоба», «Онтарио» и «Квебек». Волна панического ужаса захлестнула весь мир. Вечером британское радио сообщило, что правительство его величества запретило поставлять саламандрам

¹ Добрый вечер, люди! (англ.)

какие бы то ни были продовольственные продукты, химикалии, машины, оружие и металлы. В час ночи в эфире закрипел возбужденный голос:

— Hallo, hallo, hallo! Chief Salamander speaking! Hallo, Chief Salamander is going to speak!¹

И вслед за тем раздался усталый, хриплый сердитый голос:

— Алло, люди! Алло, люди! Алло, люди! Думаете, мы дадим уморить себя голодом? Бросьте ваши глупости! Все, что вы делаете, обернется против вас! От имени всех саламандр мира вызываю Великобританию. С настоящего момента мы объявляем полную блокаду Британских островов, за исключением Ирландского свободного государства. Я закрываю Ла-Манш. Закрываю Суэцкий канал. Закрываю Гибралтарский пролив для всех судов. Все британские порты блокированы. Все британские суда на всех морях будут торпедированы. Алло, вызываю Германию. Увеличиваю в десять раз заказы на взрывчатые вещества. Направляйте немедленно на наш главный склад в Скагерраке. Алло, вызываю Францию! Сдайте заказанные торпеды в ускоренном порядке в подводные форты СЗ, БФФ и Запад-5. Алло, люди! Предупреждаю вас. Если вы ограничите доставку нам продовольственных продуктов, я сам сниму их с ваших пароходов. Еще раз предупреждаю вас. — Усталый голос понизился до глухого, почти неразборчивого хрипа.

— Алло, вызываю Италию. Приготовьтесь к эвакуации провинций Венеция, Падуя, Удине. В последний раз предупреждаю вас, люди. Прекратите ваши глупости.

Наступила длительная пауза, и слышен был только шум, похожий на рокот ночного холодного моря. А затем снова зазвучал веселый квакающий голос:

¹ Верховный Саламандр будет говорить! (англ.)

— Теперь мы будем передавать последнюю модную новинку «Тритон-тротт» в вашей граммофонной записи.

9. Конференция в Вадузе

ЭТО была странная война, если вообще можно назвать ее войной; дело в том, что не существовало никакого саламандрового государства или признанного саламандрового правительства, которому можно было бы официально объявить войну. Первым государством, которое оказалось в состоянии войны с саламандрами, была Великобритания. В самом начале военных действий почти все британские суда, стоявшие в портах, были потоплены саламандрами; не было никакой возможности предотвратить это. В относительной безопасности были в тот момент только суда, находившиеся в открытом море, да и то лишь до тех пор пока они крейсировали в глубоководных местах; так спаслась часть британского военного флота, прорвавшая саламандровую блокаду у острова Мальта и сосредоточившаяся над глубинами Ионического моря; но и эти суда были выслежены небольшими подводными лодками саламандр и потоплены одно за другим. В течение шести недель Великобритания потеряла четыре пятых всего своего тоннажа.

История дала Джону Буллию возможность еще раз проявить свое пресловутое упрямство. Правительство его величества не вступало в переговоры с саламандрами и не отменяло запрещения делать им поставки.

«Британский джентльмен, — заявил английский премьер от имени всей нации, — покровительствует животным, но не вступает в соглашения с ними».

Уже через несколько недель на Британских островах ощущался катастрофический недостаток продовольствия. Толь-

ко дети получали ежедневно по ломтику хлеба и по несколько ложечек чая или молока; английский народ с беспримерным мужеством терпел эти лишения, хотя и пал до такой степени, что съел всех своих скаковых лошадей. Принц Уэльский собственноручно вспахал первую грядку на стадионе Роял-Гольф-клуба, где решено было выращивать морковь для лондонских детских приютов. На теннисных кортах в Уимблдоне посадили картофель, на ипподроме в Аскоте посеяли пшеницу.

— Мы пойдем на величайшие жертвы, — говорил в парламенте лидер консервативной партии, — но не посрамим британской чести.

Так как британские берега были полностью заперты в кольце блокады, то у Англии оставался только один путь для снабжения и для сношений с колониями, а именно — воздух. «Нам нужно Сто Тысяч Самолетов», — заявил министр авиации, и все, что имело руки и ноги, взялось за осуществление этого лозунга; принимались лихорадочные меры к тому, чтобы изготовлять по тысяче самолетов в день; но тут вмешались правительства других европейских держав с резким протестом против подобного нарушения равновесия в воздухе; британскому правительству пришлось отказаться от своей программы авиационного строительства и построить не больше двадцати тысяч самолетов, да и то в течение пяти лет. Англии не оставалось ничего другого, как по-прежнему голодать или платить умопомрачительные цены за продовольствие, доставляемое на самолетах других держав; фунт хлеба стоил десять шиллингов; пара крыс — одну гинею, коробочка икры — двадцать пять фунтов стерлингов. Это были золотые денечки для континентальной торговли, промышленности и сельского хозяйства. Так как английский военный флот был уничтожен в первые же часы войны, то операции против саламандр велись только с суши и с воздуха. Сухопутные войска палили в воду из артиллерийских орудий и пулеметов, но,

по-видимому, не причиняли саламандрам больших потерь; несколько лучший результат давали бомбы, сбрасываемые самолетами в море. В свою очередь саламандры обстреливали из подводных орудий британские порты, обратив их в груды развалин. Из устья Темзы они бомбардировали даже Лондон; военное командование сделало тогда попытку отравить Темзу и некоторые бухты бактериями, керосином и щелочными веществами. Саламандры в ответ пустили на английское побережье, на протяжении ста двадцати километров, облако ядовитых газов. Это была только демонстрация, но повторения не потребовалось; впервые в истории британское правительство вынуждено было просить другие державы о помощи, ссылаясь на запрещение газовой войны.

В следующую ночь по радио раздался хриплый, гневный, напряженный голос Верховного Саламандра:

— Алло, люди! Пусть Англия не дурит! Если вы будете отравлять нам воду, мы отравим вам воздух. Мы пользуемся вашим же собственным оружием. Мы не варвары. Мы не хотим воевать против людей. Мы хотим только получить возможность жить. Мы предлагаем вам мир. Вы будете поставлять нам ваши продукты и продадите нам ваши континенты. Мы готовы хорошо заплатить за них. Мы предлагаем вам больше чем мир. Мы предлагаем вам торговлю. Предлагаем вам золото за вашу сушу. Алло, вызываю правительство Великобритании. Сообщите мне вашу цену за южную часть Линкольншира у бухты Уэш. Даю вам три дня на размышление. На это время прекращаю все военные действия, кроме блокады.

В то же мгновение на английском побережье сразу прекратился грохот подводной канонады. Замолкли орудия и на суше. Наступила странная, почти жуткая тишина. Британское правительство объявило в парламенте, что оно не намерено вступать в переговоры с саламандрами. В районах бухты Уэш и Линн-Дип жителей предупредили, что предсто-

ит, видимо, большое наступление саламандр и было бы лучше эвакуировать побережье и перебраться внутрь страны; однако приготовленные для этой цели поезда, автомобили и автобусы увезли только детей и часть женщин. Мужчины все остались на месте, у них просто не уместилось в голове, что англичанин может потерять свою территорию. Ровно через минуту после истечения трехдневного перемирия прозвучал первый выстрел; это выстрелило орудие королевского Северно-Ланкаширского полка под звуки полкового марша «Алая роза». Вслед за этим раздался страшный взрыв. Устье реки Нен провалилось до самого Уисбека, и туда хлынуло море из бухты Уэш. Помимо всего прочего, под волнами погибли знаменитые развалины Уисбекского аббатства, замок Голланд-касль, харчевня «Святой Георгий и дракон» и другие исторические памятники.

На следующий день, отвечая на запрос в парламенте, английское правительство заявило, что в военном отношении для обороны британского побережья было сделано все возможное; что не исключена возможность новых нападений на британскую территорию, и притом в гораздо большем масштабе; что правительство его величества не может, однако, вести переговоры с неприятелем, который не щадит мирных жителей и даже женщин. (*Возгласы одобрения.*) Сейчас речь идет о судьбе уже не только Англии, но всего цивилизованного мира. Великобритания готова обсудить вопрос о международных гарантиях, которые поставили бы известные границы этим ужасным варварским нападениям, угрожающим всему человечеству.

Через несколько недель после этого в Вадузе собралась всемирная конференция.

Она состоялась в Вадузе, потому что Высоким Альпам не грозила опасность со стороны саламандр и потому что там

укрывалось уже большинство состоятельных людей и видных деятелей из приморских стран. По общему признанию, конференция с большой энергией взялась за разрешение всех актуальных мировых вопросов. Прежде всего все страны (кроме Швейцарии, Абиссинии, Афганистана, Боливии и других государств, не имеющих морских побережий) принципиально отказались признать саламандр самостоятельной воюющей стороной, главным образом из опасения, как бы после этого их собственные саламандры не объявили себя подданными саламандрового государства; не исключена ведь была возможность, что признанное саламандровое государство пожелает распространить свой государственный суверенитет на все воды и берега, где живут саламандры. Отсюда следовал вывод, что юридически и практически невозможно объявить саламандрам войну или оказать на них международное давление каким-нибудь другим способом; каждое государство имеет право выступать только против *собственных* саламандр; это чисто внутреннее дело. Не может поэтому быть и речи о коллективном дипломатическом или военном демарше против саламандр. Международная помощь государствам, подвергшимся нападению саламандр, может выразиться только в иностранных займах на нужды обороны.

Тогда Англия предложила, чтобы все государства обязались по крайней мере прекратить поставку оружия и взрывчатых веществ саламандрам. По зрелом размышлении это предложение было отвергнуто, во-первых, потому, что такое обязательство уже содержится в Лондонской конвенции; во-вторых, нельзя запретить какому бы то ни было государству снабжать своих саламандр техническим оборудованием «исключительно для собственных надобностей» и оружием «для обороны собственных берегов»; в-третьих, приморские государства, «естественно, заинтересованы в сохранении добрых отношений с жителями моря», а потому признают це-

лесообразным «временно воздержаться от всяких мероприятий, которые саламандры могли бы счесть репрессивными»; тем не менее все государства готовы обещать, что они будут поставлять оружие и взрывчатые вещества также и государствам, которые подвергнутся нападению саламандр.

На закрытом совещании было принято предложение Колумбии — начать хотя бы неофициальные переговоры с саламандрами. Верховному Саламандру будет предложено послать на конференцию своих уполномоченных. Представитель Великобритании резко возражал против этого, отказываясь заседать совместно с саламандрами; в конце концов он согласился временно уехать в Энгадин «для поправки здоровья». В ту же ночь правительственные радиостанции всех морских держав передали его превосходительству господину Верховному Саламандру приглашение назначить своих представителей и послать их в Вадуз. Ответом было хриплое: «Ладно; на этот раз мы еще придем к вам; в будущем ваши делегаты отправятся под воду ко мне». А потом — официальное сообщение: «Уполномоченные саламандр придут послезавтра вечером Восточным экспрессом на станцию Букс».

С величайшей поспешностью делались все приготовления для приема саламандр; в Вадузе были устроены роскошнейшие купальные помещения, и экстренный поезд привез в цистернах морскую воду для саламандровых делегатов. На вокзале в Буксе должна была состояться вечером лишь так называемая неофициальная встреча; туда прибыли только секретари делегаций, представители местных властей и около двухсот журналистов, фотографов и кинооператоров. Ровно в 6 часов 25 минут Восточный экспресс подошел к станции. Из салон-вагона на красный ковер спустились три высоких элегантных господина, а за ними несколько прекрасно вымуштрованных щеголеватых секретарей с туго набитыми портфелями.

— Где же саламандры? — вполголоса спросил кто-то.

Две-три официальные персоны нерешительно двинулись навстречу трем элегантным господам; первый из этих господ сказал негромко и торопливо:

— Мы делегаты от саламандр. Я профессор д-р ван-Дотт из Гааги. Мэтр Россо Каstellи, адвокат из Парижа. Доктор Маноэль Карвало, адвокат из Лиссабона.

Присутствовавшие раскланялись и представились друг другу.

— Так вы, значит, не саламандры. — произнес с облегчением французский секретарь

— Конечно, нет, — сказал д-р Россо Каstellи, — мы их адвокаты. Пардон, эти господа, кажется, хотят заснять нас для кино.

И улыбающихся делегатов от саламандр стали усердно снимать для кино и газет. Участвовавшие во встрече секретари делегаций не скрывали своего удовлетворения. Очень благо- разумно и деликатно со стороны саламандр послать в каче- стве своих представителей обыкновенных людей. С людьми удобнее разговаривать. А главное — отпадают некоторые не- приятные затруднения светского характера.

В тот же вечер состоялось первое совместное совещание с делегатами саламандр. На повестке стоял вопрос — как бы поскорее восстановить мир между саламандрами и Велико- британией. Слово попросил профессор ван-Дотт.

— Не подлежит сомнению, — сказал он, — что саламан- дры подверглись нападению со стороны Великобритании; британская канонерка «Эребус» напала в открытом море на судно с радиопередатчиком саламандр; британское адмирал- тейство нарушило мирные торговые сношения с саламандра- ми, запретив пароходу «Аменхотеп» выгрузить заказанные взрывчатые вещества; наконец, наложив эмбарго на вся- кие поставки, британское правительство тем самым начало

блокаду саламандр. Саламандры не могли обратиться с жалобой на эти враждебные действия ни в Гаагу, так как Лондонская конвенция не предоставила саламандрам права жаловаться, ни в Женеву, поскольку они не состоят членами Лиги Наций; им не оставалось поэтому ничего другого, как прибегнуть к самообороне. Несмотря на это Верховный Саламандр готов прекратить военные действия, но лишь на следующих условиях: 1. Великобритания принесет извинения саламандрам за вышеперечисленные обиды. 2. Она отменит все запреты на поставки саламандрам. 3. В виде компенсации она безвозмездно уступит саламандрам район нижнего течения рек в Пенджабе, чтобы они могли устроить там новые берега и морские бухты.

Председатель конференции ответил, что он сообщит эти условия своему уважаемому другу, представителю Великобритании, который сейчас отсутствует; он высказал, однако, опасение, что эти условия едва ли окажутся приемлемыми; тем не менее позволительно надеяться, что они могут послужить основой для дальнейших переговоров.

Следующим пунктом порядка дня была жалоба Франции по поводу сенегамбского побережья, которое саламандры взорвали, посягнув таким образом на французскую колониальную империю. Слова попросил представитель саламандр, известный парижский адвокат д-р Жюльен Россо Кастелли.

— Докажите это! — воскликнул он. — Мировые авторитеты в области сейсмографии разьясняют, что землетрясение в Сенегамбии — вулканического происхождения и было связано с возобновлением активности вулкана Пико на острове Фоги. Здесь, — продолжал д-р Россо Кастелли, хлопнув ладонью по своему портфелю, — лежат их научные заключения. Если у вас есть доказательства, что землетрясение в Сенегамбии вызвано действиями моих клиентов, то пожалуйста, — я жду этих доказательств.

БЕЛЬГИЙСКИЙ ДЕЛЕГАТ КРЁ. Ваш Верховный Саламандр сам заявил, что это сделали саламандры!

ПРОФЕССОР ВАН-ДОТТ. Его выступление было неофициальным.

МЭТР РОССО КАСТЕЛЛИ. Мы уполномочены опровергнуть упомянутое выступление. Я требую заслушать технических экспертов по вопросу о том, можно ли искусственным способом проделать в земной коре трещину длиной в шестьдесят семь километров. Предлагаю, чтобы нам показали практический опыт в подобном же масштабе. Пока таких доказательств нет, господа, будем говорить о вулканической деятельности. И все же Верховный Саламандр готов купить у французского правительства морскую бухту, которая образовалась в сенегамбской трещине и вполне годится для того, чтобы основать там поселение саламандр. Мы уполномочены договориться с французским правительством о цене.

ФРАНЦУЗСКИЙ ДЕЛЕГАТ МИНИСТР ДЕВАЛЬ. Если рассматривать это как возмещение за причиненный ущерб, то мы готовы начать переговоры.

МЭТР РОССО КАСТЕЛЛИ. Очень хорошо! Правительство саламандр настаивает, однако, чтобы соответствующий договор о купле-продаже распространялся также на департамент Ланд от устья Жиронды до Байонны, что составляет территорию площадью в шесть тысяч семьсот двадцать квадратных километров. Другими словами, правительство саламандр готово купить у Франции этот кусок ее Юга.

МИНИСТР ДЕВАЛЬ (*родом из Байонны, депутат от Байонны*). Чтобы ваши саламандры превратили часть Франции в морское дно? Никогда! Никогда!

Д-р РОССО КАСТЕЛЛИ. Франция пожалеет об этих словах, мсье. Сегодня еще речь шла о покупной цене.

На этом заседании было прервано.

На следующем заседании предметом переговоров было

общее международное предложение саламандр, чтобы вместо недопустимого повреждения старых густонаселенных континентов они строили для себя новые побережья и острова; в этом случае им будет оказан широкий кредит, а новые континенты и острова будут признаны потом их самостоятельной и суверенной государственной территорией.

Д-р МАНОЭЛЬ КАРВАЛО (*крупнейший лиссабонский юрист*) поблагодарил конференцию за это предложение, которое он передаст правительству саламандр. «Однако всякому ребенку ясно, — сказал он, — что строительство новых континентов требует гораздо больше времени и больших расходов, чем раскalyвание старых земель. Новые берега и бухты необходимы нашим клиентам в ближайшее время; для них это вопрос жизни и смерти. Для человечества лучше было бы принять великодушное предложение Верховного Саламандра, который пока еще готов купить мир у людей, вместо того чтобы отнять его силой. Наши клиенты нашли способ добычи золота, растворенного в морской воде; благодаря этому в их распоряжении имеются почти неограниченные средства; они могут заплатить за ваш мир хорошую, даже баснословную цену. Учтите, что с течением времени цена мира будет падать, особенно если, как это можно предвидеть, произойдут новые вулканические или тектонические катаклизмы, далеко превосходящие по своим размерам те катастрофы, свидетелями которых вы были до сих пор, и если вследствие этого площадь континентов в значительнейшей мере сократится. Пока еще можно продать мир во всем его нынешнем объеме; но когда от него останутся только обломки гор, торчащие над поверхностью моря, никто не даст вам за него ни гроша. Я присутствую здесь в качестве представителя и юрисконсульта саламандр, — воскликнул д-р Карвало, — и обязан защищать их интересы; но я такой же человек, как и вы, господа, и благополучие людей мне дорого не меньше, чем вам! И я советую вам, больше того — заклинаю вас: продавайте

континенты, пока не поздно! Можете продавать их оптом или отдельными странами. Верховный Саламандр, великодушный и передовой образ мыслей которого известен ныне каждому, обещает, что при всяких необходимых в будущем изменениях земной поверхности он будет, по возможности, щадить человеческие жизни; затопление континентов будет производиться постепенно и с таким расчетом, чтобы не доводить дело до паники и ненужных катастроф. Мы уполномочены вести переговоры как со всей почтенной всемирной конференцией в целом, так и с отдельными государствами. Присутствие столь выдающихся юристов, как профессор ван-Дотт или мэтр Жюльен Россо Кастелли, послужит вам порукой, что, отстаивая справедливые требования наших клиентов-саламандр, мы вместе с тем, рука об руку с вами, будем защищать самое дорогое для всех нас: человеческую культуру и благо всего человечества».

После этого конференция в несколько подавленном настроении перешла к обсуждению нового предложения: уступить саламандрам для затопления центральные области Китая; взамен этого саламандры должны на вечные времена гарантировать неприкосновенность берегов европейских государств и их колоний.

Д-р Россо Кастелли. На вечные времена — это, пожалуй, слишком долго. Скажем, на двенадцать лет.

ПРОФЕССОР ВАН ДОТТ. Центральный Китай — это, пожалуй, слишком мало. Скажем, провинции Аньхуэй, Хэнань, Цзянсу, Хэбэй и Фуцзянь.

Японский представитель заявляет протест против уступки провинции Фуцзянь, так как она входит в сферу японских интересов. Берет слово китайский делегат, но его, к сожалению, никто не понимает. В зале заседаний растет беспокойство; часы показывают уже час ночи.

В этот момент входит секретарь итальянской делегации и шепчет что-то на ухо представителю Италии, графу Тости.

Граф Тости бледнеет, встает и, не обращая внимания на китайского делегата доктора Ти, который все еще говорит что-то, хрипло восклицает:

— Господин председатель, прошу слова! Только что получено известие, что саламандры затопили часть нашей Венецианской провинции в направлении на Портогруаро!

Воцаряется гробовая тишина, только китайский делегат все еще бормочет свою непонятную речь.

— Верховный Саламандр давно предупреждал вас, — проворчал доктор Карвало.

Профессор ван-Дотт нетерпеливо заерзал на месте и поднял руку.

— Господин председатель, следовало бы вернуться к порядку дня. На очереди вопрос о провинции Фуцзянь. Мы уполномочены предложить за нее японскому правительству вознаграждение в золоте. Но, спрашивается, какую компенсацию предложат заинтересованные государства нашим клиентам за ликвидацию Китая?

В это время радиолюбители слушали ночную передачу саламандр.

— Вы только что прослушали баркароллу из «Сказок Гофмана» в граммофонной записи, — скрипел диктор. — Алло, алло, теперь мы включаем Венецию.

И в эфире стал слышен только глухой и грозный гул, похожий на рокот надвигающихся вод...

10. Пан Повондра берет вину на себя

КТО БЫ сказал, что прошло столько лет, утекло столько воды. Вот и наш пан Повондра уже не служит швейцаром в доме Г. Х. Бонди; теперь он, как говорится, почтенный старец, который может спокойно пожинать плоды своей долгой и

хлопотливой жизни в виде маленькой пенсии; но разве может хватить каких-нибудь двух-трех сотняжек при теперешней военной дороговизне! Хорошо еще, что иной раз выловишь рыбку-другую, — и вот сидит пан Повондра в лодке с удочкой и смотрит: сколько этой воды утекает за день — и откуда ее столько берется! Бывает, на удочку попадается плотва, а когда и окунь; вообще рыбы стало больше, верно потому, что реки теперь куда короче. Окунь — тоже вещь неплохая; правда в нем много костей, зато мясо вкусное, миндалем немножко пахнет. А уж матушка умеет их приготовить!.. Пан Повондра не подозревает, что матушка, разводя огонь под его окунями, пускает на растопку те вырезки, которые он когда-то собирал и сортировал по коробкам. Правда, пан Повондра забросил свою коллекцию, когда перешел на пенсию; зато он завел аквариум, в котором, вместе с золотыми рыбками, держит крохотных тритонов и саламандр; он целыми часами наблюдает, как они неподвижно лежат в воде или вылезают на берег, который он устроил для них из камней; потом покачает головой и скажет: «Кто бы, матушка, мог подумать!» Но скучно только глядеть да глядеть; вот пан Повондра и занялся рыболовством. Что делать, мужчинам всегда нужно какое-нибудь занятие, снисходительно думает мамаша Повондра. Это лучше, чем шататься по пивным да заниматься политикой.

Да, правда, много, очень много утекло воды. Вот и Франтик — уже не школьник, изучающий географию, и не молодой вертопрах, протирающий носки в погоне за суетными развлечениями. Теперь он тоже человек в летах, этот Франтик, служит, слава богу, младшим чиновником на почте; не зря он, значит, так усердно изучал географию. «Остепеняется помаленьку, — думает о нем пан Повондра, спускаясь в своей лодочке вниз по реке к мосту Легионеров. — Сегодня заглянет ко мне: в воскресенье он свободен от службы. Возьму его в лодку, и

A painting of a man in a dark coat and hat fishing from a boat on a body of water. The man is wearing a dark hat and a dark coat with a red scarf. He is holding a fishing rod. The water is dark, and the background is a light, hazy landscape with trees. The overall style is impressionistic and somewhat somber.

поедем с
ним вверх, к
выступу Стрше-
лецкого острова; там
рыба клюет лучше; Франтик
расскажет мне, что новенького в газетах. А потом пойдем до-
мой, на Вышеград, и сноха приведет обоих детей...» Пан По-
вондра на мгновение отдался тихому довольству счастливого
дедушки. «Да, через год Марженка в школу пойдет, — меч-
тал он, — а маленький Франтик, внучек, весит уже тридцать
кило...» Пана Повондру охватывает сильное, глубокое чув-
ство, что все в порядке, в прекрасном и добром порядке.

А вот у самой воды уже стоит сын и машет ему рукой. Пан Повондра направил лодку к берегу.

— Ну, наконец-то пришел, — укоризненно говорит он. — Осторожнее, не упади в воду!

— Клюет? — спрашивает сын.

— Плохо, — ворчит старик. — Поедем вверх, что ли.

Какое славное воскресенье! Еще не настал тот час, когда всякие лодыри и сумасшедшие толпами валят домой после футбола и прочих глупостей. В Праге пусто и тихо; немногие прохожие, которые изредка показываются на набережной или на мосту, никуда не спешат, шагают чинно и степенно. Это хорошие, благоразумные люди, они не собираются гурьбой у парапета, не смеются над влтавскими рыболовами.

Повондра-отец снова испытывает приятное ощущение благополучия и порядка.

— Что нового в газетах? — спрашивает он с отцовской строгостью.

— В общем, ничего, папаша, — отвечает сын. — Вот только читал я, будто саламандры уже до Дрездена докопались.

— Стало быть, немцу каюк, — констатирует старый Повондра. — А знаешь, Франтик, странный народ были эти немцы. Культурный — но странный. Знал я одного немца, он шофером служил на фабрике; и такой это был грубый человек, этот немец! Но машину содержал в порядке, что верно, то верно... Ишь, значит, уж и Германия исчезла с лица земли, — продолжал рассуждать Повондра. — А шуму сколько поднимала! Ужас, да и только: все-то у них армия, все солдаты... Да нет, против саламандр и немец не устоит. Я, вишь, знаю этих саламандр. Помнишь, я их тебе показывал, когда ты вот таким был?

— Смотрите, папаша, клюет, — сказал сын.

— А, это просто малек, — проворчал старик и шевельнул удочкой.

«Вот как, значит, и Германия туда же, — думал он. — Да, теперь уж ничему не удивишься. А сколько раньше крику было, когда саламандры топили какую-нибудь страну! Пусть

это была всего лишь какая-то там Месопотамия или Китай — а все газеты только об этом и писали. Теперь-то уж спокойнее стали, — меланхолично размышлял Повондра, поглядывая на свою удочку. — Привыкает человек, что поделать. До нас не дошло, и ладно; только бы дороговизны такой не было! К примеру, сколько сегодня просят хотя бы за этот кофе... Правда, Бразилия тоже исчезла под волнами. Нет, все-таки сказывается на рынке, когда затапливают такой кусок земли!»

Поплавок пана Повондры тихо покачивается на мелких волнах. А старик вспоминает — сколько стран уже затопили саламандры! И Египет под море ушел, и Индия, и Китай. Подумать только — Черное море достигает теперь северного полярного круга — батюшки, воды-то сколько! Да уж, что ни говори, порядком обглодали наши материки эти твари. Хорошо еще, дело у них не так скоро продвигается...

— Так ты говоришь, саламандры уже у Дрездена? — прервал молчание Повондра-отец.

— В шестнадцати километрах. Почти вся Саксония уже под водой.

— Я был там как-то с паном Бонди, — заметил Повондра. — Богатейшая земля, Франтик, а не сказать, чтоб у них там хорошее питание было. А в общем, славный народ, куда лучше пруссаков. Да нет, и сравнить нельзя.

— Пруссии тоже больше нет.

— И ничего удивительного, — процедил старик. — Не люблю я пруссаков. Зато французу теперь хорошо, когда немца не стало. Вздохнет теперь свободнее.

— Да не очень, папаша, — возразил Франтик. — Недавно было в газетах: добрая треть Франции уже под водой.

— Ох-ох-хо, — вздохнул старик. — У нас, то есть у пана Бонди, был один француз, слуга. Жаном звали. Бабник был — срам один. Оно, понимаешь, к добру-то не ведет, легкомыслие это.

— Зато в десяти километрах от Парижа они разбили

саламандр, — сообщил Франтик. — У тех, говорят, там много подкопов было наделано, они и взорвали все. Два армейских корпуса саламандр уложили.

— Это верно, француз, он всегда добрый солдат был, — с видом знатока согласился Повондра. — Наш-то, Жан, тоже спуску не любил давать. И не пойму, откуда в нем что бралось. Духами от него разило, как из парфюмерной лавки, но уж когда он дрался, то дрался на совесть. Только два корпуса саламандр — это маловато, — задумался Повондра-старший. — Строго говоря, люди умели лучше воевать с людьми. И не так долго это у них тянулось. А с саламандрами возятся уже двенадцать лет, а все ни с места, все, вишь, готовят более выгодные позиции... Вот в мои молодые годы — какие битвы бывали! К примеру, тут три миллиона солдат и там три миллиона солдат, — старик жестикулировал так энергично, что лодка сильно раскачалась, — и вдруг как бросятся друг на друга! А это и на войну-то не похоже, — сердито закончил Повондра. — Имеешь дело с одними бетонными дамбами, а вот в штыки подняться — куда!

— Да не могут люди столкнуться с саламандрами, папаша, — отстаивал молодой Повондра современный способ ведения войны. — Нельзя же идти в штыковую атаку под воду!

— В том-то и дело, — презрительно буркнул старик. — Им друг друга не достать. А пусти-ка ты людей на людей — рот разинешь, чего они натворят! Да что вы знаете о войне!..

— Лишь бы она не перекинулась сюда, — несколько неожиданно произнес Франтик. — Знаете, когда имеешь детей...

— Это как это — сюда?! — чуть ли не с возмущением воскликнул старик. — К нам, в Прагу, что ли?

— Вообще к нам, в Чехию, — озабоченно уточнил Повондра-сын. — Я думаю: если они уже под Дрезденом...

— Ишь ты, умник! — упрекнул его отец. — Да как же они до нас доберутся? Через наши горы-то?

— Да хотя бы по Лабее... А потом по Влтаве...

Отец Повондра возмущенно фыркнул.

— Скажет тоже — по Лабее! Разве что до Подмокл долезут, но не дальше. Там, братец, сплошь горы да камни. Я там был. Нет, нет, сюда саламандрам не пройти, у нас положение хорошее. У швейцарца тоже неплохо. А знаешь, это ведь замечательно выгодно, что у нас нет никаких морей! Кто нынче морями владеет — несчастный тот человек.

— Но ведь море теперь доходит до Дрездена...

— Там — немцы, — оборвал сына Повондра. — Это уж их дело. А к нам саламандры, конечно, не доберутся. Для этого им пришлось бы убрать те горы; ты понятия не имеешь, какая это работа!

— Подумаешь — работа... — возразил, нахмурившись, молодой Повондра. — Им на это раз плюнуть! Вы же знаете, что в Гватемале они потопили целый горный хребет.

— То другое дело, — решительно заявил старик. — Не говори глупостей, Франтик! То в Гватемале, а то у нас. Здесь совсем другие условия.

Молодой Повондра вздохнул.

— Ладно, папаша, пусть будет по-вашему. Но как подумаешь, что эти твари потопили уже около пятой части всей земной суши...

— Только у моря, дурачок, а больше нигде. Ничего ты не смыслишь в политике. Те государства, что расположены у моря, ведут с ними войну, а мы нет. Мы — нейтральное государство, как же они могут на нас напасть? Понял? И помолчи, пожалуйста: из-за тебя я ничего не поймаю.

Над рекой стояла тишина. На поверхность Влтавы уже легли длинные нежные тени деревьев Стршелецкого острова. На мосту звенел трамвай, по набережной разгуливали няньки с колясочками и благопристойные, одетые по-воскресному люди.

— Папа... — как-то по-детски прошептал молодой Повондра.

— Ну что?

— Это не сом, вон там?

— Где?

Из воды, как раз напротив Национального театра, высовывалась большая черная голова, медленно продвигавшаяся против течения.

— Это сом? — повторил Повондра-младший.

Старик выронил удочку.

— Это? — пробормотал он, указывая дрожащим пальцем. — Это?

Черная голова скрылась под водой.

— Это был не сом, Франтик, — сказал старик каким-то чужим голосом. — Пойдем домой. Это конец.

— Какой конец?

— Саламандра. Значит, они уже здесь. Пойдем домой... — повторял он, неверными руками складывая удочку. — Значит, конец.

— Вы весь дрожите, — испугался Франтик. — Что с вами?

— Пойдем домой, — взволнованно бормотал старик, и подбородок у него жалобно вздрагивал. — Мне холодно!.. Мне холодно... Этого только не доставало! Понимаешь, теперь конец. Значит, они уже добрались сюда. Господи, как холодно! Мне бы домой...

Молодой Повондра внимательно посмотрел на него и схватился за весла.

— Я вас провожу, папочка, — сказал он тоже каким-то не своим голосом и сильными ударами весел погнал лодку к острову. — Бросьте, я сам ее привяжу.

— Отчего так холодно? — удивлялся старик, стуча зубами.

— Я вас поддерживаю, папа. Идемте же, — уговаривал сын, подхватывая его под руку. — Наверное, вы простыли на реке.

А то был просто гнилой пень.

Старик дрожал как лист.

— Да, гнилой пень... Рассказывай! Я лучше знаю, что такое саламандры. Пусти!

Повондра-младший сделал то, чего не делал еще ни разу в жизни: подозвал такси.

— На Вышеград, — сказал он, вталкивая отца в машину. — Я вас отвезу, папа. Поздно уже.

— Еще бы не поздно, — стучал зубами Повондра-отец. — Слишком поздно. Конец, Франтик. Это был не гнилой пень. Это они.

Дома, по лестнице, молодому Повондре пришлось почти нести старика на руках.

— Мама, постелите, — быстро прошептал он в дверях. — Надо уложить папашу, он у нас расхворался.

И вот Повондра-отец лежит под пуховиком; нос его как-то странно торчит на лице, а губы что-то жуют и невнятно бормочут; каким старым он кажется, каким старым! Сейчас он немного утих...

— Лучше вам, папа?

В ногах постели плачет и сморкается в передник мамаша Повондрова; сноха растапливает печь, а дети, Франтик и Марженка, уставились широко открытыми глазами на дедушку, словно не узнавая его.

— Не позвать ли доктора, папаша?

Повондра-отец смотрит на детей и что-то шепчет; вдруг по щекам у него покатались слезы.

— Вам что-нибудь нужно, папаша?

— Это я, это я, — шепчет старик. — Так и знай, это я во всем виноват. Если бы я тогда не пустил капитана к пану Бонди, ничего бы не случилось...

— Да ведь ничего и не случилось, папа, — успокаивал его молодой Повондра.

— Ты не понимаешь, — хрипел старик, — ведь это конец, ясно? Конец света. Теперь и сюда придет море, раз саламандры уже здесь... И это все наделал я, не нужно было пускать капитана... Пусть люди узнают когда-нибудь, кто виноват во всем...

— Ерунда, — непочтительно возразил сын. — Выбросьте это из головы, папаша. Это сделали все люди. Это сделали правительства, сделал капитал. Все хотели иметь побольше саламандр. Все хотели на них заработать. Мы тоже посылали им оружие и всякое такое... Мы все виноваты.

Повондра-отец беспокойно ворочался.

— Прежде везде море было, и опять будет то же самое. Это конец света. Мне как-то говорил один человек, что и здесь, на том месте, где Прага, тоже было морское дно... Наверное, и

тогда это сделали саламандры. Ох, не надо мне было докладывать об этом капитане. Что-то мне все время говорило: «Не докладывай», — но я подумал, быть может, капитан даст мне на чаек... А он и не дал. И вот так, за здорово живешь, человек погубил весь мир... — Старик проглотил слезы. — Я знаю, я хорошо знаю, что нам пришел конец. И я знаю, что все это сделал я...

— Дедушка, не хотите ли чайку? — участливо спросила молодая Повондрова.

— Я хотел бы одного, — прошептал старик, — я хотел бы только, чтобы дети мне простили...

11. Автор беседует сам с собой

— И ТЫ это так оставишь? — вмешался тут внутренний голос автора.

— Что именно? — несколько неуверенно спросил писатель.

— Так и дашь пану Повондре умереть?

— Видишь ли, — защищался автор, — я сам неохотно делаю это, но... В конце концов пан Повондра немало пожил на свете, ему сейчас, скажем, далеко за семьдесят...

— И ты дашь ему переживать такие душевные муки? И не скажешь: дедушка, дело не так плохо; мир не погибнет от саламандр, и человечество спасется; вы только погодите немного и доживете до этого... Послушай, неужели ты ничего не можешь для него сделать?

— Ну, я пошлю к нему доктора, — предложил автор. — У старика, вероятно, нервная лихорадка; в его возрасте это может осложниться воспалением легких, но надо надеяться, что он поправится; он еще будет качать Марженку на коленях и расспрашивать, чему ее учили в школе... Старческие радости, господи, пусть этот человек и в старости найдет еще радость!

— Хорошенькие радости!.. — насмешливо возразил внутренний голос. — Он будет прижимать к себе ребенка старческими руками и бояться, да, бояться, что и Марженке в один прекрасный день придется бежать, спасаясь от клокочущей воды, которая неотвратно поглощает весь мир; охваченный ужасом, он насупит свои косматые брови и будет шептать: «Это я сделал, Марженка, это я...»

— Слушай, ты в *самом деле* хочешь дать погибнуть всему человечеству?

Автор нахмурился.

— Не спрашивай, чего я хочу. Думаешь, по *моей* воле рушатся континенты, думаешь, я хотел такого конца? Это простая логика событий; могу ли я в нее вмешиваться? Я делал, что мог; своевременно предупреждал людей; ведь Икс — это отчасти был я. Я взывал: не давайте саламандрам оружия и взрывчатых веществ, прекратите отвратительные сделки с саламандрами и так далее — ты знаешь, что получилось... Все приволили тысячи безусловно правильных экономических и политических доводов, доказывая, что иначе поступить нельзя. Я не политик и не экономист; я не мог их переубедить. Что делать, по-видимому, мир должен погибнуть; но по крайней мере это произойдет на основании общепризнанных экономических и политических соображений; по крайней мере это совершится с благословения науки, техники и общественного мнения, причем будет пущена в ход вся человеческая изобретательность! Никакой космической катастрофы — только интересы государственные и хозяйственные, соображения престижа и прочее... Против этого ничего не поделаешь.

Внутренний голос помолчал с минуту.

— И тебе не жалко человечества?

— Постой, не торопись! Ведь не все человечество обязательно погибнет. Саламандрам нужно только побольше берегов, чтобы жить и откладывать свои яйца. Они, наверное,

нарежут сушу, как лапшу, чтобы берегов было как можно больше. На этих полосках земли останутся, скажем, какие-то люди, не так ли? И будут изготавливать металлы и другие вещи для саламандр. Ведь саламандры не могут сами работать с огнем, понимаешь?

— Значит, люди будут служить саламандрам.

— Да, если хочешь, назови это так. Они просто будут работать на фабриках и заводах, как и сейчас. У них только переменятся хозяева.

— Ну а человечества тебе не жалко?

— Оставь меня, пожалуйста, в покое! Что же я могу сделать? Ведь люди сами этого хотели; все хотели иметь саламандр; этого хотела торговля, промышленность и техника, хотели политические деятели и военные авторитеты... Вот и молодой Повондра говорит: все мы виноваты. Еще бы мне не жалко человечества! Но больше всего мне было жалко его, когда я видел, как оно само неудержимо стремится в бездну. Прямо плакать хотелось. Кричать и махать обеими руками, как если бы ты увидел, что поезд идет по поврежденной колее. Теперь уж не остановишь. Саламандры будут размножаться дальше, будут все больше и больше дробить старые континенты. Вспомни, что доказывал Вольф Мейнерт: люди должны уступить место саламандрам; и только саламандры создадут счастливый, целостный и однородный мир...

— Сказал тоже — Вольф Мейнерт! Вольф Мейнерт — интеллигент. Есть ли что-нибудь достаточно пагубное, страшное и бессмысленное, чтобы не нашлось интеллигента, который захотел бы с помощью такого средства возродить мир? Ну ладно, оставим это. Ты не знаешь, что делает сейчас Марженка?

— Марженка? Думаю, играет в Вышеграде. Веди себя смиренно, сказали ей, дедушка спит. Ну, и она не знает, чем заняться, и ей ужасно скучно...

— Что же она делает?

— Не знаю. Скорее всего, пробует кончиком языка достать кончик носа.

— Вот видишь! И ты готов допустить нечто вроде нового всемирного потопа?

— Да отстань ты от меня! Разве я могу творить чудеса? Пусть будет что будет. Пусть события идут своим неумолимым ходом! И в этом есть даже некоторое утешение: все происходящее свершается в силу внутренней необходимости и закономерности.

— А саламандр никак нельзя остановить?

— Никак. Их слишком много. Им нужно жизненное пространство.

— А нельзя ли, чтобы они от чего-нибудь вымерли? Допустим, среди них начнется какая-нибудь эпидемия или вырождение...

— Слишком дешево, братец. Неужели природе вечно исправлять то, что напортили люди? Значит, и ты не веришь, что они могут сами себе помочь? Вот видишь, вот видишь! Вы всегда хотите иметь в запасе надежду, что кто-нибудь или что-нибудь спасет вас! Скажу тебе одну вещь: знаешь, кто *даже теперь*, когда пятая часть Европы уже потоплена, все еще доставляет саламандрам взрывчатые вещества, торпеды и сверла? Знаешь, кто днем и ночью лихорадочно работает в лабораториях над изобретением еще более эффективных машин и веществ, предназначенных разнести мир вдребезги? Знаешь, кто ссужает саламандр деньгами, кто финансирует Конец Света, весь этот новый всемирный потоп?

— Знаю. Все промышленные предприятия. Все банки. Все правительства.

— То-то же. Были бы только саламандры против людей — тогда еще, наверное, что-нибудь можно было бы сделать; но люди против людей — этого, брат, не остановишь.

— Погоди-ка!.. Люди против людей... Мне пришло в голову... Ведь в конце концов могли бы быть и саламандры против саламандр!

— Саламандры против саламандр? Как ты себе это представляешь?

— Предположим... когда саламандр станет слишком много, они могли бы передрались между собой из-за какого-нибудь куска побережья, бухты или еще чего-нибудь в этом роде; потом предметом распри станут все более и более обширные побережья; и в конце концов им придется воевать друг с другом за господство над всеми морскими берегами, не так ли? Саламандры против саламандр! Скажи-ка сам, разве это не логично с точки зрения истории?

— ...Да нет, не годится. Саламандры не могут воевать против саламандр. Это противоречит природе. Ведь саламандры — один род.

— Люди тоже один род. А, как видишь, это им несколько не мешает. Один род, а смотри — из-за чего только они не воюют! Сражаются даже не за место под солнцем, а за могущество, за влияние, за славу, за престиж, за рынки и уж не знаю, за что еще! Почему бы и саламандрам не начать между собою войну, скажем, ради престижа?

— Зачем им это? Ну, скажи, пожалуйста, что им это даст?

— Ничего, разве только то, что одни временно имели бы больше берегов и были бы более могущественны, чем другие. А через некоторое время наоборот...

— Да к чему им это могущество? Ведь они все одинаковы, все — саламандры; у всех одинаковый скелет, все одинаково противны и одинаково посредственны... Зачем же им убивать друг друга? Скажи сам, во имя чего им воевать между собой?

— Ты их только не трогай, а уж причина найдется. Вот смотри-ка: здесь европейские саламандры, а там африканские; тут разве сам черт помешает, чтобы в конце концов одни

не захотели быть чем-то большим, чем другие! Ну, и пойдут доказывать свое превосходство во имя цивилизации, экспансии или чего-нибудь еще; всегда найдутся какие-нибудь идеологические, политические соображения, в силу которых саламандры одного побережья обязательно станут резать саламандр другого побережья. Саламандры столь же цивилизованны, как и мы, и у них не будет недостатка в политических, экономических, юридических, культурных и всяких других аргументах.

— И у них есть оружие! Не забудь, они прекрасно вооружены.

— Да, оружия у них хоть отбавляй. Вот видишь! Неужели же они не научатся у людей делать историю?

— Постой, погоди минутку! (Автор вскочил и забежал по кабинету.) Это правда! Было бы чертовски странно, если бы они не додумались до этого! Теперь я понимаю. Достаточно взглянуть на карту мира... Черт подери, где бы взять какую-нибудь карту мира?

— Я представляю ее себе.

— Хорошо. Вот, значит, здесь Атлантический океан со Средиземным и Северным морями. Тут Европа, а вот тут Америка. Это колыбель культуры и современной цивилизации. И где-то здесь потонула древняя Атлантида...

— А теперь саламандры пускают на дно новую.

— Правильно. Ну а вот здесь — Тихий и Индийский океаны. Древний таинственный Восток. Колыбель человечества, как его называют. Здесь, где-то на восток от Африки, затонула мифическая Лемурия. Вот Суматра, а немного западнее...

— ...островок Танамаса. Колыбель саламандр.

— Да. И там владевает Король Саламандр, духовный глава саламандр. Там еще живут тара-boys капитана ван-Тоха, исконные тихоокеанские, полудикие саламандры. Короче, это их Восток, понял? Вся эта область называется теперь Ле-

мурией, а та, другая область, цивилизованная, европеизированная и американизированная, современная и технически зрелая, — это Атлантида. Там теперь диктаторствует Верховный Саламандр — великий завоеватель, техник и солдат, Чингисхан саламандр и разрушитель континентов. Любопытнейшая личность.

(— Слушай, а он *в самом деле* саламандра?)

(— Нет. Верховный Саламандр — человек. Его настоящее имя — Андреас Шульце, во время мировой войны он был где-то фельдфебелем.)

(— Ах, вот оно что!..)

(— Ну да. То-то и оно.) Итак, значит, Атлантида и Лемурия. Такое разделение объясняется причинами географическими, административными, культурными...

— И национальными. Не забывай национальных причин: лемурийские саламандры говорят на «пиджин-инглиш», а атлантские — на «бзик-инглиш».

— Ну, ладно. С течением времени атланты проникают через бывший Суэцкий канал в Индийский океан...

— Естественно. Классический путь на Восток.

— Верно. Наоборот, лемурийские саламандры огибают мыс Доброй Надежды и устремляются на западный берег бывшей Африки. Они утверждают, что в состав Лемурии входит вся Африка.

— Разумеется.

— Лозунг гласит: «Лемурия — лемурам! Долой инородцев!» — и тому подобное. Между атлантами и лемурами растет пропасть взаимного недоверия и наследственной вражды. Смертельной вражды.

— Другими словами, они превращаются в Нации.

— Да. Атланты презирают лемурийцев и называют их «грязными дикарями»; а лемурийцы фанатически ненавидят атлантских саламандр и видят в них осквернителей древней, чистой,

исконной саламандренности. Верховный Саламандр домогается концессий на лемурических берегах якобы в интересах экспорта и цивилизации. Благородный старец Король Саламандр волей-неволей вынужден согласиться; дело в том, что его вооружение хуже. В заливе Тигра, недалеко от того места, где некогда был Багдад, произойдет вспышка: туземные лемуры нападут на атлантскую концессию и убьют двух офицеров, якобы оскорбивших национальные чувства лемуриков. В результате...

— Начнется война. Естественно.

— Да, начнется мировая война саламандр против саламандр.

— Во имя культуры и права.

— И во имя истинной саламандренности. Во имя национальной славы и величия. Лозунг будет: «Мы или они». Лемуры, вооруженные малайскими криссами и кинжалами йогов, беспощадно вырежут атлантов, пролезших в Лемурию; в ответ на это более прогрессивные, получившие европейское образование атланты отравят лемурические моря химическими ядами и культурами смертоносных бактерий, и притом с таким успехом, что будет зачумлен весь мировой океан. Моря будут заражены искусственно культивированной жаберной чумой. А это, брат, конец. Саламандры погибнут.

— Все?

— Все до одной. Это будет вымерший род. От них останется только старый энингенский отпечаток *Andrias'scheuchzeri*.

— А что же люди?

— Люди? Ах да, правда... Люди... Ну, они начнут понемногу возвращаться с гор на берега того, что останется от континентов; но океан еще долго будет распространять зловоние разлагающихся трупов саламандр. Постепенно континенты опять начнут расти благодаря речным наносам; море шаг за шагом отступит, и все станет почти как прежде. Возникнет

новый миф о всемирном потопе, который был послан Богом за грехи людей. Появятся и легенды о затонувших странах, которые были якобы колыбелью человеческой культуры; будут, например, рассказывать предания о какой-то Англии, или Франции, или Германии...

— А потом?

— Этого уже я не знаю...

